Г
Р-92

Рущинский.
Религиозный
быт русских по
свидениям.
М, 1871

БИБЛІОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ КУРСОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО ЛИЦЕЯ
ВЪ ПАМЯТЬ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

Шкафъ 3
Полка 1
№ 398

№ 157251

Народный Комиссариат по Просвещению

№

БЕРЕГИТЕ КНИГУ!

Не перегибайте книгу
во время чтения
Не загибайте углов
Не делайте надписей на книге
Не смачивайте пальцев слюною,
перелистывая книгу
Завертывайте книгу в бумагу

15725/8° M
281.93:9(47)„15:16
Г
Р 92

РЕЛИГІОЗНЫЙ БЫТЪ РУССКИХЪ

ПО СВѢДѢНІЯМЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

XVI и XVII вѣковъ.

СОЧИНЕНІЕ

Л. П. РУЩИНСКАГО.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

№ 159.

ЧТЕНІЯ

Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ кн. 3-я, 1871 г.

РЕЛИГІОЗНЫЙ БЫТЪ РУССКИХЪ

ПО

СВѢДѢНІЯМЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ XVI И XVII ВѢКОВЪ.

Приступая къ изложенію свѣдѣній иностранцевъ о нашемъ религіозномъ бытѣ и нашихъ церковныхъ дѣлахъ, мы не можемъ обойти перваго вопроса, который естественно можетъ родиться въ умѣ читателя при первомъ взглядѣ на заглавіе нашего сочиненія. Спрашивается: «Могутъ ли свѣдѣнія иностранныхъ писателей служить источникомъ нашей церковной исторіи, и слѣдуетъ ли по этому ими въ особенности заниматься?» Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ и оправданіе наше въ выборѣ такой задачи могутъ быть получены только по прочтеніи самаго сочиненія. А теперь скажемъ только, что въ сказаніяхъ иностранцевъ встрѣчается немало матеріяловъ, весьма важныхъ для очерка нашего религіознаго быта и состоянія церковныхъ дѣлъ у насъ въ описываемый періодъ времени. Правда, историки нашей отечественной Церкви не особенно лестно отзываются объ этомъ источникѣ церковно-историческихъ свѣдѣній. Такъ Преосвященный Филаретъ, въ своей «Исторіи Русской Церкви,» слѣдующимъ образомъ отзывается объ этомъ предметѣ: «У иностранныхъ писателей, говоритъ онъ, мало можно найти извѣстій о Русской Церкви, и особенно вѣрныхъ. Если исключить извѣстія Византійцевъ и потомъ нѣсколько замѣтокъ Длугоша, Кромера и другихъ объ Югозападной Россіи, то за тѣмъ почти ничего не остается, что могъ бы отыскать полезнаго для себя у иностранцевъ историкъ Русской Церкви. Путешественники, посѣщавшіе Россію въ XVI вѣкѣ, часто говорили въ своихъ запискахъ о Русской Церкви, но большею частію ошибки бѣглаго знакомства съ предметомъ мало доступнымъ, или клеветы фанатизма, которымъ Протестанты отличались не менѣе Папистовъ. Исключеній очень мало: къ нимъ надобно отнести: Герберштейна и Фабра» (предисл.,

стр. VIII–IX). А Преосвященный Макарій въ своемъ трудѣ указываетъ лишь нѣсколько именъ иностранныхъ писателей, безъ всякой оцѣнки ихъ сочиненій (т. 1-й, предисл., стр. XIV'—XV'), хотя на самомъ дѣлѣ онъ гораздо больше ими пользуется, чѣмъ Преосвященный Филаретъ. Но это и не удивительно. При томъ обиліи отечественныхъ источниковъ, которыми окруженъ историкъ Русской Церкви, историческій матеріялъ, представляемый сказаніями иностранцевъ, въ этомъ случаѣ далеко отступаетъ на задній планъ, и церковный историкъ употребляетъ его только какъ роскошь, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ отечественныхъ матеріялахъ, или гдѣ историческое событіе можетъ быть лучше освѣщено и уяснено чрезъ сопоставленіе отечественныхъ памятниковъ съ свидѣтельствами иностранцевъ. Но для надлежащей оцѣнки свѣдѣній, сообщаемыхъ иностранцами о религіозной сторонѣ нашего быта, мы должны стать на другую точку зрѣнія. Дѣйствительно, наши иностранцы мало сообщаютъ свѣдѣній о томъ, что составляетъ внутреннюю сторону церковной жизни и религіознаго быта, и что, вмѣстѣ тѣмъ, и главный предметъ самой церковной исторіи. У насъ иностранцы, не пользуясь полною свободою совѣсти, были только едва терпимы, и по тому не имѣли возможности заглянуть во внутренній міръ совѣсти и религіозныхъ вѣрованій Русскаго человѣка, не могли присмотрѣться къ внутреннему строю церковной жизни и теченію церковныхъ дѣлъ. Свѣдѣнія ихъ о нашемъ вѣроисповѣданіи ограничиваются только немногими, да и то самыми общими, чертами нашего вѣроученія, а свѣдѣнія о церковно-исторической жизни содержатъ въ себѣ лишь указанія на нѣкоторыхъ Іерарховъ и немногія ихъ дѣянія. Далѣе, изъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, весьма немногіе знали нашъ языкъ, и по тому большинство изъ нихъ, если бы даже имѣли доступъ къ нашимъ памятникамъ, не могло бы ими воспользоваться. Такимъ образомъ, свѣдѣнія иностранцевъ о нашихъ церковныхъ дѣлахъ вообще отрывочны и бѣглы, такъ что по нимъ нельзя составить цѣльнаго, а тѣмъ болѣе всесторонняго и полнаго, описанія даже одной какой ни будь стороны нашего религіознаго быта и церковной жизни. Но все это ни сколько не уменьшаетъ важности этихъ свѣдѣній въ смыслѣ историческаго матеріяла, годнаго для очерка нашей религіозной жизни и церковнаго строя. Иностранцамъ

была вполнѣ доступна внѣшняя сторона нашего религіознаго быта, и она у нихъ очерчена довольно полно и выпукло. Мы говоримъ: внѣшняя, но этимъ ни сколько не ослабляется значеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя они оставили намъ объ этой сторонѣ религіозной нашей жизни. Внѣшніе пріемы благочестія и религіозные обычаи служатъ выраженіемъ внутренняго настроенія религіознаго чувства народа и склада его религіозныхъ представленій, и съ этой точки зрѣнія ни одно внѣшнее явленіе этого рода не можетъ считаться, такъ сказать, лишнимъ и ни чего не значащимъ. Между тѣмъ въ нашихъ курсахъ церковной исторіи эта сторона совсѣмъ опускается изъ виду. Здѣсь, на примѣръ, въ образецъ благочестивой жизни выставляются подвиги отшельниковъ, юродивыхъ, представителей высшей церковной Іерархіи и подобныхъ лицъ, занимавшихъ исключительное положеніе въ средѣ общества вѣрующихъ. Безспорно, все это высокіе образцы благочестія и что они имѣютъ преимущественное право на наше вниманіе. Но намъ нужна оцѣнка набожности и благочестивой жизни не однихъ отшельниковъ и Іерарховъ, а всѣхъ вѣрующихъ, всего народа; а этой оцѣнки и недостаетъ въ этихъ сочиненіяхъ. По нашему мнѣнію, это составляетъ пробѣлъ въ исторіи и оцѣнкѣ религіозной жизни народа, пробѣлъ, который легко можетъ быть восполненъ тѣмъ матеріяломъ, который заключается въ сказаніяхъ иностранныхъ писателей. Этотъ пробѣлъ, почти неизбѣжный въ обширныхъ сочиненіяхъ, обнимающихъ всѣ стороны религіознаго быта и церковной жизни, легко, впрочемъ, объясняется: обыденныя явленія, составляющія, такъ сказать, правило, обыкновенный порядокъ повседневной жизни, становятся для насъ мало по малу какъ бы не замѣтными: мы до того съ ними свыкаемся, что не обращаемъ на нихъ ни какого вниманія, и даже не подозрѣваемъ, чтобы они могли служить оцѣнкою нашего религіозно-нравственнаго настроенія, нашего склада благочестивой жизни; по этому эта сторона опускается изъ виду и отечественными историками. Но для посторонняго наблюдателя, чуждаго намъ по религіознымъ убѣжденіямъ и обычаямъ, эти явленія сохраняютъ значеніе живыхъ и значительныхъ чертъ нашихъ религіозныхъ нравовъ и обычаевъ. Эти значительныя черты, взятыя съ натуры, даютъ возможность изобразить картину, въ которой выпукло ото-

бражается складъ и, такъ сказать, религіозно-нравственная физіономія народа, въ виду которой мы сами, носящіе тотъ же складъ и имѣющіе ту же физіономію, испытываемъ такое же ощущеніе, какъ будто эти образы представлялись намъ въ первый разъ. По этому описаніе иностранцами, такъ сказать, будничной стороны нашего религіознаго быта, которая ихъ особенно поражала, и которая, въ то же время, была имъ вполнѣ доступна, все не такъ маловажно, какъ это можетъ показаться съ перваго раза, и можетъ служить весьма годнымъ матеріяломъ для очерка нашего склада религіозной жизни.

Не менѣе занимательною, и также оставляемою безъ вниманія, или односторонне изображаемою нашими церковными историками, стороною нашего религіознаго быта являются въ описаніяхъ иностранцевъ наши отношенія къ иностранцамъ, какъ Иновѣрнымъ, такъ и Православнымъ. Эти отношенія, какъ мы увидимъ послѣ, обосновывались на религіозномъ чувствѣ и разныхъ соображеніяхъ также религіознаго свойства. Вотъ по чему мы и эти отношенія также считаемъ составомъ, который необходимо долженъ входить въ описаніе нашего религіознаго быта и склада религіозной жизни. Эта сторона нашей жизни съ особенною полнотою и подробностію описана иностранцами, къ которымъ она имѣла ближайшее практическое приложеніе, по тому что отъ такого, или другого, взгляда и отношенія къ нимъ Русскихъ зависѣло такое, или другое, положеніе ихъ среди Русскихъ. Свѣдѣнія этого рода даже ни чѣмъ для насъ не замѣнимы, по тому что хотя у нашихъ церковныхъ историковъ также встрѣчается описаніе отношеній нашей Церкви какъ къ Православнымъ Церквамъ Востока, такъ и къ Западнымъ Вѣроисповѣданіямъ, но эти свѣдѣнія касаются только правительственной стороны этихъ отношеній. Между тѣмъ въ сочиненіяхъ нашихъ писателей мы видимъ сердечное ихъ отношеніе къ предмету, ихъ личный взглядъ на отношеніе къ нимъ Русскихъ, видимъ также сердечную исповѣдь ихъ собственныхъ отношеній къ намъ. Вотъ по чему эти свѣдѣнія не могутъ утратить своей занимательности даже въ виду многочисленныхъ памятниковъ правительственнаго происхожденія, касающихся нашихъ отношеній къ иностранцамъ, какъ Иновѣрнымъ, такъ и Православнымъ. Не говоримъ уже о множествѣ статистическихъ свѣдѣній, встрѣчающихся у нашихъ писателей о нашихъ церквахъ

и монастыряхъ, свѣдѣній о состояніи духовенства, о церковныхъ имуществахъ, о духовномъ просвѣщеніи, о нашихъ Таинствахъ и религіозныхъ обрядахъ, свѣдѣній, которыя не лишены исторической важности и могутъ служить полезнымъ матеріяломъ для церковнаго историка. Мы мало знали иностранцевъ, но иностранцы старались заботливо изучать насъ, нашу Вѣру и религіозные обычаи. Какъ обширна литература этого предмета, можно судить по тому, что мы, только на протяженіи 2 вѣковъ, успѣли собрать болѣе 50 сочиненій, изъ которыхъ немалая часть исключительно посвящена описанію нашего религіознаго быта и церковнаго устройства. Правда, не всѣ эти сочиненія имѣютъ одинаковое достоинство, но все это несомнѣнно доказываетъ одно: что иностранцы занимались нами и тщательно собирали свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ нашего быта и жизни. Съ нашей стороны было бы неблагоразумно и ненаучно не знать этихъ свѣдѣній и отзывовъ.

Лучшимъ доказательствомъ важности историческихъ свѣдѣній, представляемыхъ иностранцами о Россіи вообще, служитъ то, что наши отечественные историки государственнаго и гражданскаго быта Россіи, оказываютъ имъ большое вниманіе и не отказываются отъ тщательной критической ихъ разработки, и что даже духовные писатели нашей церковной исторіи не прочь по временамъ ими пользоваться, и если меньше ими пользуются, чѣмъ свѣтскіе писатели гражданской исторіи, то причиной этому самое свойство предмета, свѣдѣнія о которомъ какого ни будь иностранца должны быть и отрывочнѣе и вообще по достоинству ниже свидѣтельствъ тѣхъ же иностранцевъ о другихъ сторонахъ нашей жизни. Въ нашей отечественной литературѣ давно уже сознана важность историческаго матеріяла, заключающагося въ сказаніяхъ иностранцевъ о Россіи, и по тому у насъ давно стали разработывать этотъ матеріялъ, и въ недавнее время у насъ явились полные переводы всѣхъ болѣе важныхъ и полныхъ сочиненій иностранцевъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія о Россіи, какъ-то: Герберштейна, Флетчера, Петрея, Олеарія, Горсея, Колиса, Корба, Перри и друг. Въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» помѣщено обширное историко-критическое изслѣдованіе Аделунга объ иностранцахъ, оставив-

шихъ какія ни будь сочиненія о Россіи.* А въ недавнее время сдѣланъ даже опытъ и историческаго описанія Московскаго Государства по сказаніямъ иностранцевъ? ** Сочиненіе это очень полезное для занимающихся гражданскою исторіею, но, къ сожалѣнію, сочинитель совершенно опустилъ изъ виду свѣдѣнія, которыя сообщаютъ иностранцы о нашемъ религіозномъ бытѣ и нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ эти свѣдѣнія и по своему свойству имѣютъ не менѣе другихъ важное значеніе, и по своему обилію могутъ равняться количеству данныхъ, относящихся къ чисто гражданской сторонѣ нашего быта. Что сдѣлано упомянутымъ сочиненіемъ для нашей гражданской исторіи, то мы постараемся сдѣлать для исторіи церковной.

Впрочемъ, при всемъ обиліи историческаго матеріяла, который мы встрѣчаемъ у иностранцевъ и который можетъ быть пригоденъ для нашей цѣли, мы намѣрены изложить далеко не всѣ тѣ свѣдѣнія, какія только можно найти у нихъ о нашемъ религіозномъ бытѣ, а сдѣлаемъ изъ нихъ выборъ. Руководительнымъ началомъ въ выборѣ историческаго матеріяла, заключающагося въ этихъ свѣдѣніяхъ, для насъ будетъ служить относительное значеніе важности и, если можно по мѣстамъ, даже новости этихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ въ наше изложеніе не войдутъ тѣ свѣдѣнія, которыя не содержатъ въ себѣ ни чего важнаго и новаго, ни чего особеннаго для описанія нашего религіозно-нравственнаго быта, которыя даже не служатъ выраженіемъ взглядовъ и личныхъ воззрѣній иностранцевъ на Русскихъ, и которыя, по этому, могутъ быть опущены безъ существеннаго ущерба для занимательности историческаго очерка. Такъ, на примѣръ, свѣдѣнія о распространеніи Христіанства въ Россіи у лучшихъ писателей заимствованы изъ Византійскихъ историковъ, и для теперешней науки исторіи нашей церкви не имѣютъ научнаго

* 1848, 1863 и 1864 г., и отдѣльно. Изъ названныхъ сочинителемъ иностранныхъ писателей 6-ть (Флетчеръ, Петрей, Олеарій, Колинсъ, Коробъ и Перри) явились въ переводѣ въ «Чтеніяхъ» (хотя первый и изъятъ былъ вскорѣ изъ обращенія; впрочемъ, онъ, безъ воли и вѣдѣнія Общества, недавно перепечатанъ за границею).

** Сказанія иностранцевъ (XV — XVI в.) о Московскомъ Государствѣ, Москва, 1866 г., В. Ключевскаго.

и историческаго значенія. Равнымъ образомъ, что касается разныхъ частныхъ видовъ нашего Богослуженія и Таинствъ, описанія церквей и монастырей, то хотя обо всемъ этомъ у иностранцевъ встрѣчаются нерѣдко подробныя и точныя свѣдѣнія, но, въ виду нашихъ отечественныхъ обильныхъ источниковъ, эти свѣдѣнія теряютъ почти вовсе свое значеніе. На томъ же основаніе мы опускаемъ обширный и богатый данными отдѣлъ о Католической пропагандѣ въ Россіи, какъ Восточной, такъ и Западной, такъ какъ этотъ предметъ обширно и подробно разработанъ по иностраннымъ источникамъ въ сочиненіи Графа Д. А. Толстого: «Le Catholicisme romain en Russie. Paris, I et II voll. 1863—1864.» Но мы старались ни чего не пропускать въ этихъ свѣдѣніяхъ тамъ, гдѣ у насъ или нѣтъ отечественныхъ нужныхъ извѣстій, или гдѣ эти свѣдѣнія могутъ служить существеннымъ дополненіемъ и поясненіемъ сихъ извѣстій, или, наконецъ, гдѣ они служатъ выраженіемъ взглядовъ и воззрѣній, равно какъ и практическихъ отношеній къ намъ другихъ Вѣроисповѣданій.

Опустивъ такимъ образомъ въ сказаніяхъ иностранцевъ все, что невполнѣ удовлетворяетъ нашей задачѣ, мы постараемся изложить историческій матеріялъ, заключающійся въ этихъ сказаніяхъ, въ слѣдующемъ порядкѣ, примѣнительно къ разнымъ сторонамъ нашего религіознаго быта и церковной жизни:

I. Описаніе религіознаго быта Русскихъ.
II. Состояніе духовенства въ Россіи.
III. Церковное устройство.
IV. Состояніе духовно-религіознаго просвѣщенія въ Россіи.
V. Отношеніе Русскихъ къ иновѣрцамъ и вообще иностранцамъ.
VI. Столкновеніе съ міромъ Протестантскимъ.
VII. Общій взглядъ иностранцевъ на Русскихъ въ религіозномъ отношеніи.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію самаго предмета, мы еще считаемъ нужнымъ предварительно сообщить свѣдѣнія о самихъ писателяхъ, которыми мы пользовались. Оцѣнка писателей и библіографическій очеркъ ихъ сочиненій составитъ такимъ образомъ начальную главу нашего изслѣдованія.

I.

БИБЛІОГРАФІЯ ПРЕДМЕТА.

Рядъ писателей избраннаго нами періода времени открываетъ собою Іоаннъ Сакранъ. Это былъ Католическій богословъ и каноникъ въ Краковѣ. Въ 1500 году онъ издалъ указатель религіозныхъ заблужденій Русскихъ подъ заглавіемъ: «Eludarius errorum Ritus Ruthenici.» Это небольшое сочиненіе состоитъ изъ трехъ главъ, изъ коихъ вторая, самая главная, подраздѣляется на 40 отдѣловъ, въ которыхъ перечисляются разныя заблужденія Русскихъ, относящіяся главнымъ образомъ къ церковной практикѣ и вѣроученію, а нѣкоторыя изъ нихъ касаются нравовъ и обычаевъ нравственно-религіознаго свойства. Третья глава посвящена краткому историческому очерку вѣроломства Грековъ, которые, по словамъ сочинителя, 20 разъ соединялись и столько же разъ отдѣлялись отъ Римской Церкви; но гнѣвъ Католика одинаково относится и къ Русскимъ, такъ какъ они держались вѣроученія Греческой Церкви. Сочиненіе Сакрана проникнуто самою ѣдкою злобою, которую лишь можетъ внушить Католическая пропаганда. Кромѣ дѣйствительныхъ отличій нашего вѣроученія и церковной практики отъ Нанства, сочинитель наполнилъ свой указатель данными, частію совершенно ложными, на примѣръ, будто Русскіе признавали, что человѣкъ при жизни не можетъ грѣшить смертно (cr. 30), частію основанными на одной неопредѣленной молвѣ. Сочиненіе это помѣщено въ сборникѣ Ласицкаго, pag. 184 — 219.

Матоей Мѣховскій (Matthias a Michovia), врачъ и каноникъ Краковскій; въ 1521 году онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Libellus de duabus Sarmatiis, id est, Asiana et Europaea.» На него ссылаются послѣдующіе писатели, но у него очень мало матеріяловъ, относящихся къ нашему предмету. Въ сборникѣ: «Rerum Moscoviticarum auctores varii,» p. 206 — 209, есть извлеченіе изъ другого его сочиненія: «Исторіи Польши,» но тутъ извлечены лишь свѣдѣнія, касающіяся религіознаго состоянія окрестныхъ язычниковъ.

Іоаннъ Фаберъ. Онъ не былъ въ Россіи, но онъ слушалъ разсказы о ней Пословъ Великаго Князя Василія Ивановича, отправленныхъ въ 1524 году къ Императору Карлу V, и, на основаніи этихъ разсказовъ, составилъ замѣчательное сочиненіе, из-

данное въ 1525 году въ Тюбингенѣ подъ заглавіемъ: «Moscovitarum religio;» оно помѣщено въ сборникѣ: «Rerum Moscov. auctores varii,» p. 130 — 141, и у Старчевскаго (мы пользовались сборникомъ первымъ). Это очень замѣчательный писатель между Католиками, главнымъ образомъ по своему направленію. Не смотря на то, что самъ онъ не былъ въ Россіи, а писалъ по слухамъ, не всегда можно встрѣтить такое обиліе матеріяловъ даже у тѣхъ писателей, которые бывали и жили въ Россіи. Его сочиненіе на 4 листахъ въ л. обнимаетъ вкратцѣ и исторію Русской Церкви и описываетъ разныя стороны церковнаго и религіознаго быта Русскихъ, церковное управленіе и судъ, Таинства, вѣроученіе нашей Церкви и т. п. Онъ служилъ источникомъ для многихъ послѣдующихъ писателей, и на него встрѣчается множество ссылокъ, не только у такихъ писателей, которые, подобно ему, не были лично въ Россіи, но и у такихъ путешественниковъ, какъ Олеарій и другіе. Отличительная черта его—это крайнее стремленіе сглаживать противоположность Православія и Католичества и выставлять мнимую близость и взаимное тяготѣніе этихъ Вѣроисповѣданій.

Павелъ Іовій, Епископъ Новокомскій. Онъ слушалъ разсказы Дмитрія Герасимова, нашего Посла, отправленнаго къ Папѣ Клименту VII въ 1525 г., и по этимъ разсказамъ составилъ сочиненіе подъ заглав«емъ: «De legatione Basilii, Magni Principis Moscoviae, ad Clementem VII. Basileae, 1537,» fol. Очевидно, онъ могъ изложить лишь то, что и какъ слышалъ; свѣдѣній о религіозномъ бытѣ Русскихъ у него гораздо меньше, чѣмъ у Фабра. Въ предисловіи къ сочиненію, посвященному Архіепископу Руфу, онъ говоритъ, что В. Князь желаетъ религіознаго единенія съ Папою, но въ самомъ сочиненіи онъ не скрываетъ ненависти Русскихъ къ Католикамъ, которыхъ они, по его словамъ, столько же ненавидѣли, какъ и Татаръ (p. 127). Сочиненіе это помѣщено тоже въ сборникѣ: «Rer. Moscov. auctores varii,» p. 119 — 130, и въ Русскомъ переводѣ въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи В. Семенова. Спб., 1836,» которымъ мы и пользовались.

Кампензе. Онъ въ 1525 году написалъ письмо Папѣ Клименту VII, въ которомъ представилъ краткое описаніе религіознаго состоянія Русскихъ, на основаніи разсказовъ своего отца и брата, которые долго жили въ Россіи. Сочиненіе написано съ

цѣлію побудить Папу вступить въ религіозный союзъ съ Русскою Церковію; этимъ объясняются тѣ похвалы, которыми онъ превозноситъ набожность Русскихъ и ихъ сочувствіе къ Папѣ. Это небольшое, но въ высшей степени занимательное, сочиненіе по своему направленію; въ его сочинителѣ мы видимъ усерднаго проповѣдника Папства, но эта проповѣдь идетъ отъ искренняго и добраго чувства, и по тому она совсѣмъ не возбуждаетъ того отвращенія, какое мы ощущаемъ при встрѣчѣ съ проповѣдью такихъ лицъ, какъ Посевинъ. Оно помѣщено въ 1-мъ томѣ «Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи.» Этимъ переводомъ и мы пользовались.

Герберштейнъ. Онъ былъ два раза въ Москвѣ, 1517 и 1526 годахъ, въ качествѣ Посла Императора Максимиліяна. Но, кромѣ дипломатическихъ дѣлъ, Герберштейнъ пользовался этимъ временемъ и какъ ученый. Онъ зналъ Русскій языкъ, читалъ наши лѣтописи и сдѣлалъ по мѣстамъ подробныя выписки, но еще болѣе онъ богатъ данными своихъ личныхъ наблюденій надъ религіознымъ бытомъ Русскихъ. По возвращеніи на родину, онъ издалъ свои «Записки о Московіи» въ 1549 году, въ Вѣнѣ, подъ заглавіемъ: «Rerum Moscoviticarum Commentarii.» Это было первое сочиненіе въ западной Европѣ, изъ котораго она могла заимствовать болѣе подробныя и болѣе правдивыя свѣдѣнія о Россіи вообще и въ частности о религіознымъ бытѣ Русскихъ. Эти Записки ставятъ его далеко выше не только всѣхъ его предшественниковъ, но и многихъ послѣдующихъ писателей. И до него нѣкоторые на Западѣ писали о Россіи, религіозномъ бытѣ Русскихъ и т. д.; были даже особенныя сочиненія о религіи Русскихъ, какъ, на пр., сочиненіе Фабра. Но эти писатели или писали по слухамъ, какъ тотъ же Фаберъ, или немного сообщали свѣдѣній. У Герберштейна собрано такое множество матеріяла, и при томъ имъ взяты такія данныя изъ религіознаго быта, и такъ вѣрно схвачены, что его сочиненіе надолго сдѣлалось справочною книгою для послѣдующихъ писателей о Россіи. Нѣтъ почти ни одного изъ болѣе, или менѣе, порядочныхъ и полныхъ сочиненій о Россіи, составители которыхъ не ссылались бы на Герберштейна. Онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ описываемыхъ имъ событій; по этому его свѣдѣнія имѣютъ преимущество предъ другими, какъ свидѣтельство очевидца. Особая печать достовѣр-

ности и правдивости придаетъ имъ то, что во всемъ разсказѣ сочинителя господствуетъ духъ безпристрастнаго историка, спокойно излагающаго свои наблюденія, даже тамъ, гдѣ онъ выставляетъ на видъ дурные наши обычаи, и, право, онъ это дѣлаетъ безобидно для нашей народной гордости и чести. У него приведено цѣликомъ посланіе къ Папѣ нашего Митрополита Іоанна; кромѣ того, у него находится краткое извлеченіе почти всѣхъ его каноническихъ правилъ, изложенное въ 20 членахъ, а изъ вопросовъ нашего Кирика, котораго онъ неправильно называетъ Кирилломъ, онъ приводитъ 42 правила. Если сравнить изложеніе этихъ правилъ у Герберштейна съ изложеніемъ, въ какомъ они приводятся у Преосвященнаго Макарія, въ его «Исторіи Русской Церкви,» то окажется, что одни изъ этихъ правилъ приводятся у него вѣрно, но только въ болѣе сокращенномъ видѣ, другія не точно, и даже въ превратномъ видѣ, а есть и такія, которыхъ мы не встрѣчаемъ у Преосвященнаго Макарія. (1) Герберштейнъ коснулся всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ церковнаго устройства и быта въ Россіи; у него есть замѣчательныя данныя касательно современныхъ ему лицъ: двухъ Митрополитовъ, В. Князя Василія Ивановича, и отношеній свѣтской власти къ церковной. Онъ писалъ свое сочиненіе по предложенію Фердинанда, брата Императора Карла V, который желалъ имѣть свѣдѣнія о религіозномъ бытѣ Русскихъ и поручилъ ему заняться этимъ дѣломъ. И, надобно сказать, что Герберштейнъ вполнѣ удовлетворилъ его желанію, на сколько это было возможно для иностранца иновѣрца. Другіе писатели тоже пользовались иногда нашими лѣтописями, но ни одинъ не оставилъ намъ памятниковъ такого близкаго знакомства съ ними, какъ Герберштейнъ. Его «Записками» мы пользовались въ Русскомъ переводѣ Анонимова, изданномъ въ 1866 г.

Яковъ Ульфельдъ былъ Посломъ Датскаго Короля Фридриха II въ Москву въ 1575 и 1578 годахъ. Онъ оставилъ описаніе этого путешествія подъ заглавіемъ: «Legatio Moscovitica, sive Hodoeporicon Ruthenicum. Francofurti a. M. 1627.» Въ немъ есть нѣсколько важныхъ замѣтокъ, относящихся и къ нашему предмету, но его сочинитель принадлежитъ къ числу иностранцевъ, не жалѣющихъ бранныхъ словъ для Русскихъ. Оно помѣщено въ сборникѣ Старчевскаго vol. I, p. 1 — 29.

Езуитъ Скарга издалъ 1577 г. въ Вильнѣ сочиненіе подъ

заглавіемъ: «De uno pastore, unitate Ecclesiae et Graecorum ab illa secessione.» Ласицкій, въ своемъ сборникѣ, изъ этого сочиненія только дѣлаетъ краткій перечень обвиненій, которыми укоряли другъ друга Православные и Католики. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ эти обвиненія, а здѣсь только замѣтимъ, что трудно въ немногомъ наговорить такъ много лжи, какъ это дѣлаетъ Скарга (ap. Lasic. p. 222 — 224). Объ немъ то же можно сказать, что и о Сакранѣ, именно: что его сочиненіе можетъ имѣть значеніе лишь какъ взглядъ Папистовъ на Православіе.

Гваньино (Guagnino), родомъ изъ Вероны, занималъ должность начальника войскъ Польскихъ въ Витебской крѣпости. Его сочиненіе подъ заглавіемъ: «Omnium regionum, Moscoviae Monarchae subjectarum morum et religionis vera descriptio. Spirae, 1582,» также помѣщено въ сборникѣ: «Rerum Moscov. auctor. varii.» Этотъ писатель очень замѣчателенъ, какъ современный свидѣтель царствованія Ивана Грознаго и его тиранства, но для нашего предмета онъ мало имѣетъ значенія: онъ повторяетъ сказанное Герберштейномъ, и при томъ его же словами, вездѣ, гдѣ говоритъ, какъ не очевидецъ; по полнотѣ изложенія онъ принадлежитъ къ лучшимъ писателямъ XVI вѣка. Впрочемъ, нѣкоторые утверждаютъ, что Гваньино выдалъ это сочиненіе за свое, между тѣмъ какъ оно принадлежитъ Стрыйковскому, который ссылается на него въ своей лѣтописи, какъ на свое.

Кобенцель. Онъ былъ Посломъ Императора Максимиліана II въ Москвѣ въ 1575 году, и по возвращеніи описалъ это посольство въ особомъ посланіи къ Архіепископу Колоцкому, Дражковичу, на Хорватскомъ нарѣчіи, съ котораго оно было переведено потомъ на Латинскій языкъ 1577. Оно помѣщено въ сборникѣ Старчевскаго, во 2 томѣ, подъ заглавіемъ: «Ioannis Cobencelii de legatione ad Moscovitas epistola.» Это небольшое сочиненіе занимательно только по своему направленію. Не смотря на то, что сочинитель его принадлежитъ Католическому міру, оно дышетъ такимъ благородствомъ, что читатель невольно забываетъ, что онъ держитъ въ рукахъ сочиненіе Паписта: такъ оно не похоже на другія произведенія, выходившія изъ подъ пера Католиковъ. Одно только выдаетъ сочинителя: это общее Католикамъ желаніе навязывать всѣмъ свою систему религіозныхъ убѣжденій; но и это стремленіе у него обставлено такими благородными пріе-

мами, проникнуто такою снисходительностію къ Православнымъ, что оно не возбуждаетъ въ читателѣ не только враждебнаго, а даже и непріятнаго, чувства къ сочинителю. Письмо это перепечатано Вихманомъ въ его сборникѣ: «Sammlung kleiner Schriften zur ält. Gesch. u. Kenntn. d. Russ. Reichs,» I, S. 1 — 32, откуда переведено на Русскій въ «Вѣстникъ Европы,» т. CXIII, стр. 204 и слѣд.

Есть еще сочиненіе его спутника по посольству, Даніила Принца фонъ Бухау, т. е., Принца изъ Бухова (города Чешскаго), подъ заглавіемъ: «Moscoviae ortus et progressus etc. Niessae Siles. 1668;» 2-е изд. въ Губинѣ 1679, а 3-е тамъ же 1687. У Старчевскаго приводится только первая глава этого сочиненія, а между тѣмъ второй главы, которая, по его словамъ, посвящена исключительно обозрѣнію религіознаго быта Русскихъ, у него нѣтъ. Можно пожалѣть объ этомъ, по тому что этотъ писатель любитъ относиться критически и даже полемически къ своему предмету. Такъ, у него есть любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи Прибалтійскаго населенія къ Русскому господству и Православію. Когда Иванъ Грозный наложилъ свою тяжелую руку на покоренную имъ часть Ливоніи, то одинъ изъ тамошнихъ жителей составилъ записку, въ которой доказывалъ, что «подобныя притязанія Московскаго Царя не оправдываются ни какими историческими письменными памятниками; что въ то время, когда Русскіе Князья приняли Христіянство изъ Греціи, этотъ край былъ обращенъ Меченосцами; что въ это время Ливонцы не знали ни суда, ни религіи, ни языка Русскихъ, и что ни на поверхности, ни внутри земли, не найдено ни какихъ памятниковъ религіознаго, или политическаго, вліянія Православія, или Русской народности, на этотъ край» (ap. Starczewsky, vol. II, p. 27).

Филиппъ Пренстанъ или Перштейнъ, былъ посломъ Императора Рудольфа II въ 1579 году. Его сочиненіе подъ заглавіемъ: «Philippi Pernsteinii Relatio de Magno Moscoviae Principe. Francof. 1610 an.» напечатано въ «Honorii Thesaurus politicus,» pars I, pag. 280. Онъ по большей части цѣликомъ повторяетъ Кобенцеля и, по самостоятельности, не имѣетъ ни какого значенія; единственное его достоинство то, что онъ, вмѣстѣ съ данными, заимствовалъ и благородный духъ своего предшественника.

Въ сборникѣ Старчевскаго, во II томѣ, стр. 37 — 44, помѣ-

щено небольшое, но очень плодовитое, сочиненіе, подъ заглавіемъ: «De Russorum religione, ritibus, nuptiarum, funerum et de Tartarorum moribus vera narratio ad Davidum Chytraeum» (оно находится и въ Сборникѣ Ласицкаго, pag. 235). Сочиненіе это Старчевскій и Аделунгъ приписываютъ Одерборну изъ иностранныхъ писателей разсматриваемой нами поры; ему же оно приписывается и Швабе (v. proocm). Дѣйствительно, ѣдкость и желчность рѣчи даютъ узнать въ сочинителѣ сочинителя «Vitae M. Ducis Johannis Basilidis.» При всей краткости, сочинитель съ удивительнымъ искуствомъ умѣлъ сообщить немало свѣдѣній о религіозномъ бытѣ и обычаяхъ Русскихъ. Но его рѣчь непріятно поражаетъ читателя намѣреннымъ желаніемъ выставлять все въ дурномъ свѣтѣ: онъ не можетъ заговорить о Священникѣ, не изобразивъ его пьянымъ, безобразнымъ мужикомъ, который чуть держится на ногахъ; онъ не можетъ описать набожности и Богослуженія Русскихъ безъ искаженія и искуственнаго подбора смѣшныхъ и нелѣпыхъ картинъ. Онъ писалъ частію на основаніи личныхъ наблюденій, частію по свѣдѣніямъ лицъ, жившихъ въ Россіи, и сочиненіе, не смотря на свою ѣдкость, имѣетъ большую занимательность.

Павелъ Одерборнъ, родился въ Поморьѣ, былъ Евангелическимъ Пасторомъ въ Ковнѣ 1580, Ригѣ 1587 и Митавѣ 1589 г. Кромѣ предыдущаго сочиненія, онъ написалъ еще довольно обширное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Johannis Basilidis, Magni Moscoviae Ducis, vita, tribus libris conscripta. Witerbergae 1585;» оно напечатано въ сборникѣ: «Rerum Moscoviticarum auctores varii,» p. 240—324. Въ этомъ сочиненіи немного данныхъ для нашего предмета, и только послѣдняя часть первой книги можетъ имѣть значеніе: она содержитъ въ себѣ нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ нашему религіозному быту, и рѣчь, говоренную Пасторомъ Чешскихъ Братьевъ, Рокитою, въ присутствіи Ивана Грознаго. Все это сочиненіе представляетъ собою описаніе царствованія и свойствъ этого Государя, но оцѣнка его, какъ Православнаго Царя и Христіанина, у Одерборна невѣрна.

Антоній Посевино (Possevino). Онъ былъ посланъ въ Москву Папою Григоріемъ XIII для содѣйствія къ заключенію мира между Иваномъ Грознымъ и Баторіемъ и въ то же время для Католической пропаганды. Его сочиненіе: «Moscovia sive de rebus Moscoviticis. Vilnae, 1581;» другое изданіе въ Антверпенѣ 1587; далѣе въ Кельнѣ

1595 и т. д., представляетъ описаніе его личной непосредственной дѣятельности; оно помѣщено въ сборникѣ Старчевскаго, v. II, p. 275 — 360. Этотъ ловкій и умный Езуитъ, пробывъ лишь нѣсколько времени въ Россіи, успѣлъ доставить Папѣ записку, въ которой довольно подробно и выпукло съумѣлъ очертить складъ религіозной жизни Русскаго народа; мало того, онъ уже успѣлъ обслѣдовать качество новой почвы и даже сдѣлать планъ для будущихъ дѣйствій Католической пропаганды въ Россіи. Вторая его записка посвящена болѣе подробному изложенію плана и условій, благопріятствующихъ успѣхамъ пропаганды; за тѣмъ слѣдуютъ три открытыхъ пренія въ присутствіи Царя, обзоръ религіозныхъ заблужденій Русскихъ, апологія Папства противъ Англійскаго брашнаго сочиненія на Папу, и краткое извлеченіе, въ вопросахъ и отвѣтахъ, изъ сочиненія Патріарха Константинопольскаго, Геннадія, объ исхожденіи Св. Духа. Кромѣ того, у него мы встрѣчаемъ множество писемъ къ разнымъ лицамъ, съ которыми ему пришлось сталкиваться, по случаю перемирія Ивана Грознаго съ Баторіемъ. Его сочиненіе главнымъ образомъ имѣетъ значеніе, какъ образчикъ и памятникъ Езуитской пропаганды въ Восточной Россіи.

Ласицкій (Johannes Lasicius). Это былъ членъ Евангелической Общины, сочинитель нѣсколькихъ спорно-богословскихъ сочиненій. Онъ былъ современникомъ Ивана Грознаго и горячо принялъ дѣдо Рокиты, который въ 1570 году былъ въ Москвѣ и держалъ предъ Царемъ открыто рѣчь въ защиту своего Вѣроисповѣданія. Ласицкій написалъ защиту на опроверженіе ученія ихъ Общины, представленное Царю, и далъ ей названіе: «Verae religionis apologia, falsae confutatio.» Въ 1582 году онъ издалъ сборникъ, въ которомъ, кромѣ спора Рокиты, опроверженія Ивана Грознаго и своей защиты, помѣстилъ сочиненія болѣе замѣчательныхъ писателей XVI вѣка о религіозномъ бытѣ Русскихъ, какъ-то: Фабра, Гваньина, Одерборна и другихъ. Сборникъ его представляетъ хорошее пособіе, при недостаткѣ другихъ изданій упомянутыхъ сочинителей. Но значеніе Ласицкаго, какъ писателя, ограничивается лишь тѣмъ, что мы въ немъ видимъ представителя Протестантскихъ воззрѣній на Православіе, хотя, надобно сказать, что это не лучшій ихъ представитель. Онъ писалъ подъ вліяніемъ раздраженнаго чувства и не жалѣлъ словъ, чтобы выбранить, въ лицѣ Ивана Грознаго, всѣхъ Русскихъ, съ ихъ

вѣрованіями и обычаями; здѣсь все вращается въ области богословскаго состязанія, а историческаго очень мало.

Арсеній, Епископъ Еласонскій. Онъ былъ въ Россіи вмѣстѣ съ Патріархомъ Іереміей, пріѣзжавшимъ въ Москву въ 1589 году для учрежденія у насъ Патріаршества. Онъ оставилъ описаніе самаго избранія и посвященія перваго нашего Патріарха, Іова, и тѣхъ пріемовъ, которые были оказаны Царемъ такимъ высокимъ посѣтителямъ. Но его вниманіе обращено главнымъ образомъ на Правительственныя обрядности, пріемы и т. п.; онъ терпѣливо передаетъ торжественныя утомительныя рѣчи и весь занятъ описаніемъ пышности Двора и Царскихъ нарядовъ; но и у него есть данныя, важныя для оцѣнки нашихъ отношеній къ Православнымъ иностранцамъ. Описаніе Арсенія сдѣлано на Новогреческомъ языкѣ и напечатано съ Латинскимъ переводомъ въ «Codices MS. Bibliothecae Taurinensis Athenaei. Taurini, 1749» (vol. I, p. 433 — 469), также помѣщено у Старчевскаго во 2 томѣ, p. 369 — 384 подъ заглавіемъ: «Arsenii Elassonis Episcopi Descriptio itineris in Moscoviam,» etc.; собственно, это перепечатка изъ извѣстнаго Вихманова «Summl.» u. s. w. Berlin, 1820 (I, S. 57 folg.).

Горсей, купецъ средней руки. Его сочиненіе: «The travels of Sir Jerome Horsey,» помѣщено въ сборникѣ Бонда, изд. 1856 г., въ Лондонѣ. Горсей былъ въ Москвѣ въ 1584 и 1590 годахъ въ качествѣ Посла Королевы Елисаветы. Кромѣ множества любопытныхъ свѣдѣній, относящихся къ гражданскому порядку нашей жизни, у него есть очень замѣчательный разсказъ объ осношеніи Ивана Грознаго къ церковнымъ имуществамъ; есть также важныя данныя для оцѣнки личности Ивана Грознаго и суевѣрія тогдашняго времени. Въ пользу его, какъ писателя, говоритъ то, что онъ зналъ Русскій языкъ, читалъ Русскія лѣтописи и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, который, по словамъ его (p. 156), сообщилъ ему много тайнъ.

Флетчеръ. Онъ тоже въ 1588 году былъ Посломъ Англійской Королевы Елисаветы къ Царю Ѳедору Ивановичу, и составилъ описаніе тогдашняго состоянія Россіи въ сочиненіи: «Of the Russe Common wealth... with the manners and faschions of the people of that country. London, 1591 an.» Это сочиненіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя удивляютъ насъ особеннымъ искуствомъ ихъ

сочинителей въ немногомъ сказать многое. При сравнительно небольшомъ объемѣ, оно содержитъ очень обильный матеріялъ историческихъ свѣдѣній о Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается церковной исторіи, у него находятся любопытныя свѣдѣнія о личности Константинопольскаго Патріярха Іереміи, о состояніи духовенства въ Россіи, его содержаніи, образѣ жизни, о нѣкоторыхъ Таинствахъ и обрядахъ. Но, какъ Лютеранинъ, да еще Англичанинъ, онъ съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ относится къ вѣрованіямъ и религіознымъ обычаямъ Русскихъ; онъ жесткою рукою касается самыхъ чувствительныхъ струнъ религіознаго чувства и благочестія Православнаго Христіянина. Англичане имѣли въ свое время полное основаніе просить свое Правительство изъять изъ употребленія эту книгу, чтобы ея рѣзкость не нарушила добрыхъ отношеній къ Россіи. Сочиненіе его переведено на Русскій, и было помѣщено въ 1-й книгѣ. «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1848 года, потомъ тотчасъ изъято изъ обращенія, но за границей, безъ вѣдома Общества, перепечатано.

Кромеръ (Martinus Cromerus), Краковскій Каноникъ, въ 1589 году издалъ обширную Исторію Польши подъ заглавіемъ: «De origine et rebus gestis Polonicarum libri XXX.» Этотъ писатель можетъ представить дѣло для тѣхъ, кто занимается нашею церковною Исторіей въ обширныхъ размѣрахъ, но для нашей цѣли онъ весьма мало имѣетъ значенія. Свѣдѣнія его главнымъ образомъ относятся ко времени введенія у насъ Христіянства, и за тѣмъ въ ближайшую къ нему пору.

Барониій. Его «Annales» за IX, X и XI вѣка представляютъ нѣкоторыя данныя для древней и начальной поры Христіянства въ нашемъ отечествѣ. Это писатель, проникнутый крайнимъ ультрамонтанскимъ направленіемъ. Кромѣ этого главнаго его сочиненія, мы пользовались еще другимъ сочиненіемъ, къ которому онъ сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія. Это: «Legationes Alexandrina et Ruthenica ad Clementem VIII. Ingdst. 1598 an.,» Баронііі написалъ предисловіе къ этому сочиненію и сдѣлалъ нѣкоторыя историческія замѣтки. Брестская Унія въ его описаніи представляется прекраснымъ памятникомъ единенія нашей Православной Церкви съ Римомъ, къ которому она, по его мнѣнію, стремилась всегда съ неослабнымъ постоянствомъ.

Къ началу XVII вѣка относится небольшое описаніе «Путешествія въ Россію Датскаго Принца Іоанна, брата Короля Христіана IV.» Оно замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ немъ помѣщено весьма подробное описаніе обряда водоосвященія 6 Генваря и торжественнаго крестнаго хода въ недѣлю Ваій. Это сочиненіе на Нѣмецкомъ языкѣ носитъ весьма длинное заглавіе: «Warhafftige Relation der Reussischen und Moscowitischen Reyse u. s. w. Magdeburg. 1604.»

Маржеретъ. Онъ въ 1600 году прибылъ въ Россію, по приглашенію нашего Правительства, и служилъ въ войскѣ. Смутныя времена и смѣна Правительственныхъ лицъ въ нашемъ отечествѣ заставили его покинуть Россію. Въ 1606 году онъ возвратился на родину и, по желанію Короля, Генриха IV, составилъ описаніе Россіи подъ заглавіемъ: «Estat de l' Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie, etc. Paris, 1607,» т. е.: «Состояніе Русской Державы и Великаго Княжества Московскаго.» Это отличный и занимательный разсказчикъ; у него есть также свѣдѣнія, относящіяся и къ нашему предмету. Въ его сочиненіи есть нѣсколько страницъ, исключительно посвященныхъ религіозному быту Русскихъ. Хотя матеріялъ этотъ не богатъ, но онъ имѣетъ все достоинство разсказа современника, умѣвшаго схватить особенности религіознаго быта чуждаго ему по Вѣрѣ народа Къ хорошимъ качествамъ этого сочинителя должно отнести и то, что онъ осторожно говоритъ о предметахъ нашей Вѣры и религіознаго быта. Переводъ его сочиненія помѣщенъ въ 3 томѣ «Сказаній современниковъ о Самозванцѣ,» Устрялова.

Нейгебайеръ. Онъ не былъ въ Россіи и пользовался при составленіи своего сочиненія: «Moscovia», трудами предшествовавшихъ писателей, особенно Герберштейна. Единственное его достоинство въ томъ, что онъ писалъ безъ затаенной злобы, просто излагаетъ данныя, которыя заимствуетъ у другихъ, и при этомъ не имѣетъ въ виду выбирать изъ нихъ только тѣ, которыя представляютъ Русскихъ съ черной стороны. Сочиненіе это издано въ 1614 году въ Гданскѣ, и написано очень легкимъ Латинскимъ языкомъ; къ нашему предмету относится только 12 глава.

Петръ Петрей. Онъ жилъ въ Россіи въ смутныя времена, родился въ Упсалѣ и, по возвращеніи въ отечество, издалъ, въ 1615, въ Стокгольмѣ на Шведскомъ сочиненіе подъ заглавіемъ:

«Regni Moscovitici Sciographia», а въ 1620 выпустилъ Нѣмецкій переводъ его въ Лейпцигѣ: «Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow» u. s. w., Ученая критика нашла недавно, что сочинитель во многомъ заимствуетъ изъ лѣтописи Бусова, своего сослуживца въ Россіи, съ немногими измѣненіями и дополненіями. Это сочиненіе раздѣляется на 6 частей и, кромѣ свѣдѣній, разсѣянныхъ по мѣстамъ въ первыхъ пяти частяхъ, шестая исключительно посвящена описанію религіознаго быта Русскихъ. Рѣдкое изъ подобныхъ сказаній можетъ сравниться съ этимъ по обилію матеріяловъ. Если сборъ этихъ матеріяловъ принадлежитъ Бусову, который прожилъ въ Россіи 12 лѣтъ, съ 1601 до 1612 года, то это самое уже располагаетъ въ пользу названнаго сочиненія, по тому что сочинитель имѣлъ достаточно времени всесторонне познакомиться съ жизнію Русскихъ, такъ какъ жилъ у насъ 4 года. По полнотѣ изложенія, онъ только развѣ уступитъ Олеарію, который, однако жъ, далеко выше его по ученому изложенію предмета и болѣе благородному тону рѣчи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходится описывать пороки Русскихъ вообще и духовенства въ частности, и гдѣ дѣло идетъ о предметахъ священныхъ и досточтимыхъ въ глазахъ Православнаго Христіянина, но для Протестанта не имѣющихъ ни какого значенія. Петрей, подобно Флетчеру, непріятно поражаетъ читателя намѣренно бранчивою рѣчью: онъ находитъ особенное удовольствіе въ изображеніи мрачной стороны духовенства; но это общій недостатокъ Протестантовъ, и по тому нападать особенно на Петрея несправедливо. Наглая и несправедливая насмѣшка всегда будетъ отнесена къ недостаткамъ сочинителя, но мы все таки должны быть ему благодарны за тѣ свѣдѣнія и данныя, которыя онъ намъ оставилъ. При всемъ презрѣніи, которое Петрей высказываетъ къ Русскимъ и ихъ Православію, его, однако жъ, нельзя заподозрить въ томъ, чтобы онъ выдумывалъ, или искажалъ, данныя, а этого и довольно для насъ. Сочиненіемъ Петрея мы пользовались въ Русскомъ переводѣ А. Н. Шемякина, помѣщенномъ въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1865 — 1866, и отдѣльно.

Въ 1620 году Іоаннъ Боѳвидъ, придворный проповѣдникъ Шведскаго Короля, защищалъ въ Упсальской Академіи открыто разсужденіе, предметомъ котораго были Вѣра и религіозный бытъ

Русскихъ, на предложеніе: «Utrum Moscovitae sint Christiani?» Для рѣшенія этого вопроса сочинитель разобралъ только прежнихъ Западныхъ путешественниковъ, оставившихъ сочиненія о Россіи, по тому что къ другимъ источникамъ онъ не имѣлъ доступа, такъ какъ онъ, какъ замѣчаетъ самъ въ одномъ мѣстѣ, не зналъ ни Русскаго языка, ни имѣлъ подъ руками обильныхъ матеріяловъ по Русской исторіи. Все сочиненіе помѣщается на 8 страницахъ въ 4-ку, и въ 50 положеніяхъ приводятся свидѣтельства разныхъ писателей о вѣроученіи и Богослуженіи Русскихъ, на основаніи которыхъ сочинитель приходитъ къ заключенію, что Русскіе имѣютъ полное право на то, чтобы ихъ называть Христіянами.

Адамъ Олеарій, придворный ученый Голштинскаго Герцога Фридриха, дважды былъ въ Россіи при посольствахъ: въ 1633 и 1636 — 1638 годахъ, и имѣлъ случай проѣхать всю Россію отъ сѣверозапада до крайнихъ предѣловъ юговостока. По возвращеніи въ отечество, онъ составилъ ученое описаніе этого путешествія подъ заглавіемъ: «Ausfürliche Beschreibung der kundbaren Reyss nach Moscow und Persien,» u. s. w., изд. въ Шлезвигѣ 1646 г. и потомъ нѣсколько разъ Мы пользовались его сочиненіемъ, вышедшимъ въ Гамбургѣ 1696 г.; оно тоже переведено на Русскій П. П. Барсовымъ и напечатано въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1868—1870 г., и отдѣльно. Это въ высшей степени любознательный и ученый писатель; любознательность его доказывается уже тѣмъ, что онъ, не смотря на сравнительно короткіе сроки своего пребыванія внутри самой Россіи, успѣлъ собрать весьма много свѣдѣній, относящихся къ строю гражданской нашей жизни. Но значеніе его труда для насъ еще болѣе увеличивается отъ того, что онъ собралъ много свѣдѣній, относящихся и къ религіозной нашей жизни и практикѣ; а если мы примемъ во вниманіе тѣ трудности, съ которыми приходилось бороться иностранцамъ въ этомъ случаѣ, то его трудъ заслуживаетъ величайшаго уваженія. Правда, онъ самъ говоритъ, что онъ пользовался сочиненіями о Россіи и предшествовавшихъ писателей, и часто на нихъ ссылается, но у него весьма много данныхъ, принадлежащихъ его личному наблюденію во время его пребыванія внутри Россіи. Нѣтъ ни одного писателя въ разсматриваемое нами время, который бы съ такою полнотою и обстоятельностію описалъ всѣ Таинства и религіоз-

ные обряды наши, какъ Олеарій, хотя нѣкоторые частные случаи церковнаго Богослуженія и религіозныхъ обычаевъ описываются у другихъ иногда съ большею подробностію, чѣмъ у него. Кто изъ иностранцевъ половины XVII вѣка хотѣлъ познакомиться съ Богослуженіемъ, Таинствами и обрядами нашей Церкви, тому нужно было взять въ руки Олеарія. Его описаніе Россіи обнимаетъ собою болѣе 200 листовъ въ листъ и значительная часть ихъ посвящена предпочтительно изложенію религіознаго и церковнаго нашего быта, не говоря уже о множествѣ замѣтокъ касательно нашихъ религіозныхъ нравовъ и обычаевъ, которыми испещрено все сочиненіе. Но, при обиліи матеріяловъ, его трудъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что это плодъ добросовѣстнаго и по мѣстамъ ученаго изложенія предмета. Онъ самъ говоритъ въ предисловіи, что онъ старался провѣрять то, что вычитывалъ у другихъ писателей: и дѣйствительно, во многихъ случаяхъ онъ отступаетъ отъ нихъ; онъ пишетъ, что онъ ничего не выдаетъ за истину, въ чемъ не былъ бы убѣжденъ основательно. Онъ былъ свѣдущъ въ Церковной исторіи и Литургикѣ и говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи принято Христіянство, въ Русской Церкви, въ ея Богослужебной практикѣ, произошло много перемѣнъ сравнительно съ Греческимъ Требникомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ тоже говоритъ, что хотя Русскіе хвалятся тѣмъ, что они содержатъ Вѣру, принятую отъ Грековъ, но на самомъ дѣлѣ они таки отъ нихъ уклонились. Олеарій не любитъ скрывать недостатковъ Русскихъ, къ какой бы сторонѣ жизни они ни принадлежали, но при этомъ онъ всегда сохраняетъ спокойный тонъ рѣчи и приличныя выраженія: у него нѣтъ ни бранныхъ словъ, ни раздражительнаго тона, ни саркастическихъ выходокъ, которыми Протестанты любятъ часто осыпать обряды Православной Церкви. И въ этомъ отношеніи Олеарій заслуживаетъ не только уваженіе, но даже сочувствіе Русскаго читателя. Вообще, по обилію матеріяла и ученому, безпристрастному, изложенію, ему можно дать первое мѣсто въ ряду всѣхъ писателей нашей поры, бывшихъ до него и послѣ него въ Россіи.

Окольскій издалъ въ 1646 году сочиненіе подъ заглавіемъ: «Russia, florida rosis et liliis» Къ составленію этого сочиненія онъ былъ приведенъ желаніемъ выставить миссіонерскіе труды и успѣхи Ордена проповѣдниковъ, къ которому онъ самъ принадле-

жалъ. Сочиненіе проникнуто ультрамонтанскимъ духомъ. Оно представляетъ богатый матеріялъ для исторіи Католической пропаганды и вообще для Церковной исторіи Юго-Западнаго и Западнаго края Россіи, находившагося подъ властію Польши. Здѣсь исчисляются всѣ Католическіе монастыри въ 7 Католическихъ Епископіяхъ этого края, бывшіе при этихъ монастыряхъ школы, наставники и ректора этихъ учебныхъ заведеній; вообще здѣсь заключается богатый матеріялъ для историко-статистическаго описанія Католическихъ церквей и монастырей, разсѣянныхъ повсему этому краю и для состоянія тамошней Католической пропаганды.

Въ началѣ 2-й половины XVII вѣка мы встрѣчаемъ весьма замѣчательное сочиненіе для нашего предмета: это «Описаніе путешествія Антіохійскаго Патріарха Макарія въ Россію, составленное его Архидіакономъ Павломъ.» Первоначально оно было написано на Арабскомъ языкѣ, и въ 1829 — 1836 годахъ переведено на Англійскій Обществомъ Восточныхъ переводовъ и издано подъ заглавіемъ: «The Travels of Macarius Patriarch of Antioch written by his attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic. Translated by F. C. Belfour. London», 2 voll. in 4°. Патріархъ Макарій прибылъ въ Россію въ 1653 году Это путешествіе было однимъ изъ тѣхъ явленій странничества въ Россію Восточныхъ единовѣрныхъ братьевъ, которыя продолжаются и досель. Пребываніе въ Россіи Сирійскихъ путешественниковъ, сверхъ ихъ ожиданія, продолжилось очень долго, около 2 лѣтъ, что было вызвано частію неустройствомъ нашихъ церковныхъ дѣлъ, частію особеннымъ благоволеніемъ и расположенностію Царя Алексѣя Михайловича къ такому высокому посѣтителю, каковъ былъ Патріархъ Антіохійскій. Во время своего пребыванія въ Россіи любознательный Павелъ внимательно наблюдалъ за всѣмъ окружающимъ, начиная съ Богослуженія и оканчивая правами и обычаями домашней и общественной религіозной жизни. Положеніе этихъ Православныхъ путешественниковъ у насъ было далеко иное, нежели другихъ иновѣрныхъ посѣтителей; онъ, вмѣстѣ съ своимъ Патріархомъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ самыхъ торжественныхъ случаяхъ нашего Богослуженія и церковныхъ торжествъ и обрядностей; рѣдко проходило Богослуженіе, чтобы они не принимали въ немъ участія; ихъ на

перерывъ приглашали служить въ монастыри, придворныя церкви, въ Соборы. По этому у Павла мы встрѣчаемъ частыя и подробныя описанія разныхъ видовъ нашего Богослуженія; у него есть описанія такихъ обрядовъ, которые теперь уже вышли изъ церковной практики. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Павла составляетъ весьма важный и занимательный матеріялъ для нашего Богослуженія. Эту вещи описывалъ человѣкъ, практически знакомый съ дѣломъ; по этому его описанія отличаются точностію и полнотою. Правда, эти описанія Богослужебныхъ дѣйствій у Павла занимаютъ чуть не половину всего сочиненія. Англійскій переводчикъ очень жалуется на скуку и утомительность этихъ, по его взгляду, странныхъ обрядовъ и въ двухъ, трехъ, мѣстахъ прямо сознается, что онъ опустилъ подробности въ изложеніи порядка нашего Богослуженія (v. I, p. 323); но это и естественно слышать отъ Англичанина, принадлежащаго къ Церкви съ простыми обрядами, а для насъ эти самые обряды имѣютъ все свое значеніе. Но, къ счастію, эта скука рѣдко преодолѣвала дѣятельность ученаго переводчика, и онъ, хотя съ душевнымъ недовольствомъ, все таки передаетъ все содержаніе Павлова описанія. Сочиненіе Павла Діакона въ то же время представляетъ прекрасный и богатый матеріалъ для статистики тогдашняго времени. Куда ни являлись Сирійцы, первымъ дѣломъ Русскихъ было познакомить гостей съ своею домашнею святынею и храмами, и Павелъ самымъ тщательнымъ образомъ собиралъ и записывалъ свѣдѣнія, сколько церквей въ каждомъ городѣ, гдѣ они останавливались, сколько въ каждой церкви придѣловъ, сколько причта и т. п. Сирійцы имѣли счастіе заслужить такое вниманіе у Царя, что имъ позволили проѣхать въ Новгородскую область, и Павелъ составилъ подробное описаніе тамошнихъ церквей и монастырей, монастырскихъ земель и угодьевъ, быта духовенства и т. д. Такимъ образомъ Сирійцамъ было открыто широкое поле для наблюдательности: ихъ путешествіе, начиная съ юго-запада Россіи, чрезъ Подольскую Губернію, тянулось къ сѣверо-востоку чрезъ Кіевъ, Путивль, Калугу, Тулу до самой Москвы; они ѣхали не спѣша. Въ одной Коломнѣ они прожили 7 мѣсяцевъ по случаю заразы, опустошавшей въ то время Россію. По этому они имѣли возможность и время хорошо присмотрѣться къ религіозному и церковному быту Русскихъ; отъ того описаніе Павла отли-

чается обиліемъ и полнотою данныхъ. У него мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о свойствѣ тогдашняго нашего церковнаго управленія и суда, о состояніи нашего религіознаго просвѣщенія, о состояніи церковныхъ дѣлъ, объ исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ. У него есть также много свѣдѣній, относящихся къ современной гражданской исторіи: онъ не разъ заводитъ рѣчь о тогдашнихъ военныхъ событіяхъ въ Литвѣ, удачно очерчиваетъ свойства современныхъ ему лицъ: Патріарха Никона и Царя Алексѣя Михайловича, и, что придаетъ особую занимательность его свѣдѣніямъ, это то, что онъ былъ живымъ, непосредственнымъ, свидѣтелемъ описываемыхъ имъ событій. Время, когда Сирійцы были въ Россіи, составляло замѣчательную пору въ нашей церковной исторіи по важности совершившихся событій, и, къ счастію, въ такое-то время пріѣхалъ въ Россію трудолюбивый Архидіаконъ, который можетъ стать на ряду съ самыми лучшими путешественниками, посѣщавшими Россію въ теченіи обоихъ вѣковъ. Правда, Сирійцы не отличались большою образованностію; они не могли рѣшить заданнаго имъ вопроса: «Отъ чего до Рождества Христова надобно считать 5508, а не ровно 5500 лѣтъ?» Павелъ передаетъ, какъ какое ни будь важное открытіе, объясненіе Паисія Лигарида касательно употребленія на Пасху красныхъ яицъ. Но онъ въ теченіи 2 лѣтъ собралъ богатый запасъ матеріяловъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ нашего религіознаго быта; а великолѣпный пріемъ оказанный у насъ Сирійцамъ, богатые дары, родственность по Вѣрѣ, открывавшая имъ болѣе легкій доступъ во внутренній, нравственный и религіозный міръ Русскихъ, нежели другимъ иностранцамъ, все это говоритъ въ пользу достовѣрности и искренности его свидѣтельствъ. Онъ заявляетъ читателю, что онъ обо всемъ пишетъ безъ всякой лжи, и призываетъ Бога въ свидѣтеля своей правдивости. Онъ, по его собственнымъ словамъ, очистилъ свои мысли и чувства, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ описать все, что онъ самъ видѣлъ и что слышалъ отъ людей достойныхъ вѣроятія. Онъ объясняетъ, что онъ предпринялъ этотъ трудъ съ тою цѣлію, чтобы, по возвращеніи на родину, дать отвѣтъ всякому, кто предложилъ бы какой ни будь вопросъ, и что въ своемъ описаніи онъ помѣстилъ все, что подвергалось его наблюденію (v. I, p. 404). Онъ сознается, что ему стоило большаго труда, спустя годъ по воз-

вращеніи на родину, сдѣлать извлеченіе изъ замѣтокъ, которыя онъ записывалъ во время своего путешествія. «Мое единственное желаніе, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы при жизни еще составить записки, такъ чтобы по смерти нашелся хотя одинъ человѣкъ, который почувствовалъ бы расположеніе ко мнѣ, подобное тому, какое я питаю къ описанію, составленному Митрополитомъ Исою, который пріѣзжалъ въ Россію съ Патріархомъ Гапо (Напо?); но я, бѣдный Діяконъ, я далеко превзошелъ его въ своемъ повѣствованіи, по тому что его описаніе можно прочесть въ одинъ часъ, а я, благодареніе Богу, написалъ цѣлую книгу» (v. I, p. 394). И дѣйствительно, описаніе Павла, и по своему объему, уже внушаетъ большое почтеніе: оно обнимаетъ два большихъ тома въ 4-ку въ 906 страницъ; изъ этого громаднаго количества страницъ почти $^3/_4$ (574 страницы) посвящены одной Россіи. Вообще, сочиненіе Павла, по обилію и живости занимательныхъ его свѣдѣній, по нашему мнѣнію, должно занимать первое мѣсто въ ряду всѣхъ писателей XVI и XVII вѣка, хотя по ученому изложенію предмета онъ уступаетъ другимъ. У Павла въ его описаніи почти все составляетъ исключительно плодъ его наблюденій надъ современною жизнію. Это весьма важная книга для Русскаго церковнаго археолога и историка; переводъ этого сочиненія отдѣльно, или въ періодическихъ изданіяхъ, можно было бы привѣтствовать, какъ одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій нашей богословской литературы. Извлеченія, сдѣланныя изъ этого сочиненія Савельевымъ въ «Библіотекѣ для чтенія» (1836 г. мѣсяцы Мартъ и Апрѣль), далеко не такъ обширны, какъ отзывается объ нихъ Аделунгъ (Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и Др. Росс. 1864 г. кн. I-я, отд. IV, стр. 198) и, главное, въ нихъ опущено почти все то, что имѣетъ первостепенное значеніе для нашей цѣли.

Майербергъ. Онъ былъ отправленъ Императоромъ Леопольдомъ въ званіи Посла въ Москву въ 1661 году, и составилъ описаніе этого путешествія подъ заглавіемъ: «Iter in Moscoviam;» въ концѣ своего описанія онъ приложилъ въ переводѣ «Уложеніе» Алексѣя Михаиловича. Его описаніе главнымъ образомъ посвящено изложенію гражданскаго и политическаго быта Русскихъ, но у него тоже находится немало свѣдѣній, относящихся къ церковно-религіозному быту Русскихъ; онъ знакомъ былъ съ нашими лѣтописями и зналъ не только современное состояніе нашего

церковнаго быта, но даже исторію нашей Церкви. Но болѣе важны его личныя наблюденія и отзывы о современныхъ личностяхъ. Его отзывъ о причинахъ низложенія Патріарха Никона приводится Митрополитомъ Евгеніемъ въ его, Словарѣ Русскихъ писателей духовнаго чина.» Вообще, по умѣнью живо и выпукло изображать историческія событія и лица, его надобно отнести къ лучшимъ писателямъ. Но, какъ истый Католикъ, онъ очень даетъ себя чувствовать въ самомъ духѣ изложенія данныхъ; у него всегда проглядываетъ, а иногда прямо и рѣзко высказывается негодованіе на дикость и грубость Русскихъ, которые не знаютъ Папы и предпочитаютъ Католикамъ Протестантовъ.

Севастіанъ Главиничъ. Онъ находился при Посольствѣ Майерберга и составилъ свое, особое описаніе Россіи подъ заглавіемъ»: De rebus Moscorum»; оно напечатано въ: «Wichmann's Sammlung bischer noch ungedruckter kleiner Schriften zum ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs. Berlin, 1820. Bd I, S. 339—362.» Оно далеко уступаетъ «Путешествію» Майерберга, но и въ немъ встрѣчаются занимательныя свѣдѣнія и данныя; такъ у Главинича приводится замѣчательный историческій документъ, письмо Павла Потоцкаго, принявшаго Православіе, писанное имъ къ Патріарху Никону.

Михаилъ Сирицій, Президентъ Гессенскаго Университета, въ 1661 году написалъ историко- богословское изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Religio Moscovitica.» Поводомъ къ составленію этого сочиненія было желаніе одного Ливонца, Людерта Крамера, имѣть свѣдѣнія о религіи Русскихъ. Сочиненіе Сириція страдаетъ много отъ того, что онъ безъ разбору пользовался своими источниками; онъ часто приводитъ Сакрана, Ласицкаго и тому подобныхъ писателей и ставитъ ихъ на одну доску съ Гербершейномъ, Олеаріемъ и другими лучшими путешественниками. Выставляя на видъ разности Православнаго Вѣроисповѣданія отъ Протестанскаго, которыя Сирицій съ своей точки зрѣнія считаетъ заблужденіями, онъ еще съ большею настойчивостію выставляетъ на видъ тѣ стороны, которыми оба эти Вѣроисповѣданія одинаково отличаются отъ Папства.

Іоаннъ Швабе, Ревельскій Пасторъ, въ 1665 году издалъ сочиненіе: «Dissertatio theologica de religione, ritibusque Moscovitarum.» Оно было читано въ собраніи богослововъ Енскаго Универ-

ситета, въ которомъ самъ сочинитель получилъ образованіе. Изъ предисловія къ этому сочиненію видно, что непріятныя чувства побудили его взяться за перо; онъ жалуется на опустошеніе Ливоніи Иваномъ Грознымъ, на его тиранство и проч. Не смотря на то, разсужденіе Швабе одно изъ самыхъ лучшихъ Протестанскихъ сочиненій по безпристрастію, полнотѣ и ученому изложенію предмета. Онъ воспользовался трудами всѣхъ своихъ предшественниковъ и сдѣдалъ сводъ свѣдѣній, заключающихся въ ихъ сочиненіяхъ. Все сочиненіе состоитъ изъ 3-хъ предварительныхъ разсужденій и 21-й главы. Въ первомъ разсужденіи онъ говоритъ о географическихъ условіяхъ страны и положеніи той части Россіи, въ которой велась Католическая пропаганда и, вопреки Баронію, старается доказать независимость Русской Церкви отъ Папы; во второмъ онъ занимается рѣшеніемъ вопроса: «Христіяне ли Русскіе?» и, на основаніи историческихъ данныхъ, доказываетъ существованіе въ Россіи Христіянства отъ временъ Апостольскихъ; въ третьемъ разбираетъ историческія свидѣтельства, касающіяся Славянскаго перевода Священныхъ книгъ. За тѣмъ въ 21-й главѣ своего сочиненія онъ излагаетъ разные члены вѣроученія: Таинства и вообще церковный и религіозной нравственный бытъ Русскихъ. Въ его изложеніи повсюду замѣтенъ историко-обличительный способъ; каждый разъ онъ выставляетъ на видъ сначала тѣ стороны, въ которыхъ Православные сходятся съ Лютеранами, и за это одобряетъ Православныхъ, а потомъ указываетъ отличительные члены Православія отъ Протестанства, за которые Православные подвергаются осужденію отъ сочинителя; иногда онъ просто ограничивается однимъ замѣчаніемъ, что такіе-то члены невѣрны, а иногда вдается въ болѣе, или менѣе, широкое препирательсто. Но для насъ это сочиненіе можетъ имѣть важность не какъ историческій памятникъ, а какъ образчикъ Лютеранскихъ воззрѣній на Православіе. Во 2-й половинѣ XVII вѣка это было самое полное и ученое сочиненіе въ Западной Европѣ о нашемъ Вѣроученіи, Таинствахъ и религіозно-практической жизни.

Карлейль (Carlysle). Онъ былъ въ 1663 году въ Москвѣ Посломъ Англійскаго Короля Карла II-го; подъ его именемъ извѣстно сочиненіе, вышедшее въ 1668 году подъ заглавіемъ: «A Relation of three ambassies from Charles II to the Great Duke of Moscovia etc. London.» На ряду съ картинами гражданскаго и политическаго

быта Русскихъ, онъ касается и религіозныхъ сторонъ нашей жизни; матеріяловъ у него достаточно, сравнительно съ другими писателями, но новаго ничего нѣтъ; при томъ же онъ не чуждъ, общаго всѣмъ Англичанамъ, недостатка выставлять Русское благочестіе въ смѣшномъ видѣ и позволяетъ въ этомъ случаѣ грубыя выраженія.

Викгартъ (Wickhart). Подъ его именемъ извѣстно сочиненіе: «Moscowitische Reisebeschreibung der Kaiserlichen Gesandschaft, mit beigefügten kurzen Bericht von der Moscowitischen Religion, v. Wickhart. Wien. 1765.» Въ этомъ году онъ былъ въ Москвѣ при Австрійскомъ Посольствѣ Ботони и Гаусмана, и въ продолженіи 9 недѣль успѣлъ собрать довольно много свѣдѣній, частію по разсказамъ иностранцевъ, долго жившихъ въ Россіи (S. 214); впрочемъ, у него мы встрѣчаемъ немного новаго. Въ составленіи его описанія принималъ участіе живпій въ Москвѣ Нѣмецъ, Георгъ Гросъ фонъ Нейдегъ (см. предисл.). Этимъ путемъ онъ собралъ нѣсколько церковныхъ правилъ и, подобно Герберштейну, изложилъ ихъ въ особой главѣ (S. 249 — 250). Хотя Католикъ, но онъ, не въ примѣръ своимъ другимъ единовѣрцамъ, отличается благородствомъ рѣчи.

Колинсъ (Collins). Онъ 8 лѣтъ (1659—1667 г.) прожилъ въ Москвѣ въ качествѣ придворнаго врача Алексѣя Михайловича и, по возвращеніи въ Англію, описалъ, въ письмѣ къ одному другу, современное состояніе Россіи: «The present State of Russia. London, 1667.» Это небольшое, но въ высшей степени важное, сочиненіе. Правда, сочинитель рѣдко касается чего ни будь безъ саркастическихъ выходокъ: онъ съ юморомъ Англичанина осмѣиваетъ набожность Русскихъ. Не смотря на то, его свѣдѣнія сохраняютъ всю важность историческаго матеріяла, какъ свидѣтельство современника и очевидца описываемыхъ имъ лицъ и событій. У него находится прекрасный очеркъ Алексѣя Михайловича, и хотя онъ смѣется надъ набожностію Русскихъ, но все таки съ полнымъ уваженіемъ относится къ его благочестію, и нравственный образъ нашего Православнаго Царя у него представляется въ не менѣе свѣтломъ видѣ, какъ и у Павла Діякона. Онъ владѣетъ необыкновеннымъ искуствомъ очерчивать свойства лицъ и передавать народныя свойства и обычаи; тѣмъ же качествомъ отличаются и свѣдѣнія, относящіяся къ религіозному быту, но въ нихъ много пре-

увеличенія. Помѣщено въ Русскомъ переводѣ П. В. Кирѣевскаго въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1846 г. кн. I-я. Этимъ переводомъ и мы пользовались.

Гербиній. Это былъ ученый Пасторъ Саксонскій церкви въ Вильнѣ, и находился въ близкой, дружественной, перепискѣ съ Кіевскими учеными: Сильвестромъ Косовымъ и Иннокентіемъ Гизелемъ; къ послѣднему онъ обращался съ вопросомъ объяснить ему ходячіе слухи о продолженіи Кіевскихъ пещеръ до Смоленска и о нетлѣніи мощей. Онъ читалъ Патерикъ Печерскій, изданный въ сокращеніи Сильвестромъ Косовымъ на Польскомъ видѣ въ Кіевѣ въ 1635 г. Сочиненіе Гербинія носитъ такое заглавіе: «Religiosae Kijovenses Cryptae sive Kijovia Subterranea. Jenae, 1675 an.» Но онъ выходитъ изъ узкихъ рамокъ этого заглавія и говоритъ довольно подробно о постепенномъ просвѣщеніи Россіи Христіанствомъ, о Кіевопечерской Лаврѣ, о характерѣ Православнаго Богослуженія. Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ Юго-Западной Россіи; но у него есть нѣсколько замѣтокъ и о Московскомъ Государствѣ, которое онъ также посѣщалъ. Какъ Лютеранинъ, онъ смотритъ по своему на сказанія Патерика о нетлѣніи мощей. Въ его время въ Германіи распространился слухъ о нетлѣніи мощей въ Кіевскихъ пещерахъ, что и дало ему поводъ вступить въ сношенія съ Архимандритомъ Гизелемъ и Игуменомъ Волосовичемъ. Онъ опровергаетъ взглядъ Гизеля на чудесное нетлѣніе мощей и приписываетъ это явленіе свойствамъ почвы. Но онъ говоритъ объ этомъ съ такимъ спокойствіемъ и съ такою осторожностію, и вообще относится къ Православію съ такою почтительностію, какой мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ Протестанскихъ писателей, и въ этомъ случаѣ онъ въ Протестанскомъ мірѣ представляетъ такое же явленіе, какое въ Католическомъ Кобенцель. Онъ говоритъ о себѣ, что онъ изучилъ Славянскій языкъ и имѣлъ много случаевъ познакомиться съ церковными обрядами Православныхъ и Исторіей Малороссіи. У этого Пастора дышетъ особенное чувство сочувствія къ Славянскому міру, столь чуждое Нѣмецкимъ Протестантскимъ писателямъ. Въ концѣ своего сочиненія онъ даже удивляетъ насъ чувствомъ величія, которое внушаетъ ему судьба Славянскаго племени: въ этой судьбѣ онъ замѣчаетъ два явленія, которыя представляются ему подъ какимъ-то таинственнымъ знаменованіемъ. Это: 1, необыкновенно широкое распространеніе

Славянской рѣчи отъ отдаленнаго Востока до береговъ Италіи, и 2, родство Славянскаго языка съ Еврейскимъ; для этого онъ приводитъ (р. 167) изъ Еврейскаго языка около 30 словъ, тождественныхъ, по своимъ корнямъ и значенію, съ Славянскими.

Регенвольскій (Adrianus Regenvolscius). Онъ въ 1652 году издалъ обширное историческое изслѣдованіе: «Systema Historiae chronologicae Ecclesiarum Slavonicarum. Traj. ad Rhen.» Оно раздѣляется на 4 книги, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ исключительною задачею описаніе церковныхъ дѣлъ среди Православнаго міра въ Литовскомъ Княжествѣ, и содержитъ въ себѣ нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ Брестской Уніи, также описываетъ несостоявшуюся попытку такой же Уніи Православныхъ съ Евангеликами. Въ послѣдствіи, въ 1679 году, это сочиненіе выдалъ подъ своимъ именемъ Андрей Венгерскій (Wengerscius), подъ заглавіемъ: «Slavoniae Reformatae libri VI, continentes historiam Ecclesiarum Slavonicarum, Polonic., Bohem., Lithuan., Russic., Prussic., Moravic. Amstelodami,» который отъ себя привнесъ весьма немногое.

Рейтенфельсъ (Reutenfels). Онъ былъ сынъ Польскаго вельможи и, по его собственнымъ словамъ, находился въ Москвѣ въ 1671 году Посломъ отъ Польскаго Короля. Въ послѣдствіи онъ жилъ при дворѣ Тоскапскаго Герцога Космы III-го и по его просьбѣ написалъ сочиненіе о Россіи, которое носитъ такое заглавіе: «De rebus Muschoviticis ad Magnum Ducem Hetruriae Cosmum Tertium. Patavii, 1680.» Переводчикъ этого сочиненія на Латинскій языкъ говоритъ въ предисловіи, что сочинитель глубоко изучилъ бытъ Русскаго народа и былъ знакомъ съ нашими лѣтописями. И дѣйствительно, рѣдкое сочиненіе изъ иностранныхъ нашихъ писателей можетъ сравниться съ этимъ по полнотѣ изложенія данныхъ. Рейтенфельсъ коснулся весьма многихъ сторонъ нашего религіознаго и церковнаго быта; онъ, подобно Гербишію, описываетъ разныя поры постепеннаго озаренія Россіи свѣтомъ Христіянства, что необходимо предполагаетъ его знакомство съ самыми источниками сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Кромѣ того, онъ передаетъ много событій изъ современной церковной жизни Русскихъ, говоритъ о дѣятельности Собора 1667 года, о личности Никона. Это самый лучшій писатель Католикъ, который, вмѣстѣ съ полнотою данныхъ, умѣлъ соединить рѣдкое

въ Католическомъ мірѣ безпристрастіе и благородство изложенія въ дѣлахъ, касающихся Русскихъ и Православія.

Таннеръ. Онъ находился при Польскомъ Посольствѣ въ Москву въ 1678 г. и по возвращеніи составилъ описаніе своего путешествія подъ заглавіемъ: «Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam, etc. Norimbergae 1680,» 2-е изд. тамъ же 1869 г. Это тоже хорошее описаніе. въ немъ немало данныхъ, относящихся къ статистикѣ и исторіи Католической пропаганды въ Западной Россіи. Сочинитель во время проѣзда по этому краю замѣчалъ, сколько въ каждомъ изъ проѣзжихъ городовъ церквей, костеловъ, монастырей, конвиктовъ, коллегій и т. п. Свѣдѣнія его, имѣя признакъ непосредственныхъ наблюденій, отличаются историческимъ значеніемъ.

Оппенбушъ, въ 1687 году, издалъ сочиненіе: «Exercitatio historico-theologica de religione Moscovitarum.» Онъ самъ не былъ въ Россіи, но, при составленіи своего сочиненія, пользовался лучшими описаніями Россіи прежнихъ сочинителей и свѣдѣніями, доставленными ему однимъ его другомъ, жившимъ въ Москвѣ, на котораго онъ не разъ ссылается. Онъ уступаетъ Швабе въ полнотѣ изложенія и не вдается въ споры. Его сочиненіе раздѣляется на три части: въ первой онъ говоритъ о распространеніи Христіянства, во второй о частныхъ сторонахъ нашего религіознаго быта, въ третьей дѣлаетъ общій взглядъ на Православіе съ точки зрѣнія Протестантства, но въ этомъ отношеніи онъ не можетъ служить такимъ полнымъ представителемъ воззрѣній Протестантства на Православіе, какъ тотъ же Швабе, у котораго это сравнительное сопоставленіе Православнаго и Лютеранскаго Вѣроученія, равно какъ и церковной практики того и другого Вѣроисповѣданія, проведено подробно по разнымъ частнымъ вопросамъ и сторонамъ религіозной жизни.

Съ Оппенбушемъ очень сходенъ по содержанію Θеофилъ Вармундъ: онъ былъ его современникомъ и самъ жилъ въ Россіи; можетъ быть, онъ и былъ тѣмъ другомъ, о которомъ упоминаетъ Оппенбушъ. По этому хотя его сочиненіе: «Universa religio Moscovitarum, 1694 an.» по большей части есть повтореніе Оппенбуша, но онъ имѣетъ преимущество предъ нимъ, какъ очевидный свидѣтель описываемыхъ имъ данныхъ; у него есть данныя, которыя принадлежатъ исключительно его личному наблю-

денію, или которыя онъ собралъ на мѣстѣ происшествій. Его сочиненіе представляетъ собою краткое изложеніе исторіи нашей Церкви и нашего церковнаго и религіознаго быта. Къ хорошимъ качествамъ этого писателя должно отнести и то, что онъ не бранчивъ, подобно другимъ своимъ единовѣрцамъ. Онъ вполнѣ сходится во взглядахъ на Православіе съ Оппенбушемъ, какъ строгій Лютеранинъ. Его сочиненіемъ мы пользовались во Французскомъ переводѣ, имѣющемъ такое заглавіе: «La religion ancienne et moderne des Moscovites, par Morteau. Cologne, 1698 an.» По полнотѣ, съ которою сочинитель излагаетъ свой предметъ, и живости самаго изложенія, сочиненіе Вармунда вскорѣ пріобрѣло огромную извѣстность: явились переводы и передѣлки. Изъ нихъ слѣдуетъ указать на Прицiуса. Это былъ Проповѣдникъ и Баккалавръ Св. Писанія при Евангелической церкви Св. Николая въ Лейпцигѣ. Онъ сдѣлалъ буквальный переводъ Вармунда на Нѣмецкій языкъ и въ 1698 году издалъ подъ заглавіемъ: «Der Moscovitischer Kirchenstaat.» Другой переводъ, тоже на Нѣмецкій языкъ, былъ сдѣланъ въ томъ же году Ангангомъ подъ заглавіемъ: «Von der Russischen oder Moscovitischen Religion.» Этотъ переводъ тѣмъ только отличается отъ Прицiусова, что Ангангъ сдѣлалъ въ переводѣ небольшія прибавленія изъ Одерборнова сочиненія: «De Russorum religione, ritibus etc.»... Онъ въ предисловіи замѣчаетъ объ этомъ сочиненіи, что оно написано неизвѣстнымъ сочинителемъ, жившимъ въ Москвѣ, и, такимъ образомъ, подвергаетъ сомнѣнію то положеніе, будто оно принадлежитъ Одерборну, который, какъ извѣстно, не былъ въ Россіи.

Перри (Perry). Это Англичанинъ, довольно долго жившій въ Россіи (1698—1711) въ преобразовательную пору Петра Великаго. Его сочиненіе о Россіи носитъ такое названіе: «The State of Russia under the present Czar. London, 1716,» а во Французскомъ переводѣ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «État présent de la Grande Russie, contenant.... et une description de la religion, des moeurs et cet. A la Haye. 1717.» Это въ высшей степени важное сочиненіе о Россіи. Сочинитель его по большей части описываетъ свои личныя наблюденія и представляетъ немало свѣдѣній о религіозномъ бытѣ и набожности Русскихъ: онъ повторяетъ многое изъ того, что было сказано другими до него, но есть данныя, принадлежащія ему одному. Сочиненіе его переведено на Русскій Княжной Ольгой

Михайловной Дондуковой-Корсаковой и помѣщено въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1871 г., кн. I и II.

Выше всѣхъ писателей XVI и XVII вѣка стоитъ Николай Бергъ, Президентъ Богословскаго Упсальскаго Факультета, Проканцлеръ Перновской Академіи. Онъ написалъ обширное и ученое сочиненіе, изданное въ 1704 году въ Стокгольмѣ и одобренное Гессенскимъ Богословскимъ Факультетомъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Exercitatio historico-theologica de statu Ecclesiae et religionis Moscovitarum. Lubec. 1709.» При составленіи этого сочиненія Бергъ воспользовался трудами всѣхъ своихъ предшественниковъ, иностранныхъ писателей о Россіи, у которыхъ только можно было собрать какія ни будь свѣдѣнія по этому предмету. Мало того, онъ былъ знакомъ съ нашею церковною письменностію и богословскою литературою второй половины XVII вѣка. Онъ одинъ изъ всѣхъ писателей XVI и XVII вѣка занимается предпочтительно вопросомъ о нашей церковно-богословской литературѣ тогдашняго времени и перечисляетъ кругъ Богослужебныхъ книгъ, богословскихъ сочиненій и твореній Св. отцовъ, переведенныхъ на Славянскій языкъ. Онъ имѣлъ подъ руками символическія наши книги: «Православное исповѣданіе, Петра Могилы» и др. сочиненія, и хотя онъ самъ не былъ въ Россіи, но онъ имѣлъ случай собственнымъ опытомъ познакомиться и съ нашимъ Богослуженіемъ, Вѣроученіемъ и религіозными обрядами, по тому что онъ былъ главнымъ Суперинтендентомъ въ Ливоніи и въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ, было много цвѣтущихъ Православныхъ церквей. Онъ хорошо былъ знакомъ съ религіознымъ бытомъ нашихъ Раскольниковъ и съ многими изъ нихъ былъ лично знакомъ. Это же обстоятельсто побудило его изучить Славянскій языкъ; онъ читалъ наши Богослужебныя и символическія книги и, что особенно замѣчательно, старался узнать правду и исправлялъ ошибки и рѣзкіе отзывы своихъ предшественниковъ. Онъ былъ на столько просвѣщенъ и человѣченъ, что, не смотря на то, что былъ Лютеранином, съ величайшею осторожностію отзывается о предметахъ вѣроученія и обрядахъ, не согласныхъ съ ученіемъ и церковною практикою Лютеранъ. Онъ сглаживаетъ рѣзкіе отзывы другихъ прежнихъ писателей о нашемъ религіозномъ бытѣ, или совсѣмъ отвергаетъ ихъ свидѣтельства, какъ отжившія

свой вѣкъ и не согласныя съ дѣйствительностію. По поводу одного изъ такихъ свидѣтельствъ, онъ замѣчаетъ, что многое уже перемѣнилось и болѣе уже не приложимо къ религіозному быту Русскихъ. Онъ обвиняетъ Регенвольскаго въ томъ, что тотъ, издавая въ 1652 году свою «Исторію Славянскихъ Церквей,» писалъ, будто у Русскихъ не было въ то время Катихизиса, между тѣмъ какъ «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы явилось еще въ 1645 году. Ни кто не былъ въ такой полнотѣ знакомъ съ нашею богословскою литературою по ея первоначальнымъ источникамъ, какъ Бергъ. Его сочиненіе представляетъ собою лучшій опытъ историко-критическаго изслѣдованія о состояніи Церкви и религіознаго быта Русскихъ. Онъ старался собирать свѣдѣнія объ этомъ предметѣ не только у предшествовавшихъ писателей, но и у современныхъ ему ученыхъ и правительственныхъ лицъ, которыя могли сообщить ему нужныя свѣдѣнія; такъ онъ о многомъ распрашивалъ нашего плѣннаго Боярина, Андрея Яковлевича Хилкова. Его сочиненіе состоитъ изъ 3 частей. Въ первой, самой обширной (13—273 стр.), онъ излагаетъ исторію просвѣщенія Россіи Христіянствомъ, быть нашего духовенства, церковное управленіе и Богослуженіе и вообще религіозно-практическій бытъ Русскихъ; за тѣмъ излагаетъ Православное Вѣроученіе, по руководству «Православнаго Исповѣданія.» Вторая и третья части содержатъ нравственную часть Православнаго Богословія, тоже по руководству «Православнаго Исповѣданія,» такъ что вторая половина 1-й части сочиненія Берга, равно какъ 2-я и 3-я части, представляютъ только сокращенное изложеніе этой символической книги нашей Церкви. Въ концѣ XVII вѣка это было самое лучшее и полное сочиненіе въ цѣлой Европѣ о нашей Церкви и религіозномъ бытѣ. Кромѣ обширныхъ заимствованій изъ нашей символической книги, обнимающихъ Вѣроученіе и Таинства нашей Церкви, это сочиненіе совмѣщаетъ въ себѣ и всѣ предшествовавшіе труды по этому предмету, и при томъ въ обработанномъ, критическомъ, видѣ. Это было послѣднее слово Западныхъ ученыхъ богослововъ и историковъ о нашей религіозной жизни. Кто изъ его современниковъ захотѣлъ бы познакомиться съ нашимъ религіознымъ и церковнымъ бытомъ болѣе полно и обстоятельно, тому нужно было обратиться къ этому его сочиненію. Оно еще замѣчательно и въ томъ отношеніи, что его составитель не оскорбляетъ

ни религіознаго, ни народнаго, нашего чувства какими ни будь рѣзкими и неприличными отзывами о нашихъ религіозныхъ нравахъ и обычаяхъ.

Кромѣ упомянутыхъ, были еще сочиненіи о религіозномъ бытѣ Русскихъ, значеніе которыхъ для нашего предмета уже далеко ниже; но эти сочиненія также приводятся другими писателями и для частныхъ случаевъ и справокъ также имѣютъ свое значеніе. Это:

1. «Посланіе къ Сабину Мелетія.» Намъ не извѣстно, кто былъ этотъ Мелетій; его посланіе небольшаго объема и помѣщено въ сборникѣ Ласицкаго. Оно содержитъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ остаткахъ суевѣрія и язычества жителей Прусіи, Жмуди, Литвы, Россіи (Rutheni) и Ливоніи.

Орѣховскій (Orichovius). Духовный писатель въ правленіе Польскаго Короля Сигизмунда Августа. Въ 1544 году онъ издалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «De baptismo Ruthenorum.» У Берга изъ него приводится клятвенная формула, употреблявшаяся при переходѣ изъ Православія въ Католичество.

«Navigatio Anglorum Adami Clementis,» который былъ въ Россіи въ 1553 году. То, что относится къ нашему предмету, у него излагается на одномъ полулистѣ въ листъ: онъ многое затрогиваетъ, но говоритъ слишкомъ кратко и сжато. Помѣщено въ сборникѣ «Rer. Moscovit. script. varii».... p. 152—153, которымъ и мы пользовались.

Варкочъ или Варбочъ. Описаніе его втораго путешествія въ Москву въ качествѣ Посла Императора Рудольфа II-го помѣщено въ сборникѣ Вихмана подъ заглавіемъ: «Beschreibung der Moscovitischen Reise des Herr Niclas Warcotz. 1593. Juli 22.»

«Michalonis Lituani de moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum. Fragmina X etc., per J. Jac. Grasserum edita. Basil. 1615.» Сочиненіе это, по рѣдкости его, перепечатано съ переводомъ на Русскій С. Д. Шестакова во 2-ій книгѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Н. В. Калачовымъ.» М. 1854. Отд. V.

Elzevirius или Elzevier, типографщики Голландскіе, сдѣлавшіеся извѣстными своими превосходными изданіями, между прочимъ, такъ называемыми. «Minores Respublicae.» По ихъ заказу было составлено краткое извлеченіе изъ нѣкоторыхъ писателей XVI и XVII вѣка подъ названіемъ: «Russia seu Moscovia. 1630 an.»

«Staat von Moscau.» Эта крошечная книжечка составляетъ коротенькую компиляцію изъ другихъ сочинителей.

Олавъ Магнусъ, Архіепископъ Упсальскій, въ 1669 году издалъ сочиненіе: «Historia gentium Septentrionalium. Amstelod.»

Послѣднія четыре поименованныя нами сочиненія не имѣютъ для насъ почти ни какого историческаго значенія.

«Neuer Polnisher Florus. Nürnberg, 1666.» У него встрѣчаются занимательные разсказы народной молвы о Кіевскихъ пещерахъ.

Neuville. Подъ его именемъ извѣстно сочиненіе: «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1689 an.» напечатанное въ Парижѣ 1628, Гагѣ 1692 года, на Русскій переведено и появилось въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1844: года. Онъ передаетъ немного свѣдѣній о нашихъ религіозныхъ нравахъ и обычаяхъ, и при томъ бранчивымъ тономъ.

Martinière, «Voyage des pays septentrionaux, 1647 an. Paris 1671.» Онъ былъ Хирургъ и на Датскомъ кораблѣ посѣтилъ нашъ сѣверный приморскій край, и въ своемъ путешествіи оставилъ нѣсколько замѣчаній о религіозныхъ нравахъ тамошнихъ жителей.

Isbrant Ides, Голандецъ, посланный въ 1692 г. въ Китай и, по возвращеніи черезъ 3 года, издалъ описаніе своего посольства на Голландскомъ: «Driejährige Reise nach China, etc. Amsterdam, 1704;» переведено на Нѣмецкій, Англійскій и Французскій.

Talander, 1699 an. Его сочиненіе въ 1710 году было переведено съ Французскаго на Нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Die historischen Reisen durch Europa. Siebenter Theil.» Переводчикъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ прибавленія и изъ другихъ сочинителей, но въ этомъ сочиненіи ничего нѣтъ новаго.

Къ такимъ же сочиненіямъ должно отнести и «Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ,» изданныя Устряловымъ. Кромѣ Бусова (у Устрялова Бера т. 1, тоже и Петрей) и Маржерета, о которыхъ у насъ рѣчь была выше, изъ этихъ сказаній заслуживаютъ вниманія: Маскевича (т. 5-й), Паерле (т. 3-й) и Дневникъ Польскихъ Пословъ и Марины. Всѣ эти сказанія, какъ плодъ личнаго наблюденія, имѣютъ большее, или меньшее, историческое значеніе, частію какъ обозначеніе взглядовъ разныхъ религіозныхъ сторонъ на Православіе, частію же какъ памятникъ Католической пропаганды, для которой смутныя времена были лучшею ея порою.

Немало изъ перечисленныхъ нами сочиненій помѣщено въ

разныхъ сборникахъ, которыми и мы пользовались. Эти сборники составляютъ изданія или ученыхъ Обществъ, или частныхъ лицъ.

Къ первому роду принадлежитъ изданіе нашей Археографической Комиссіи: «Rerum Rossicarum scriptores exteri.» Въ 1851 году вышелъ I-й томъ этого изданія, въ которомъ помѣщены: «Сказанія Бусова и Петрея и Элегія Бера.»

Ко второму роду относятся:

1. Сборникъ разныхъ сочиненій, напечатанный въ 1600 году во Франкфуртѣ подъ заглавіемъ: «Rerum Moscoviticarum scriptores varii, unum in corpus congesti.» Здѣсь помѣщены: Герберштейнъ, Іовій, Фаберъ, Адамъ Клеменсъ, Гваньино, выдержка изъ Мѣховскаго, Одерборнъ, Гейденштейнъ.

2. Сборникъ, изданный въ 1842 году въ Берлинѣ Адальбертомъ Старчевскимъ подъ заглавіемъ: «Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.» Этотъ сборникъ въ 2 томахъ содержитъ сочиненія 20 писателей, большая часть коихъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыми и мы пользовались для нашей задачи.

3. «Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи,» Калистратова, 1847 г. Здѣсь иностранный текстъ помѣщенъ съ Русскимъ переводомъ и ученымъ примѣчаніями. Первый томъ этого Сборника содержитъ въ себѣ сочиненія 4 писателей, изъ коихъ два относятся къ XVI вѣку и принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыми мы пользовались по этому переводу. Это: Іовій и Кампензе.

Кромѣ сочиненій частныхъ писателей мы пользовались еще сборниками правительственныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи нашего отечества. Въ этихъ памятникахъ встрѣчается весьма много матеріяловъ, относящихся и къ исторіи нашей Церкви. Этотъ богатый историческій матеріялъ, вмѣстѣ съ другими источниками, можетъ служить отличнымъ пособіемъ при составленіи обширныхъ и цѣльныхъ монографій и системъ. Но взятые сами по себѣ, эти памятники, подобно частнымъ сочиненіямъ иностранцевъ, представляютъ отрывочныя данныя, изъ которыхъ нельзя построить ничего цѣльнаго. За то они имѣютъ и своего рода преимущества предъ сочиненіями частныхъ лицъ: будучи свободны отъ того, что мы называемъ личнымъ взглядомъ, они представляютъ почти всегда точныя и вѣрныя данныя, которыя доставляютъ твердую и надежную почву для историка. Изъ этихъ сборниковъ мы пользовались: 1, изданіями Археографической Коммисіи. Сюда относятся:

а, «Historica Russiae monumenta Tom I и II,» изд. 1841 и 1842 года, и

б, «Supplementum ad historica Russiae monumenta.» 1848 г.

Документы, содержащіеся въ этихъ сборникахъ, заимствованы изъ разныхъ иностранныхъ библіотекъ и архивовъ, и представляютъ памятники сношеній нашего Правительства съ Западными Государями и Папами по дѣламъ гражданскимъ и церковнымъ. Они предгалаютъ главнымъ образомъ данныя, относящіяся къ Католической пропагандѣ въ Россіи. Первые два тома содержатъ въ себѣ акты, относящіеся къ исторіи этой пропаганды въ предѣлахъ Московскаго Государства, а «Дополненіе,» за исключеніемъ Записокъ Посевина, въ предѣлахъ Западной и Югозападной Россіи.

2, Сборниками частныхъ лицъ. Это:

а, «Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia,» изданная Тейнеромъ (Theiner), ученымъ современнымъ богословомъ и Библіотекаремъ Ватиканскаго архива. Это колоссальное изданіе въ 4 громадныхъ листовникахъ заключаетъ множество документовъ съ 1247 по 1755 годъ. Они главнымъ образомъ касаются Польши и сопредѣльныхъ странъ, но значительное число ихъ относится и къ исторіи Православія въ предѣлахъ Югозападной Россіи. Этотъ сборникъ особенно важенъ для церковной статистики упомянутаго края и содержитъ множество писемъ о замѣщеніи Епископскихъ и другихъ церковно-административныхъ мѣстъ, находившихся подъ зависимостью Папы; въ немъ также много документовъ, относящихся къ исторіи Уніи и Католической пропаганды на Югозападѣ Россіи. Матеріялы для XVI и XVII вѣка обнимаютъ вторую половину 2-го и весь 3-й томъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что историческое значеніе документовъ, помѣщенныхъ у Тейнера, уступаетъ документамъ, которые помѣщены въ сборникѣ нашей Археографической Комисіи. Изданы въ Римѣ въ 1860 г. и слѣд.

б, «Переписка Папъ съ Россійскими Государями въ XVI вѣкѣ,» изданная съ учеными примѣчаніями Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. Спб., 1834.» Здѣсь помѣщено 7 документовъ, въ числѣ коихъ находится три такихъ, которыхъ нѣтъ въ сборникѣ Археографической Коммисіи, именно: грамота Папы Климента VII къ

Вѣликому Князю Василію Ивановичу 1524 года, отвѣтная грамота Великаго Князя 1525 года, и другая грамота его же къ тому же Папѣ 1526 года.

II.

РЕЛИГІОЗНЫЙ БЫТЪ РУССКАГО НАРОДА.

Религіозный бытъ народа слагается изъ трехъ основъ: его вѣроученія, Богослуженія и нравственно-практической дѣятельности, на сколько она связана съ источниками Вѣры и проникается началами Христіянской чистоты и высшихъ идеаловъ. То же самое должно сказать и о религіозномъ бытѣ Русскихъ. У нашихъ писателей мы находимъ свѣдѣнія, касающіяся всѣхъ трехъ сторонъ религіозной жизни Русскихъ. Но для насъ не всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ одинаковое историческое значеніе. И во первыхъ, что касается вѣроученія, то, при значительномъ сходствѣ Православія съ другими Западными Вѣроисповѣданіями, изъ среды которыхъ выходили наши писатели, оно предлагало имъ немного данныхъ для описанія особенностей Вѣроисповѣданія Русскихъ собственно въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что писатели эти были большею частію люди не посвященные въ это дѣло. Правда, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Западныхъ писателей о религіозномъ бытѣ Русскихъ встрѣчаются цѣлыя главы объ этомъ предметѣ, но здѣсь все ограничивается изложеніемъ въ самыхъ общихъ чертахъ Христіянскихъ догматовъ вѣроученія, равно принадлежащихъ и намъ и другимъ Западнымъ Вѣроисповѣданіямъ. Если же они при этомъ указываютъ и отличительныя черты нашего Православнаго вѣроученія, то эти указанія не содержатъ ничего новаго и, по своей краткости, отсутствію анализа и научнаго изложенія, не имѣютъ для насъ почти ни какого значенія. Впрочемъ, даже простое указаніе отличій нашего Вѣроисповѣданія и самое легкое опроверженіе ихъ, для насъ иногда можетъ сохранять значеніе, именно тамъ, гдѣ способъ и пріемы опроверженія въ то же время очерчиваютъ отношеніе самихъ писателей къ Православію, и по тому всякій разъ, какъ только указанія какого ни будь писателя будутъ заключать въ себѣ какія ни есть отличительныя особенности въ этомъ отношеніи, мы не будемъ опускать, а выставимъ эти указанія на видъ. Такимъ образомъ мы оставимъ въ сторонѣ

вѣроученіе, и займемся изложеніемъ только тѣхъ свѣдѣній нашихъ писателей, какія они передаютъ намъ о другихъ сторонахъ нашего религіознаго быта.

Богослуженіе составляетъ другую сторону нашего религіознаго быта. И тутъ надобно замѣтить, что свѣдѣнія нашихъ писателей объ этомъ предметѣ представляютъ немного важнаго въ историческомъ отношеніи. Нашъ Церковный Уставъ сложился давно, равно какъ и всѣ правила касательно обрядовъ, Таинствъ и внѣшняго Богослуженія также установились издавна въ Христіянской Церкви; все это мы приняли уже готовымъ отъ Греческой Церкви вмѣстѣ съ Вѣрою. Слѣдовательно, описаніе обрядовъ и порядка разныхъ священнодѣйствій составило бы небольшое пріобрѣтеніе для насъ. Но здѣсь надобно еще принять во вниманіе то, что наше Богослуженіе было закрыто для иновѣрныхъ посѣтителей: имъ съ трудомъ, да и то рѣдко, удавалось присутствовать при немъ; да и самое присутствіе немного имъ помогало, по тому что большинство иностранцевъ иновѣрцевъ не знало ни порядка нашей Службы, ни даже языка, а безъ этого все, совершавшееся вокругъ нихъ, оставалось для нихъ непонятнымъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что свѣдѣнія, сообщаемыя ими о нашемъ Богослуженіи, на примѣръ, о составѣ, очень скудны и сбивчивы. Правда, нѣкоторые частные виды нашего Богослуженія были болѣе доступны иностранцамъ; таковы, на примѣръ, совершавшіеся всенародно крестные ходы, различные религіозные обычаи народной жизни, соблюдавшіеся въ извѣстные праздники, равно какъ и Таинства, которыя довольно подробно и даже вѣрно описаны очень многими писателями. Это объясняется тѣмъ, что составъ этихъ священнодѣйствій короче нашего Богослуженія, и по тому легче и скорѣе могъ быть ими заученъ. Не смотря на то, мы должны сказать, что сказанія иностранцевъ меньше всего могутъ имѣть значенія для исторіи нашего Богослуженія и вообще церковной обрядности, особенно если сравнить ихъ съ богатыми отечественными источниками по этому предмету. Между этими сказаніями мы находимъ болѣе достойнымъ замѣчанія и полезнымъ для нашей цѣли лишь то, что можетъ служить матеріяломъ, годнымъ для означенія современнаго тогдашняго состоянія нашей Церковной практики. Справедливость требуетъ замѣтить, что и у нашихъ писателей въ этомъ отношеніи встрѣчаются занима-

тельныя и заслуживающія полнаго нашего вниманія свѣдѣнія. Внѣшняя церковно-обрядная сторона религіозной жизни Русскихъ по самому своему свойству оставалась болѣе наглядною и доступною для ихъ наблюденія, и по тому могла представить болѣе обильный матеріялъ для самаго описанія. Но повторяемъ, что въ этомъ случаѣ мы будемъ заимствовать изъ нашихъ писателей лишь то, что можетъ годиться для обозначенія нашей Церковной практики описываемаго нами періода времени; мы будемъ имѣть въ виду то впечатлѣніе, какое производило на иностранцевъ наше Богослуженіе, и ихъ взглядъ какъ на самое это Богослуженіе, такъ и на благочестіе и поведеніе самихъ молящихся въ храмѣ.

Въ составъ нашего Богослуженія, какъ извѣстно, входитъ чтеніе и пѣніе. Исторія нашей Церкви говоритъ, что то и другое въ описываемую нами пору находилось въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, и что пастыри Церкви принимали всѣ мѣры къ исправленію Богослужебной практики въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ свѣдѣнія иностранныхъ писателей объ этомъ предметѣ для насъ не лишены самаго живаго значенія. Эти писатели не разъ были личными свидѣтелями описываемыхъ ими явленій, и своими свидѣтельствами вполнѣ подтверждаютъ наши отечественныя сказанія о безпорядкахъ тогдашней церковной Богослужебной нашей практики. Рядъ этихъ свидѣтельствъ непрерывно тянется чрезъ два вѣка. Еще Адамъ Клеменсъ, въ половинѣ XVI в., замѣтилъ, что въ церквахъ у насъ читали такъ быстро, что даже тотъ, кто читалъ, ничего не понималъ. (2) Вармундъ во 2-й половинѣ XVII вѣка, тоже замѣчаетъ, что наше церковное чтеніе было небрежно и легкомысленно. (3) Между тѣмъ присутствующіе не обращали на это ни какого вниманія; Священнику вмѣнялось даже въ заслугу, если онъ могъ прочитать нѣсколько молитвъ, не переводя духа, и кто опережалъ другихъ въ этомъ случаѣ, тотъ считался лучшимъ. (4) Чѣмъ шибче и громогласнѣе выкрикивалъ Священникъ, тѣмъ выгоднѣе было о немъ мнѣніе; о такомъ человѣкѣ думали, что онъ ученъ и можетъ хорошо отправлять свою службу; если же онъ при чтеніи запинался и не могъ читать такъ быстро и бойко, слушатели оставались недовольными и жаловались Патріарху, который лишалъ его иногда мѣста. (5) А Перри даже въ началѣ XVIII вѣка еще писалъ, что у насъ отъ ищущаго священной степени, между прочимъ, требо-

валось, чтобы онъ имѣлъ чистый, звонкій, голосъ, и, не переводя духа, могъ проговорить 12, или 15, разъ: «Господи, помилуй!» и что Священники потомъ на всѣхъ службахъ также быстро старались прочитывать эту молитву. (6) Это былъ общій недостатокъ всего нашего духовенства. Священники старались поскорѣе оканчивать Богослуженіе, чтобы уйти домой. Для сокращенія времени, они читали вдругъ въ нѣсколько пріемовъ: одинъ посланіе, другой псаломъ, третій молитву и т. д. (7) Адамъ Клеменсъ замѣчаетъ, что эта небрежность клира, вѣроятно, была причиною того, что и присутствующіе въ церкви не обращали вниманія на чтеніе и позволяли себѣ въ это время шутить и разговаривать, тогда какъ въ остальное время Службы они сохраняли величайшую скромность и набожность. (8)

Что касается нашего церковнаго пѣнія, то оно не нравилось иностранцамъ. Даже Павелъ Діяконъ, который почти все хвалитъ и всему удивляется въ нашемъ Богослуженіи, въ этомъ случаѣ измѣняетъ тонъ рѣчи. По его словамъ, наши Протодіяконы и Діяконы произносили ектеніи, а Священники молитвы, низкимъ и рѣзкимъ голосомъ. Когда Павелъ, пріучившись Русскому языку, прочелъ однажды во время торжественнаго Богослуженія, на которомъ присутствовалъ и Царь, Славянскую ектенію высокимъ тономъ, то Алексѣй Михайловичъ видимо высказалъ свое удовольствіе: онъ приказалъ пѣвчимъ пѣть потише, чтобы яснѣе можно было слышать его звуки, и не разъ, въ продолженіи ектеніи, выражалъ свое удовольствіе киваніемъ головы. Но такъ было только въ Великороссіи. Тотъ же Павелъ Діяконъ дѣлаетъ различіе между церковнымъ пѣніемъ, которое онъ слышалъ на сѣверѣ, и тѣмъ, которое онъ слышалъ на югѣ Россіи. Здѣсь, по его словамъ, была замѣтна любовь къ пѣнію и знаніе музыкальныхъ правилъ; здѣсь въ пѣніи были слышны высокіе и пріятные звуки. «А Московиты, не зная музыки, пѣли наудачу; имъ нравился низкій, грубый и протяжный голосъ, который непріятно поражалъ слухъ; они даже порицали высокоголосное пѣніе и укоряли этимъ пѣніемъ Малороссовъ, которые, по ихъ словамъ, въ этомъ случаѣ подражали Полякамъ.» (9) Павелъ говоритъ, что въ Южной Россіи даже Апостолъ читали съ лучшими переливами голоса, нежели какъ у нихъ, въ Сиріи, читали самое Евангеліе; такое же искуство онъ замѣчалъ здѣсь и въ умѣньи

пѣть псалмы и прокимны; а молитву: «Достойно есть»... въ нѣкоторыхъ церквахъ пѣли всѣ вмѣстѣ и Священники и пѣвчіе, и для этого собирались на средину церкви. (10) Гербиній, бывшій въ дружественной перепискѣ съ извѣстнымъ Архимандритомъ Газелемъ, самъ видѣвшій въ Кіевѣ Православное Богослуженіе и слышавшій тамошнее пѣніе, не находитъ словъ для выраженія той мелодіи и гармоніи, которыми отличалось тамошнее церковное пѣніе. Онъ выноситъ такое же впечатлѣніе отъ тамошней Службы, какое нѣкогда послы Великаго Князя Владимира отъ Патріяршаго Богослуженія въ Софійскомъ храмѣ. Онъ находитъ Православное Богослуженіе приличѣе Католическаго. При этомъ Богослуженіи, говоритъ онъ, ежедневно пѣлись псалмы и другія священныя пѣсни на близкомъ народу языкѣ, и при томъ пѣлись музыкальнымъ размѣромъ, въ которомъ слышались голоса дисканта, альта, тенора и баса. Къ голосу клира присоединялся еще голосъ молящагося въ церкви народа. Когда Гербиній услышалъ въ первый разъ это пѣніе, онъ пришелъ въ восторгъ: ему казалось, что онъ находится въ Іерусалимѣ, среди первобытной Христіянской общины и, въ слезахъ душевнаго восторга, навѣяннаго нашимъ Богослуженіемъ, онъ восхвалилъ Бога словами Св. Аѳанасія и Августина: «Полна суть небеса и земля величества славы Твоея.» Онъ, въ своемъ описаніи Кіевскихъ пещеръ, представляетъ образчикъ самаго переложенія на ноты церковной молитвы: «Слава тебѣ, Боже нашъ!»..... Сравнивая пѣніе нашей Православной Церкви съ церковнымъ пѣніемъ, существующимъ у Католиковъ и Лютеранъ, онъ сознается, что первое болѣе соотвѣтствуетъ важному и трезвому настроенію молящейся души, нежели утонченное мелодическое пѣніе послѣднихъ. По его словамъ, этими изнѣженными переливами голоса набожная душа только отвлекается отъ истиннаго славословія Бога, по тому что въ послѣднемъ случаѣ похвала пѣнію относится слушающими не къ Богу, а къ какому ни будь Итальянцу, или Французу. Онъ предлагаетъ любителю музыки, если онъ недоволенъ грубымъ пѣніемъ, доставшимся въ наслѣдство отъ предковъ, или къ Грекамъ (Православнымъ) въ Далматію, Славонію, Боснію, Мизію (Княжество Сербское и Болгарію) и Россію, и научиться у тамошнихъ Христіянъ простотѣ въ дѣлѣ прославленія Бога, свойственной первобытной Церкви. (11) Вообще путешественниками было замѣчено, что чѣмъ южнѣе подви-

гаться отъ Москвы къ Кіеву, тѣмъ болѣе и болѣе становилась замѣтною эта разность въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Павелъ въ описаніи своего путешествія также замѣчаетъ, что на границахъ Московскаго Государства (въ Калугѣ, Коломнѣ) Священники и Діяконы читали свои молитвы и ектеніи хотя и не такимъ высокимъ тономъ, какъ самъ онъ, но все таки тихо и пѣжно. Когда здѣшній Епископъ рукополагалъ кого ни будь, то при этомъ произносилъ молитвы такъ пѣжно и тихо, что его слова можно было слышать лишь въ алтарѣ. (12) Во время Польской войны Алексѣй Михайловичъ отдалъ плѣнныхъ молодыхъ мальчиковъ Патріарху Никону, который одѣлъ ихъ въ прекрасное платье, назначилъ имъ жалованье и многихъ сдѣлалъ чтецами. Когда Никонъ въ первый разъ угощалъ Царя во вновь отстроенномъ своемъ дворцѣ, эти молодые люди пѣли, вмѣстѣ съ Великоруссами, но Царь любовался только пѣніемъ первыхъ. (13) Изъ путешествія Павла видно, что въ Южной Россіи въ церковномъ пѣніи принимали участіе всѣ присутствующіе въ церкви; особенно дѣти восхищали Сирійцевъ своимъ одушевленіемъ, съ которымъ они пѣли, и силою самыхъ голосовъ. При встрѣчахъ, которыя дѣлались Патріарху Макарію, во время его проѣзда по Южной Россіи, среди поющаго народа рѣзко выдѣлялись звонкіе дѣтскіе голоса. Сирійскимъ путешественникамъ не разъ приходилось слушать это пѣніе, и Павелъ замѣчаетъ, что для нихъ ничего такъ не было пріятно, какъ это мощное пѣніе юной и полной вѣры души. Онъ упоминаетъ о хорахъ пѣвчихъ. А когда Сирійцы услышали пѣніе монахинь Кіевскаго женскаго монастыря, сами сознаются, что дотолѣ имъ еще нигдѣ не приходилось слышать такого пѣжнаго пѣнія; по словамъ Павла, это была чудная мелодія, далеко превосходившая пѣніе мущинъ: она трогала сердце и вызывала слезы умиленія. (14)

По сказанію нашихъ писателей, въ описываемую нами пору въ нашей церковной практикѣ была еще одна несообразность, противъ которой сильно возставали нѣкоторые пастыри Церкви. У насъ въ то время существовалъ обычай, по которому каждый хозяинъ имѣлъ въ церкви свою икону, молиться которой онъ только себя одного считалъ въ правѣ. Обычай этотъ такъ глубоко вошелъ въ нравы Русскихъ, что нарушеніе его считалось преступленіемъ и даже наказывалось по закону. Такъ, если хозяинъ какой ни будь иконы замѣчалъ, что кто ни будь другой ей кла-

ияется, то онъ сейчасъ принимался бранить его: «Какъ ты смѣлъ, говорилъ онъ виновному, своими воровскими молитвами восхищать у иконы тѣ милости, на которыя я одинъ имѣю право, какъ ея хозяинъ?» Онъ предлагалъ ему пріобрѣсти своего Бога, которому онъ можетъ молиться сколько угодно, объясняя при этомъ, что онъ не смѣетъ пользоваться чужими. Виновный въ этомъ случаѣ долженъ былъ заплатить хозяину иконы часть ея стоимости. Въ случаѣ церковнаго отлученія, хозяинъ иконы бралъ и ее изъ церкви къ себѣ на домъ, и потомъ, по примиреніи съ церковію, опять ставилъ ее на прежнее мѣсто. Между тѣмъ этотъ обычаій велъ къ большой неблагопристойности при Богослуженіи: присутствующіе въ церкви заняты были не столько общимъ церковнымъ чтеніемъ и пѣніемъ, сколько своими частными молитвами, которыя каждый обращалъ къ своей собственной иконѣ, такъ что во время Богослуженія все собраніе молящихся представляло собою толпу лицъ, обращенныхъ каждая въ разныя стороны. Наступала минута большаго выхода, тогда всѣ устремляли свои взоры на Св. Дары и повергались предъ ними ницъ, но послѣ этого, какъ эти Дары ставились на престолъ и царскія врата затворялись, опять каждый начиналъ смотрѣть врозь, каждый обращался къ своей иконѣ и твердилъ свою простую молитву: «Господи, помилуй!» Самъ Царь слѣдовалъ въ этомъ случаѣ общему обычаю. (15) Колинсъ подтверждаетъ это свидѣтельство Майерберга, и говоритъ, что въ извѣстные промежутки времени, въ продолженіи церковной Службы, Русскіе разговаривали о дѣлахъ, а объ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ сообщаетъ, что онъ почти всегда занимался дѣлами въ церкви, гдѣ онъ бывалъ окруженъ своими Боярами. (16) Такое поведеніе Русскихъ въ храмахъ казалось иностранцамъ очень страннымъ, и это, вѣроятно, послужило для нихъ поводомъ порицать Русскихъ въ томъ, будто они послѣ освященія Св. Даровъ уже не оказывали имъ того почтенія, которое незадолго предъ этимъ воздавали имъ еще въ неосвященномъ видѣ. (17)

Къ принадлежностямъ нашего Богослуженія, какъ извѣстно, относится вожженіе свѣчъ и куреніе ѳиміама. Фаберъ говоритъ, что Русскіе были очень богаты воскомъ и приносили его въ даръ Богу, которому, по ихъ мнѣнію, надобно было приносить въ жертву всѣ произведенія земли. (18) Павелъ, по собственному на-

блюденію, говоритъ, что у насъ всякій, кто лишь отправлялся въ церковь, мущина ли то, женщина, или дитя, несъ съ собою одну, или нѣсколько свѣчъ, которыя зажигалъ предъ иконами, и что при этомъ существовалъ еще обычай заливать въ эти свѣчи деньги, которыя шли въ пользу церкви. При этомъ Павелъ еще замѣчаетъ, что у насъ не было въ обычаѣ употребленіе лампадъ, и причиною тому было то, что у насъ масло было очень дорого и зимою зммерзало. Далѣе онъ говоритъ, что у насъ не было большихъ мѣдныхъ люстръ, и, вмѣсто этого, вставляли толстыя восковыя свѣчи въ каменныя выдолбленныя подставки, которыя утверждались на полу, а вверху были снабжены оловянными трубочками. (19) Что касается кажденія, употребляемаго при Богослуженіи, то, по словамъ нѣкоторыхъ Западныхъ писателей, у насъ придавали ему еще таинственную силу прогонять изъ священнаго мѣста злыхъ духовъ. (20)

Мы коснулись главнымъ образомъ недостатковъ нашей церковной практики, но все это относится по преимуществу къ сельскимъ и вообще приходскимъ церквамъ. Но у насъ были монастыри, гдѣ Церковный Уставъ соблюдался во всей строгости, Архіерейскія и Патріяршія службы тоже совершались строго по Уставу. Такимъ образомъ были мѣста и случаи, когда Православное Богослуженіе являлось въ настоящемъ своемъ видѣ, и когда самая набожность и благочестіе Русскихъ могли являться наблюдателю въ лучшемъ видѣ. Но тогда оно естественно должно было производить на посторонняго посѣтителя совсѣмъ иное впечатлѣніе, тогда самое благочестіе Русскихъ въ его глазахъ должно было озаряться совсѣмъ инымъ свѣтомъ. По этому за картинами неустройства и безпорядковъ въ нашей Богослужебной практикѣ мы опишемъ и лучшій ея порядокъ, и посмотримъ, какъ въ лучшихъ случаяхъ молились Русскіе, и какое впечатлѣніе производила на иностранцевъ ихъ набожность. Неправославные писатели, мало знакомые съ свойствами и особенностью нашего Богослуженія, немного оставили своихъ сужденій объ немъ; они, если по временамъ и присутствовали при немъ, то сердцемъ и душей всегда были чужды ему. Впрочемъ, тѣ изъ нихъ, кому пришлось ближе познакомиться съ нашимъ Богослуженіемъ, высказываются, что оно отличалось строгостію, доходившею до суровости, и что благочестіе Русскихъ во время Богослуженія и

домашней жизни отличалось вообще внѣшнею строгостію и, такъ сказать, монашествическимъ складомъ. Но это дѣло гораздо лучше было извѣстно нашимъ Православнымъ путешественникамъ, которые сами не разъ принимали непосредственное участіе въ нашемъ Богослуженіи; отъ того у нихъ мы встрѣчаемъ объ немъ вообще больше свѣдѣній и сужденій. Впечатлѣніе, которое выносили отъ нашего Богослуженія наши единовѣрные братья, было также сознаніе глубокаго благочестія Русскихъ и строгой ихъ привязанности къ внѣшнимъ его формамъ и подвигамъ. Продолжительность нашей Службы, почти неизбѣжная при строгомъ соблюденіи Церковнаго Устава, и благоговѣйное поведеніе молящихся, приводили ихъ въ удивленіе; наше Богослуженіе казалось имъ самымъ строгимъ подвижничествомъ, а ревность и усердіе, съ которыми Русскіе выдерживали продолжительныя и усиленныя стоянія, свидѣтельствомъ ихъ глубокаго благочестія. Вотъ какъ описываетъ эту набожность Павелъ Діяконъ, во время проѣзда по Южной Россіи. Каждый, вошедшій въ церковь, сначала ставитъ извѣстное число земныхъ поклоновъ, потомъ раскланивается со всякимъ изъ присутствующихъ, а если въ церкви большое собраніе, то кланяется всѣмъ на 4 стороны. То же самое выполняютъ и дѣти, и еще съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ взрослые. Далѣе, присутствующіе въ церкви отъ начала до конца Богослуженія непрестанно дѣлаютъ поклоны, и всякій разъ, какъ только въ молитвахъ упоминается имя Божіей Матери, дѣлаютъ земные поклоны.» Сирійцевъ особенно удивляло то, что и дѣти также отчетливо складывали персты для крестнаго знаменія, какъ и взрослые; казалось, что это умѣнье они всасывали съ молокомъ матери. * (21) Павелъ на первыхъ порахъ удивлялся этимъ примѣрамъ благочестія Русскихъ, которые онъ видѣлъ у насъ на Югѣ, но въ то время онъ еще не подозрѣвалъ, что ему придется увидѣть и испытать въ этомъ отношеніи впереди въ предѣлахъ Великороссіи.

Что касается положенія молящихся, то въ этомъ случаѣ писатели расходятся между собою. По однимъ, Русскіе порицали колѣнопреклоненіе во время молитвы, итакой обычай они называли гнуснымъ подражаніемъ воинамъ Пилата, которые, стоя на

---

* Все это и теперь въ Малороссіи сохраняется неприкосновенно. О. Б.

колѣняхъ, смѣялись надъ Спасителемъ; по этому они при Богослуженіи или стояли, или падали ницъ. Колинсъ передаетъ, что Русскіе считали колѣнопреклоненіе неприличнымъ, по тому что этого обычая держались послѣдователи Латинской Церкви. Таперъ тоже говоритъ, что онъ ни разу не видѣлъ, чтобы кто ни будь молился на колѣняхъ. (22) Но Олеарій, вмѣстѣ съ другими писателями, утверждаетъ, что Русскіе совершали молитву и на колѣняхъ и въ простертомъ положеніи, и что такимъ именно образомъ часто молился Царь Михаилъ Ѳедоровичъ. (23) Вармундъ тоже признаетъ всѣ три положенія молящихся. (24) Далѣе, одни писатели представляютъ присутствующихъ въ церкви совершенно безмолвными. Такъ Майербергъ передаетъ, что у насъ въ церкви никто не смѣлъ шептать, ни даже пошевелить губами, если только не хотѣлъ навлечь на себя подозрѣніе въ колдовствѣ. (25) Невиль объясняетъ это просто тѣмъ, что Русскіе, въ слѣдствіе своей неграматности, не могли читать молитвъ по книгамъ. (26) Но другіе представляютъ высшихъ лицъ, нашихъ Бояръ и другихъ, съ молитвенниками въ рукахъ. (27) Вся молитва Русскихъ, по замѣчанію иностранцевъ, состояла въ тысячекратномъ повтореніи: «Господи, помилуй!» сопровождаемомъ такимъ же количествомъ крестныхъ осѣненій и поклоновъ. Болѣе свѣдущіе къ этому прибавляли еще другія молитвы: «Отче нашъ». . . . «Богородице Дѣво» и «Символъ Вѣры.» (28) Многіе иностранцы замѣчаютъ, что Русскіе особенно любили выражать свою набожность и религіозное чувство множествомъ поклоновъ и ставили глубоко земные поклоны. (29) Петрей, съ свойственною ему привычкою представлять благочестіе Русскихъ въ смѣшномъ видѣ, замѣчаетъ въ данномъ случаѣ, что Русскіе такъ усердно любили класть поклоны, что послѣ этого у нихъ на лбу выростали шишки. (30) Они считали поклоны естественнымъ и даже необходимымъ выраженіемъ искренняго, глубокаго религіознаго чувства, и по тому безъ разбора ставили одинаковые поклоны на всѣхъ Службахъ въ теченіи всего года, даже тогда, когда это по Уставу не положено. Даже Павелъ Діяконъ, которому была знакома и привычна практика Церковной Православной дисциплины, удивлялся этой любви Русскихъ къ поклонамъ. По его словамъ, они не могли вдоволь ими насытиться. Они и въ Свѣтлую Недѣлю и во все время до Пятидесятницы не переставали ставить большіе земные поклоны. (31) При та-

комъ взглядѣ Русскихъ на важность поклоновъ, было очень естественно, что они относились съ особеннымъ уваженіемъ къ тѣмъ, которые при Богослуженіи дѣлали частые поклоны: имъ было пріятно видѣть, когда и высшія лица, Бояре и Цари, строго исполняли эти принятыя и вошедшія въ обычай формы благочестія, и кто оказывалъ въ этомъ случаѣ больше усердія, тотъ пользовался большимъ уваженіемъ и любовію народа. Посевинъ (32) говоритъ, что Иванъ Грозный, не смотря на свое тиранство, снискалъ особенную любовь и почтеніе своихъ подданныхъ именно тѣмъ, что любилъ класть много поклоновъ и строго соблюдалъ посты. Судя по этимъ описаніямъ, естественно было ожидать, что поведеніе молящихся должно было внушать постороннему наблюдателю мысль, что онъ видитъ предъ собою людей въ высшей степени благочестивыхъ. Кобенцель замѣчаетъ, что Русскіе совершали Литургію и присутствовали при Богослуженіи съ такою набожностію, больше которой и ожидать нельзя. (33) Это впечатлѣніе набожности Русскихъ должно было еще усилиться въ постороннемъ наблюдателѣ отъ продолжительности и торжественности нашего Богослуженія. Тотъ же писатель утверждаетъ, что наше Богослуженіе было вдвое продолжительнѣе Католическаго. (34) Но эти краткіе и отрывочные отзывы Западныхъ писателей иновѣрцевъ совершенно блѣднѣютъ предъ тѣмъ строгимъ, подвижническимъ видомъ нашего Богослуженія, въ какомъ оно выступаетъ въ описаніяхъ и впечатлѣніяхъ Павла. Этотъ человѣкъ пріѣхалъ къ намъ съ отдаленнаго Востока, который служилъ для насъ образцомъ подвижничества и строгости Христіянской жизни, и этотъ самый человѣкъ не могъ удержаться у насъ отъ жалобъ на строгость нашего Богослуженія, которую и ему приходилось неоднократно выносить; не могъ найти достаточно словъ для описанія утомленія и изнуренія, которые обыкновенно производили продолжительныя стоянія при нашихъ Службахъ. Съ самыхъ первыхъ дней по вступленіи на Русскую землю нашимъ путешесвтенникамъ пришлось быть свидѣтелями необычайнаго для нихъ усердія Русскихъ къ Богослуженію. Послѣ перваго же Богослуженія, которое они совершили въ Рашковѣ (Raschkobao), они почувствовали страшную усталость въ ногахъ, по тому что во все время Богослуженія имъ пришлось стоять. Они съ удивленіемъ смотрѣли на Русскихъ, которые съ начала

до конца Богослуженія неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ, какъ камни, измѣняя свое положеніе только во время поклоновъ. Въ Умани (Romano) Богослуженіе показалось имъ также очень утомительнымъ. Павелъ говоритъ, что каждое: «Господи, помилуй!» пѣвчіе тянули $^1/_4$ часа; въ ектеніи: «Рцемъ вси»... они повторили: «Господи, помилуй!» болѣе 100 разъ. Русскіе не выходили отъ Обѣдни раньше 8 часовъ (по Восточному счисленію), и вовсе время Службы стояли неподвижно, молча, какъ статуи, переминаясь только съ ноги на ногу во время поклоновъ. (35) Такъ еще въ Малороссіи наши путники стали жаловаться на строгость нашего Богослуженія; но этѣ жалобы ни что въ сравненіи съ тѣмъ, что тотъ же Павелъ говоритъ о своемъ пребываніи въ предѣлахъ Московскаго Государства и среди самой Москвы. По его словамъ, Русскіе надѣлали различія между такими праздниками, когда запрещается принимать пищу до 9 часовъ (по Восточн. счисл.), и такими, когда позволяется принимать ее и раньше: они постились до этого времени всякій праздникъ, былъ ли то большой, или малый. Привычка сдѣлала ихъ нечувствительными къ усталости и строгими ко всякому ослабленію. Онъ говоритъ о себѣ и о своемъ Патріархѣ, что они всегда выходили отъ нашего Богослуженія крайне усталыми, съ разболѣвшимися ногами, которыя, послѣ продолжительнаго стоянія, отказывались болѣе служить. Такъ бывало съ ними въ обыкновенные праздничные дни; но дни великихъ церковныхъ праздниковъ и дни поста были настоящею мукою для Сирійцевъ. Почти всякій разъ въ концѣ описанія подобной Службы Павелъ изливаетъ скорбь и горе на тѣлесные труды и недуги. Такъ, въ Великій Четверкъ они не выходили изъ церкви съ 3 часовъ утра до 11 (по Вост. счисл.): Сирійцы проклинали себя самихъ, по тому что ихъ ноги почти со всѣмъ отваливались; и они обращались къ Богу съ молитвою о ниспосланіи имъ особенной силы на Страстную Недѣлю. Что касается Русскихъ, замѣчаетъ Павелъ, то ихъ ноги, кажется, сдѣланы изъ желѣза, но и они отъ непрерывныхъ стояній въ церквахъ наживали неизлѣчимую боль въ ногахъ; эта болѣзнь, да еще подагра, были единственными бѣдствіями, на которыя, по его словамъ, жаловались Русскіе. Такія же жалобы Павелъ высказываетъ и въ Великую Субботу. Въ этотъ день Сирійцы пробыли въ церкви съ разсвѣта до 5 часовъ по полудни, и не

успѣли только выйти, какъ чрезъ нѣсколько времени ихъ опять позвали въ Соборъ. «Да почіетъ миръ Божій, восклицаетъ Павелъ, на Русскомъ народѣ, надъ его мужьями, женами и дѣтьми, за ихъ терпѣніе и постоянство! Надобно удивляться крѣпости тѣлесныхъ силъ этого народа; нужны желѣзныя ноги, чтобы при этомъ не чувствовать ни усталости, ни утомленія.» (36) Послѣ строгаго поста и бдѣній въ теченіи Страстной Недѣли, Сирійцы такъ обезсилѣли, что, по словамъ Павла, самая Пасха не могла болѣе казаться праздникомъ ни имъ, ни кому бы то ни было изъ иностранцевъ, хотя бы онъ обладалъ силами Александра Македонскаго. (37) У Павла находится весьма много подобныхъ жалобъ на продолжительность нашего Богослуженія и строгость поста, по тому что Сиріійцамъ приходилось очень часто служить въ монастыряхъ, гдѣ Церковный Уставъ соблюдался строго. Такъ, на примѣръ, въ Валаамскомъ монастырѣ въ день Службы имъ съ утра до вечера не дали ничего ѣсть. И это, замѣчаетъ Павелъ, у Русскихъ считалось знакомъ величайшей любезности къ иностраннымъ гостямъ. Во время посѣщенія Новгорода они тоже побывали и въ окрестныхъ монастыряхъ, между прочимъ они служили въ монастырѣ Одигитріи, находившемся въ 4 верстахъ отъ Новгорода. Но послѣ Литургіи, замѣчаетъ Павелъ, вмѣсто того, чтобы пригласить ихъ на обѣдъ, ихъ увезли еще въ другой сосѣдній монастырь, такъ что они съ 8 часовъ одного до 10 часовъ другого дня (по Вост. счисл.), слѣдовательно, въ теченіи болѣе сутокъ, оставались совершенно безъ пищи. (38) У насъ не только великіе Господскіе праздники, но даже праздники Святыхъ и Угодниковъ нашей отечественной Церкви, праздновались съ необыкновенною торжественностію, которая стоила Сиріійцамъ большихъ трудовъ. Павелъ замѣчаетъ, что у насъ память Митрополита Петра праздновалась болѣе торжественнымъ образомъ, чѣмъ самое Рождество Христово. Въ этотъ день Патріархъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ на обѣдъ Царя, Бояръ и духовенство. Въ этотъ день нашихъ гостей позвали въ церковь еще съ полуночи, что было зимою; отъ желѣзнаго пола въ Соборѣ было невыносимо холодно. Павелъ свидѣтельствуется Богомъ, что въ этотъ разъ онъ и его Патріархъ чуть не разстались съ жизнію: онъ хотѣлъ даже убѣжать изъ алтаря, но это было не возможно, по тому что Царь стоялъ у Сѣвер-

ныхъ вратъ алтаря, а Царица у Южныхъ; по необходимости пришлось терпѣть; за то, по возвращеніи домой, онъ три дня не могъ стать на ноги; онъ говоритъ, что ихъ можно было спокойно рѣзать, сажать въ кипятокъ: такъ они сдѣлались нечувствительными отъ крайняго холода. Но онъ, къ крайнему изумленію, замѣчаетъ, что, не смотря на такой морозъ и стужу, дѣти и маленькія дѣвочки самыхъ знатныхъ Бояръ стояли въ церкви съ обнаженными головами, неподвижныя, какъ статуи, не обнаруживая ни малѣйшихъ слѣдовъ нетерпѣливости. (39) Наши суровыя зимы не разъ причиняли большое горе Сирійцамъ; имъ приходилось иногда присутствовать при Богослуженіи въ жестокіе морозы, когда и у Русскихъ, привыкшихъ къ холоду, коченѣли члены. Такъ, въ праздникъ Рождества Христова, въ 1654 году, былъ такой холодъ, что вода для теплоты и самые Св. Дары замерзли и сдѣлались твердыми, какъ камень. Сирійцы принуждены были постоянно завертывать руки въ мѣховые рукава; но еще хуже было то, что они должны были въ этотъ день простоять въ церкви до вечера; да и по выходѣ, едва сѣли за обѣдъ, какъ опять ихъ позвали на Вечерню. Павелъ недоумѣваетъ, что сказать объ этомъ усердіи и строгой ревности Русскихъ, отъ которой они не отступаютъ ни при какихъ невзгодахъ. «Можно подумать, говоритъ онъ, что они нечувствительны къ усталости и могутъ обходиться безъ пищи.» «Всѣ Русскіе, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія святы; они превосходятъ своею набожностію самыхъ пустынниковъ.» (40) Подобныхъ замѣчаній о набожности и строгости внѣшняго благочестія Русскихъ у Павла находится весьма много. И замѣчательно, что въ этомъ отношеніи онъ встрѣчалъ одно и то же и въ Москвѣ, и на отдаленномъ Сѣверѣ, и на крайнемъ Югѣ; вездѣ его поражало это строгое соблюденіе Церковнаго благочинія и требованій, внушаемыхъ благочестивымъ и набожнымъ чувствомъ. (41)

Въ заключеніе характеристики нашего Богослуженія мы представимъ описаніе нѣкоторыхъ частныхъ видовъ священодѣйствій и обычаевъ церковно-религіозной практики, которые имѣютъ для насъ историческую важность. Свидѣтельства этого рода принадлежатъ почти исключительно Павлу, описаніе котораго, какъ мы замѣтили въ началѣ, представляетъ очень богатый матеріялъ для этой области нашей церковно-религіозной жизни.

Начнемъ съ Недѣли Сырной. Въ Пятницу на этой недѣлѣ Патріархъ Никонъ объѣзжалъ всѣ мужскіе и женскіе монастыри и прощался съ монахами и монахинями; въ Среду и въ Пятницу на этой недѣлѣ онъ не выходилъ изъ церкви до полудня. Эти дни считались постомъ и Службы въ нихъ не полагалось. Въ прощальное Воскресенье Никонъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ Макаріемъ, утромъ отправился во дворецъ Царя; послѣ обычнаго поклоненія иконамъ, Патріархъ преподалъ Царю благословеніе и окропилъ Св. водой, а при удаленіи произнесъ молитву за Царственный Домъ и окропилъ Бояръ. Макарій, по назначенію Царя и Патріарха Никона, служилъ въ этотъ день въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Вечеромъ Царь и Царица отправились въ этотъ монастырь для прощанья съ монахинями, а потомъ съ тою же цѣлію посѣтили и Чудовскій монастырь. Господа являлись для прощанья къ Царю и Патріарху Никону, а нѣкоторые заходили и къ Патріарху Макарію. У всѣхъ было въ обычаѣ просить въ этотъ день прощенія другъ у друга и, въ знакъ мира и любви, цѣловаться въ уста. (42) Маржеретъ такъ описываетъ поведеніе Русскихъ въ послѣднюю предъ Великимъ Постомъ недѣлю. «Они посѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, мирятся, если оскорбили другъ друга словомъ, или дѣломъ; лица, даже вовсе незнакомыя между собою, встрѣтившись на улицѣ, привѣтствуютъ другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ. Обращаясь къ другому, обыкновенно говорятъ: «Прости меня, пожалуй!» а тотъ отвѣчаетъ: «Богъ тебя проститъ» (43). Въ Четвергъ на той же недѣлѣ у нашихъ Патріарховъ было въ обычаѣ дѣлать поминовеніе о всѣхъ Митрополитахъ и Патріархахъ Московскихъ, а на слѣдующей день они давали обѣдъ Настоятелямъ монастырей, Священникамъ и Діякопамъ 7 церквей въ Москвѣ, равно какъ всѣмъ Архіереямъ и Архимандритамъ, которые на тотъ разъ бывали въ Москвѣ, и монахамъ, прибывшимъ изъ Греціи. (44)

Недѣля Православія. Въ этотъ день въ Успенскій Соборъ переносились иконы изъ всѣхъ церквей и монастырей, и народъ съ ревностію спѣшилъ въ церковь. Павелъ Діяконъ замѣчаетъ, что въ его время большая часть народа имѣла обыкновеніе только въ этотъ день прикладываться къ иконамъ. Въ этотъ день въ Богослуженіи принимали участіе, кромѣ двухъ Патріарховъ (Никонъ и Макарій Антіохійскій), еще пять Митрополитовъ и Архіеписко-

повъ, четыре Архимандрита, два Протопопа и множество другихъ Священнослужителей; однихъ Діяконовъ съ Иподіякопами было болѣе 48 человѣкъ. Предъ началомъ Трисвятаго Никонъ прочиталъ рядовое поученіе, назначенное на этотъ день. За тѣмъ поочередно стали выносить изъ алтаря иконы, надъ которыми дѣлались поминовенія. Когда по порядку перешли къ воспоминанію Русскихъ Святыхъ, то присутствующіе Іерархи поочередно выходили съ иконами мѣстныхъ Святыхъ, и давали ихъ цѣловать, сначала Патріярху Никону, а потомъ Царю. За тѣмъ стали поминать Греческихъ Царей, а послѣ нихъ Русскихъ; въ заключеніе пропѣли вѣчную память воинамъ, убитымъ въ послѣднюю войну подъ Смоленскомъ; наконецъ произнесли анаѳему всѣмъ древнимъ и новымъ еретикамъ. Послѣ анаѳемъ Архидіяконъ провозгласилъ многолѣтіе Царю, которое было пропѣто всѣмъ клиромъ, и за тѣмъ Царицѣ, тремъ Царевымъ и Царицынымъ сестрамъ, и наконецъ Никону. За тѣмъ Патріярхъ Никонъ сталъ поздравлять Царя, пожелалъ ему много лѣтъ; Царь поцѣловалъ его въ руку, а Патріярхъ его въ чело; та же обрядность послѣдовала и съ Макаріемъ, которому Царь тоже велѣлъ пропѣть многолѣтіе. За тѣмъ слѣдовали поименныя многолѣтія присутствовавшимъ Архіереямъ, Настоятелямъ монастырей и Священнослужителямъ Москвы, потомъ Господамъ, Воеводамъ и всѣмъ Православнымъ Христіянамъ. По окончаніи Обѣдни, Никонъ взошелъ на амвонъ; Діяконъ принесъ ему Сборникъ отеческихъ бесѣдъ, и онъ сталъ читать поученіе по книгѣ, но по мѣстамъ и отъ себя прибавлялъ объясненія и увѣщанія; въ этотъ разъ онъ говорилъ объ иконной живописи и объ изображеніи крестнаго знаменія. По окончаніи всего Патріярхъ Никонъ пожелалъ Царю всѣхъ благъ и съ иконами проводилъ его до самыхъ дверей; тутъ у дверей Собора были собраны въ кружокъ всѣ принесенныя изъ другихъ церквей иконы; Патріярхъ окадилъ ихъ и приложился къ каждой; послѣ чего онѣ были разнесены по своимъ церквамъ. Въ то время, которое описываетъ Павелъ, у насъ былъ еще обычай омывать въ этотъ день иконы и возлагать на нихъ чистыя одежды. (45)

Страстная Недѣля. Всѣ дни этой Недѣли Русскіе проводили въ молитвахъ и поклонахъ. Въ Великую Среду Патріярхъ давалъ всѣмъ разрѣшеніе, а въ Великой Четверкъ совершалъ обрядъ освященія мура Въ этотъ день, въ 3 часа утра (по Вост счисл.), оба

Патріярха отправились въ Соборъ. На срединѣ стоялъ мраморный столъ о 4-хъ деревянныхъ ножкахъ, обтянутый золотою парчею; у 4-хъ его угловъ стояли 4 серебряныхъ подсвѣчника; на срединѣ стола стоялъ большой серебряный сосудъ, наполненный масломъ, а подлѣ него по обѣимъ сторонамъ серебряныя чаши съ виномъ и пшеницей. Къ послѣдней чашѣ было прилѣплено 7 свѣчъ и 7 древесныхъ вѣтвей, завернутыхъ въ бумагу. Все это лежало на столѣ съ лѣвой стороны, а съ правой находилось Евангеліе. Тутъ Патріярхъ Никонъ спросилъ Макарія: «Надлежащимъ ли образомъ совершается этотъ обрядъ?» Патріярхъ Макарій сдѣлалъ лишь одно замѣчаніе, что слѣдовало бы возлить вино на елей, какъ говорится въ притчѣ о человѣкѣ, впавшемъ въ руки разбойниковъ. Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ. По прочтеніи нужныхъ молитвъ, Патріярхъ Никонъ взялъ отъ сосуда съ пшеницей одну вѣтвь, осѣнилъ ею крестообразно сосудъ съ елеемъ, зажегъ ее и снова прикрѣпилъ къ прежнему ея мѣсту, а горѣвшую свѣчу снялъ и потушилъ въ елеѣ. За Никономъ то же сдѣлали другіе съ другими вѣтвями и свѣчами. Когда всѣ вѣтви были такимъ образомъ зажжены, оба Патріярха сошли съ амвона и подошли къ сосуду съ елеемъ, а остальные Архіереи держали надъ ихъ головами раскрытое Евангеліе. Никонъ сталъ мѣшать большою серебряною ложкою муро въ сосудѣ, при чемъ опускалъ ее до самаго дна сосуда, чтобы благословеніе могло, такъ сказать, проникнуть всю массу. За тѣмъ онъ выставилъ три стеклянныхъ сосуда и одинъ серебряный, позолоченный, который намѣренъ былъ послать съ мурономъ къ Царю. Прочитавъ молитвы за Царя и благословивъ муро въ этомъ сосудѣ, Никонъ просилъ и Макарія сдѣлать то же; послѣ того онъ этотъ сосудъ запечаталъ и вручилъ Царскому послу, для передачи самому Алексѣю Михайловичу; при этомъ Никонъ отправилъ Царю и письмо. Оба Патріярха взаимно помазали другъ друга, а потомъ стали муропомазывать всѣхъ присутствующихъ, начиная съ Архіереевъ. За тѣмъ они пошли въ алтарь омывать престолъ. Прежде, замѣчаетъ Павелъ, при этомъ обрядѣ снимали только верхнюю одежду и губкой натирали срачицу. По Никонъ спросилъ Патріярха Макарія: «Какъ поступить въ данномъ случаѣ?» и Макарій совѣтовалъ ему снять срачицу. При совершеніи этого обряда, Патріярхъ Никонъ держалъ въ рукахъ Уставъ, съ которымъ постоянно справлялся По окончаніи Литур-

гіи вышли въ притворъ для умовенія ногъ. По лѣвой сторонѣ амвона поставили длинную лавку, покрытую ковромъ; эта лавка назначалась для Апостоловъ; во главѣ ихъ поставили особый стулъ для Патріарха Макарія. Прежде всѣхъ вышелъ изъ алтаря представлявшій собою лицо Іуды и занялъ свое мѣсто; за нимъ стали выходить по два въ рядъ остальные, при чемъ спускаясь по солеѣ, на каждой ступенькѣ кланялись Патріархамъ. Когда всѣ заняли уже свои мѣста, Никонъ сталъ снимать съ себя одежду. За тѣмъ всѣ усѣлись у сосуда, наполненнаго водой, и Никонъ сталъ омывать ноги; онъ началъ умовеніе съ того, кто представлялъ лицо Іуды; умывъ ноги, онъ цѣловалъ ихъ и потомъ благословилъ того, которому умывалъ ноги. Когда очередь дошла до Петра, лицо котораго представлялъ Макарій, тутъ, для передачи словъ, прибѣгли къ посредничеству переводчика. По прочтеніи Евангелія, Никонъ вышелъ на средину церкви и сталъ окроплять Св. водою всѣхъ присутствующихъ; при чемъ, замѣчаетъ Павелъ, употреблялось кропило, сдѣланное изъ свиной щитины. Въ заключеніе пропѣто было многолѣтіе Никону и Царю. Въ этотъ день большая часть народа приступала къ Исповѣди.

Великій Пятокъ. Въ два часа по полуночи Патріархъ Макарій и Павелъ уже отправились въ церковь къ Утрени; всѣмъ присутствующимъ были розданы свѣчи, которыя они зажигали при каждомъ Евангеліи. Въ 3 часа утра (по Вост. счисл.) отправились въ церковь Благовѣщенія, Патріархъ Никонъ приложился къ мощамъ, которыя находились въ особыхъ ковчегахъ предъ Царскими вратами; за тѣмъ Патріархъ роздалъ Священнослужителямъ иконы. Начался выходъ съ иконами изъ церкви: оба Патріарха шли съ непокрытыми головами, неся на нихъ иконы; а Діаконы непрерывно кадили предъ ними; за Патріархами слѣдовали Архимандриты и Священники по два въ рядъ. Такъ они пришли въ Успенскій Соборъ и вошли въ тотъ придѣлъ, гдѣ находились сокровища Собора и риза Спасителя. Никонъ сдѣлалъ земной поклонъ предъ ковчегомъ, въ которомъ находилась риза, окадилъ его и на головѣ перенесъ на средину храма. Здѣсь онъ вскрылъ Царскую печать, которою былъ запечатанъ ковчегъ, поднялъ крышку и вынулъ оттуда нѣчто въ родѣ маленькой книжечки, украшенной золотомъ и драгоцѣнными камнями и съ величайшимъ благоговѣніемъ положилъ ее подлѣ ковчега; за тѣмъ онъ

приподнялъ немного покровъ, изъ подъ котораго показалась настоящая риза: онъ окадилъ ее, сдѣлалъ поклонъ и облобызалъ ее; то же сдѣлали и другіе. По словамъ Павла, эта риза представляла льняную темнокраснаго цвѣта одежду, которая поражала своимъ блескомъ и наполняла сердца всѣхъ, приближавшихся къ ней, чувствами благоговѣйнаго страха и трепета. Стали читать Часы: Никонъ прочелъ Евангеліе и, по прочтеніи, сошелъ съ амвона и подошелъ къ двумъ сосудамъ, стоявшимъ съ водой, осѣнилъ ихъ крестомъ, который потомъ трижды погрузилъ въ воду при пѣніи тропаря праздника Богоявленія. За тѣмъ Протопопъ сталъ подносить Патріарху, одинъ за другими, сосуды съ мощами, при чемъ объявлялъ и имена ихъ Святыхъ, а пѣвчіе въ это время пѣли соотвѣтствующіе тропари. Патріархъ, вынувъ изъ сосуда мощи, погружалъ ихъ немного въ оба сосуда съ водою, самъ цѣловалъ, потомъ давалъ цѣловать и Патріарху Макарію, и за тѣмъ передавалъ Священнослужителямъ, которые ихъ вытирали отъ влажности и опять вкладывали въ ковчеги. Потомъ Никонъ сталъ погружать въ воду частички Животворящаго Древа, находившіяся въ иконахъ и чашкахъ, которыя теперь были собраны на особомъ блюдѣ. Онъ сначала стеръ съ нихъ пыль полотенцемъ, и потомъ также погрузилъ въ сосудъ съ водою. За тѣмъ онъ немного приподнялъ крышку ковчега, въ которомъ находилась риза Спасителя, и тоже и его погрузилъ, потомъ вытеръ полотенцемъ и снова поставилъ на своемъ мѣстѣ. Послѣ того Патріархъ взялъ большую серебряную ложку и сталъ ею мѣшать воду въ сосудѣ, погружая ее до самаго дна, чтобы благодать проникла всю ея толщу. Тутъ Экономъ Царицы поднесъ на фарфоровомъ блюдѣ кресты, золотыя чашки и другія драгоцѣнности Царскаго семейства, и этѣ вещи тоже были погружены Патріархомъ въ воду. По словамъ однихъ, это дѣлалось для ихъ освященія, а по другимъ для того, чтобы погрузить и омыть отъ пыли частички Животворящаго Креста, которыя находились въ этихъ вещахъ. Когда всѣ вещи были перемыты, слуга Царицы унесъ ихъ обратно, а Патріархъ въ добавокъ послалъ Царицѣ, ея дочерямъ и другимъ родственницамъ Царскаго Дома, Св. воду въ серебряномъ сосудѣ; такой же сосудъ съ Св. водою, только запечатанный, былъ посланъ Царю. Никонъ наполнилъ этою водою и другіе сосуды, которые назначались для Патріарха Макарія и Господъ. За тѣмъ Патріархъ

Никонъ опять окадилъ ковчегъ съ ризой Господней, возложилъ его на главу и открылъ шествіе къ тому мѣсту, откуда онъ былъ взятъ, при чемъ звонили во всѣ колокола. Въ самомъ придѣлѣ Никонъ окадилъ престолъ, на которомъ постоянно лежалъ этотъ ковчегъ и который напоминалъ собою гробъ Господень. Этотъ престолъ вынесли изъ придѣла, обошли съ нимъ всю церковь и наконецъ поставили предъ Царскими вратами, впереди налоя, на которомъ лежали ковчеги съ мощами. За тѣмъ изъ алтаря была вынесена плащаница и положена на особомъ столѣ; у 4-хъ его концовъ стояли четыре Діякона съ рипидами, которыми они, подобно Ангельскимъ крыльямъ, производили вѣяніе надъ плащаницей; вокругъ стояли съ хоругвями, крестами и зажженными свѣчами. Сирійцы плакали отъ умиленія, которое возбуждала въ нихъ вся эта каритна. (46)

Эти отрывки и свидѣтельства, приведенныя нами изъ описанія Павла, показываютъ, что онъ и видѣлъ и желалъ представить въ Русскихъ очень благочестивыхъ людей; по крайней мѣрѣ, торжественность и строгость нашего Богослуженія для него была образцомъ церковнаго благочинія и благочестія, достойнымъ уваженія и подражанія. Но не только нашъ Павелъ, а даже и не Православные писатели одинаково признаютъ эту внѣшнюю строгость нашего церковнаго благочинія, эти частыя Богослуженія, эту ревность, съ которою Русскіе спѣшили въ церковь, и эту, наконецъ, набожность, съ которою они молились въ этихъ церквахъ. Правда, и тутъ встрѣчаются противорѣчія между свидѣтельствами разныхъ лицъ, но перевѣсъ долженъ остаться на сторонѣ тѣхъ, которые благопріятствуютъ намъ. Иностранцы замѣчаютъ, что у насъ любили часто совершать Богослуженіе. По словамъ однихъ писателей, это Богослуженіе совершалось у насъ ежедневно, и для этой цѣли нарочно назначали при церквахъ по нѣскольку Священниковъ, которые могли бы смѣняться поочередно. (47) Но это вполнѣ справедливо можетъ быть сказано только о монастыряхъ и соборныхъ церквахъ, при которыхъ назначалось по штату 7 Священниковъ и столько же Діяконовъ; но въ приходскихъ церквахъ Богослуженіе совершалось не такъ часто: приходскій Священникъ обязанъ былъ служить не болѣе трехъ разъ въ недѣлю. (48) Далѣе, благочестіе Русскихъ старалось устроить множество церквей, а въ церквахъ умножать число предѣловъ и ал-

тарей, чтобы увеличить самое число Службъ. Павелъ говоритъ, что въ Москвѣ въ каждой почти церкви было не менѣе 2—3 придѣловъ, и что въ нѣкоторыхъ церквахъ ежедневно совершались Службы на всѣхъ алтаряхъ. Такъ, въ Архангельскомъ Соборѣ въ Москвѣ было 12 алтарей, и въ немъ ежедневно отправлялось столько же Службъ; въ церкви Благовѣщенія ежедневно совершалось 9 Службъ, по числу ея алтарей, а въ Чудовскомъ монастырѣ такихъ Службъ бывало по 7. (49) Но это еще не значитъ, чтобы этотъ порядокъ соблюдался вездѣ: сельскіе Священники могли служить лишь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Этимъ объясняются отзывы другихъ писателей, которые говорятъ, будто у Русскихъ Богослуженіе совершалось только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. (50) Эти разнорѣчивыя показанія вовсе не служатъ опроверженіемъ другъ друга, а относятся только къ различнымъ случаямъ нашей церковной практики, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ. Но говоря, что у насъ Богослуженіе совершалось часто, наши писатели въ то же время замѣчаютъ еще, что при этомъ церкви были полны молящихся, которые усердно стекались къ церковной молитвѣ. Впрочемъ, и тутъ мы встрѣчаемъ различные отзывы. Фаберъ, на примѣръ, говоритъ, что Русскіе любили часто ходить въ церковь, которую иначе называли домомъ молитвы. (51) Но этотъ человѣкъ писалъ по слухамъ, а мы имѣемъ свидѣтельство писателя, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи и любви къ намъ, который писалъ по собственному наблюденію и который вотъ какъ описываетъ усердіе Русскихъ къ посѣщенію церквей. Лишь только въ 4 часа утра, говоритъ онъ, ударятъ въ благовѣстъ, тотчасъ матери, мужья, мальчики и дѣвочки, оставляютъ свою постель и спѣшатъ въ церковь. (52) Изъ этого свидѣтельства видно, что Русскіе неопустительно и усердно посѣщали церкви. Но другіе писатели говорятъ напротивъ, что Русскіе лѣнились посѣщать церкви; что какъ часто взору наблюдателя попадались церкви, такъ, напротивъ, рѣдко можно было видѣть, чтобы кто ни будь ихъ посѣщалъ. По словамъ Таннера, Русскій человѣкъ думалъ, что съ него совершенно достаточно, если онъ, проходя мимо церкви, трижды перекрестится и сдѣлаетъ поклонъ. (53) Но этому свидѣтельству Таннера нельзя придавать большаго значенія и во имя его ослаблять свидѣтельства другихъ, хотя, съ другой стороны, признавать это свидѣтельство совершенно лож-

нымъ тоже нельзя. Здѣсь надобно имѣть въ виду то же соображеніе, которое мы привели выше по поводу разнообразныхъ показаній иностранцевъ о частомъ совершеніи нашего Богослуженія. Судя по нашему времени, можно по подобію заключать, что и тогда, какъ теперь, имѣло вліяніе на болѣе, или менѣе, многочисленное стеченіе народа самое различіе праздничныхъ и воскресныхъ дней. Одному писателю бросались въ глаза случаи, когда церкви бывали полны, и вотъ онъ, обобщая это, пишетъ, что Русскіе всегда съ усердіемъ сѣзжались въ церковь. Другому, напротивъ, не разъ случалось видѣть пустыя церкви, и вотъ онъ опять сдѣлалъ общее, и столько же несостоятельное, заключеніе, будто Русскіе не посѣщали церквей, хотя самыхъ церквей у нихъ было очень много. Справедливость и умѣстность такого примиренія мнимо противорѣчащихъ свидѣтельствъ подтверждается словами Майерберга, который беретъ во вниманіе тѣ и другіе случаи и замѣчаетъ, что въ праздники въ церквахъ народу бывало много, а въ будни мало. (54) Это такъ естественно, что больше не можетъ быть мѣста ни какимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ.

Все сказанное доселѣ не оставляетъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что иностранцы видѣли въ Русскихъ людей искренно преданныхъ благочестію. Правда, это благочестіе выражалось у Русскихъ въ своеобразныхъ видахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которые привыкли видѣть у себя пріѣзжавшіе къ намъ иностранцы, особенно Протестанты; но и они, относясь критически къ этимъ видамъ, не заподозрѣвали самаго чувства благочестія и набожности Русскихъ. Особенное вниманіе иностранцевъ обращала на себя наклонность Русскихъ къ внѣшнимъ пріемамъ и видамъ благочестія, и они выставляютъ ее, какъ отличительную черту ихъ набожности и религіознаго чувства. Вообще они видѣли въ складѣ и свойствѣ религіознаго быта Русскихъ много Монтанистическаго: благочестіе Русскихъ имъ представлялось именно въ Монтанистическомъ образѣ. Такое свойство набожности и благочестія Русскихъ отчасти было необходимымъ слѣдствіемъ естественнаго склада, ума и свойства Русскаго человѣка, который и доселѣ держится тѣхъ же взглядовъ. Такое воззрѣніе на Религію и благочестіе вполнѣ соотвѣтствовало необразованному, юному обществу, какимъ и были Русскіе въ описываемую нами пору. Впрочемъ, въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе причинъ и исто-

рическихъ условій, отъ которыхъ зависѣло образованіе такого, а не другого, склада религіознаго сознанія Русскихъ: отъ чего бы ни зависѣлъ этотъ складъ, мы беремъ его, какъ историческое событіе и, на основаніи данныхъ, представляемыхъ нашими писателями, постараемся показать, какъ онъ проявлялся въ различныхъ частныхъ обнаруженіяхъ религіозныхъ понятій и обычаевъ Русскаго народа.

Нигдѣ съ такою полнотою не проявляется благочестіе и религіозное чувство человѣка, какъ въ храмѣ, гдѣ человѣкъ какъ бы ближайшимъ образомъ чувствуетъ присутствіе Божества и входитъ въ духовное соединеніе съ нимъ. Но эта мысль, сама по себѣ вѣрная, при недостаточномъ умственномъ развитіи Русскаго человѣка, при его дѣтскомъ, простодушномъ, воззрѣніи на вещи и на предметы благочестія, естественно должна была привести его къ убѣжденію, что въ дѣлѣ благочестія больше всего значитъ то, чтобы имѣть какъ можно больше храмовъ: чѣмъ больше у него было церквей, тѣмъ живѣе имъ чувствовалось вѣяніе благодати, тѣмъ ближе и осязательнѣе ему казались дѣйствія Божества. Такимъ образомъ, въ ходѣ религіозной жизни Русскаго человѣка, естественно было ожидать, что онъ воспитаетъ въ себѣ особенную любовь къ построенію церквей, и что чѣмъ больше ихъ будетъ у него, тѣмъ ему будетъ казаться лучше. Понятно, что при такомъ воззрѣніи на вещи, всякій выдающійся случай въ его жизни, печальный, или радостный, вызывавшій чувство умиленія, или благодарности, уже былъ достаточнымъ побужденіемъ къ постройкѣ церкви. Извѣстно, что Св. Владиміръ, по поводу спасенія своей жизни въ битвѣ съ Печенѣгами, далъ обѣтъ выстроить церковь, и, дѣйствительно, въ одинъ день церковь была срублена. Высшимъ подвигомъ и украшеніемъ жизни человѣка считалось то, если онъ выстроилъ церковь; самое благочестіе измѣрялось тѣмъ, сколько кто выстроилъ церквей. (55) Такимъ образомъ, мы должны смотрѣть, какъ на естественное и даже необходимое явленіе, на то, что у насъ, по свидѣтельству иностранцевъ, было много церквей: это было плодомъ благочестія, понятаго Русскими по своему складу ума. Другое дѣло, какого рода были эти церкви. Выстроенная церковь была внѣшнимъ плодомъ и выраженіемъ религіознаго чувства и усердія частнаго человѣка: по этому она строилась въ такихъ размѣрахъ, какіе позволяло благосостояніе одного чело-

вѣка. У насъ всякому Боярину было позволено имѣть свою церковь и содержать на свой счетъ Священника, который совершалъ бы Богослуженіе для его домашнихъ. А у Князей было даже по двѣ, по три, такихъ церквей. (56) Такое множество частныхъ церквей, особенно у Господъ и другихъ важныхъ лицъ, объясняется еще другимъ историческимъ обстоятельствомъ:—тогдашнимъ состояніемъ семейнаго быта въ высшемъ обществѣ, гдѣ женщины жили въ закрытыхъ отдѣленіяхъ и никому не показывались. Иностранцы говорятъ, что мужья Господа неохотно отпускали ихъ въ общія приходскія церкви, и по тому старались каждый имѣть домашнюю церковь и Священника. Посевинъ дѣлаетъ замѣчаніе, что въ его время знатныя женщины и дѣвицы почти никогда не являлись въ приходскія церкви, кромѣ праздника Пасхи, когда они пріобщались. (57) Маскевичъ говоритъ, что у насъ каждый Боярин, владѣвшій домомъ въ Москвѣ, имѣлъ для своей жены церковь, но въ недальнемъ разстояніи отъ своего двора. (58) А у Павла Діякона мы встрѣчаемъ свидѣтельство, что даже и менѣе важныя лица, на примѣръ, богатые купцы, также строили великолѣпныя домашнія церкви. Онъ приводитъ случай изъ временъ Алексѣя Михайловича, что одинъ Московскій купецъ выстроилъ такую домашнюю церковь, что съ нею, по богатству и украшеніямъ, могла сравняться только Царская. Ея постройка обошлась купцу болѣе, чѣмъ въ 50,000 рублей. (59)

Неудивительно послѣ того, что мы у иностранцевъ встрѣчаемъ частыя замѣчанія о многочисленности церквей и монастырей въ Россіи: ихъ число должно было поражать иностранцевъ, особенно Протестантовъ. Даже Павелъ Діяконъ удивляется этому обилію церквей и часовенъ. Конечно, не вездѣ въ Россіи можно было встрѣтить такое множество церквей: писатели, передавая это, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ Москву. Но намъ совершенно достаточно и одной Москвы для обозначенія религіознаго склада и настроенія Русскаго народа: на Москву мы должны смотрѣть, какъ на образецъ чисто народнаго религіознаго сознанія и вкуса; по этому по ней мы можемъ изображать религіозный бытъ цѣлаго народа. Москва отличалась отъ другихъ нашихъ городовъ только тѣмъ, что въ ней и церквей было больше, и самыя церкви были громаднѣе и красивѣе; но это зависѣло уже отъ посторонихъ обстоятельствъ: отъ относительно большаго

количества жителей и матеріальнаго ихъ благосостоянія. Самое же благочестіе Русскихъ вездѣ сохраняло одинаковый духъ и свойство, и то, что мы находимъ замѣчательнаго въ этомъ отношеніи въ Москвѣ, то же самое съ болѣе, или менѣе, полнымъ подражаніемъ встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ. При томъ же Москва лучше была извѣстна иностранцамъ, чѣмъ другіе города: многіе изъ нихъ дальше ея и не бывали, и по тому объ ней только и оставили свѣдѣнія. Такимъ образомъ, хотя при описаніи церквей и монастырей мы будемъ имѣть въ виду одну Москву, но для обозначенія религіознаго быта Русскихъ, достаточно и тѣхъ данныхъ, какія мы находимъ въ этой средѣ государственной и религіозной жизни Русскихъ, по тому что остальная Россія во всемъ походила на Москву.

Еще Мѣховскій упоминаетъ, что въ его время въ Московскомъ Кремлѣ было 17 церквей, въ томъ числѣ три каменныхъ: это церкви Божіей Матери (Успенія), Архангела Михаила и Св. Николая (Голстунскаго?). (60) Герберштейнъ, спустя немного времени, передаетъ, что въ этомъ Кремлѣ было много церквей, но всѣ они были деревянныя, исключая двухъ кирпичныхъ: Божіей Матери и Михаила Архангела, но въ то же время производилась постройка весьма многихъ новыхъ церквей изъ камня. (61) Сочинитель путешествія Датскаго Принца насчитываетъ здѣсь церквей и, монастырей и часовенъ 25, а Маскевичъ болѣе 10. (62) Нѣсколько позже Олеарій въ томъ же Кремлѣ, кромѣ 2 монастырей, насчитываетъ 50 каменныхъ церквей, изъ которыхъ самыми замѣчательными были: Троицкая, Божіей Матери, Св. Николая и Архангела Михаила, въ которой находились гробницы Царей. (63) Рейтенфельсъ тоже насчитываетъ здѣсь болѣе 30 церквей, между ними два монастыря. (64) Въ Китайгородѣ, другой части Москвы, иностранцы указываютъ, какъ на замѣчательную, на Входоіерусалимскую церковь, которую они просто называютъ Іерусалимомъ и еще Троицкою (Trois) (Покровскій Соборъ или Василій Блаженный). Церковь эта извѣстна, между прочимъ, по тому обстоятельству, что мастеръ, который ее выстроилъ, по приказанію Ивана Грознаго, былъ лишенъ зрѣнія, изъ опасенія, чтобы онъ и въ другомъ мѣстѣ не выстроилъ подобной. Это та самая церковь, къ которой, по ихъ словомъ, въ недѣлю Ваій Патріархъ совершалъ шествіе на ослѣ. (65) Но это ошибка: Патріархъ ѣхалъ наобо-

ротъ, отъ этой церкви къ Успенскому Собору, какъ справедливо замѣчаетъ Маскевичъ. (66) Съ восточной стороны этой церкви устроено было особое возвышеніе изъ 6 ступеней, которое было обведено вокругъ рѣшеткою и вымощено бѣлымъ мраморомъ: отсюда Патріархъ обыкновенно благословлялъ народъ. (67) Свидѣтельства нашихъ писателей о числѣ всѣхъ церквей въ Москвѣ очень различны, не смотря на то, что почти всѣ они принадлежатъ 2-й половинѣ XVII вѣка. Такъ, по однимъ, всѣхъ церквей въ Москвѣ было до 200, (68) по другимъ 1000, 1700, (69) но большинство доводитъ эту цифру до 2000, (70) а Петрей, еще въ началѣ XVII вѣка, насчитываетъ въ Москвѣ всѣхъ церквей, монастырей и часовенъ 4500. (71) Такое громадное количество церквей и вообще молитвенныхъ домовъ можетъ сначала поразить насъ, но это значительное число потеряетъ свое значеніе, если мы примемъ въ соображеніе, что многія церкви были такъ малы, что, по словамъ того же Петрея, въ нихъ едва могло помѣститься 5—6 человѣкъ, и что ни одна изъ нихъ не могла сравниться съ любою Нѣмецкою кирхою. Доказательствомъ небольшой вмѣстительности нашихъ церквей можетъ служить то, что во время большаго стеченія народа многимъ приходилось оставаться на дворѣ. (72) Правда, въ словахъ Петрея нельзя не видѣть, свойственной Протестантамъ вообще и ему въ частности, замашки представить Русскаго человѣка въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ, но во многихъ случаяхъ слова эти могли найти для себя полное оправданіе, особенно когда дѣло идетъ о домашнихъ церквахъ. Олеарій тоже замѣчаетъ, что нѣкоторыя изъ домашнихъ церквей даже въ домахъ Бояръ были такъ малы, что въ длину занимали не болѣе 15 футовъ. Онъ пишетъ, что онъ старался собрать самыя точныя свѣдѣнія о количествѣ церквей въ Москвѣ: въ первомъ изданіи своего путешествія онъ выставилъ 1500 церквей, но потомъ, на основаніи точныхъ извѣстій, полученныхъ частію отъ проживавшихъ долго въ Москвѣ иностранцевъ, частію отъ Русскихъ Пословъ, бывшихъ въ Голштинскомъ Герцогствѣ, онъ увѣрился, что число всѣхъ церквей, монастырей и часовенъ въ его время восходило до 2000. О количествѣ церквей и молитвенныхъ домовъ въ Москвѣ можно судить уже по тому отзыву, что чрезъ пять домовъ у насъ всегда можно было встрѣтить часовню. (73) Павелъ Діяконъ выставляетъ такое громадное число

церквей, что далеко оставляетъ за собою даже Петрея. Онъ передаетъ со словъ Архидіякона, бывшаго при Никонѣ, что всѣхъ церквей въ Москвѣ было болѣе 4000, а если сосчитать и придѣлы, то выйдетъ болѣе 10,000, по тому что каждая церковь имѣла 2—3 престола. Достаточно замѣтить въ этомъ случаѣ, что, по словамъ того же Павла, въ Москвѣ, въ продолженіи цѣлаго года, почти каждый день въ какой ни будь церкви былъ храмовымъ праздникомъ. (74) Но на Руси не одна Москва была такъ богата церквами: много ихъ было и въ другихъ городахъ. Павелъ, во время своего путешествія, насчитываетъ въ Кіевѣ всѣхъ церквей и монастырей (въ томъ числѣ разрушенныхъ и не возстановленныхъ) около 100. Опровергая ходячій слухъ о томъ, будто въ Россіи были церкви, въ которыхъ для путешественниковъ Богослуженіе могло быть совершено и въ полночь, и вечеромъ, онъ говоритъ, что въ этомъ не было надобности, по тому что всѣ дороги были усѣяны церквами, и всякій путешественникъ могъ по собственному желанію остановиться въ ближайшей изъ нихъ. (75) Что касается монастырей, то число ихъ тоже было велико. Кобенцель и другіе писатели говорятъ, что у насъ на разстояніи двухъ, трехъ, миль можно было встрѣтить какой ни будь монастырь. (76) При монастыряхъ тоже бывало по нѣскольку церквей, и въ каждой изъ нихъ по нѣскольку придѣловъ; даже при каждой трапезной братіи монастыря была своя, особая церковь. (77) На вопросъ Патріярха Макарія о количествѣ всѣхъ монастырей въ Россіи Патріярхъ Никонъ отвѣтилъ, что ихъ было болѣе 3000, не включая въ это число тѣхъ, которые находились въ присоединенной тогда Малороссіи, и что первымъ по величинѣ и богатству считался монастырь Троицко-Сергіевскій, за тѣмъ Кирилло-Бѣлозерскій, а третьимъ Соловецкій. (78) Впрочемъ, если сама Москва была богата церквами даже до излишества; если даже повѣрить Павлу, что онъ на всемъ своемъ пути встрѣчалъ достаточное количество церквей, то все таки еще нельзя сказать, чтобы вообще число церквей въ Россіи соотвѣтствовало количеству всего Православнаго Русскаго народонаселенія, которое было разбросано на большомъ пространствѣ, гдѣ сплошь до рядомъ нѣсколько деревень принадлежало къ какой ни будь отдаленной церкви. Нѣкоторые путешественники замѣчаютъ въ этомъ отношеніи большіе пробѣлы. Петрей разсказываетъ, что были

такія мѣстности, гдѣ не было церквей, и что тамъ церкви замѣнялись простыми крестами. Обыкновенно ставили большіе деревянные кресты, вышиною 3—4 аршинъ, которые благословлялись и освящались Священникомъ; на этихъ крестахъ вырѣзывались стихи изъ псалмовъ, и мѣстные жители совершали у нихъ свое Богослуженіе, равно какъ вечернія и утреннія молитвы. (79)

Усердію Русскихъ къ постройкѣ храмовъ равнялась ихъ любовь къ украшенію этихъ храмовъ. Это усердіе къ благолѣпію храмовъ и готовность жертвовать для этой цѣли посильными приношеніями служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ набожности и искренняго религіознаго чувства. У Павла мы встрѣчаемъ весьма много данныхъ для описанія богатства и внутреннихъ украшеній нашихъ храмовъ; но такъ какъ описывать это богатство подробно здѣсь было бы утомительно, то мы коснемся только общаго отзыва иностранцевъ о великолѣпіи и богатствѣ нашихъ церквей и монастырей. Петрей, перечисливъ 5 главнѣйшихъ церквей въ Кремлѣ Московскомъ, замѣчаетъ, что всѣ онѣ были обиты желѣзомъ и позолочены хорошимъ золотомъ. (80) Олеарій въ свое время упоминаетъ объ одной церкви (вѣроятно, церкви Благовѣщенія), что у нея была громадная створчатая дверь, обитая серебромъ. (81) А Павелъ Діяконъ, спустя 20 лѣтъ, въ одномъ Кремлѣ насчитываетъ 25 позолоченныхъ куполовъ, изъ которыхъ пять было на Успенскомъ Соборѣ, 9 на церкви Благовѣщенія, 2 на Екатерининской (это была Царицына церковь), 2 на церкви Св. Анны, 1 на церкви Рождества Божіей Матери, 2 въ монастырѣ Чудовомъ, а одинъ позолоченный куполъ находился внѣ Кремля, на Введенской церкви. По его словамъ, одинъ крестъ на придворной церкви Благовѣщенія стоитъ 100 милліоновъ золотомъ: онъ былъ весь изъ массивнаго металла. Это сообщилъ Патріярху Макарію самъ Никонъ; а когда Макарій выразилъ сомнѣніе, то Никонъ, въ объясненіе своихъ словъ, прибавилъ, что постройка бѣлой стѣны вокругъ Москвы стоила Великому Князю Василію Ивановичу не болѣе, чѣмъ этотъ крестъ и куполъ вмѣстѣ. Самый куполъ этой церкви былъ выложенъ чистымъ золотомъ толщиною въ палецъ. Сирійцы сами видѣли обломки большаго креста, упавшаго съ Успенскаго Собора; его длина была болѣе 4 локтей, ширина 3, а толщина одна пядень, а шаръ, въ которомъ онъ былъ утвержденъ, нельзя было обнять обѣими руками.

Но Сирійцамъ не хотѣли сказать, сколько вѣсилъ этотъ крестъ, по тому что это, по замѣчанію Павла, была одна изъ тайнъ Царя. (82) Колинсъ тоже передаетъ, что всѣхъ церквей въ Кремлѣ было 24 и что на большей части ихъ находились позолоченные верхи. (83) Вообще въ Кремлѣ было такъ много позолоченныхъ главъ на церквахъ и колокольняхъ, что ихъ блескъ придавалъ городу великолѣпный видъ снаружи: многихъ иностранцевъ сначала поражало это великолѣпіе. Но, познакомившись ближе съ Москвою, они теряли это обаяніе, и говорили про нее въ насмѣшку, что Москва снаружи казалась Іерусалимомъ, а внутри это Виѳлеемъ. (84) Петрей еще указываетъ на одну церковь, которая представляла замѣчательную особенность въ архитектурномъ отношеніи: это церковь во Имя Божіей Матери, находившаяся въ Александровской слободѣ. Камни, изъ которыхъ были сложены ея стѣны, были расписаны различными красками, такъ что одинъ былъ черный, другой бѣлый, посеребренный, третій желтый, позолоченный; кромѣ того на каждомъ камнѣ находилось изображеніе креста. Все это вмѣстѣ производило на зрителя пріятное впечатлѣніе. (85)

Еще какъ на особенную и отличительную черту набожности Русскихъ, которая рѣзко бросалась въ глаза иностранцамъ, наши писатели указываютъ на ихъ привязанность къ колокольному звону. Въ церковной практикѣ Христіянской жизни колоколъ употреблялся главнымъ образомъ для созыванія вѣрующихъ на молитву, и по тому онъ составляетъ необходимую принадлежность храма; но въ религіозномъ сознаніи Русскаго народа колоколъ имѣлъ особенное значеніе. По словамъ иностранцевъ, Русскіе относились съ такимъ благоговѣніемъ къ колоколамъ, и считали колокольный звонъ такою необходимою принадлежностію Христіянскаго Богослуженіи, что безъ него оно считалось какъ бы не полнымъ. (86) Олеарій приводитъ слѣдующій разсказъ, относящійся къ данному случаю. Однажды Шведскіе Послы, бывшіе въ Россіи, заявили Русскимъ Приставамъ, что они желаютъ праздновать день Архангела Михаила. Послѣдніе удивились и выразили сомнѣніе на счетъ возможности исполненія этого желанія. «Какъ же это возможно, замѣтили они Посламъ, когда вы въ такомъ дальнемъ путешествіи не взяли съ собою колоколовъ?» (87) Въ праздничные дни Русскіе старались высказать свою духовную

радость и торжество учащеннымъ и непрерывнымъ колокольнымъ звономъ; въ эти дни такъ много и часто звонили, гулъ отъ многочисленныхъ колоколовъ столицы такъ сильно потрясалъ воздухъ, что, по словамъ иностранцевъ, на улицѣ нельзя было слышать собственнаго голоса, а при звонѣ въ большой колоколъ, висѣвшій вблизи колокольни «Иванъ Великій», нельзя было ничего слышать даже въ сосѣднихъ улицахъ, а когда звонили во всѣ колокола, то въ ушахъ гудѣло. (88) При такомъ, такъ сказать, благоговѣніи и любви къ колокольному звону, Русскіе естественно заботились объ увеличеніи числа колоколовъ при своихъ церквахъ и монастыряхъ. По словамъ нашихъ писателей, каждая церковь имѣла не менѣе 2, 3 колоколовъ, а многія имѣли ихъ по 6, 7, 10, 12 и болѣе, и вообще, при церквахъ бывало много колоколовъ. (89) Даже при домовыхъ церквахъ имѣлось множество колоколовъ. (90) А Павелъ Діяконъ выражаетъ глубокую скорбь, сравнивая бѣдственную участь въ этомъ отношеніи Востока съ богатою колоколами Россіей. По его словамъ, въ Москвѣ при каждой церкви, какъ бы мала она ни была, было около 10 колоколовъ, и такъ какъ по его счету всѣхъ церквей въ Москвѣ было 4,000 то все число колоколовъ должно было восходить до 40,0000, между тѣмъ какъ въ Константинополѣ и Антіохіи, взятыхъ вмѣстѣ, нашлось бы не болѣе 2000 церквей и столько же колоколовъ. (91) Можетъ быть число Павла и преувеличено, но и Олеарій замѣчаетъ, что число всѣхъ колоколовъ въ Москвѣ доходило до нѣсколькихъ тысячъ. (92)

Но Русскіе не столько заботились о томъ, чтобы у нихъ побольше было колоколовъ, а также о томъ, чтобы самые колокола были по возможности громадныхъ размѣровъ и вѣсу и производили сильный и оглушительный звонъ. И дѣйствительно, у насъ выливались громадивѣйшіе колокола, вѣсившіе нѣсколько тысячъ пудовъ и составлявшіе въ своемъ родѣ чудо свѣта. Россія въ этомъ случаѣ могла служить единственнымъ исключительнымъ примѣромъ, особенности въ складѣ и особенности народнаго благочестія. Наши колокольни и колокола превосходили въ свое время все, что было извѣстно въ этомъ родѣ во всемъ Христіянскомъ мірѣ. Павелъ замѣчаетъ, что колокольни у насъ строились круглыя, четыреугольныя и 8 угольныя, съ высокими и красивыми куполами. (93) Особенное вниманіе иностранцевъ об-

ращала на себя извѣстная колокольня въ Москвѣ, «Иванъ Великій:» она служитъ предметомъ весьма многихъ описаній. По словамъ иноостранцевъ, она могла спорить по своей высотѣ съ высочайшими башнями Европы; ея куполъ видѣлся во всѣ стороны на разстояніи 10 верстъ; народная молва говорила, что ее видно на разстояніи двухдневнаго пути, но Павелъ относитъ это къ плодамъ фантазіи. (94) По словамъ Колинса, она равнялась башнѣ Св. Марка въ Венеціи. (95) Таннеръ такъ описываетъ ея внѣшній видъ: нижняя ея часть была четыреугольная, а верхняя круглая; въ верхней ея части въ каждомъ окнѣ находилось по одному колоколу, которые звучали дискантомъ; подъ этимъ шелъ другой такой же рядъ окошекъ, съ колоколами въ каждомъ, которые звучали альтомъ; подъ ними былъ 3-й рядъ колоколовъ, звучавшихъ теноромъ, а еще ниже было столько же басовъ, и всѣ эти колокола составляли музыкальную гармонію. (96) Маскевичъ на этой колокольнѣ насчитываетъ 22 большихъ и болѣе 30 маленькихъ колоколовъ; между большими нѣкоторые, по его словамъ, не вступали Краковскому Сигизмунду. Таннеръ насчитывалъ на ней 37 колоколовъ, а Колинсъ 40—50. (97) На этой колокольнѣ были боевые часы, извѣстные по своей красивой отдѣлкѣ и большому колоколу, звукъ котораго не только раздавался по всему городу, но и былъ слышенъ въ окрестныхъ деревняхъ, отстоявшихъ отъ города болѣе, чѣмъ на 10 верстъ. Но Павелъ уже не засталъ этого колокола: онъ не задолго предъ тѣмъ разбился во время пожара; при отлитіи этого колокола однимъ мастерамъ было выдано 25,000 рублей. (98) Но громаднѣе и великолѣпнѣе всѣхъ этихъ колоколовъ былъ другой колоколъ, висѣвшій предъ Иваномъ Великимъ на деревянной башнѣ вышиною въ двѣ сажени. Олеарій говоритъ, что этотъ колоколъ былъ вылитъ при Годуновѣ и вѣсилъ 356 центнеровъ. Въ него звонили только по большимъ праздникамъ, при пріемѣ и отправленіи Пословъ, при въѣздахъ Царя въ Кремль; его языкъ приводился въ движеніе 24 человѣками. (99) Но этотъ колоколъ при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ замѣненъ другимъ еще большимъ; объ этомъ колоколѣ упоминаетъ Майербергъ, Виркгартъ и другіе, но подробнѣе всего онъ описанъ у Таннера. По этому описанію его окружность равнялась 28 локтямъ, толщина 2 дюймамъ, высота 7 локтямъ, а языкъ былъ такой толщины, что два человѣка съ трудомъ могли охва-

тить его своими руками. (100) Этотъ колоколъ также висѣлъ на деревянномъ устоѣ и игралъ ту же роль, какую имѣлъ колоколъ, раньше описанный Олеаріемъ и другими. Кажется, это былъ тотъ самый колококолъ, который былъ вылитъ въ 1655 году при Алексѣѣ Михайловичѣ. Павелъ былъ свидѣтелемъ, какъ производилась самая работа, какъ потомъ поднимали и устанавливали этотъ колоколъ, и оставилъ довольно подробное описаніе самаго открытія колокола. Надъ выдѣлкою этого колокола трудились съ Февраля до Декабря мѣсяца, при чемъ значительное число работниковъ состояло изъ стрѣльцовъ. Когда сложили въ печи весь металлъ, то разложили огонь, который горѣлъ 3 дня, пока мѣдь не расплавилась; кромѣ мѣди на отлитіе колокола пошло 40,000 талеровъ чистаго серебра. Епископъ освятилъ шахту, и такимъ образомъ благословилъ дѣло; въ слѣдующую ночь спустили эту ражженную массу въ каналы, въ которыхъ она остывала 3 дня; Патріархъ Никонъ постоянно наблюдалъ за работою и приглашалъ съ собою Макарія. Когда поднимали вылитой колоколъ изъ шахты, то при этомъ присутствовалъ въ священномъ облаченіи Епископъ съ Священниками и Діяконами, которые должны были возложить на колоколъ разныя священныя изображенія, сдѣланныя изъ серебра, и окропить его Святой водой. Этотъ колоколъ такъ былъ тяжелъ, что при поднятіи его веревки рвались и ихъ часто должны были замѣнять другими; наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій и трудовъ, удалось поднять его надъ шахтою на такую высоту, которая равнялась его собственной. Послѣ этого колоколъ стали очищать и полировать снаружи и внутри: теперь показалось самое отчетливое изображеніе Царя и Царицы, а вверху ихъ изображеніе Спасителя, который преподавалъ имъ свое благословеніе. На противуположной сторонѣ было сдѣлано совершенно точное изображеніе Патріарха Никона въ священныхъ одеждахъ, въ митрѣ и съ посохомъ въ рукахъ. Вверху колокола были изображенія Херувима и Серафима съ распростертыми во всѣ стороны крыльями. Павелъ усердно старался узнать вѣсъ, окружность колокола и проч., и ему удалось узнать отъ самаго мастера, наблюдавшаго за отливкою колокола, что его окружность равнялась 93 пядямъ, а вѣсъ былъ немного меньше 12,500 пудовъ. Такія же свѣдѣнія объ этомъ колоколѣ сообщилъ потомъ за тайну Патріарху Макарію самъ Никонъ. Толщина этого ко-

локола по глазомѣру равнялась одному аршину, а языкъ вѣсилъ 250 пудовъ и вышиною былъ въ $1^1/_2$ роста человѣческаго. Этотъ колоколъ, замѣчаетъ Павелъ, не только въ его время не имѣлъ ничего подобнаго себѣ въ цѣломъ свѣтѣ, но и не будетъ имѣть и послѣ. Устройство этого колокола, по его словамъ, превозносило Царя надъ всѣми современниками. Одинъ человѣкъ, бывавшій въ Парижѣ, передавалъ Сирійцамъ, что тамъ былъ подобный колоколъ, но тотъ имѣлъ въ окружности только 70 пядей. Въ первый разъ ударили въ этотъ колоколъ въ праздникъ Св. Николая: къ его языку было прикрѣплено четыре большихъ веревки, которыя натягивались сотнею стрѣльцовъ: отъ удара послѣдовалъ такой звукъ, который оглушилъ и привелъ въ сотрясеніе всѣхъ присутствовавшихъ; казалось, это были раскаты грома; деревянныя перекладины, на которыхъ онъ висѣлъ, не смотря на всю толщину и массивность, гнулись и качались, какъ прутья. Мы, говоритъ Павелъ, бѣжали прочь отъ него, изъ опасенія, чтобы онъ не оборвался и не упалъ на насъ. (101) Майербергъ и Таландеръ признаются, что этотъ колоколъ своею величиною превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ въ Христіянскомъ мірѣ. Въ ихъ время извѣстны были по своей величинѣ два колокола: Эрфуртскій и Пекинскій. Первый имѣлъ $9^1/_2$ футовъ вышины, 8 футовъ ширины, $29^1/_2$ футовъ окружности, $7^1/_2$ дюймовъ толщины и вѣсилъ 25,400 фунтовъ. Второй имѣлъ 13 футовъ и 4 дюйма высоты, 12 футовъ ширины, 44 фута окружности, 100,000 фунтовъ вѣсу. Но ни тотъ, ни другой не могъ сравниться съ тѣмъ, который былъ вылитъ въ Москвѣ 1655 году: онъ имѣлъ 19 футовъ высоты, 18 футовъ въ поперечникѣ, 64 фута окружности, 2 фута толщины; на отлитіе его употреблено было 440,000 фунтовъ мѣди; значительная часть этого матеріяла отошла въ гарь послѣ чего вѣсъ колокола всего былъ 340,000 фунтовъ. Внутри этого колокола можно было помѣститься 50 человѣкамъ. (102) Дивились иностранцы нашему колоколу, но не менѣе самаго колокола удивляло ихъ и то, что онъ былъ вылитъ Русскимъ мастеромъ. (103)

Въ связи съ особенною привязанностію Русскихъ къ внѣшнимъ признакамъ благочестія, съ ихъ усердіемъ къ умноженію церквей, устройству большихъ колоколовъ, стоитъ также привязанность ихъ ко Святымъ иконамъ и необыкновенно широкое

употребленіе иконной живописи въ религіозномъ быту Русскаго народа. То же постодушное чувство, которое любило услаждаться колокольнымъ звономъ, та же привычка къ внѣшнимъ формамъ Христіянскаго благочестія, побуждали Русскаго человѣка всегда окружать себя предметами его благоговѣйнаго поклоненія, всегда имѣть ихъ предъ своими глазами; ему казалось, что чѣмъ больше и ближе онъ будетъ окружать себя этими предметами, тѣмъ ближе и непосредственнѣе онъ самъ станетъ къ Божеству. Но ни какое искуство не могло до такой степени приблизить къ нему предметы его вѣры и поклоненія, не могло съ такою наглядностію представить ему эти предметы, какъ живопись. Вотъ по чему икона должна была пріобрѣсть такое необыкновенное почтеніе въ сознаніи Русскихъ, и получить такое широкое употребленіе въ ихъ религіозномъ быту. При недостаткѣ общаго и религіознаго просвѣщенія, она замѣняла Русскому человѣку все въ Христіянствѣ: и догматы, и знаніе церковной Исторіи, и даже Богослуженіе. Нигдѣ, можетъ быть, въ Христіянскомъ мірѣ иконы не имѣли такого широкаго приложенія въ религіозномъ быту, какъ у насъ. Только періодъ иконоборства въ Византійской Имперіи представляетъ намъ подобные примѣры необыкновенной привязанности къ иконамъ, доходившей до суевѣрнаго ихъ почитанія. Русскіе по священнымъ изображеніямъ изучали исторію Библейскихъ и Евангельскихъ событій. Олеарій разсказываетъ, что однажды въ Ревелѣ Пасторы хотѣли испытать одного Православнаго монаха въ знаніи Библіи; онъ не зналъ Нѣмецкаго языка и не понималъ переводчика, но лишь только ему показали Библейскія изображенія, онъ тотчасъ разсказалъ самую исторію. (104)

Въ сознаніи Русскаго человѣка икона считалась такою необходимою принадлежностію религіозной жизни, что безъ нея онъ не считалъ возможнымъ и помолиться. Присутствовалъ ли онъ въ храмѣ, или молился у себя дома, въ томъ и другомъ случаѣ онъ привыкъ имѣть предъ глазами икону. Кто приступалъ къ молитвѣ, тотъ сначала зажигалъ двѣ, три, свѣчи предъ иконою, и за тѣмъ уже начиналъ молится. (105) По словамъ сочинителя посланія къ Хитрею у каждаго Русскаго была деревянная доска, на которой было изображено нѣсколько ликовъ: къ ней приступала вся семья и съ воплемъ и крикомъ испрашивала у Св. Николая и его небесныхъ сожителей благословенія своему дому; при этомъ

всѣ такъ сильно били себя въ грудь, что возбуждали жалость всякаго присутствующаго. (106) Петрей передаетъ, что у насъ даже положительно запрещено было молиться безъ иконъ. (107) Молиться не иначе, какъ предъ иконою, было общимъ обычаемъ всего Русскаго народа, отъ Царя до послѣдняго поселянина. Павелъ, какъ очевидецъ, говоритъ, что Русскіе очень любили почитать иконы и постоянно творили предъ ними поклоны. Во всемъ войскѣ, которое двинулъ Алексѣй Михайловичъ противъ Поляковъ, не было ни одного воина, который бы не имѣлъ въ изящной сумкѣ иконы, съ которой онъ никогда не разставался, гдѣ бы онъ ни находился; когда онъ желалъ молиться, онъ ее ставилъ на какую ни будь подставку, и тогда начиналъ молитву. (108) Родители съ юныхъ лѣтъ пріучали своихъ дѣтей къ почитанію иконъ; дѣтей становили предъ иконою и заставляли съ кротостію и благоговѣніемъ дѣлать поклоны, креститься и часто повторять: «Господи, помилуй!» Олеарій зналъ въ Ладогѣ одну женщину, которая дотолѣ не давала ѣсть своему ребенку, доколѣ онъ бывало не помолится такимъ образомъ 9 разъ. (109) Если же обыкновенная домашняя молитва всегда совершалась въ присутствіи иконъ, то икона тѣмъ болѣе считалась необходимою въ дѣлѣ церковной молитвы. Безъ иконы Священникъ не могъ совершить Службы, даже вычитывать своихъ каноническихъ Часовъ; а при совершеніи крещенія, брака, погребенія, всякій разъ нужна была икона. (110) Русскій человѣкъ никогда не хотѣлъ разставаться съ иконами и, отходя ко сну, любилъ, чтобы къ ней были обращены его послѣдніе взоры. Съ этой цѣлію въ спальняхъ богатыхъ и достаточныхъ людей у изголовья постели стоялъ, такъ сказать, цѣлый иконостасъ. Фаберъ передаетъ, что въ спальнѣ нашего Посла, Дмитрія Герасимова, отправленнаго къ Папѣ Клименту VII, у изголовья находились слѣдующія иконы: Божіей Матери—копія съ иконы, писанной Евангелистомъ Лукою, икона Рождества, икона Симеона Богопріимца, икона путешествія въ Египетъ Св. Семейства, иконы Страстей, Воскресенія и Вознесенія І. Христа, иконы, изображавшія Божію Матерь то въ радостномъ, то въ печальномъ, видѣ, наконецъ, икона Св. Апостоловъ. (111) Привязанность Русскихъ къ иконамъ была такъ сильна и непзмѣнна, что даже Нѣмцы должны были держать ихъ въ своихъ домахъ; иначе Русскіе не захотѣли бы

имѣть съ ними ни какихъ сдѣлокъ, и они никогда не могли бы найти слугъ изъ ихъ среды. (112)

Эта привязанность къ иконамъ, воспитываемая еще съ дѣтства, мало по малу переходила въ такую привычку, что Русскій человѣкъ никогда не хотѣлъ съ ними разставаться. Не говоря уже о церквахъ, внутри которыхъ всѣ стѣны были уставлены иконами и даже снаружи на стѣнахъ писались священныя изображенія, общественныя зданія, частные дома, даже отдѣльныя постройки и принадлежности двора, были украшаемы иконами; на воротахъ городскихъ стѣнъ и перекресткахъ улицъ наблюдателю попадались тѣ же иконы. Посевинъ замѣчаетъ, что на дверяхъ церквей, на торгѣ, на городскихъ воротахъ, видны были иконы Божіей Матери и Св. Николая. У каждаго хозяина въ домѣ были иконы, которыя обыкновенно ставились на самомъ почетномъ мѣстѣ, въ углу, гдѣ стоялъ столъ. (113) Это былъ общій обычай Русскаго народа, отъ простаго мужика до высшихъ сановныхъ лицъ, и чѣмъ выше было состояніе хозяина, тѣмъ больше можно было увидѣть въ его домѣ этихъ знаковъ внѣшняго Богопочтенія. Въ домѣ каждаго хозяина можно было найти множество иконъ, которыя были украшены золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, и чѣмъ больше было въ домѣ иконъ, тѣмъ это казалось лучше и почтеннѣе. (114) Послѣ того неудивительно, что въ сокровищехранительницахъ разныхъ богатыхъ церквей и монастырей, равно какъ у частныхъ богатыхъ лицъ, встрѣчалось огромное собраніе драгоцѣнныхъ иконъ. Павелъ Діаконъ разсказываетъ, что онъ былъ пораженъ множествомъ иконъ, хранившихся въ Царской казнѣ; здѣсь въ особой палатѣ складывались и хранились всѣ иконы, которыя дарили Епископы и начальники монастырей Царю и членамъ его семейства; а такихъ иконъ должно было собираться очень много, по тому что эти лица обязаны были являться къ Царю съ такими подарками по нѣсколько разъ въ годъ. (115) Русскіе не только устанавливали иконами внутреннія стѣны своихъ домовъ, а любили ставить ихъ и снаружи на домахъ и другихъ постройкахъ; этѣ иконы можно было увидѣть надъ каждою дверью, даже на каждыхъ воротахъ двора. (116) При описаніи Архіерейскаго дома въ Коломнѣ Павелъ замѣчаетъ, что тамъ въ каждой комнатѣ онъ видѣлъ мѣсто, уставленное иконами, и что не только внутри палатъ, но и сна-

ружи ихъ, надъ дверями, находились иконы; такимъ образомъ надъ дверями пекарни, и даже при входѣ на лѣстницу, можно было встрѣтить нѣчто въ родѣ иконостаса. Когда Патріарху Макарію случалось проѣзжать на судахъ, то обыкновенно у входа въ его каюту ставили такъ много иконъ, что изъ нихъ образовывался цѣлый иконостасъ. (117) Но Русскіе не ограничивались однимъ, такъ сказать, чисто домашнимъ употребленіемъ иконъ, а любили освящать ими всякое свое мѣстопребываніе. У нихъ было въ обычаѣ ставить иконы надъ дверями не только домовъ, но и лавокъ, разныхъ складовъ, на улицахъ и дорогахъ; у нихъ всегда можно было встрѣтить иконы на воротахъ городовъ и крѣпостей, при чемъ со внутренней ихъ стороны обыкновенно ставилась икона Божіей Матери, а снаружи икона Спасителя. (118) Такимъ образомъ были украшены иконами съ обѣихъ сторонъ всѣ ворота Московскаго Кремля; въ Кремлѣ города Коломны Павелъ видѣлъ четверо вороть, и надъ каждыми воротами были иконы Спасителя снаружи и Божіей Матери извнутри. Этѣ иконы обыкновенно помѣщались въ углубленіи стѣны, которое ограждено было рѣшеткой и защищено отъ дождя аркою; предъ ними висѣли лампадки, въ которыхъ постоянно горѣли восковыя свѣчи. Такимъ же точно образомъ и вездѣ на монастырскихъ и городскихъ воротахъ, на дверяхъ и стѣнахъ церквей, можно было встрѣчать подобныя священныя изображенія. (119) На войнѣ Русскіе носили знамена съ изображеніемъ креста, силою котораго они думали отражать враговъ. (120)

Съ такою любовію и привязанностію Русскихъ къ иконамъ соединялось и глубочайшее почтеніе къ нимъ. Это почтеніе съ особенную выпуклостію выставляется на видъ въ описаніяхъ иностранцевъ. Икона составляла первый достопочтенный предметъ въ домѣ, на который обращалось вниманіе Русскаго человѣка при входѣ въ комнату. При посѣщеніи чужаго дома гость, не говоря никому ни слова, обращался прежде всего къ образамъ, которые ставились въ самомъ почетномъ мѣстѣ въ углу, за столомъ: если его глаза не могли сразу отыскать желаемаго предмета, по тому ли, что икона была старая, истертая, или по другимъ причинамъ, то онъ обращался къ присутствующимъ съ вопросомъ: «Гдѣ же Богъ?» И когда ему указывали икону, онъ трижды осѣнялъ себя предъ нею крестнымъ знаменіемъ, повторяя каждый разъ: «Господи,

помилуй!» за тѣмъ уже привѣтствовалъ хозяина и домашнихъ и заводилъ съ ними рѣчь о нужныхъ дѣлахъ. То же самое повторялось и при уходѣ гостя. (121) Далѣе, гдѣ бы ни встрѣтился Русскій человѣкъ съ иконою, онъ ни разу не проходилъ мимо нея, чтобъ не обнажить головы и не осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ; точно также онъ не пропускалъ случая, чтобы не перекреститься и не произнести: «Господи, помилуй!» каждый разъ при встрѣчѣ съ церквами, крестами и т. п. предметами Христіянскаго Богопочтенія. (122) Когда торжественно проносили икону, поднятую вверхъ, на пр., въ крестныхъ ходахъ, то всѣ, проходящіе мимо, отдавали ей почтеніе, обнажали голову, осѣнялись крестнымъ знаменіемъ и дѣлали глубокіе поклоны. (123) А женщины, по замѣчанію Павла Діякона, прикладываясь къ иконамъ, сбрасывали при этомъ свои мѣховыя шапки. (124) Словомъ, гдѣ бы ни попались на глаза Русскому человѣку предметы его вѣры и поклоненія, онъ оказывалъ имъ каждый разъ глубочайшее благоговѣніе. «Если бы, говоритъ тотъ же писатель, въ продолженіи одного часа Русскому пришлось встрѣтиться съ сотнею иконъ, то онъ не опустилъ бы предъ каждою сдѣлать глубокій поклонъ, и этотъ обычай всѣ соблюдали, не только мущины, но и женщины и дѣти. (125) Такое выраженіе строгаго внѣшняго Богопочтенія удивляло не только Протестантовъ и Католиковъ, но даже такого Православнаго писателя, какъ Павелъ Діяконъ. (126) Воздавая глубокое почтеніе иконамъ, Русскіе, съ другой стороны, всячески старались устранять отъ нихъ все то, что только могло одною близостію, или прикосновеніемъ, оскорбить ихъ священное свойство. Такимъ образомъ считалось неприличнымъ не только стоять предъ иконою въ шапкѣ, но даже класть ноги на лавку, обратясь къ иконѣ лицомъ. Въ несчастныхъ случаяхъ на пр., во время пожара, Русскіе старались прежде всего спасать иконы, а если онѣ попадались въ руки враговъ, на примѣръ, во время войны, то за дорогую цѣну выкупали ихъ изъ плѣна. (127) Когда заводили рѣчь объ иконахъ, то самыя выраженія старались подбирать вполнѣ благоприличныя и соотвѣтствующія священному свойству предмета, и отступленіе отъ этихъ принятыхъ формъ считалось признакомъ неуваженія къ самымъ иконамъ. Павелъ передаетъ, что наши мастера иконъ не продавали сами отъ себя своихъ издѣлій дома, а сбывали ихъ купцамъ, которые

ихъ продавали уже на торгу. (128) Въ Москвѣ былъ особый дворъ съ лавками, въ которыхъ продавались иконы. При договорѣ о продажѣ и покупкѣ иконъ также соблюдались извѣстныя условныя формы, въ которыхъ высказывалось тоже почтительное чувство Русскаго человѣка. Такъ, на примѣръ, считалось неприличнымъ выраженіемъ сказать о пріобрѣтенной иконѣ, что она куплена (по той причинѣ, что нельзя покупать Святыхъ), а употреблялось выраженіе, что икона «вымѣнена на деньги,» если икона уничтожалась пожаромъ, то не говорили, что она сгорѣла, а что она «вознеслась на небо», или «выбыла;» точно также выражались и о сгорѣвшей церкви. Считалось также неприличнымъ вѣшать иконы на гвоздяхъ, по этому ихъ ставили на особыхъ подставкахъ. (129) Если икона по ветхости не могла болѣе служить, ее не выбрасывали и не сожигали, но или пускали на рѣку и предоставляли ея судьбу волѣ Божіей, или закапывали глубоко въ землю на кладбищѣ, или въ саду, и самое мѣсто охраняли отъ всего нечистаго. Иногда обветшалую икону приносили въ образную лавку, вмѣсто нея выбирали новую и въ замѣнъ ея доплачивали извѣстную сумму денегъ. Если продавецъ считалъ эту сумму недостаточною, то онъ выражалъ свое недовольство цѣною тѣмъ, что отодвигалъ прочь отъ себя деньги, а покупатель отсюда долженъ былъ понять, что онъ долженъ увеличить плату. (130) Послѣ этого понятно, что для религіознаго чувства Русскаго человѣка было въ высшей степени оскорбительно не только слышать какую ни будь явную хулу противъ иконъ, а и даже видѣть малѣйшее ослабленіе подобающаго имъ уваженія; Русскіе не могли терпѣть какихъ бы то ни было насмѣшливыхъ выходокъ противъ иконъ; не могли равнодушно слушать, когда Протестанты называли иконопочитаніе идолопоклонствомъ. Въ своемъ разговорѣ съ Рокитою Грозный дѣлаетъ различіе между постыдными изображеніями Діаны, Аполлона и священными иконами Угодниковъ: первыя, по его мнѣнію, слѣдуетъ презирать, а послѣднія почитать. А когда тѣ же Протестанты указывали на слова: «поклонишися Господу Богу твоему, и тому единому послужиши,» то Русскіе отвѣчали, что это сказано было діяволу, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказано также, что Богъ святится молитвами, которыя мы возносимъ къ Святымъ.» (131) Защищая свое иконопочитаніе отъ нападеній иновѣрцевъ, Русскіе употребляли простыя доказатель-

ства: они ссылались на преданіе, на чудеса, приводили въ сравненіе почитаніе, которое воздаютъ подданные своему Царю и т. п. Когда же имъ дѣлали возраженія, которыя трудно было опровергнуть, то они или тотчасъ прекращали бесѣду, или давали предостереженіе своимъ противникамъ, чтобы они выражались скромнѣе, и своими неприличными выраженіями не оскорбляли того, что для нихъ составляло предметъ почитанія. Датскій посолъ Ульфельдъ разсказываетъ слѣдующій случай изъ своего путешествія. Когда онъ однажды во время подобнаго разговора съ Русскими сталъ развивать Протестантскій взглядъ на иконопочитаніе, то они тотчасъ его перебили и сказали, что весьма многіе изъ тѣхъ, которые у нихъ возставали противъ иконопочитанія, подвергались, въ наказаніе, темничному заключенію и даже смертной казни, и что они ни сколько не сомнѣваются въ томъ, что Лютеръ будетъ осужденъ со всѣми своими послѣдователями, а они, Русскіе, спасены. При этомъ Ульфельдъ замѣчаетъ, что кто осмѣлился бы Русскимъ сказать что ни будь противъ подлинности иконы Божіей Матери, или высказать другое подобное сомнѣніе, тому отрѣзали бы языкъ и потомъ такого богохульника сожгли бы. (132)

Не смотря, однако жь, на это, всеобщее благоговѣніе къ иконамъ, свойственное Русскимъ, по свидѣтельству иностранцевъ, и между ними, въ описываемую нами пору, можно было встрѣтить лица, которыя держались въ этомъ случаѣ вольнодумческаго образа воззрѣній. Изъ тѣхъ указаній, которыя мы встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ у нашихъ писателей, видно, что у насъ были двѣ крайности: между тѣмъ какъ одни раздѣляли воззрѣніе на иконопочитаніе, примыкая къ очеловѣченію, другіе склонялись къ Протестантскому образу представленія и почти вовсе отвергали иконопочитаніе. Гербиній отзывается о простомъ и Русскомъ народѣ въ предѣлахъ Московскаго Гусударства, что онъ имѣлъ такое грубое представленіе объ иконахъ, что воображалъ, что иконы дѣйствительно живутъ и чувствуютъ. (133) Олеарій представляетъ нѣсколько примѣровъ суевѣрія Русскихъ. Въ 1611 году Шведскій полководецъ Делагарди занялъ Новгородъ, при чемъ все было предано огню. Одинъ Русскій, желая спасти свой домъ отъ разрушенія, выставилъ икону Св. Николая и молился предъ нею, чтобы его домъ былъ спасенъ отъ пожара. Молитва не

была услышана; пожаръ скоро охватилъ его домъ. Обманутый въ своихъ надеждахъ, раздраженный хозяинъ иконы бросилъ ее съ досады въ огонь, сказавъ: «Ты не хотѣла помочь мнѣ, теперь помоги себѣ самой!» (134) Въ смутныя времена многіе жители окрестностей Смоленска бѣжали въ лѣса съ иконами и домашнимъ скотомъ, но Поляки отыскивали ихъ и отбирали имущество. Тогда Русскіе, повѣсивъ на деревьяхъ свои иконы въ обратномъ положеніи, укоряли ихъ въ своемъ несчастіи, приговаривая: «Мы вамъ молимся, а вы насъ отъ Литвы не обороните.» А вотъ еще другой случай, разсказанный тѣмъ же писателемъ. У одного крестьянина воръ укралъ вола. Хозяинъ разсердился на икону, и, въ досадѣ, бросилъ ее въ навозъ, сказавъ: «Я тебѣ молюсь, а ты меня отъ воровъ не оберегаешь.» (135) Колинсъ разсказываетъ, что одна женщина украсила драгоцѣнностями икону Св. Николая; потомъ она впала въ бѣдность. Однажды она пришла въ церковь и стала молиться Св. Николаю, чтобы онъ далъ ей отъ своей иконы нѣсколько драгоцѣнныхъ камней. Икона не давала ей ни какого знака; женщина приняла ея молчаніе за знакъ согласія, и тутъ же сняла съ нея нѣсколько рубиновъ. Но ея воровство было замѣчено, и она потомъ была предана суду. По словамъ того же писателя, Русскіе постоянно дѣлали такое употребленіе изъ украшеній домашнихъ своихъ иконъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. (136) Но Олеарій представляетъ намъ въ средѣ Русскихъ и примѣръ Протестантскаго воззрѣнія на иконопочитаніе и, что еще замѣчательнѣе, въ числѣ лицъ, склонныхъ въ этомъ случаѣ къ Протестантству, онъ указываетъ намъ одно духовное лицо Въ Нарвѣ онъ зналъ одного Русскаго купца, Филиппа; это былъ образованный по своему времени человѣкъ, хорошо знавшій Библію. Посѣтивъ его однажды, Олеарій завелъ съ нимъ рѣчь объ иконахъ. Въ серединѣ разговора нашъ купецъ вынулъ платокъ и, потирая имъ икону, показалъ, что онъ такимъ образомъ можетъ стереть краску, а дерево сжечь. «Такъ спрашивается, продолжалъ онъ, долженъ ли онъ послѣ того почитать ее? За тѣмъ онъ взялъ Славянскую Библію, отыскалъ въ ней нѣсколько мѣстъ и, на основаніи ихъ, сталъ доказывать, что человѣкъ долженъ искать воли Божіей и сообразовать съ нею всѣ свои дѣйствія. Этотъ образъ его мыслей очень понравился его гостямъ, Протестантамъ; они его спро-

силй: «По чему же онъ съ такимъ просвѣщеннымъ сознаніемъ не постарается распространить лучшихъ понятій и между единовѣрцами?» Нашъ купецъ отвѣчалъ на это, что онъ не имѣетъ призванія на такое дѣло, по что онъ съ чистою совѣстію можетъ держать у себя иконы, которыя служатъ знаками къ воспоминанію Бога и Святыхъ. Еще болѣе рѣзкимъ взглядомъ на иконы, по словамъ того же Олеарія, отличался Протопопъ Іоаннъ Неронов. Онъ будто утверждалъ, что не слѣдуетъ воздавать иконамъ, которыя суть произведеніе рукъ человѣческихъ, той чести, которая свойственна Божеству. «Если же ихъ почитать, говорилъ Нероновъ, какъ изображенія Бога и Святыхъ, то не болѣе ли заслуживаетъ почитанія самъ человѣкъ, который есть образъ Божій, и который самъ дѣлаетъ эти изображенія? Такой порядокъ вещей, по которому образъ Божій воздаетъ почтеніе изображенію человѣческому, долженъ быть признанъ превратнымъ и несправедливымъ.» Нероновъ за такой образъ мыслей былъ сосланъ Патріархомъ въ одинъ монастырь, лишенъ сана и заключенъ въ темницу, чтобы не могъ распространять своего ученія. (137) Объ этѣ крайности составляли исключеніе и сглаживались духомъ Православія. Проблески Протестантства, которыя видны въ приведенныхъ нами примѣрахъ, не могутъ внушать намъ ни какого подозрѣнія на счетъ нашего Православія; Протестанство не можетъ приразиться къ Православію; ему больше угрожаетъ другая крайность, противоположная первой; скорѣе можно думать, что наши предки XVI и XVII вѣка большею частію мыслили и чувствовали такъ, какъ ихъ изображаетъ Гербиній. Но и съ нимъ нельзя согласиться, будто весь народъ былъ на столько ограниченъ и суевѣренъ, чтобы приписывалъ иконамъ жизнь. Такого заключенія не позволяютъ намъ сдѣсать свидѣтельства другихъ писателей, которые вполнѣ справедливо замѣчаютъ, что болѣе просвѣщенные изъ Русскихъ почитали иконы не по самому ихъ веществу, но изъ любви и почтенія къ тѣмъ Святымъ, которые на нихъ изображены; что Русскіе различали между Богопочитаніемъ и почитаніемъ иконъ, и не воздавали послѣднимъ Божескаго почтенія. (138) И хотя сочинитель Посланія къ Хитрею, какъ Протестантъ, довольно рѣзко выражается, что Русскіе почитали иконы именно, какъ нѣчто Божественное въ самомъ себѣ, (139) но его отзывъ ослабляется свидѣтельствомъ такого почтеннаго пи-

сателя, какъ Олеарій, который, приводя частные случаи суевѣрнаго почитанія и воззрѣнія на иконы, не возводитъ этого въ общее явленіе.

Необыкновенная любовь и уваженіе къ иконамъ были причиною того, что спросъ на иконы былъ очень большой, а это, въ свою очередь, вызвало къ дѣятельности искуство и размножило мастеровъ этого дѣла. Епископамъ ежегодно въ извѣстныя времена нужно было являться къ Двору съ подарками, и вотъ каждый изъ нихъ держалъ особаго живописца, который постоянно былъ занятъ у него работою. Такой же живописецъ находился и при каждомъ монастырѣ, Настоятели которыхъ тоже были обязаны являться къ Царю съ подарками. Павелъ Діяконъ съ большою похвалою отзывается объ искуствѣ нашихъ живописцевъ. По его словамъ, это были безподобные художники, произведенія которыхъ, по тонкости кисти и изяществу отдѣлки, приводили всѣхъ въ изумленіе. Онъ видѣлъ одну икону, на которой было изображено такое большое множество Ангеловъ, что зрителю казалось, будто онъ видитъ пчелиный рой, и все это было отдѣлано съ такою точностію и съ малѣйшими оттѣнками, что приводило всѣхъ въ удивленіе; икона эта стоила 150 рублей, но художественная ея сторона была неоцѣненна. (140) Замѣчательно, что и Посевинъ сходится съ Павломъ въ хорошемъ отзывѣ о нашей Церковной живописи; онъ также называетъ ее изящною и, какъ на особенность ея, указываетъ на то, что Русскіе гнушались изображеніемъ обнаженныхъ частей тѣла. (141) Но совсѣмъ иной отзывъ о нашихъ иконахъ мы встрѣчаемъ у Протестантовъ. Такъ, по словамъ Олеарія, это были изображенія въ $^1/_4$, или $^1/_2$, аршина длины и немного меньше ширины, написанныя масляными красками безъ особеннаго вкуса и искуства. (142) А Колинсъ прямо называетъ нашу церковную живопись безобразною, жалкимъ подражаніемъ Греческой живописи, и замѣчаетъ, что когда онъ спрашивалъ Русскихъ, для чего они изображаютъ такими своихъ боговъ, они отвѣчали, что этимъ они хотятъ выразить, что они чужды гордости. (143) По нашему мнѣнію, эти отзывы не противорѣчатъ одинъ другому: Олеарій, Колинсъ и другіе не Православные писатели, рѣдко имѣли возможность познакомиться съ лучшими образцами нашей церковной живописи; имъ приходилось большею частію сталкиваться съ низшимъ разрядомъ народа, который, по

естественной причинѣ, не могъ владѣть хорошими, изящными иконами. Но Павелъ очень часто обращаетъ вниманіе читателя на то, что иконы Русскихъ, не говоря уже объ ихъ богатыхъ украшеніяхъ, отличались именно изящнымъ и въ высшей степени художественнымъ рисункомъ. Въ Южной Россіи, въ Васильковѣ (Vasiliko), онъ видѣлъ икону Божіей Матери такого художественнаго рисунка, что ничего подобнаго ей онъ не встрѣчалъ ни въ Греціи, ни въ Великороссіи. И вообще, по его замѣчанію, у насъ на Югѣ была болѣе изящная живопись, чѣмъ на Сѣверѣ. Это зависѣло отъ того, что здѣшніе живописцы, заимствуя красоты формъ лица и цвѣтъ одежды у Западныхъ и Польскихъ живописцевъ, писали лики въ чисто Православномъ вкусѣ. Но самъ же Павелъ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ о Русскомъ народѣ вообще, что онъ изъ крайняго своего почтенія къ иконамъ, не обращалъ ни какого вниманія на ихъ художественную сторону; что для него прекрасная и безобразная живопись имѣла одинаковое значеніе; что Русскіе одинаково готовы были креститься и кланяться и живописнымъ иконамъ, и простымъ бумажнымъ рисункамъ, дѣлаемымъ дѣтьми. (144)

Еще одну особенность нашего иконопочитанія, по замѣчанію иностранцевъ, составляло то, что Русскіе употребляли лишь живописныя иконы, и не могли терпѣть разныхъ изображеній, на томъ основаніи, что Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ запретилъ почитать эти изображенія; по этому обычай Католиковъ молиться статуямъ они называли идолопоклонствомъ. Въ этомъ согласны почти всѣ писатели, которые только касаются этого предмета. (145) По замѣчанію Майерберга, Русскіе вообще не любили даже обыкновенныхъ статуй, не имѣвшихъ свойства священныхъ изображеній, такъ что внуки и даже дѣти забывали уже дѣдовъ и отцовъ. (146) Олеарій замѣчаетъ, что за нѣсколько времени до него въ часовнѣ Св. Николая, находившейся въ Тверскихъ воротахъ Москвы, имѣлось погрудное изображеніе Святителя рѣзной работы, но бывшій предъ тѣмъ пожаръ истребилъ его вмѣстѣ съ часовней. Для объясненія этого онъ прибѣгаетъ къ искуственной и ложной догадкѣ, будто это было изображеніе не древняго Святителя, а какого ни будь мѣстнаго Русскаго Святаго, носившаго тоже имя. (147) Посевинъ въ свое время также видѣлъ это изображеніе. Называя обыкновеніе Русскихъ употреблять одинъ живописныя

иконы заблужденіемъ, онъ укорялъ ихъ въ непослѣдовательности и указывалъ именно на существованіе этой статуи. (148) Павелъ Діяконъ тоже упоминаетъ о рѣзномъ изображеніи, находившемся въ Спаскомъ монастырѣ, сдѣланномъ изъ слоновой кости, на которой весьма искусно были вырѣзаны всѣ Господскіе праздники на подобіе такого же рѣзнаго креста, который находился на Св. Горѣ. (149) Изъ священныхъ изображеній у насъ только одно распятіе употреблялось рѣзной работы. (150)

Досель мы видѣли Русскаго человѣка при его Богослуженіи, въ общемъ смыслѣ этого слова. Теперь отъ храмовъ, иконъ, колоколовъ, перейдемъ въ область его обыденной практической жизни, и посмотримъ, какъ проявлялось его благочестіе въ его повседневномъ общественномъ и домашнемъ быту. Христіянскія начала нравственности и благочестія болѣе, или менѣе, проникаютъ всю жизнь человѣка и налагаютъ свой отпечатокъ на ея частныя многоразличныя проявленія, и кто дѣйствительно проникнутъ этими началами, того жизнь всегда будетъ носить отпечатокъ извѣстнаго религіознаго настроенія, нравственнаго свойства. Что мы сказали о частномъ человѣкѣ, то же самое должно сказать и о цѣломъ народѣ: чѣмъ больше и глубже онъ проникнутъ этими чувствами набожности, тѣмъ болѣ благочестивый и набожный характеръ будетъ имѣть и его внѣшнее поведеніе, его нравы и обычаи, его практическая жизнь. Такимъ образомъ характеръ практической повседневной жизни народа съ ея привычками и правилами можетъ служить для насъ наглядным показателемъ нравственной высоты и глубины народнаго духа, и такимъ образомъ служитъ характеристикою религіознаго чувства и сознанія. Практическая жизнь и есть собственно та среда, гдѣ развиваются и осуществляются идеалы благочестія; въ этой именно области религіозной жизни болѣе, чѣмъ въ какой либо другой, личность человѣка чувствуетъ себя свободною. А по тому здѣсь именно и слѣдуетъ искать основъ религіозной, такъ сказать, особности, какъ каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и цѣлаго народа; здѣсь нужно искать основъ той разности, какая существуетъ въ свойствѣ религіозной жизни и складѣ религіознаго быта различныхъ частныхъ лицъ и даже цѣлыхъ народовъ. И дѣйствительно, Русскій народъ ни въ одной области своей религіозной жизни не отразилъ столько особыхъ отличій своего народнаго духа,

своего естественнаго склада, ума и свойства какъ въ этой именно области религіознаго быта. Идеалъ Христіянской благочестивой жизни сложился у насъ своеобразно; нашъ практическій нравственно-религіозный бытъ имѣлъ особенный видъ и свойство; тутъ мы видимъ благочестіе собственно Русское, такое благочестіе, которое у насъ только на Руси и можно было найти. У насъ была Православная Вѣра, но ту же Вѣру содержали и Восточные наши единовѣрцы; однако, что касается идеаловъ благочестивой жизни, то Россія въ разсматриваемую нами пору представляла постороннему наблюдателю много исключительнаго и своеобразнаго. Ни что такъ видимо рѣзко не отдѣляло Русскихъ отъ всѣхъ Западныхъ иновѣрцевъ, и даже единовѣрныхъ братьевъ Востока, какъ эта сторона религіознаго быта. Какія жь, спрашивается, были отличительныя черты нравственно-религіозной жизни Русскихъ? Какой выработался въ ихъ сознаніи идеалъ нравственной чистоты и благочестія? Если собрать всѣ разнообразныя черты, которыми путешественники иностранцы изображаютъ нравственно-религіозный бытъ Русскихъ и ихъ благочестіе, то общія черты, которыми можно означить ихъ религіозно-нравственное настроеніе и складъ благочестивой жизни, можно выразить двумя словами: это необыкновенное уваженіе къ отшельническимъ подвигамъ и привязанность къ внѣшнимъ предметамъ и пріемамъ благочестія. По словамъ Одерборна, Русскіе думали, что ничѣмъ такъ нельзя угодить Богу, какъ отреченіемъ отъ земныхъ занятій и посвященіемъ себя строгимъ правиламъ и благочестивымъ упражненіямъ монашескихъ обѣтовъ. (151) По такъ какъ различные частные виды отшельничества были принадлежностію особеннаго образа жизни, исключительно посвященнаго подвижничеству, то, для обозначенія нравственно религіознаго настроенія и благочестія всего общества, мы должны взять такой видъ нравственнаго подвижничества и упражненія въ благочестіи, который бы имѣлъ одинаковое приложеніе ко всѣмъ членамъ Христіянскаго общества и въ то же время одинаковое значеніе для ихъ чувства благочестія. Такимъ подвигомъ благочестивой жизни у насъ было умерщвленіе плоти постомъ.

Постъ считался столь существенною принадлежностію и необходимою стихіей истиннаго благочестія и глубокой нравственности въ глазахъ Русскаго человѣка, что безъ него самая нрав-

ственность для него была немыслима. Иностранцы жалуются, что Русскіе называли ихъ собаками за то, что они ѣли скоромное въ постные дни. (152) Послѣ того намъ не долженъ казаться страннымъ и пристрастнымъ отзывъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, которые говорятъ, что постъ былъ какъ бы составною частію самой религіозной жизни Русскаго народа. (153) Русскіе любили много поститься и самый постъ соблюдали очень строго. Иностранцевъ поражали наши частые посты и большое количество у насъ постныхъ дней; особенно страннымъ это должно было казаться Протестантамъ. Олеарій говоритъ, что у Русскихъ въ теченіи года можно было насчитать болѣе постныхъ дней, чѣмъ мясоѣда. (154) Еще болѣе удивляла иностранцевъ та строгость, съ которою у насъ соблюдались посты; въ постные дни не позволялось ѣсть мясной и молочной пищи, и особенною строгостію въ этомъ отношеніи отличалось время Великаго Поста. (155) Впрочемъ, иностранцы въ описаніи свойствъ нашихъ постовъ допускаютъ явныя ошибки; такъ нѣкоторые утверждаютъ, будто въ Масляную Недѣлю запрещалось ѣсть не только мясо, но даже и рыбу, и разрѣшалось только молоко, сыръ и яица. (156) Но Мейербергъ справедливо замѣчаетъ въ одномъ случаѣ, что въ эти дни рыба дозволялась. (157) Въ слѣдующую за тѣмъ первую недѣлю В. Поста Русскіе употребляли въ пищу только медъ, капусту, овощи и другую растительную пищу, а для питья употребляли лишь квасъ и воду, по словамъ же Ульфильда, и уксусъ. Въ то же врема они любили ходить въ баню, чтобы тамъ вымыться отъ прежнихъ грѣховъ, часто посѣщали церковь и дома предавались молитвеннымъ упражненіямъ. Какъ на особенность этого времени, можно указать на то, что Русскіе, по словамъ иностранцевъ, старались въ это время получать у Священниковъ благословеніе. (158) Говоря о строгости В. Поста, Герберштейнъ замѣчаетъ, что нѣкоторые во время этого поста принимали пищу только по Воскресеньямъ и Субботамъ, а въ остальные дни воздерживались отъ всякой пищи, и только въ полдень съѣдали кусокъ хлѣба. Другіе принимали пищу по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Четверкамъ и Субботамъ, а остальные три дня недѣли ни чего не ѣли. Весьма многіе довольствовались кускомъ хлѣба съ водой въ Понедѣльникъ, Среду и Пятницу. (159) Рейтенфельсъ замѣчаетъ, что у насъ особенною строгостію воздержанія отличались три первыхъ, три

среднихъ и трехъ послѣднихъ дня В. Поста, и что въ эти дни Русскіе не принимали ни пищи, ни питья. (160) Но еще съ болѣе строгимъ свойствомъ выступаетъ нашъ В. Постъ въ описаніи Павла Діякона. По его словамъ, Царь и Царица первые три дня поста проводили въ постѣ и молитвѣ, бодрствованіи, поклонахъ; надѣвали худшія одажды и ничего не ѣли до Среды; въ этотъ день Царь разрѣшалъ себя отъ поста однимъ кускомъ сладкаго хлѣба, который раздавалъ и своимъ Боярамъ. Въ этотъ же день Царь послалъ прибывшему съ нимъ Патріярху Антіохійскому Макарію въ подарокъ 3 чаши вина и зеленыхъ дынь, привезенныхъ изъ Астрахани. За тѣмъ Царь опять постился съ вечера Среды до полудня Субботы, когда онъ приступалъ къ Евхаристіи; тогда же онъ получалъ антидоръ, и такимъ образомъ разрѣшалъ свой постъ. Такимъ же точно образомъ проводили первую недѣлю В. Поста Бояре и вообще высшія правительственныя лица: въ продолженіи этихъ дней никуда не выходили изъ своихъ домовъ и предавались благочестивымъ упражненіямъ; они ежднево ходили въ церкви и клали непрестанно поклоны; каждый изъ нихъ день и ночь молился въ своей церкви и занимался чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ. Въ эту недѣлю Русскіе оставляли житейскія занятія: Царь и Бояре не занимались въ это время мірскими дѣлами, кромѣ особенныхъ важныхъ Государственныхъ. Простой народъ также не производилъ въ эти дни ни продажи, ни покупки. Свѣтская власть, съ своей стороны, принимала мѣры къ тому, чтобы святость этихъ дней не была нарушена какимъ ни будь безчинствомъ. Съ утра перваго дня В. Поста до Среды Свѣтлой Недѣли закрывались всѣ лавки, по крайней мѣрѣ, тѣ, въ которыхъ продавалось мясо. Равнымъ образомъ закрывались всѣ кабаки и питейные дома: они запечатывались стрѣльцами, и въ такомъ видѣ оставались до Среды Свѣтлой Недѣли. И горе было тому, кто въ эти дни встрѣчался въ пьяномъ видѣ, или съ рюмкою водки: виновнаго тотчасъ запирали въ холодную, связывали назадъ руки и въ такомъ видѣ возили по городу въ сопровожденіи палачей, которые провозглашали всѣмъ его вину и стегали его по спинѣ плетью, сдѣланною изъ бычачьихъ сухожилій. За тѣмъ его обратно отводили въ темницу, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться то время, на которое осужденъ. Такія строгія мѣры, замѣчаетъ Павелъ, заставляли Русскихъ быть осторожными въ эту недѣлю. Также

строго наблюдали за поведеніемъ народа и въ слѣдующія недѣли, каждую Среду и Пятницу, во всю Страстную Недѣлю и въ первые четыре дня Свѣтлой Недѣли. Въ Страстную Недѣлю Царь говѣлъ вмѣстѣ съ Боярами, и разрѣшалъ свой постъ только въ В. Четверкъ послѣ причащенія, и за тѣмъ воздерживался отъ всякой пищи до самой Пасхи. (161) Такая строгость въ соблюденіи постовъ естественно должна была приводить въ изумленіе иностранцевъ, не знакомыхъ съ постами; но въ описаніяхъ нѣкоторыхъ путешественниковъ эта строгость является даже въ преувеличенномъ видѣ. Такъ, на примѣръ, Кобенцель говоритъ, будто въ теченіи всей Четыредесятницы запрещалось употреблять приготовленную на кухнѣ пищу (cibum). Одерборнъ также передаетъ, будто во время постовъ Русскіе обыкновенно ни чего не ѣли до солнечнаго заката. (162) Въ этихъ словахъ, очевидно, преувеличеніе, или неточность; но что въ нихъ вѣрно схвачена и выражена строгость нашихъ постовъ, можно видѣть изъ того, что эта строгость приводила въ смущеніе и отчаяніе даже Павла Діякона, которому знакома была практика Православной Церкви. Вотъ какія впечатлѣнія и чувства вынесли Сирійцы отъ нашего говѣнія во время своего пребыванія въ Россіи. «Мы, пишетъ Павелъ Діяконъ, совершенно ослабѣли въ теченіе Великаго поста; мы испытывали такое мученіе, что казалось, будто насъ держали на пыткѣ, особенно мы страдали отъ недостатка пищи. Наша пища состояла изъ одного варенаго гороху и бобовъ, по тому что въ продолженіе поста у Русскихъ не позволялось употреблять въ пищу и масла. Горесть наша была неописанна. Для Русскихъ не было даже надобности запрещать въ эти дни мясо; по тому что въ это время ни у кого нельзя было его найти. Русскіе вовсе незнакомы были съ чечевицей и vetches: эти вещи можно было встрѣтить лишь у иностранцевъ, и то онѣ продавались у нихъ дороже перцу. Изъ растительнаго царства во время постовъ употреблялись въ пищу только соленые огурцы и капуста. У Русскихъ самая дешевая вещь - рыба, но и рыбы никто не ѣлъ, кромѣ солдатъ, мужиковъ и бѣдныхъ, а богатые и это считали грѣхомъ. О! какъ мы горѣли желаніемъ насладиться пищею нашей страны! Клянусь торжественно, что между нами нѣтъ ни одного, кто, познакомившись събственнымъ опытомъ съ постомъ у Русскихъ, сталъ бы жаловаться на нашъ постъ. Богъ свидѣтель, что тѣ съѣдобныя веще-

ства, которыя употребляются у насъ въ постъ, у нихъ не найдешь даже на Пасху и Пятьдесятницу, потому что у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ рыбы, масла и квасу.» (163) Эти слова могутъ служить лучшимъ обозначеніемъ нашихъ постовъ. Фаберъ хотя самъ не былъ въ Россіи, но, по разсказамъ нашихъ Пословъ, написалъ вѣрное изображеніе нашихъ постовъ. По его словамъ, Русскіе считали грѣхомъ ѣсть въ постъ мясо, и даже яица, а нѣкоторые даже отказывались отъ рыбы; въ нѣкоторые дни поста они совершенно отказывались отъ всякихъ напитковъ. Фаберъ былъ удивленъ разсказами о строгомъ воздержаніи Русскихъ во время постовъ; онъ сознается, что Католики его времени не могли и въ сравненіе ити съ ними въ дѣлахъ, касающихся Вѣры. Онъ высказывается, что онъ ни въ чемъ такъ крѣпко не убѣжденъ, какъ въ томъ, что Католики, которые такъ много увѣрены въ силѣ своей Вѣры, гораздо ниже Русскихъ по плодамъ этой Вѣры. И такъ, заключаетъ Фаберъ, «помолимся прилежно Богу, чтобы Онъ положилъ конецъ этой Фараоновой гордости нашего сердца, и ниспослалъ намъ благодать, чтобы мы научились добрымъ плодамъ у тѣхъ, кого мы называемъ дикарями.» (164) Трудно ожидать Православному Христіянину такого благосклоннаго и даже сочувственнаго отзыва изъ устъ истаго Католика. А Главиничъ еще далѣе расширяетъ предѣлы воздержанія Русскихъ и замѣчаетъ, что какое строгое воздержаніе они соблюдали во время постовъ, такую же умѣренность сохраняли послѣ него. (165)

Эти свидѣтельства иностранцевъ не оставляютъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что Русскіе въ строгомъ соблюденіи постовъ видѣли выраженіе высшей набожности и благочестія. Необыкновенная привязанность и уваженіе къ постамъ заставляла болѣе благочестивыхъ людей налагать на себя сверхъ обязательныхъ еще добровольные посты въ тѣ, или другіе, дни, въ тѣ, или другіе, періоды времени. Изъ свидѣтельствъ иностранцевъ видно, что у насъ еще въ старину было въ обычаѣ освящать постомъ Понедѣльникъ. Фаберъ пишетъ, что 8 человѣкъ изъ Русскихъ, которые находились въ Посольствѣ къ Императору Карлу V, еженедѣльно воздерживались отъ мяса три дня: Среду, Пятницу и Понедѣльникъ. (166) По словамъ Герберштейна, старый Князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій съ молодыхъ лѣтъ привыкъ вести очень суровую и воздержную жизнь; онъ въ продолженіи многихъ

лѣтъ не употреблялъ въ пищу мяса и питался только рыбою, и то лишь по Воскресеньямъ, Вторникамъ и Субботамъ, а во время поста по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ, воздерживался даже отъ рыбы. (167) Олеарій зналъ многихъ лицъ, которыя даже во время путешествія не дозволяли себѣ въ постъ ѣсть скоромную пищу (168). Павелъ Діяконъ передаетъ, что когда и Алексѣй Михайловичъ бывалъ на обѣдахъ въ монастыряхъ, онъ даже не касался скоромныхъ блюдъ, а довольствовался скромною пищею монаховъ, и что это было общимъ обычаемъ нашихъ Царей. (169) Но у нашихъ писателей мы встрѣчаемъ и такія данныя, которыя несомнѣнно доказываютъ, что это глубокое уваженіе Русскихъ къ постамъ доходило до чрезмѣрной строгости и мелочности. По ихъ словамъ, у насъ ни кого не освобождали отъ строгости постовъ; даже очень больнымъ людямъ не позволяли принимать въ постъ скоромной пищи; (170) а матери заставляли поститься даже малолѣтнихъ дѣтей; если же дитя по болѣзни не могло поститься, то за него должна была, по церковнымъ постановленіямъ, поститься мать; ребенка уже съ двухлѣтняго возраста заставляли исполнять посты. (171) Дѣти даже высшихъ семействъ подвергались такой же строгости. Павелъ разсказываетъ, что когда супруга Алексѣя Михайловича, во время свирѣпствовавшей въ Россіи заразы въ 1654 году, удалилась съ семействомъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, то ей во все время ея тамошняго пребыванія (продолжавшагося около 4 мѣсяцевъ) готовилась только постная пища, не смотря на то, что при ней былъ еще малолѣтній сынъ ея, Алексѣй. Грузинская Царевна упрекала Царицу въ такой строгости: «Вы не боитесь Бога, говорила она Царицѣ: мы, по крайней мѣрѣ, взрослые, но чѣмъ виноватъ маленькій Князь, это слабое дитя, что онъ долженъ мучиться постомъ?» Но Царица не обратила на эти слова ни какого вниманія. (172) Эти примѣры ясно показываютъ, что Русскіе въ своемъ усердіи къ посту доходили до крайней строгости. Но это и естественно: при отсутствіи просвѣщеннаго взгляда на вещи, имъ недоставало болѣе твердой опоры для нравственнаго поведенія; отсюда колебанія и крайности въ этомъ поведеніи; отсюда происходило то, что во время постовъ они готовы были ни чего не ѣсть и изможданли свою плоть, но за то въ другое время Русскій предавался вполнѣ невоздержанію и разгулу, а случалось, что даже и въ посты они наводили на это время подвижничества

нехорошую тѣнь своимъ пьянствомъ и неумѣренностію. Иностранцы замѣчаютъ, что если случался какой ни будь праздникъ въ томъ же посту, который Русскіе такъ строго соблюдали, то они до того напивались, что валялись по улицамъ, и это у нихъ не считалось и грѣхомъ; главное, лишь бы не осквернить себя мясомъ, и ни обѣщаніями, ни угрозами, нельзя было склонить ихъ поѣсть мяса въ эти дни: это считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. (173) По словамъ Флетчера, Русскіе различали самый родъ пищи, и употребленіе одного рода пищи у нихъ считалось болѣе душеспасительнымъ, чѣмъ другого; по этому въ посту они воздерживались отъ всего мяснаго и молочнаго, и это исполнялось съ такою слѣпою покорностію, что больной готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ рѣшиться съѣсть что ни будь скоромное въ посту. (174) Русскій, замѣчаетъ Колинсъ, не станетъ ни ѣсть, ни пить, послѣ того, кто ѣлъ мясо; если въ составъ лѣкарства входили какія ни будь животныя вещества, то онъ не принималъ его, хотя бы это стоило ему жизни. Ножикъ, которымъ рѣзали мясо въ посту, цѣлые сутки считался скоромнымъ. (175) Русскіе считали и сахаръ скоромною пищею, и по тому не употребляли его въ посту; сначала, впрочемъ, пока не знали его состава, они его употребляли и въ постные дни; но когда одинъ иностранный купецъ, Бокъ, сообщимъ Патріярху, что въ его составъ входитъ яичный бѣлокъ, то Патріархъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ посты отнюдь не употребляли сахару. (176) Майербергъ, однако жь, замѣчаетъ, что такому преслѣдованію подвергался только сахаръ, уже сбитый въ головы, но не сахарный песокъ. (177) Такимъ образомъ и въ способѣ пониманія и въ соблюденіи Русскими поста замѣтны черты Монтанизма: Русскій человѣкъ старался одновремено перенести постъ и воздержаніе на всѣ свои живыя чувства. Такъ, многіе писатели передаютъ, что у насъ соблюдался обычай, по которому во время постовъ, и особенно Великаго, супруги, будутъ ли то духовныя лица, или міряне, должны были воздерживаться отъ супружескихъ удовольствій, и виновные въ несоблюденіи этого правила лишались на цѣлый годъ Евхаристіи. (178) Олеарій передаетъ еще, что такое же воздержаніе въ теченіи 8 дней налагалось на всякаго, кто приступалъ къ Евхаристіи, былъ ли то Священникъ, или міряннинъ. (179)

Что касается благочестія и нравственнаго характера практи-

ческой обыденной жизни Русскихъ, то иностранцы описываютъ эту сторону ихъ жизни такими чертами, въ которыхъ видна та же наклонность къ внѣшнимъ пріемамъ благочестія и та же привязанность къ внѣшнимъ формамъ и символамъ набожности. По ихъ словамъ, Русскій человѣкъ начиналъ день молитвою и не выходилъ даже изъ дому, не помолившись Богу и Святымъ; утромъ, прежде чѣмъ принимался за какую ни будь работу, онъ повергался ницъ предъ иконою и творилъ пространную молитву, и вообще Русскіе часто любили молиться и набожно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. (180) И этотъ обычай строго соблюдался всѣми, начиная съ простого поселянина, проводившаго борозду на своей нивѣ, и оканчивая Боярами и Князьями, засѣдавшими въ Царской Думѣ. Всякій Боярин считалъ своимъ долгомъ предварять дневную работу церковною службою. Кромѣ самаго ранняго утра ихъ трудно было найти свободными: каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ домѣ красивую церковь и заботился объ ея украшеніи, стараясь превзойти въ этомъ отношеніи всѣхъ сосѣдей; при этой церкви онъ держалъ 3, 4 Священниковъ, которыхъ кормилъ и одѣвалъ; если Боярин собирался строить домъ, то непремѣнно тутъ же строилъ и церковь. Всякій Боярин не иначе являлся къ Царю, какъ выслушавъ предварительно у себя дома полную Службу, начиная съ Полунощницы и оканчивая Обѣднею. Павелъ замѣчаетъ, что въ его время большая часть Бояръ имѣла обыкновеніе ежедневно пріѣзжать съ своими женами на Обѣдню въ придѣлъ Митрополита Петра. И вообще, по его словамъ, Русскіе любили такъ много молиться, что по количеству вычитываемыхъ ими молитвъ, они превосходили нѣкоторыхъ Святыхъ. (181) Фаберъ говоритъ, что трудно встрѣтить людей, которые могли бы сравниться съ Русскими въ усердіи къ молитвѣ. (182) Нѣкоторые не принимались даже за пищу, не выслушавъ Литургіи. Кобенцель говоритъ, что такъ поступалъ бывшій при немъ Боярин Димитрій. (183) Все, что только напоминало Русскому человѣку о Богѣ, тотчасъ возбуждало въ немъ молитвенное расположеніе и чувство: такимъ образомъ попадался ли на встрѣчу путешественнику открытый храмъ, онъ не миновалъ зайти туда и выслушивалъ всю Службу, и хотя бы церковь была даже заперта, онъ все таки становился предъ церковными дверями на колѣни и молился съ поникшей головою. При видѣ церкви, монастыря,

или креста, Русскій человѣкъ не пропускалъ случая осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и проговорить свою краткую молитву: «Господи, помилуй!» Дома и въ дорогѣ, пѣшкомъ и на конѣ, онъ всегда соблюдалъ этотъ обычай; если при часовнѣ, или церкви, какимъ ни будь монахомъ собирался деньги, то всякій проходящій старался сдѣлать приношеніе по своему усердію. (184) Въ особенности же усердно и часто молились Русскіе во время какихъ либо тяжкихъ общественныхъ испытаній; въ этѣ минуты Русскій народъ искалъ утѣшенія въ религіозномъ чувствѣ. Такъ Павелъ говоритъ, что по случаю моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Россіи въ годъ прибытія Сирійцевъ, у насъ совершались крестные ходы, налагались на жителей посты и т. п. Когда Патріархъ Макарій проживалъ въ Коломнѣ, тамошнее духовенство просило его совершить крестный ходъ. Патріархъ освятилъ крестомъ воду мощами и священными предметами, которые привезъ съ собой. Мѣстный Воевода предложилъ Патріарху наложить на жителей постъ въ теченіи цѣлой недѣли, но Макарій ослабилъ и разрѣшилъ только на 3 дня; въ эти дни всѣ постились до 3 часовъ по полудни, а Воевода въ то же время запретилъ продавать какіе бы то ни было спиртные напитки; по истеченіи же этого срока совершили крестный ходъ вокругъ кремля. (185) А когда отправлялись на войну, можно было подумать, что идетъ настоящая священная война за Вѣру. Война освящалась именемъ Вѣры, и на нее шли съ крестомъ. (186) Петрей передаетъ, что предъ отправленіемъ въ походъ Цари обыкновенно посѣщали чудотворную икону Св. Николая въ въ Можайскѣ, и приносили большіе дары, чтобы онъ даровалъ имъ побѣду надъ врагами. (187) Самыя дѣйствія и распоряженія военныя также освящались Вѣрою, а иногда имѣли даже таинственное значеніе. Павелъ замѣчаетъ, что при возвращеніи изъ похода Польскаго все наше ополченіе было раздѣлено на три отряда, соотвѣтственно 3 лицамъ Св. Троицы. Предъ новымъ отправленіемъ въ тотъ же походъ Алексѣй Михайловичъ предварительно обошелъ всѣ монастыри въ Москвѣ и получилъ благословеніе у монаховъ; при этомъ онъ заказалъ сдѣлать новыя хоругви, и его провожали съ крестомъ за ворота Дворца. Здѣсь онъ приложился къ иконѣ Влахернской Божіей Матери и кресту Св. Константина, который въ этомъ походѣ долженъ былъ носить предъ нимъ Митрополитъ Крутицкій. У церкви Благовѣщенія стояли

Священники, которые окропляли святой водой проходившія войска. Вечеромъ Царь вошелъ въ церковь безъ вѣнца, на другой день въ соборѣ былъ молебенъ. Оба Патріярха и все духовенство вышло провожать Царя до самаго Дворца; здѣсь, на лѣстницѣ, ведущей ко Дворцу, стояли два Епископа и кропили святой водой всѣхъ проходившихъ; это шествіе продолжалось до самой часовни, которая была украшена разными матеріями. Здѣсь всѣ простились съ Царемъ; оба Патріярха благословили его; Архіепископы и Епископы поднесли иконы и всѣ стали подходить къ его рукѣ. Павелъ, описывая этотъ походъ, замѣчаетъ, что такіе же обычаи сопровождали и другіе походы Царя. Въ то же время разсылались по всѣмъ мѣстамъ приказанія, чтобы духовенство совершило молебенъ съ крестнымъ ходомъ по случаю выступленія въ походъ, и за тѣмъ при всякомъ извѣстіи о побѣдахъ были совершаемы благодарственные молебны. Павелъ, пріѣхавшій въ Россію съ своимъ Патріярхомъ во время самаго похода, видѣлъ, что духовенство постоянно совершало крестные ходы и молебны о Царѣ. Война съ Поляками даже не обошлась безъ чудеснаго. Воевода, оставленный Царемъ во Вильнѣ, донесъ ему, что въ одной битвѣ было убито 6,000 непріятеля и взято въ плѣнъ 28 знаменъ и болѣе 30 военачальниковъ; но при этомъ онъ сообщилъ еще другое, не менѣе важное, извѣстіе. Когда плѣнниковъ спрашивали: отъ чего они бѣжали безъ сраженія, тѣ отвѣчали, что они видѣли на небѣ образъ Алексѣя Михайловича на конѣ, съ находившеюся на верху надписью его имени, и Архангела Михаила съ обнаженнымъ мечемъ, которымъ онъ поражалъ ихъ войско: это навело на нихъ ужасъ, и они разбѣжались. Эта новость получена была въ самый праздникъ Крещенія. Патріярхъ Никонъ во всеуслышаніе прочиталъ ее въ церкви; при этомъ чтеніи Царь плакалъ отъ радости и умиленія, и тогда же, по случаю такого радостнаго извѣстія, былъ отправленъ благодарственный молебенъ. Умилительно было зрѣлище и тогда, когда Алексѣй Михайловичъ возвращался съ поля битвы. При въѣздѣ въ Москву (это было зимою) онъ заходилъ въ Новодѣвичій монастырь и встрѣтилъ вынесенныя ему иконы 3-мя глубокими поклонами, при чемъ касался челомъ почти самаго снѣга. Ему на встрѣчу вышло духовенство всѣхъ столичныхъ церквей съ хоругвями и крестами; во главѣ его было два Патріярха. Крестный ходъ ждалъ Царя у земляного

вала; на извѣстномъ разстояніи Царь сошелъ съ саней и продолжалъ ити пѣшкомъ въ сопровожденіи Бояръ и Архіепископа Тверскаго, который несъ предъ нимъ крестъ Константина Великаго, другіе несли мощи, иконы. По прочтеніи ектеніи и Евангелія Никонъ сказалъ привѣтственную рѣчь, въ которой сравнивалъ Царя съ Моиссемъ, Гедеономъ, Константиномъ Великимъ. Царь, получивъ у него благословеніе, отвѣчалъ, что не скипетръ, не мечъ, не деньги, не войско, помогли ему одержать побѣду надъ непріятедемъ, а его святыя молитвы. Никонъ вручилъ ему икону Божіей Матери, а Царь Патріярху крестъ Константина Великаго и мощи Святаго Златоуста. За тѣмъ, во время, шествія у каждыхъ городскихъ воротъ Царя окропляли святой водой. При громадномъ стеченіи народа и непрерывномъ гулѣ колоколовъ вошли въ Соборъ. Царь приложился ко всѣмъ мощамъ и иконамъ, а Никонъ вынесъ ему даже ковчегъ съ ризой Господней. (188)

Въ частной жизни, когда постигала кого тяжелая болѣзнь, грозившая смертію, надъ больнымъ совершали елеосвященіе, и послѣ этого не давали ему пищи, доколѣ онъ не показываетъ лучшей надежды: въ это время ему давали только воду, или теплое вино, въ которое были положены мощи, или просто окропляли ихъ святой водой. Нѣкоторые въ такомъ бѣдственномъ положеніи давали обѣты Божіей Матери и другимъ Святымъ, и по выздоровленіи дѣлали въ честь ихъ серебряныя иконы. (189) Другіе на одрѣ болѣзни изъявляли желаніе принять Ангельскій образъ, и ихъ тутъ же постригали, и за тѣмъ имъ, въ теченіи 8 дней, не давали никакой пищи, даже лѣкарства, по тому что они причислялись уже къ небесному міру Ангеловъ. Если же, противъ ожиданія, они успѣвали выздоравливать, то все таки исполняли данные ими обѣты монашества: если у кого была жена, то онъ разрывалъ бракъ съ нею и поступалъ въ монастырь. (190)

Иностранцевъ особенно удивляла привычка Русскихъ часто осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Русскій человѣкъ не начиналъ ни какого дѣла, не ознаменовавъ себя крестомъ и не призвавъ Божія благословенія. (191) Намѣревался ли отправиться въ путешествіе, мореплаваніе, собирался ли пахать, или принимался за другое какое ни будь дѣло, онъ обращался къ Священнику съ просьбой прочитать напутственную молитву. Флетчеръ, передавая это, замѣчаетъ, что Русскіе нарочно обращались въ этомъ

случаѣ къ Священнику, по тому что думали, что молитва будетъ имѣть больше дѣйствія, если она будетъ произнесена не ими самими, а устами Священника, и прибавляетъ, что этѣ молитвы не были составляемы приспособительно къ частнымъ случаямъ, а брались изъ обыкновенныхъ церковныхъ молитвъ. (192) Петрей говоритъ, что Русскіе любили осѣнять себя крестомъ при всякомъ входѣ и выходѣ, когда ложились спать, вставали, выходили изъ за стола, изъ дому, или входили въ домъ. За обѣдомъ они осѣняли крестомъ все, что принимали въ пищу, или что готовились испить; они ничего не могли взять въ ротъ, не перекрестившись предварительно, и думали, что только этимъ средствомъ можно низвести благословеніе на пищу и предохранить ее отъ дѣйствія всякихъ чаръ и колдоства. (193) Все это до того казалось страннымъ путешественникамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію, что Кобенцель напередъ предупреждаетъ читателей, чтобы они вѣрили тому, что онъ намѣренъ сообщить объ Иванѣ Грозномъ, который, по его словамъ, не бралъ въ ротъ крошки хлѣба, не выпивалъ глотка вина, не осѣнивъ напередъ своей пищи и питья крестнымъ знаменіемъ. (194) Наши Великіе Князья и Цари любили окружать себя во время своей трапезы монастырскою обстановкою. Не только въ званные обѣды, на которыхъ бывали Митрополиты и Патріярхи, но и въ обыкновенное время у нихъ былъ за обѣдомъ благословенный хлѣбъ, который дѣлился на кусочки и раздавался присутствующимъ. Герберштейнъ разсказываетъ слѣдующій случай изъ своего пребыванія въ Москвѣ. Разъ онъ охотился вмѣстѣ съ Царемъ не подалеку отъ города. Послѣ охоты были раскинуты палатки для обѣда; случилось, что отъ внезапнаго сотрясенія палатки упала панагія (просфора), которая лежала на высокомъ налоѣ. Немедленно призвали Священника, который съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ подобралъ съ травы крошки; Царь и присутствующіе очень были поражены этимъ приключеніемъ. (195) Павелъ не разъ описываетъ обѣды то у Царя, то у Патріярха Никона, и всякій разъ при этомъ описываетъ и чинъ панагіи. Когда Алексѣя Михайловича угощали въ монастырской трапезной, то онъ ничего не ѣлъ мяснаго; мало того: когда онъ у себя угощалъ Патріярха и Епископовъ, то его обѣдъ отличался чисто монастырскою обстановкою; тутъ мы встрѣчаемъ тѣ же рыбныя блюда, ту же чинность, ту же панагію,

даже чтецъ читалъ въ продолженіе обѣда Житіе дневнаго Святаго, такъ что гость могъ подумать, что онъ обѣдаетъ не у Царя, а въ какомъ ни будь монастырѣ. (196)

Привязанность Русскимъ къ внѣшнимъ предметамъ благочестія была причиною того, что они старались постоянно держать вблизи и окружать себя предметами своего почитанія; отсюда, кромѣ повсюднаго ставленія иконъ, возникъ также обычай носить на себѣ крестики. Обыкновенно при самомъ крещеніи возлагали на ребенка крестикъ, который онъ постоянно долженъ былъ носить при себѣ, и кто не носилъ его, тотъ почти не считался Христіяниномъ. Если кого находили умершимъ скоропостижно безъ крестика, такого человѣка даже не хоронили по Христіянскому обряду, по тому что тутъ являлось подозрѣніе, дѣйствительно ли онъ былъ крещенъ. Иностранцы говорятъ, что Русскіе всѣ до одного имѣли обычай носить такіе кресты: они были золотые, серебряные, мѣдные, или изъ другого матеріяла, соотвѣтственно состоянію каждаго. (197) При этомъ Русскіе выказывали особенное благоговѣніе въ самомъ обращеніи съ предметами священнаго свойства. Когда они желали, на примѣръ, взять въ руки Св. Евангеліе, то предварительно дѣлали много поклоновъ, крестились и били себя въ грудь, а руку обвертывали какою ни будь матеріей, чтобы не коснуться книги обнаженнымъ тѣломъ. Павелъ замѣчаетъ, что во время крестныхъ ходовъ и при другихъ случаяхъ, когда нужно было нести кресты, ихъ не касались обнаженною рукою, а носили въ особыхъ подставкахъ. (198) Это же чувство особеннаго благоговѣнія не позволяло Русскому человѣку входить, такъ сказать, въ близкое и частое соприкосновеніе съ нѣкоторыми священными предметами: онъ боялся, чтобы отъ такого обращенія съ ними не ослабѣло самое чувство благоговѣнія, и по тому онъ дозволялъ себѣ также близость къ нимъ только въ минуты особенной душевной радости и торжества. Павелъ замѣчаетъ, что въ его время Русскіе изъ особеннаго благоговѣнія не брали антидора, кромѣ великихъ праздниковъ: Патріархъ Макарій убѣждалъ Никона измѣнить этотъ обычай. Въ праздникъ Пасхи онъ самъ роздалъ антидоръ, и съ тѣхъ поръ, по замѣчанію Павла, этотъ обычай остался въ нашей церковной практикѣ. Въ слѣдствіе того же благоговѣнія они не прикладывались также къ Евангелію на Утрени и къ иконамъ; во

времена посѣщенія Павла у насъ было въ обычаѣ только однажды въ году прикладываться къ иконамъ, именно въ Недѣлю Православія. (199) Окружая такимъ почтеніемъ предметы своего поклоненія, Русскіе въ то же время заботливо устраняли все, что могло бы нарушить, и даже ослабить, подобающую имъ честь. Такъ, на примѣръ, крестики, которые каждый изъ Русскихъ долженъ былъ имѣть на себѣ, принято было носить такъ, чтобы они приходились прямо противъ груди и ни какъ не опускались ниже. Русскіе терпѣть не могли, чтобы крестъ опускался на животъ, по тому что это мѣсто считалось для этого неприличнымъ. Равнымъ образомъ, они не могли, чтобы четки монаховъ висѣли у ихъ поясовъ, какъ у Католическихъ монаховъ. Они не могли также ставить въ одномъ ряду священные предметы, на пр., иконы, съ вещами житейскаго быта; тѣмъ болѣе не могли допустить прямаго неуваженія и кощунства надъ этими предметами. (200)

Далѣе, въ числѣ нравственныхъ чертъ свойства Русскаго народа, въ которыхъ отразились его нравственно-религіозное настроеніе и набожность, иностранцы указываютъ на его любовь и готовность къ подаянію милостыни. По ихъ словамъ, Русскіе думали, что ни чѣмъ нельзя такъ угодить Богу, какъ милостыней и пожертвованіями въ пользу церквей: они любили дарить нищихъ пищей и одеждой. Олеарій разсказываетъ о нашихъ купцахъ, что они каждое утро спѣшили изъ дому въ церковь, а отсюда по дорогѣ въ лавки, покупали на рынкѣ по нѣскольку хлѣбовъ, которые потомъ разрѣзывали на куски и раздавали нищимъ, которыхъ въ Москвѣ было очень много. Эти подаянія были такъ обильны, что остатки хлѣба нищіе засушивали въ печкахъ и продавали на рынкахъ цѣлыми мѣшками. (201) Фаберъ, который часто хвалитъ Русскихъ, и здѣсь не опускаетъ случая описать добрыя качества ихъ природы. «Русскіе, говоритъ онъ, любятъ подавать нищимъ милостыню, каждый соотвѣтственно своему состоянію: они ихъ одѣваютъ, питаютъ, поятъ, оказываютъ гостепріимство, боясь, чтобы не подпасть осужденію. Такимъ образомъ не скупо, а съ радушіемъ и полною щедростію, они сѣютъ сѣмена покаянія, поста и молитвы и тому подобные подвиги, чтобы потомъ пожать плоды.» (202) Особенно предъ смертію многіе старались дѣлать богатыя пожертвованія и вклады въ церкви на поминъ души. (203)

Иностранцы замѣчаютъ, что у Русскихъ было также развито чувство совѣстливости, и замѣчательно, что такое свидѣтельство мы встрѣчаемъ даже у такихъ писателей, которые меньше всего способны хвалить насъ. Такъ Колинсъ и другіе подобные ему иностранцы замѣчаютъ, что Русскіе считали клятву весьма священнымъ дѣломъ, и по тому рѣдко прибѣгали къ ней даже на судѣ. Этимъ объясняется, что Русскіе составляли худое мнѣніе о человѣкѣ, который давалъ клятву, такъ что хотя бы кто далъ и вѣрную клятву, онъ все таки подвергался общему презрѣнію и на 3 года отлучался отъ Пріобщенія и права входить въ церковь. Мы имѣемъ также свидѣтельство о томъ, что Русскіе рѣдко злоупотребляли клятвою и ложно призывали имя Божіе. Кто давалъ ложную клятву, тотъ, кромѣ церковной епитиміи—лишенія Причащенія, до самой смерти подвергался еще наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь. (104) Въ знакъ клятвы принято было цѣловать крестъ, который давалъ имъ судья, или тотъ, который у каждаго висѣлъ на груди; Флетчеръ прибавляетъ, что при этомъ цѣловали нижній конецъ креста. (205) Герберштейнъ такъ описываетъ клятву, которую В. Князь Василій Ивановичъ далъ при перемиріи съ Польскимъ Королемъ: «Великій Князь взглянулъ на крестъ, который держалъ предъ нимъ одинъ Бояринъ, и сдѣлалъ три глубокихъ поклона, при чемъ опускалъ руку до самой земли; потомъ подошелъ ближе, шевеля губами, отеръ уста полотенцемъ, отплюнулъ на землю, поцѣловалъ крестъ и коснулся имъ лба и обоихъ глазъ, и за тѣмъ снова перекрестился. (206)

Вліяніе религіознаго чувства и нравственныхъ религіозныхъ понятій Русскаго народа сказалось даже въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, составляющихъ особенность чисто народнаго склада и своеобразія его жизни. Подъ такимъ именно вліяніемъ выработался у насъ обычай ношенія бороды и укоренилось отвращеніе отъ употребленія табаку. Свидѣтельства XII и XIII вѣка показываютъ, что въ то время касательно этѣхъ вещей у всѣхъ Русскихъ существовали тѣ же мнѣнія и понятія, какія и теперь у нашихъ Раскольниковъ, которые лучше удержали у себя старинные народные взгляды и обычаи. Между тѣмъ въ этихъ мнѣніяхъ мы видимъ примѣръ того, какъ обычаи практической жизни проникаются религіознымъ сознаніемъ и началами Вѣры; видимъ своеобразное отраженіе въ народномъ сознаніи религіоз-

ныхъ представленій, своеобразное пониманіе благочестія; словомъ, здѣсь религіозное сознаніе и правила благочестія окрашиваются краской народности.

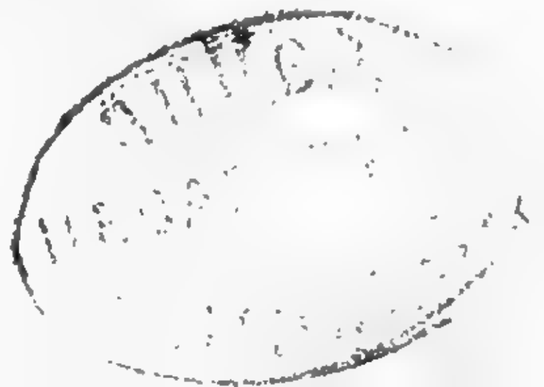
Еще въ первой половинѣ XVII вѣка у насъ строго запрещено было употребленіе табаку; это запрещеніе исходило совмѣстно отъ свѣтской и духовной власти, которая руководствовалась въ этомъ случаѣ и религіозными соображеніями. Куреніе табаку было признано зломъ, во первыхъ, по тому, что бѣдный народъ тратилъ деньги на табакъ, вмѣсто того, чтобы на него покупать хлѣбъ; далѣе, оно отвлекало крестьянъ и слугъ отъ работы и было причиною множества пожаровъ; но хуже всего было то, что Русскіе, вмѣстѣ съ табакомъ, приносили съ собою скверный табачный запахъ въ самыя церкви, и этимъ нарушали должное благоговѣніе къ иконамъ, предъ которыми слѣдуетъ воскурять ѳиміямъ, а не распространять зловоніе табачнымъ дымомъ. Патріархъ боялся, чтобы они не заразили иконъ этимъ вонючимъ запахомъ. Такимъ образомъ, въ 1634 году Царь, вмѣстѣ съ Патріархомъ, издали приказъ, которымъ строго запрещалось употребленіе табаку, равно какъ и самая табачная торговля. За нарушеніе этого закона подвергали строгому наказанію: рѣзали носы и публично сѣкли. Олеарій самъ былъ свидѣтелемъ, какъ за такое нарушеніе подвергали всенародному наказанію кнутомъ мущинъ и женщинъ. (207) Этотъ законъ оставался въ дѣйствіи и послѣ, и объ немъ упоминаютъ другіе писатели. (208) Дѣйствіе этого закона распространялось и на иностранцевъ, жившихъ въ Россіи. Павелъ Діяконъ замѣчаетъ, что во времена Никона, который строго преслѣдовалъ всякаго рода безчинія, множество духовныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ Греціи, отправлено было имъ въ монастыри, или въ Сибирь, за то, что, живя у насъ, они не переставали курить табакъ. Въ бытность самаго Павла въ Россіи за табакъ подверглись печальной участи спутники Митрополита Миры—Архимандриты и Діяконы, прибывшіе съ нимъ, которые всѣ были отправлены въ ссылку, а самъ Мира, хотя, благодаря ходатайству Константинопольскаго Патріарха, избѣжалъ ссылки, но онъ былъ заключенъ въ одинъ изъ монастырей, близкихъ къ Москвѣ. Гнѣвъ Патріарха Никона противъ этого человѣка не зналъ границъ: онъ хотѣлъ подвергнуть его примѣрному наказанію. По этому случаю Павелъ разсказываетъ слѣдующій анек-

дотъ: Однажды Никонъ угощалъ у себя Патріарха Макарія: за обѣдомъ Никонъ хотѣлъ познакомить его съ нашими Самоѣдами: ихъ призвали около 30 человѣкъ и ввели въ столовую. Никонъ распрашивалъ ихъ объ образѣ ихъ жизни, о томъ, какъ они пожираютъ людей и т. д., и за тѣмъ сказалъ имъ: «У меня есть человѣкъ, заслуживающій смерти: я велю его представить вамъ, чтобы вы его съѣли.» Дѣло шло о Митрополитѣ Миры. Никонъ послалъ своихъ слугъ привести его къ себѣ. Не извѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло; Никонъ, конечно, хотѣлъ только напугать Миру, но и это не удалось, по тому что Мира успѣлъ бѣжать изъ монастыря. (209)

Борода была въ особенномъ почтеніи у Русскаго народа, и тѣмъ болѣе ему было пріятно видѣть окладистую и длинную бороду у высшихъ лицъ церковной Іерархіи. Невиль передаетъ, что одинъ Патріархъ у насъ былъ избранъ въ это достоинство именно благодаря тому обстоятельству, что у него была прекрасная борода. (210) У насъ ни старики, ни молодежь, не брили бороды и давали полной просторъ природѣ. Строгость Русскихъ въ этомъ отношеніи доходила до того, что они даже иностранцевъ привеволивали держаться въ этомъ случаѣ ихъ обычая: до того они гнушались брадобритіемъ. (211) Брить бороду въ глазахъ Русскаго человѣка было не только преступно, но и глупо: борода считалась признакомъ мужества и мудрости человѣка; по этому Русскіе отзывались о Папѣ Формозѣ, который запретилъ носить бороду, что онъ былъ небольшаго ума и несвѣдущъ въ наукахъ. (212) Но это уваженіе Русскихъ къ бородѣ въ то же время было отмѣнено религіознымъ свойствомъ. Борода была однимъ изъ признаковъ внѣшняго отличія Русскихъ отъ иностранцевъ, и такъ какъ, при свойственномъ Русскимъ отчужденіи отъ послѣднихъ, всякое отличіе пріобрѣтало особенный вѣсъ, то и несущественная розница въ этомъ отношеніи легко получала весьма важное значеніе въ глазахъ Русскаго человѣка: она одинаково отличала его отъ иновѣрцевъ вмѣстѣ съ другими дѣйствительно существенными признаками его Вѣроученія, и отъ этого сама она мало по малу пріобрѣтала значеніе въ смыслѣ отличительнаго признака Православія, съ которымъ она съ тѣхъ поръ стала почти отожествляться. Борода и по тому еще пользовалась особеннымъ уваженіемъ и имѣла неприкосновенный, такъ сказать, священный знакъ въ

глазахъ Русскаго народа, что въ церковной иконописи она составляла всегда необходимую принадлежность внѣшняго вида Святыхъ. У Русскаго человѣка такимъ образомъ естественно сложилось убѣжденіе, что борода не только освящена примѣромъ древности, но и составляетъ одну изъ принадлежностей святой Богоугодной жизни. Въ этого рода представленіи утверждало народъ еще и духовенство, которое говорило, что такъ спасались ихъ предки, что и Святые носили бороды. Въ концѣ XV вѣка Сакранъ упрекалъ Русскихъ за то, что они считали бритье бороды смертнымъ грѣхомъ и ересью. (213) Русскіе такъ сроднились съ бородою, что отнятіе ея считали искаженіемъ образа Божія въ мужчинѣ. Когда въ послѣдствіи, во времена Петра Великаго, этотъ любимый народный обычай подвергся преслѣдованію самой власти, и строгіе Указы волей, неволей, заставляли разставаться съ любимою бородой, Русскій человѣкъ не разъ прибѣгалъ къ чисто дѣтскимъ хитростямъ и увертkамъ, чтобы обмануть власть, чтобы только наружнымъ, видимымъ, образомъ показаться исполнителемъ требованій высшей власти, а на самомъ дѣлѣ сохранить любимый предметъ: онъ старался успокоить свое внутреннее чувство тѣмъ, что не все еще потеряно, что хотя борода сбрита, но все таки она продолжаетъ существовать, ее можно осязать во всякое время и даже считать, будто она дѣйствительно находится на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, многіе изъ Русскихъ, уступая волѣ Царя, брили бороду, но сбритые волосы хранили у себя, какъ святыню, чтобы потомъ можно было вмѣстѣ съ нею предстать на судъ Божій и дать отчетъ въ правильномъ употребленіи Его даровъ. Перри разсказываетъ, что когда онъ, въ первый разъ увидавъ своего Русскаго знакомаго съ выбритой бородой, спросилъ его, что онъ теперь намѣренъ съ нею дѣлать, то Русскій въ отвѣтъ на это вынулъ изъ за пазухи клокъ волосъ и сказалъ, что онъ сохранитъ ихъ до смерти и велитъ положить ихъ съ собою въ гробъ, чтобы дать отчетъ Св. Николаю, когда перейдетъ въ другой міръ; то же самое, говорилъ онъ, намѣрены сдѣлать и другіе его единовѣрцы. (214)

Мы представили всѣ отличныя и выдающіяся черты, съ которыми выступаетъ религіозный бытъ и благочестіе Русскаго народа въ описаніяхъ иностранцевъ. Если кратко очертить взглядъ ихъ на нашъ религіозный бытъ, то слѣдуетъ сказать, что они



смотрѣли на Россію, какъ на страну по преимуществу внѣшняго благочестія, гдѣ было много иконъ, церквей, колоколовъ, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить Русскаго, отвѣшивающаго поклоны предъ многочисленными церквами и часовнями, гдѣ гулъ отъ колокольнаго звона заглушалъ слухъ, гдѣ соблюдались самые строгіе посты, гдѣ нравственность человѣка измѣрялась внѣшними подвигами. Но это не значитъ, чтобы иностранные писатели заподозрѣвали самое благочестіе Русскихъ. Правда, люди, подобные Петрею и Колинсу, не щадятъ насмѣшекъ и ѣдкихъ остротъ при изображеніи, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, сторонъ нашего народа. (215) Но болѣе честные и степенные люди вполнѣ признаютъ набожность и благочестіе Русскихъ, хотя въ самомъ описаніи этого благочестія даютъ замѣтить, что они смотрятъ на эти благочестивыя упражненія, какъ на мелочь и наклонность Русскихъ къ Антропоморфизму и Монтанизму, считаютъ слѣдствіемъ неразвитости религіознаго сознанія и вкуса. Дѣйствительно, благочестіе Русскихъ во многихъ случаяхъ имѣло чисто внѣшнее Монтанистическое свойство, и это зависѣло отъ недостатка просвѣщенія и дѣтскаго, поверхностнаго, пониманія Христіянскаго воздержанія и цѣломудрія. Такъ, на примѣръ, у насъ былъ обычай, по которому, въ случаѣ отлученія кого либо отъ церкви, такой же участи подвергалась и его икона, которую онъ держалъ для себя въ церкви: ее относили ему на домъ, и принимали вновь въ церковь лишь послѣ его покаянія и совершеннаго прощенія. (216) Равнымъ образомъ, если супруги желали исполнять супружескія обязанности, то должны были напередъ снять съ шеи и отложить въ сторону крестъ, а также задернуть полотенцемъ образа, и не соблюденіе этого обычая считалось оскорбленіемъ святыни. Кромѣ того, на слѣдующій день они должны были вымыться въ банѣ и потомъ получить у Священника разрѣшеніе отъ грѣха, и если бы не успѣли очиститься такимъ образомъ отъ осквернія, то должны были стоять внѣ церкви у входа и не смѣли войти внутрь. Стоявшіе здѣсь молодые люди обоего пола подвергались насмѣшкамъ посторонихъ, по тому что всѣмъ понятна была причина, не позволявшая имъ войти въ церковь. Павелъ Діяконъ говоритъ, что въ его путешествіе въ Россію ему часто приходилось видѣть у насъ, какъ каждую Субботу собиралось множество молодыхъ су-

пруговъ предъ притворомъ, и съ какою стыдливостію они встрѣчали Священника, который читалъ надъ ними очистительныя молитвы, послѣ которыхъ они уже входили въ церковь. (217) Другіе писатели не упоминаютъ о разрѣшительныхъ молитвахъ Священника и говорятъ, что для очищенія нужно было только омыться въ банѣ, и за тѣмъ супруги уже безъ дальнѣйшаго покаянія могли входить въ церковь. (218) Колинсъ говоритъ, что у насъ Понедѣльникъ, Середа и Пятница каждой недѣли были днями запрещенными для супружескихъ удовольствій. (219) Русскіе и въ другихъ случаяхъ высказывали такой же Монтанистическій и въ то же время дѣтскій, простосердечный, взглядъ на благочестіе У насъ, напримѣръ, думали, что различіе дней придаетъ различный оттѣнокъ самымъ поступкамъ человѣка и можетъ усиливать, или ослаблять, значеніе добрыхъ и дурныхъ нашихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, грѣхъ, совершенный въ Субботу, считался менѣе тяжкимъ, нежели совершенный въ другое время, и за него налагалась болѣе легкая епитимія; напротивъ, кто въ посту велъ нечистивую жизнь, того Священникъ подвергалъ большей епитиміи. (220) Многіе предъ Исповѣдію покупали птицъ, и потомъ выпускали ихъ на волю, думая этимъ заслужить у Бога отпущеніе своихъ грѣховъ. Олеаріи описываетъ этотъ обычай, какъ существовавшій еще въ его время. (221) Но въ концѣ XVII вѣка Бергъ замѣчаетъ, что въ ту пору этотъ Турецкій обычай уже вышелъ изъ употребленія. (222)

Такой же дѣтскій оттѣнокъ благочестія Русскихъ, такая же дѣтская простота въ созданіи идеаловъ нравственнаго совершенства и подвижничества, высказывается и въ, столь свойственномъ Русскимъ, необыкновенномъ, уваженіи къ юродивымъ. Эта особенность нравственно-религіозной жизни и доселѣ остается замѣтною въ нашемъ народѣ и коренится въ томъ же дѣтскомъ, простосердечномъ чувствѣ и воззрѣніи Русскихъ на религію и Богоугодную жизнь. Ни одна страна не можетъ представить такого обилія юродивыхъ и примѣровъ такого необыкновеннаго уваженія къ нимъ, какъ Россія. (223) Это не могло не поражать иностранцевъ, и у нихъ встрѣчаются свѣдѣнія и объ этихъ людяхъ. По ихъ словамъ, наши юродивые пользовались величайшимъ уваженіемъ среди народа. Горсей такъ описываетъ встрѣчу одного юродиваго въ Псковѣ съ Иваномъ Грознымъ. Во время военныхъ

дѣйствіи въ Ливоніи Царь прибылъ въ Псковъ. Здѣсь, говоритъ Горсей, его встрѣтилъ одинъ обманщикъ или волшебникъ, котораго считали оракуломъ и святымъ человѣкомъ; его звали Микола святъ. Увидѣвъ Царя, онъ осыпалъ его сильными проклятіями, заклинаніями, ругательствами и угрозами; называлъ его Царемъ кровопійцею, пожирателемъ Христіянскихъ тѣлъ, и клялся Ангеломъ, что онъ не избѣжитъ смерти отъ бывшей въ то время молніи, если онъ, или кто либо изъ его воиновъ, коснется волоска послѣдняго дитяти въ этомъ городѣ, который хранится Божьимъ Ангеломъ для лучшей участи, чѣмъ разграбленіе. Онъ говорилъ, что Царь долженъ уйти изъ города прежде, чѣмъ встанетъ огненное облако, Божія кара, которое виситъ надъ его головою, а въ это время дѣйствительно была страшная гроза. Эти слова потрясли Царя до того, что онъ просилъ молитвъ о своемъ избавленіи. Горсей самъ видѣлъ этого юродиваго: онъ ходилъ нагимъ лѣтомъ и зимою; переносилъ крайнюю стужу и зной и дѣлалъ разныя вещи съ помощію дьявольскихъ навожденій; его всѣ боялись и уважали, за нимъ ходилъ въ слѣдъ весь народъ и Царь (224) Ту же исторію съ Иваномъ Грознымъ разсказываетъ Флетчеръ, только онъ неправильно передаетъ имя юродиваго, называя его Ивашкомъ. По его словамъ, наши юродивые были похожи на Гимнософистовъ по своей жизни и поведенію, но далеко не по своимъ познаніямъ. Они ходили совершенно нагими, закрывая лишь среднюю часть тѣла тряпьемъ, съ дико распущенными волосами, которые у нихъ ниспадали на плечи, съ желѣзною цѣпью на шеѣ, съ которой не разставались даже зимою. На нихъ смотрѣли, какъ на пророковъ, или людей особливой святости; они пользовались свободой и говорили, что имъ было угодно. Если они обличали кого ни будь явнымъ образомъ въ чемъ бы то ни было, тотъ ничего не возражалъ, развѣ только со смиреніемъ приговаривалъ: «Это по моимъ грѣхамъ!» Если такой святоша хотѣлъ что ни будь взять изъ купеческой лавки, и отдать эту вещь кому ни будь другому, то хозяинъ лавки еще благодарилъ его и славословилъ Бога, и долго смотрѣлъ въ слѣдъ за св. мужемъ. Впрочемъ, такихъ людей замѣчаетъ Флетчеръ, въ Россіи было немного, потому что въ этой странѣ ходить нагимъ, особенно зимою, очень трудная вещь Одинъ изъ нихъ волновалъ умы народа противъ Правительства, и особенно Году-

нова, за то, что они допустили усилиться грабителямъ общественнаго благосостоянія. Другой, Василій: укорялъ Грознаго за его жестокости: онъ причтенъ къ лику Святыхъ и его тѣло перенесено въ великолѣпную церковь подлѣ дворца. (225) * Павелъ расказываетъ, что и въ его время у насъ были эти люди и пользовались такимъ же уваженіемъ. Въ Недѣлю Сыропустную Сирійскіе путешественники обѣдали у Патріярха Никона. За обѣдомъ, подлѣ самаго Никона, сидѣлъ одинъ изъ такихъ юродивыхъ, по имени Кипріянъ: онъ нагой таскался по улицамъ, и народъ питалъ къ нему величайшее уваженіе. Патріярхъ Никонъ собственными руками подносилъ ему пищу и поплъ изъ серебряныхъ сосудовъ, а остатки допивалъ самъ. Сирійцевъ очень удивляло такое уваженіе къ юродивымъ. (226) Всѣ эти данныя ясно обличаютъ въ Русскихъ наклонность придавать большое значеніе внѣшнимъ дѣйствіямъ и формамъ благочестія, съ которыми они привыкли отожествлять самую нравственность; благочестіе Русскихъ, ихъ идеалъ нравственнаго совершенства, носилъ строго внѣшній и отчасти дѣтскій характеръ. При отсутствіи просвѣщенія и происходящемъ отсюда дѣтскомъ, простосердечномъ, воззрѣніи на вещи и при практическомъ складѣ характера, Русскій человѣкъ, подобно дитяти, желалъ постоянно имѣть вблизи и окружать себя предметами своего благоговѣнія и почитанія; отсюда такое широкое употребленіе и большое значеніе въ его религіозномъ быту иконъ. При отсутствіи религіознаго просвѣщенія и истиннаго пониманія Христіянскаго идеала нравственности, Русскій человѣкъ видѣлъ высшій образецъ благочестивой и совершенной жизни въ подвигахъ отшельничества. Отсюда само собой должно было произойти то, что посты должны были въ его глазахъ явиться естественнымъ средствомъ, и необходимымъ условіемъ добродѣтели и нравственнаго совершенства. Словомъ, Русскій человѣкъ, по простотѣ своихъ воззрѣній, любилъ все, что только поражало внѣшнее чувство, что близко было его дѣтскому уму и свойству; этимъ само собою объясняются его наклонность къ умноженію иконъ, церквей, его любовь и охота къ оглушительному колокольному звону, его любовь и уваженіе къ юроди-

---

* Не подлѣ Дворца, а въ нижней Покровскаго Собора, что на Рву, въ народѣ извѣстнаго подъ его именемъ, Василія Блаженнаго, тутъ почивающаго, въ Китаѣ городѣ, на красной площади, противъ Спасскихъ воротъ. О. Б.

вымъ, которые не встрѣчаютъ ничего себѣ подобнаго въ религіозномъ быту и сознаніи другихъ народовъ и религіозныхъ обществъ.

III. ДУХОВЕНСТВО ВЪ РОССІИ.

Послѣ обозначенія быта и склада религіозной жизни Русскихъ, въ описаніи иностранныхъ писателей съ особенною выпуклостію выступаетъ впереди всего быть нашего духовенства, какъ такого сословія, которое служитъ представителемъ нравственныхъ и умственныхъ силъ народа. Такъ какъ у насъ было два рода духовенства: бѣлое и монашествующее, то мы отдѣльно опишемъ бытъ того и другого. Начнемъ съ *духовенства бѣлаго*.

А. Духовенство бѣлое.

Опредѣленіе на церковныя мѣста Священнослужителей было обставлено разными условіями, которыя ручались за хорошій выборъ и будущую плодотворную дѣятельность ищущаго Священства. Желающій получить священство долженъ былъ представить одобрительное свидѣтельство отъ мѣстныхъ жителей о своемъ поведеніи и о томъ, что онъ лишь однажды былъ женатъ. Такъ, во время путешествія Патріарха Макарія, жители Каширы, гдѣ всѣ Священники вымерли отъ мора, отправили къ нему парочныхъ съ двумя Діяконами, которыхъ просили его посвятить во Священники. Павелъ при этомъ замѣчаетъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ свидѣтельство за подписью Воеводы, стрѣльцовъ и начальника крѣпости въ томъ, что онъ достоинъ этого званія. Посланные обратились къ Макарію съ такою просьбою: «Владыко! сказали они, помилуй, и рукоположи этихъ Діяконовъ во Священники, чтобы они могли заботиться о спасеніи душъ нашихъ.» (227) Кромѣ представленія этого свидѣтельства, предложенные въ Священники должны были подвергнуться извѣстному испытанію въ томъ, способны ли они отправлять обязанности священнаго званія. Фаберъ говоритъ, что у насъ для поступленія на церковныя должности существовали болѣе строгія правила, чѣмъ у Католиковъ, по тому что у насъ никто не допускался къ этимъ должностямъ безъ испытанія, а испытаніе производилось людьми опытными, Епископами, или ихъ Викаріями. (228) Отъ ищущихъ на Священства требовалось, чтобы они умѣли читать, писать и

нѣть, и если они удовлетворяли этимъ требованіямъ, то ихъ посвящали. При посвященіи выдавали, такъ называемую, ставленную грамоту, которая у Западныхъ писателей называется Literae ordinationis, а у Павла Γράμμα ἱερατικόν. Въ ней говорилось, что Епископъ посвятилъ такого-то Священника въ такой-то городъ для служенія при такой-то церкви, въ удостовѣреніе жителей означеннаго мѣста. Къ этой грамотѣ прилагалась подпись и печать рукополагавшаго Епископа. Эта грамота служила Правительственнымъ документомъ, дававшимъ Священнику право исполнять всѣ обязанности священнаго сана; она же служила и мѣрою противъ злоупотребленія этимъ саномъ непризванныхъ служителей означеннаго мѣста. Епископы, при посѣщеніи своихъ Епархій, осматривали эти грамоты, и кто отправлялъ Священническія обязанности безъ этой грамоты, тотъ подвергался наказанію. Одинъ и тотъ же Священникъ не могъ въ одно и то же время состоять при разныхъ церквахъ. Послѣ рукоположенія, новопоставленный Священникъ не тотчасъ отправлялся въ приходъ, а прежде, въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль, совершалъ Литургію въ Соборной церкви, подъ руководствомъ Соборныхъ Священниковъ, и привыкалъ къ порядку церковныхъ службъ, для того, чтобы онъ могъ возвратиться на мѣсто своей службы вполнѣ опытнымъ и не подвергаться упрекамъ въ невѣжествѣ. (229)

Посвященіе Священниковъ не представляло никакихъ особенностей; по крайней мѣрѣ Павелъ ничего не говоритъ объ этомъ. Но посвященіе въ Епископа въ старину было обставлено особенными торжественными обрядами, которые теперь вышли изъ употребленія; по этому и мы не можемъ оставить ихъ безъ описанія. У Павла встрѣчаются два случая довольно подробнаго описанія Епископскаго посвященія. Когда оно совершалось въ присутствіи Царя, то въ притворѣ ставили двѣ каѳедры: одну для Царя и другую для Патріарха; самый полъ устилался коврами и краснымъ сукномъ на счетъ новопосвящаемаго. Путь отъ обѣихъ каѳедръ до южныхъ врать покрывался парчею, а по обѣимъ его сторонамъ были ковры для прохода Бояръ: отъ Патріаршаго престола до царскихъ врать полъ покрывался краснымъ бархатомъ, а проходъ для Архіереевъ зеленымъ сукномъ. Послѣ посвященія парчи и красное сукно шло Царю, ковры—Боярамъ, бархатъ—Патріарху, а зеленое сукно—Протопопамъ и церковно-слу-

жителямъ. Если цельзя было достать ковровъ въ лавкахъ, то ихъ выдавали изъ Царской казны, а потомъ взыскивали плату за нихъ съ Соборной церкви Епископа. Во время малаго входа Царь съ своей каѳедры переходилъ на тронъ и стоялъ въ коронѣ. Вокругъ амвона стояли въ красныхъ одеждахъ, съ широкими рукавами, въ высокихъ красныхъ шапкахъ и съ посохами въ рукахъ, такъ называемые, Халдеи. Епископы сидѣли по старшинству на разныхъ ступенькахъ амвона, а Архимандриты на стульяхъ. Новопоставляемый дважды кланялся Царю и Патріярху; потомъ читалъ избирательную грамоту отъ жителей города, получалъ у Патріярха благословеніе и начиналъ читать Символъ Вѣры, при чемъ всѣ стояли; за тѣмъ начинали читать Часы; послѣ посвященія онъ давалъ цѣловать Евангеліе Царю и всему служащему духовенству. Кромѣ этихъ церковныхъ обрядовъ, у насъ въ старину посвященіе Епископовъ сопровождалось еще другими обычаями, съ теченіемъ времени вышедшими изъ употребленія. Новопосвященный Епископъ сряду, послѣ рукоположенія, въ теченіи трехъ дней долженъ былъ объѣхать и освятить стѣны Москвы. При этомъ онъ ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи четырехъ Халдеевъ и трехъ нарочно назначаемыхъ для этого Царемъ Бояръ, и въ первый день объѣзжалъ съ крестомъ въ рукахъ и благословлялъ стѣны Кремля, во второй совершалъ такое же обхожденіе вокругъ второй черты городскихъ стѣнъ, въ третій вокругъ третьей; такимъ образомъ цѣлый городъ получалъ отъ него благословеніе. За тѣмъ онъ подносилъ подарки Царю: икону его каѳедральной церкви, большую серебряную, вызолоченную чашу, и, если его Епархія была необширная, то, кромѣ этого, еще дарилъ 100 рублей, или 40 соболей равной стоимости, или парчи, бархата, шелка и т. д. Митрополиты и Архіепископы давали большіе подарки, соотвѣтственно состоянію Епархіи каждаго. Кромѣ того, новопосвященный Епископъ давалъ такіе же подарки, только половинной цѣны, Царицѣ, Царевичу (Алексѣю), тремъ сестрамъ и тремъ дочерямъ Царя. За тѣмъ слѣдовали еще подарки Патріярху, Епископамъ, Архимандритамъ, Священникамъ и Діяконамъ, которые участвовали при его посвященіи, равно какъ и свѣтскимъ Чиновникамъ и Боярамъ, которые сопровождали его въ теченіи трехъ дней: каждому изъ нихъ онъ давалъ деньги, соболи и платье, соотвѣтственно чину всякаго. Всѣ эти расходы, замѣчаетъ

Павелъ, неизбѣжны были для лицъ высшей Іерархіи. Епископу такого города, какъ Коломна, недостаточно было и 3,000 рублей для посвященія, а другимъ это посвященіе обходилось въ 6,000 и болѣе рублей. При посвященіи Епископа должно было присутствовать 4 Епископа, при посвященіи Архіепископа 6, Митрополита—8, а Патріярха—12. (230) Такъ было при посвященіи высшихъ лицъ церковной Іерархіи, но и простые Священники также должны были при посвященіи вносить извѣстную сумму. Послѣ посвященія новый ставленникъ являлся къ Патріяршему Казначею, который долженъ былъ внести его имя въ списокъ посвященныхъ лицъ. При этомъ каждый ставленникъ платилъ, соотвѣтственно своему состоянію, извѣстное количество денегъ Казначею, его Секретарю и священнослужителямъ, которые участвовали при его рукоположеніи. Если при этомъ находился клиръ чужаго Епископа, то и онъ получалъ подарки. Что касается размѣровъ этой платы, то, по словамъ Павла, многіе платили болѣе 10 рублей, но другіе менѣе. (231) Кромѣ этихъ подарковъ, каждый новопоставляемый Священникъ вносилъ въ Епископскую казну по одному рублю. (232) Объ этой платѣ упоминаютъ и другіе писатели, при чемъ нѣкоторые находятъ въ этомъ лишь поводъ къ злонамѣреннымъ и несправедливымъ упрекамъ нашей Церкви въ Симоніи. Такъ Сакранъ, въ самомъ началѣ XVI вѣка, въ числѣ безпорядковъ Русской церковной практики, указываетъ, между прочимъ, на то, что Русскіе утверждали, будто можно продавать высшія церковныя должности, равно какъ и степени церковной Іерархіи. (233) Точно также Езуитъ Скарга, перечисляя заблужденія Русскихъ, говоритъ, что у насъ посвященіе клириковъ не обходилось безъ денегъ, по тому что при посвященіи необходимо было дать Епископу нѣсколько Флориновъ, и что это вовсе не считалось грѣхомъ. (234) Вармундъ, уже во второй половинѣ XVII вѣка, дѣлаетъ отзывъ, что у Русскихъ Симонія существовала въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что подобной нельзя было отыскать ни въ Римѣ, ни въ другомъ какомъ бы то ни было мѣстѣ. (235) Совсѣмъ противоположный отзывъ мы встрѣчаемъ у другого Евангелика, Гербинія. Онъ, по собственному наблюденію. увѣряетъ, что у Русскихъ Богослуженіе было чуждо корыстолюбивыхъ цѣлей (sacra non sunt quaestuosa), и совершалось съ чистымъ религіознымъ чувствомъ; что нашъ клиръ былъ чуждъ Си-

моніи и платы за священнодѣйствія. «Я не замѣтилъ, говоритъ онъ чтобы они въ своихъ священнодѣйствіяхъ совершали что ни будь ради корысти, а все даромъ, по закону.» (236)

Что касается дѣятельности и занятій приходскаго духовенства, то Шваб и Флетчеръ одинаково говорятъ, что на обязанности Священниковъ лежало проповѣдываніе слова Божія, совершеніе Литургіи, Таинствъ, забота о благолѣпіи храмовъ, иконъ и исполненіе другихъ церковныхъ службъ и обрядовъ. (237) Каждый Священникъ обязанъ былъ совершить Богослуженіе не менѣе трехъ разъ въ недѣлю. Чтобы Богослуженіе могло совершаться ежедневно, для этого при каждой почти церкви полагалось нѣсколько Священниковъ, которые должны были служить поочередно, и при томъ каждый тоже по три дня. По словамъ Петрея, въ это число не входили воскресные и праздничные дни, въ которые Священникъ своимъ порядкомъ долженъ былъ служить. (238)

При замѣщеніи Священническихъ мѣстъ въ приходскихъ церквахъ у насъ руководствовались давностію службы и посвящали тѣхъ лицъ, которыя долѣе прослужили при этихъ церквахъ. При этомъ мы также видимъ, что у насъ еще съ давнихъ поръ, при занятіи этихъ мѣстъ, укоренился обычай, существовавшій до послѣднихъ дней. Въ началѣ XVI вѣка Сакранъ считаетъ въ числѣ безпорядковъ Русской Іерархіи и Церкви то, что сыновья Священниковъ имѣютъ право наслѣдства на то мѣсто, которое занималъ ихъ отецъ. (239) При занятіи высшихъ должностныхъ мѣстъ соблюдался порядокъ старшинства. По смерти Протопопа обыкновенно одинъ изъ младшихъ Священниковъ отправлялся съ свидѣтельствомъ къ самому Царю. Если это случалось въ храмовой праздникъ каѳедральной церкви, то новопазначаемый обыкновенно встрѣчалъ Царя у входа въ церковь съ Св. водою, а Царь дарилъ ему священное облаченіе. (240) У насъ также изстари укоренился обычай имѣть при каждой церкви, кромѣ Священника, еще Діякона, который обыкновенно наслѣдовалъ мѣсто умершаго Священника. (241) Онъ участвовалъ при совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ и Таинствъ, а этотъ обычай ввелъ многихъ писателей въ заблужденіе, и они говорятъ, что Священникъ даже не могъ безъ Діякона исполнить ни какой службы: ни совершить Обѣдни, ни крестить, ни хоронить и т. д. (242)

Штатъ соборныхъ церквей состоялъ изъ 7 Священниковъ и 7 Діяконовъ, такъ что въ ихъ причтѣ не могло быть ни больше, ни меньше лицъ. (243)

Что касается числа приходовъ, то оно было очень велико, но самые приходы были небольшіе. Флетчеръ говоритъ, что всѣ города въ Россіи были раздѣлены на малые приходы, и что это дѣленіе ни сколько не было приноровлено къ количеству прихожанъ, которое было бы достаточно для надлежащаго церковнаго собранія. (244) А въ слѣдствіе многочисленности приходовъ и церквей, необыкновенно велика была и численность самаго духовенства. Иностранные писатели съ особенною настойчивостію выставляютъ на видъ эту многочисленность духовнаго сословія въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что при каждомъ Соборѣ полагалось по 7 Священниковъ и 7 Діяконовъ причта, а, по словамъ Майерберга, при каждой церкви вообще полагалось по нѣскольку Священниковъ (245) Болѣе всего богата была числомъ церквей, а, слѣдовательно, и духовенства, Москва, а по этому объ ней больше всего осталось и свѣдѣній. По словамъ Олеарія, въ его время, въ одной Москвѣ было около 4,000 Священниковъ: здѣсь при каждой церкви было ихъ по 6, 8, 20 лицъ. (246) То же говорятъ и позднѣйшіе писатели, Рейтенфельсъ, Вармундъ; послѣдній не включаетъ сюда еще многочисленнаго сословія монаховъ. А Таландеръ говоритъ, что у насъ всѣ города были наполнены монахами и монахинями. (247) Во время моровой язвы 1653 года въ одной Москвѣ умерло, по свѣдѣніямъ Павла, около 480,000, въ томъ числѣ 3 Митрополита, а низшаго духовенства безъ счету, и въ живыхъ осталось такъ мало, что желавшіе отслужить заупокойную Обѣдню, должны были платить по три и болѣе рубля. Перечисливъ разные чины и степени церковной нашей Іерархіи, Майербергъ замѣчаетъ, что рядъ ихъ заключаютъ собою безчисленные Протопопы, Протодіяконы, Попы и Діяконы. (248)

Но если наши приходы были скудны и небольшіе, за то Епархіи были очень обширны. Число ихъ не соотвѣтствовало ни народонаселенію, ни, тѣмъ болѣе, громадной мѣстности, которую занимала Россія. Посевинъ, во 2-й половинѣ XVI вѣка, насчитываетъ въ Россіи 11 Епископскихъ каѳедръ (249), а чрезъ 100 почти лѣтъ, не смотря на увеличеніе Государственной области,

мы видимъ почти тоже количество Епархій. Олеарій и Павелъ, кромѣ Патріяршей области, насчитываютъ лишь 12 Епископій и Митрополій. (250) Павелъ представляетъ въ примѣръ Коломенскую Епархію, которая считалась самою бѣдною, а между тѣмъ она заключала въ себѣ болѣе 15 городовъ, которые служили мѣстопребываніемъ Воеводъ; въ этихъ 15 Воеводствахъ считалось болѣе 20,000 деревенъ, и всѣ онѣ находились подъ вѣдѣніемъ Коломенскаго Епископа. Павелъ изумляется. что у Русскихъ такая Епархія считалась еще бѣдною, между тѣмъ какъ три Патріяршества: Антіохійское, Александрійское и Іерусалимское, взятыя вмѣстѣ, не могли бы сравниться съ ней. Павелъ не разъ высказываетъ подобное удивленіе по поводу разсказовъ, которые ему приходилось выслушивать о протяженіи нашихъ Епархій. Митрополитъ Новгородскій самъ ему передавалъ, что подъ его вѣдѣніемъ находился Архангельскъ, Соловецкій монастырь, болѣе 400 обителей, и 2,000 Священниковъ. Въ Епархіи Тверскаго Архіепископа было 4 города и около 150 церквей, а объ ней тоже говорили, что она очень мала. (251) Архіепископъ Рязанскій тоже сообщилъ Павлу, что въ его Епархіи было болѣе 1,000 церквей. А что касается Патріяршей области, то она была чрезвычайно обширна: нѣкоторые ставленники приходили къ Патріярху за 2,000 верстъ. Самому Патріярху почти не было возможности справиться со всѣми ставленниками. Не смотря на то, что Никонъ еженедѣльно служилъ болѣе 3 разъ, и ни одно его служеніе не проходило безъ того, чтобы онъ не посвятилъ кого ни будь, онъ долженъ былъ отсылать ставленниковъ для посвященія другимъ Епископамъ, проживавшимъ въ Москвѣ. Изъ времени пребыванія Павла въ Москвѣ, много ихъ посвятилъ Патріярхъ Макарій, равно и Сербскій Архіепископъ. (252)

Духовенство въ Россіи пользовалось высокимъ почетомъ, начиная отъ лицъ высшихъ степеней церковой Іерархіи и оканчивая простыми сельскими Священниками. Это говоритъ Посевинъ. (253) А по словамъ Павла Діякона, Епископы пользовались у насъ такимъ значеніемъ, что предъ ними унижались даже Воеводы. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ прибѣгали за совѣтомъ къ Епископамъ, какъ людямъ, пользовавшимся значеніемъ и отличавшимся мудростію; Воеводы съ охотою выслушивали внушенія, которыя дѣлались Патріярхомъ, или Епископомъ. (254) Когда Князь при-

глашалъ къ обѣду Митрополита, то, въ отсутствіи братьевъ Царя, онъ занималъ первое мѣсто за столомъ.. Сначала самъ Царь раздавалъ ему и другимъ Епископамъ и духовнымъ лицамъ пищу и напитки, потомъ оставлялъ своего брата, или Боярина, чтобы онъ замѣнялъ его до конца обѣда. Такъ поступалъ Великій Князь Василій Ивановичъ. (255) Въ послѣдствіи Цари оказывали такой же почетъ Патріярхамъ. Аелксѣй Михайловичъ тоже давалъ первое мѣсто по лѣвую руку Патріярху Никону, а подлѣ него садилъ Макарія. (256) Высшія лица Іерархіи были окружаемы особеннымъ почетомъ, присвоеннымъ ихъ сану. Такъ, когда Епископы являлись въ общественномъ собраніи, то впереди нихъ несли посохи. Кобенцель пишетъ, что онъ встрѣтилъ въ Дорогобужѣ нѣкоторыхъ Епископовъ, которые были на Соборѣ въ Москвѣ, и что впереди ихъ несли посохи, подобно тому, какъ предъ Папскими Легатами носятъ крестъ. Кобенцель при этомъ прибавляетъ, что каждый Епископъ былъ окруженъ нѣсколькими монахами и 5—6 слугами (257). Рязанскій Архіепископъ, Мисаилъ, при представленіи своемъ Патріярху Макарію въ Коломнѣ, несъ въ рукахъ посохъ до самыхъ дверей той комнаты, гдѣ долженъ былъ его встрѣтить самъ Патріярхъ, и тутъ отдалъ свой посохъ келейнику; такимъ же точно образомъ онъ являлся и въ церковь. Предъ Патріярхомъ, во время его выходовъ, носили еще крестъ. (258) Вармундъ говоритъ, что при видѣ Патріярха народъ толпой стекался къ нему за благословеніемъ, которое онъ преподавалъ по обѣимъ сторонамъ двумя протянутыми перстами. (259) Въ Кіевѣ и Малороссіи эти лица являлись народу еще въ болѣе пышной обстановкѣ. Тамъ, когда случалось выѣзжать Митрополиту, Епископу, или даже Архимандриту, то впереди и позади нихъ ѣхали верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ ихъ слуги, одѣтые въ красивую одежду и въ то же время прекрасно вооруженные. Павелъ Діяконъ, который описываетъ эти выѣзды, прибавляетъ, что даже въ жилыхъ комнатахъ этихъ лицъ висѣло очень много оружія разнаго рода: ружья, кинжалы, мечи..... Съ такимъ поѣздомъ посѣщалъ Макарія Митрополитъ Кіевскій, Сильвестръ, вмѣстѣ съ двумя Епископами. (260) Въ Москвѣ Патріярхъ выѣзжалъ также торжественнымъ образомъ: когда выѣзжалъ Никонъ, то сзади у него на саняхъ стояли: Архимандритъ и Архидіяконъ. Слѣдуя во всемъ обычаю Русскихъ, Сирійскіе путешественники

точно такимъ же образомъ совершили и свой въѣздъ въ Москву. Дома Епископы принимали всѣхъ въ мантіи съ посохомъ въ рукахъ; къ нимъ никто не являлся безъ доклада придверника. Также вели себя и Настоятели монастырей: они тоже никуда не являлись безъ мантіи, даже за обѣдомъ и въ присутствіи послушниковъ. Епископы никогда не показывались безъ рясы; это значило бы уронить себя въ глазахъ другихъ. Когда кто ни будь являлся къ Епископу, послѣдній, при встрѣчѣ съ посѣтителемъ, сначала обращался къ иконѣ и читалъ: «Достойно есть.».....; за тѣмъ посѣтитель, поклонившись иконамъ дважды, дѣлалъ поклонъ Епископу, и потомъ кланялся всѣмъ присутствующимъ на четыре стороны. (261)

Но не одни только лица высшей Іерархіи, а даже сельское уховенство пользовалось большимъ уваженіемъ у своихъ прихожанъ, которые стояли предъ нимъ всегда съ обнаженною головою и почтительно просили благословенія; Воеводы и другія высокія лица съ почтеніемъ снимали шапки при встрѣчѣ съ Священниками и стояли все время, когда тѣ также были на ногахъ. (262) Даже Цари стояли съ обнаженною головой въ присутствіи Епископа, или Священника: такъ велъ себя Алексѣй Михайловичъ; но Павелъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ онъ лишь подражалъ своимъ предшественникамъ. (263) При встрѣчѣ съ Священникомъ каждый кланялся и спѣшилъ получить благословеніе. Если кто обращался къ Священнику съ рѣчью, то называлъ его почтительнымъ именемъ: «Батюшка!» получалъ отъ него благословеніе и цѣловалъ руку. (264) Народъ питалъ такое глубокое уваженіе къ служителямъ алтаря, а особенно къ высшимъ лицамъ Церковной Іерархіи, что почиталъ Митрополита и Патріярха болѣе самихъ Князей. (265) Но особенно нѣжнымъ и почтительнымъ свойствомъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ путешественниковъ, отличались эти добрыя отношенія пастырей къ пасомымъ въ Южной Россіи. Мы имѣемъ свидѣтельство человѣка, который одинаково былъ чуждъ и Православію и Русской народности и не имѣлъ причинъ льстить нашему духовенству, но и онъ отзывается съ одинаковою похвалою и сочувствіемъ объ этихъ отношеніяхъ: это Гербиній. Онъ говоритъ, что въ Малороссіи всѣ уважали Священниковъ, какъ Ангеловъ, и во всемъ были имъ послушны; народъ очень рѣдко, почти никогда, не называлъ своихъ

пастырей по имени, но, обращаясь къ Священнику, всегда титуловалъ его: «Достопочтенный, Богоносный, Святой, Блаженный..... отецъ!» и при встрѣчѣ кланялся съ глубокимъ почтеніемъ; въ житейскихъ дѣлахъ онъ считалъ согласіе и одобреніе Священника благословеніемъ, а его волю милостію. (266)

Приходское бѣлое духовенство вообще вело жизнь брачную, которая была даже обязательна для лицъ, желавшихъ вступить въ клиръ. Посевинъ, Олеарій и другіе одинаково говорятъ, что у Русскихъ Протопопъ, или Попъ, непремѣнно долженъ былъ жениться до своего посвященія. (267) Впрочемъ, Флетчеръ упоминаетъ и о такихъ приходскихъ Священникахъ, которые выходили изъ монастырей. «Сверхъ Поповъ, говоритъ онъ, Русскіе имѣютъ еще, такъ называемыхъ, чорныхъ Поповъ, которые могутъ занимать духовныя мѣста, не смотря на то, что они считаются въ числѣ братіи извѣстнаго монастыря. Этихъ Священно-служителей называли чернецами въ Поповскихъ церквахъ.» (268) Важность священнаго сана требовала отъ будущихъ супругъ Священниковъ нравственной чистоты. Дѣвицы, будущія невѣсты ищущихъ священства, должны были отличаться доброю нравственностію, и это считалось необходимымъ условіемъ для полученія сана, такъ что если о невѣстѣ ищущаго Діяконства ходила дурная молва, то его даже не посвящали и въ Діякона. (269) Лица, искавшія духовнаго сана, не могли также жениться и на вдовѣ, а тѣмъ болѣе на какой ни будь обезславленной женщинѣ, и даже имѣть такихъ родственниковъ. (270) Съ другой стороны, нецѣломудренная жизнь самаго лица, желавшаго вступить въ бракъ и принять посвященіе, тоже лишала его на то права. (271) Фаберъ замѣчаетъ, что ищущіе священства женились обыкновенно въ раннемъ возрастѣ, чтобы скорѣе получить мѣсто. (272) По смерти жены Священнику запрещено было вступать въ новый бракъ, на основаніи словъ Ап. Павла, что «Епископу подобаетъ быти мужу единыя жены.» (273) Въ этихъ словахъ Русскіе видѣли положительную заповѣдь о томъ, чтобы Священникъ имѣлъ жену, и при томъ былъ мужемъ одной жены. Русскіе подтверждали свой взглядъ и правилами Отцовъ. Олеарій ссылается на Герберштейна, у котораго приводится посланіе нашего Митрополита Іоанна къ Папѣ, въ которомъ онъ высказываетъ свой взглядъ на безбрачіе Католическаго духовенства. «Третіе и величайшее заблужденіе ваше, писалъ нашъ

Митрополитъ Пафъ, состоитъ въ томъ, что вы отказываетесь принимать Тѣло Господне отъ тѣхъ Священниковъ, которые имѣютъ женъ, тогда какъ Соборъ, бывшій въ Гангрѣ, пишетъ, въ 4 правилѣ: «Кто презираетъ Священника, имѣющаго жену по закону, и говоритъ, что изъ рукъ его нельзя принимать Причастія, тотъ анаѳема.» Также: «Всякій Діяконъ, или Священникъ, покинувшій собственную жену, да будетъ лишенъ Священства.» (274) Впрочемъ, описываемое нами время отличалось большею снисходительностію къ брачному сотоянію лицъ, принадлежавшихъ священному чину, чѣмъ настоящее: въ то время Священникъ, по смерти жены, могъ безпрепятственно оставить духовное званіе и снова жениться. Если молодой овдовѣвшій Священникъ чувствовалъ трудность оставаться внѣ брака, то онъ могъ сложить свою скуфью и рясу, сдѣлаться міряниномъ и заняться по прежнему торговлею, или ремесломъ. Иностранцы, передавая это, прибавляютъ еще, что такіе случаи были очень часты. (275) Человѣкъ, исключенный такимъ образомъ изъ клира, снова возвращался въ ту низшую среду, изъ которой обыкновенно выходило наше духовенство: теперь его называли Распопъ, т. е., бывшій Священникъ. (276) Въ концѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ замѣчаніе у одного современника, что въ это время у насъ вдовый Священникъ могъ одинъ годъ оставаться на службѣ, но за тѣмъ долженъ былъ все таки отправиться въ монастырь. (277) Положеніе и права вдовыхъ Священниковъ у насъ съ теченіемъ времени измѣнялись. Герберштейнъ пишетъ о своемъ времени, что Священнику по смерти жены совсѣмъ воспрещалось совершать Службу; но если онъ велъ цѣломудренную жизнь, то могъ участвовать при Божественной Службѣ въ хорѣ, какъ причетникъ, вмѣстѣ съ прочими причетниками. При этомъ Герберштейнъ замѣчаетъ, что этотъ обычай недавній, а по прежнему обычаю вдовцы, ведущіе цѣломудренную жизнь, могли безъ нареканія совершать Службы, но съ недавняго времени вошло въ обычай не допускать къ священнослуженію ни одного вдовца, развѣ только вступитъ въ монастырь. (278) Постановленіе, о которомъ упоминаетъ Герберштейнъ, было сдѣлано на Московскомъ Соборѣ 1503 года. (279) Мало того, до временъ Никона самое поступленіе вдовыхъ Священниковъ въ монашество сопровождалось стѣснительными условіями: вдовецъ, желавшій оставаться въ священномъ санѣ, долженъ былъ иги въ монастырь,

но ему лишь послѣ продолжительнаго искуса давалось право священнодѣйствовать. Никонъ, любившій практику Греческой Церкви и желавшій во всемъ ей слѣдовать, хотя и не уничтожилъ самаго правила, но отмѣнилъ это стѣснительное условіе и дозволилъ такимъ лицамъ священнодѣйствовать безъ предварительнаго искуса. (280) Прежній строгій обычаи, по замѣчанію Павла, имѣлъ пагубныя слѣдствія, особенно во время повальныхъ болѣзней, когда число духовенства значительно сокращалось и было недостаточно для удовлетворенія религіознымъ потребностямъ прихожанъ. Впрочемъ, изъ свидѣтельста Майерберга можно заключать, что были и исключенія изъ этого правила, и что Патріархъ и Митрополитъ освобождалъ нѣкоторыхъ лицъ отъ этого закона. Вотъ его слова: «Si uxor (cujuslibet Sacerdotis) fatis concesserit, nisi a Patriarcha, aut Metropolita, ad aliquod tempus (ut Moschuae fieri vidi) legi cum eo derogetur, sacra facere vetantur, ad reliqua Ecclesiae officia tanquam vulgares ministri admissi.» (281) А это еще писалось до Собора 1667 года, который отмѣнилъ прежнее постановленіе объ устраненіи вдовыхъ Священниковъ отъ совершенія Литургіи. Олеарій говоритъ, что въ его время наши вдовые Священники не могли совершать только Обѣдни, но они могли отправлять Утреню и Вечерню; равнымъ образомъ, они не могли ни крестить, ни бракосочетавать, а только могли читать и пѣть; они обыкновенно употреблялись для совершенія Богослуженія при Посольствахъ. Если вдовый Священникъ былъ старъ и не могъ болѣе отправлять вечерняго и утренняго Богослуженія, то онъ могъ поступить въ монахи. (282)

По замѣчанію иностранцевъ, семейный бытъ нашего духовенства отличался отъ окружающей среды лучшими отношеніями супруговъ: мужья оказывали гораздо большее уваженіе супругамъ, нежели какъ это было въ другихъ сословіяхъ, и причина этого явленія, по ихъ словамъ, заключалась въ томъ, что Священникамъ запрещено было жениться во второй разъ, а это естественно располагало ихъ быть болѣе внимательными къ своимъ женамъ, чѣмъ другіе. (283) По словамъ Флетчера, жены Священниковъ, подобно древнимъ Римскимъ матронамъ, пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ, а Коллинсъ передаетъ, что онѣ носили еще особые знаки отличія по обѣимъ сторонамъ груди. (284) Таннеръ замѣчаетъ, что когда проходилъ Священникъ съ своею женою,

то послѣднюю всегда можно было видѣть въ нарядномъ уборѣ; и это зависѣло отъ того, что такъ какъ Священнику запрещено было жениться второй разъ, подъ угрозой лишенія сана, то все вниманіе его направлено къ тому, чтобы угодить всякому желанію жены. (285)

Взглядъ разныхъ писателей на нравственную сторону жизни нашего духовенства разнообразится по различію ихъ личныхъ свойствъ и той среды, къ которой они принадлежали по народности и религіознымъ убѣжденіямъ. Но вообще надобно сказать, что иностранцы мрачными красками описываютъ бытъ и состояніе нашего приходскаго духовенства. Грубость нравовъ, пьянство и невѣжество, вотъ отличительныя черты, по которымъ мы должны узнавать наше духовенство XVI и XVII вѣковъ. Вотъ какъ, на примѣръ, описываетъ этотъ бытъ сочинитель Посланія къ Хитрею. «Если сказать Русскимъ Священникамъ, что Папа запретилъ бракъ духовнымъ лицамъ, то это броситъ ихъ въ такую горячку, что они дѣлаются похожими на раскаленную желѣзную плиту, или на Калькутскихъ пѣтуховъ въ то время, когда они бываютъ злы и когда краснѣютъ ихъ гребни. Многіе изъ Священниковъ ведутъ такую неблаговидную и пошлую жизнь, что подумаешь, что они достойны быть не служителями храма, а работниками на какомъ ни будь заводѣ. Если имъ случится сдѣлать какой ни будь проступокъ, то они высокомѣрно извиняются предъ народомъ, говоря, что они братья и намѣстники Божіи. Случится ли свадьба: за Священникомъ посылаютъ разъ, другой, по тому что несчастный Попъ спитъ пьяный. Наскучивъ ожиданіемъ, родственники жениха отправляются къ Священнику, приносятъ ему въ подарокъ водку и насильно уводятъ въ церковь: но онъ не можетъ твердо держаться на ногахъ и часто падаетъ. Въ церкви поднимается такой смѣхъ и хохотъ, что съ нимъ едва ли могло сравниться языческое Богослуженіе, совершавшееся въ капищахъ Венеры. Чтобы Священникъ не упалъ, его нарочно поддерживаютъ и, по совершеній Таинства, его обратно отводятъ домой.» (286) Съ большею похвалою наши писатели отзываются о высшемъ духовенствѣ. Кобенцель говоритъ, что многіе изъ Епископовъ такъ были преданы набожности и благочестію, что по смерти, и даже при жизни, совершали чудеса. (287) Впрочемъ, и среди высшаго духовенства являлись лица съ привычками, далеко несвойственными ихъ сану и поло-

женію. У Герберштейна мы встрѣчаемъ свидѣтельство о Митрополитѣ Даніилѣ, что онъ вступилъ на каѳедру молодымъ (ему было тогда только 33 года). Это былъ человѣкъ съ здоровымъ, тучнымъ, тѣломъ и краснымъ лицомъ. Для того, чтобы не казаться преданнымъ болѣе желудку, нежели постамъ, бдѣнію и молитвѣ, онъ всякій разъ, какъ намѣревался служить, обыкновенно дѣлалъ свое лицо блѣднымъ, съ помощію сѣрнаго дыма, и въ такомъ видѣ выходилъ къ народу. (288) Рейтенфельсъ дѣлаетъ общее замѣчаніе о нашемъ духовенствѣ, что оно было лицемѣрно и, на самомъ дѣлѣ предаваясь пьянству, въ глазахъ другихъ желало казаться святымъ. (289) Олеарій представляетъ примѣры недобросовѣстности Священниковъ и злоупотребленія ими простосердечною вѣрою другихъ. Такъ, въ Архангельскѣ два Священника уговорились сдѣлать красками искуственные знаки на иконахъ, чтобы навести страхъ на жителей и вынудить ихъ къ покаянію и пожертвованіямъ. Посредствомъ этого обмана они успѣли было собрать много денегъ, но потомъ, при дѣлежѣ денегъ, разсорились и выдали другъ друга. За это ихъ подвергли наказанію кнутомъ. (290) Талландеръ называетъ нашихъ Священниковъ ростовщиками, а Олеарій говоритъ, что они вообще имѣли наклонность къ пьянству. (291) Въ большіе праздники вечеромъ всегда можно было увидѣть пьяныхъ Священниковъ, валявшихся въ грязи. Если ихъ будили и поднимали на ноги, то они простосердечно отвѣчали: «Что вамъ нужно, батюшка? Сегодня праздникъ, и я пьянъ.» (292)

Многіе иностранцы справедливо утверждаютъ, что монашеская жизнь у насъ устроялась по правиламъ Св. Василія Великаго. (293) За тѣмъ они указываютъ нѣкоторыя черты строгости монастырской жизни, при чемъ обращаютъ почти исключительное вниманіе на родъ и свойство пищи монаховъ. Нечего и говорить, что Западнымъ путешественникамъ, особенно Протестантамъ, наша монашеская жизнь въ этомъ отношеніи должна была казаться очень строгою; но даже такіе путешественники, какъ Павелъ Діяконъ, съ его Патріархомъ,—сами монашествующія лица и знакомыя съ практикою и обычаями монашеской жизни Православной Церкви,—удивляются строгости и воздержности, которыя соблюдались въ нашихъ монастыряхъ. Сирійскимъ путешественникамъ даже пасхальныя кушанья у Патріарха Никона казались постомъ. (294) Иностранцы замѣчаютъ, что въ нашихъ монастыряхъ отнюдь

не позволялось имѣть мяса, вина, водки, меду, ни крѣпкаго пива. (295) Постороннимъ, свѣтскимъ лицамъ, посѣщавшимъ монашескую трапезу, дозволялось предлагать и мясныя блюда, если только это не было въ посту: впрочемъ, этимъ правомъ угощать мірянъ скоромною пищей пользовались только лица высшей церковной Іерархіи, но другія лица, какъ, на примѣръ, Игуменъ, и даже Архимандритъ, уже не имѣли этого права. (296) Описывая братскую трапезу одного монастыря въ Малороссіи, Павелъ Діяконъ говоритъ, что тамъ монахи ѣли только кашу съ масломъ, и что это была ихъ обыкновенная пища. Знакъ къ ѣдѣ подавали троекратнымъ звонкомъ; по второму звонку братія выпивали, что имъ было предложено, по третьему вставали. Монахи лишь однажды въ сутки совершали свою трапезу, во время которой обыкновенно читались Житія Святыхъ. Такимъ образомъ, по словамъ Павла, монашеская жизнь у насъ носила строгій оттѣнокъ. (297) Фаберъ также съ величайшимъ сочувствіемъ относится къ строгости правилъ нашей монастырской жизни; по этимъ правиламъ онъ описываетъ самую жизнь монаховъ. «Монахи и монахини Русскіе, говоритъ онъ, ведутъ такую набожную жизнь, что заслуживаютъ у другихъ не только удивленія, но и почесть. Они не такъ низко цѣнятъ свои обѣты, какъ теперешніе наши (Католическіе) монахи: если кто изъ нихъ пойдетъ въ монастырь, то ни подъ какимъ предлогомъ не позволитъ себѣ выйти оттуда и взять свои обѣты назадъ; если же кто уйдетъ изъ монастыря, тотъ подвергается вѣчному заключенію.» (298) Швабе признается, что о Русскихъ монахахъ не преходилось слышать, чтобы они пятнали себя прелюбодѣяніемъ и другими пороками. (299) А Павелъ Діяконъ не находитъ словъ, чтобы изобразить высокія добродѣтели и подвиги монаховъ. Въ какой монастырь онъ ни являлся, вездѣ его поражала строгость жизни нашихъ монаховъ. При посѣщеніи Валаамскаго монастыря, Павелъ видѣлъ тамъ нѣкоторыхъ монаховъ, которые носили на тѣлѣ желѣзныя вериги въ продолженіи 40 лѣтъ. Они никогда не перемѣняли рубашекъ, ни другой одежды, пока она совершенно не изнашивалась на нихъ. Они также никогда не мылись, и на нихъ явно отражалось помазаніе набожности и святости: они пріобрѣли особый запахъ и, къ удивленію, этотъ запахъ казался мускусомъ. Къ довершенію этой прекрасной картины монашеской жизни Павелъ говоритъ, что наши монахи вовсе

не употребляли спиртныхъ напитковъ. Взглядъ Павла на строгость нашей монастырской жизни очень выпукло высказывается въ слѣдующихъ его словахъ: «Правду говорили намъ, пишетъ онъ, наши пріятели, прежде бывшіе въ Москвѣ, что кто хочетъ умереть 5—10 годами раньше, тотъ пусть отправится къ Москвитянамъ и вступитъ тамъ въ монахи. Онъ долженъ предаться воздержанію и посту, чтенію и молитвѣ; онъ долженъ и въ полночь вставать на молитву; онъ долженъ совершенно отказаться отъ всякой веселости, и шутки.» Живя среди Русскихъ, Сирійцы наши должны были подчиниться этимъ обычаямъ нашей монашеской жизни, должны были воздерживаться отъ всякихъ шутокъ, пиршествъ и вести святую жизнь; должны были, какъ выражается самъ Павелъ, «соблюдать Евангельскую чистоту.» (300) По церковнымъ правиламъ и гражданскимъ постановленіямъ, монахи не должны были ходить на пиры, а должны были предаваться подвигамъ воздержанія. Монахи не могли пользоваться ни какими удовольствіями жизни: они даже хвалились своимъ презрѣніемъ къ временнымъ вещамъ. Если бы у кого ни будь изъ нихъ нашлась арфа, или другой какой ни есть музыкальный инструментъ, того строго наказывали. Монахи не могли носить нижняго платья и даже холщевой рубашки, кромѣ шерстяной, а также не могли имѣть постели. (301)

Судя по этимъ правиламъ монастырскаго строя жизни, надобно согласиться, что Павелъ имѣлъ основательныя причины такъ хвалить и даже удивляться строгости этой жизни. Но онъ былъ въ Россіи при Патріархѣ Никонѣ, когда церковное благочиніе было чрезвычайно строго; онъ самъ говоритъ, что при этомъ Патріархѣ монахи и высшее духовенство вели очень строгую жизнь; они отнюдь не пили напитковъ, и кто замѣчался въ пьянствѣ, тѣхъ сажали въ темницы и подвергали позору; пьянство считалось большимъ грѣхомъ, чѣмъ блудъ. (302) При томъ же такимъ высокимъ путешественникамъ, каковъ былъ Патріархъ Макарій, всегда устраивались парочныя встрѣчи и церемоніи, которыя прикрывали дѣйствительное положеніе вещей. Имъ приходилось бывать и проживать всегда въ лучшихъ монастыряхъ, гдѣ естественно больше могло быть и порядка и въ отправленіи Богослуженія и въ самомъ строѣ монашеской жизни. Какъ въ монастыряхъ, такъ и вездѣ, гдѣ только бывалъ Патріархъ, всегда старались показать

внѣшній порядокъ, чинность, чтобы заслужить хорошее мнѣніе такихъ высокихъ посѣтителей. Удаленные отъ мелочей повседневной жизни своимъ высокимъ положеніемъ, да еще какъ иностранцы, для которыхъ вообще закрыто было сердце и чувство Русскихъ, они не могли видѣть и знать повседневную, такъ сказать, будничную сторону этой жизни; въ этомъ случаѣ они даже меньше какого ни будь Посланника, или простаго мастера иностранца, который постоянно вращался въ водоворотѣ народной жизни, имѣли случай узнать Русскую жизнь въ ея наготѣ. Самъ Павелъ сознается, что подобныя наблюденія надъ религіозными правами и порядками Русскихъ доставались иностранцамъ, и въ томъ числѣ ему самому, съ величайшимъ трудомъ и были соединены съ большими опасностями. По этому мы считаемъ нужнымъ, для полноты описанія жизни нашихъ монастырей, привести отзывы и другихъ лицъ, которыя тоже имѣли случай наблюдать и знать эту жизнь и которые описываютъ эту жизнь другими чертами.

По этимъ извѣстіямъ, дѣйствительная жизнь монаховъ далеко не соотвѣтствовала строгимъ правиламъ ея Устава. Герберштейнъ, личный свидѣтель описываемаго, говоритъ, что хотя монастырскіе уставы въ Россіи очень строги, но они въ его время были уже ослаблены и не совсѣмъ строго соблюдались. (303) Эта строгость, можно сказать, ограничивалась воротами монастыря, а за его стѣнами монахи позволяли себѣ разныя удовольствія, и общій характеръ монашества отличался тѣми же мрачными чертами, какъ и бытъ бѣлаго Духовенства. Еще Посевинъ замѣтилъ, что относительно благочинія и строгости жизни Русскіе монахи далеко уступали Католическимъ. (304) Особенно дурно отзывается объ нихъ Петрей. Монахи, по его словамъ, проводили жизнь въ сластолюбіи, пьянствѣ, а приношенія, которыя шли въ монастыри отъ простыхъ людей на устроеніе церквей, монастырей и часовенъ, служили только для суетности, невоздержности и обжорства: монахи искали только случая, какъ бы поѣсть и попить. Въ Рождество Христово, Пасху и другіе большіе праздники они до того напивались, что падали на улицахъ, и въ такомъ видѣ тамъ и оставались. (305) Это говоритъ Протестантъ, который уже по тому, что онъ Протестантъ, не могъ хвалить монашества; но такими же мрачными чертами описываютъ нашихъ монаховъ и другіе писатели не Протестанты. Такъ

Майербергъ говоритъ, что когда монахамъ случалось бывать у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, то они своимъ неумѣреннымъ пьянствомъ заразъ помрачали всю трезвость, пріобрѣтенную монастырскимъ помѣщеніемъ, и ихъ приходилось уже отводить обратно въ монастырь. (306) Въ гостяхъ они ѣли и пили, что угодно, и не только не отказывались отъ предлагаемаго, а даже сами заявляли разнаго рода требованія и говорили, что они отличаются отъ своихъ собратій, бѣлыхъ Священниковъ и мірянъ, одною только одеждою. (307) Они любили ссориться, браниться; безъ всякаго стѣсненія бродили по улицамъ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ грязной телѣгѣ, запряженной скверными клячами, нерѣдко сами исправляя роль возницы въ закорузлой отъ грязи одеждѣ, и въ такомъ видѣ учили народъ. Они не возвышались святостію жизни, и сами въ себѣ были увѣрены, что чрезъ частое Богослуженіе они уже сдѣлались близкими къ Богу, и, забывъ страхъ и благоговѣніе, вдались въ крайность, впали въ высокомѣріе, тѣмъ болѣе, что за самое тяжкое преступленіе у нихъ наказывали лишь легкимъ замѣчаніемъ. Такъ, одинъ монахъ за мужеложство былъ лишь на нѣсколько дней заключенъ въ темницу, а потомъ отправленъ для епитиміи въ другой монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ, въ теченіи 67 дней, заниматься просѣваніемъ муки, и въ этомъ состояло все его наказаніе. По истеченіи этого срока онъ долженъ былъ обойти всѣ келіи, произнося у каждой двери обыкновенное привѣтствіе, употребляемое въ монастыряхъ. Тутъ каждый старецъ трижды ударялъ его по спинѣ плетью, и это считалось достаточнымъ наказаніемъ для искупленія его вины. (308) Перри дѣлаетъ общее замѣчаніе о нашихъ монастыряхъ, что въ нихъ было больше бѣдности, старости и слабости, чѣмъ набожности. (309)

Сословіе монаховъ, подобно бѣлому духовенству, у насъ было очень многочисленно. По словамъ Флетчера, у насъ монахи составляли толпу, которая далеко превосходила число монаховъ всякой другой страны Христіянскаго міра: всякій городъ, всякая лучшая мѣстность въ Государствѣ, были полны ими. Они такъ усердно работали, что лишь только открывалась какая ни будь мѣстность, которая была лучше и удобнѣе другой, какъ тотчасъ тамъ заводился уже монастырь въ честь какого ни будь извѣстнаго Святаго. (310) Были разныя историческія обстоятельства,

которыя многихъ побуждали удаляться въ монастыри. Эти обстоятельства частію скрывались въ устройствѣ и состояніи самаго общества, частію зависѣли отъ случайныхъ событій въ жизни частныхъ лицъ. Олеарій говоритъ, что одни поступали въ монахи въ слѣдствіе бѣдности, другіе въ слѣдствіе старости, или слабости, иные, даже богатые, по чувству благоговѣнія и набожности. (311) А по словамъ Флетчера, нѣкоторые бѣжали въ монастыри, какъ мѣста святости, спасаясь отъ наказанія и преслѣдованія; по тому что если такой человѣкъ успѣвалъ надѣть клобукъ прежде, чѣмъ былъ позванъ въ судъ, то онъ уже этимъ самымъ пріобрѣталъ покровительство законовъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе, кромѣ Государственной измѣны. Вообще Флетчеръ, какъ Протестантъ, приписываетъ поступленіе въ монастыри нечистымъ побужденіямъ. Число монаховъ, по его словамъ, умножалось у насъ, благодаря, съ одной стороны, суевѣрію страны, а съ другой тому обстоятельству, что ихъ жизнь была свободна отъ притѣсненій и обязанностей, которыя лежали на обществѣ. Это заставляло многихъ надѣвать монашескую одежду, какъ оплотъ противъ такихъ тягостей. (312) Особый разрядъ людей, которые также поступали въ монастыри, составляли всѣ тѣ, которые предъ смертію были соборованы, но потомъ выздоравливали. Эти лица до конца жизни носили монашеское платье и считали это богоугоднымъ дѣломъ. (313)

Лица, поступавшія въ монастыри, обыкновенно записывали на ихъ все свое имущество и земли, или вносили извѣстное количество денегъ, а безъ этого ихъ даже не принимали. По словамъ Флетчера, одни вносили по 1000 рублей, другіе еще болѣе, но никого не принимали, кто не вносилъ по меньшей мѣрѣ 300—400 рублей. (314) Но Флетчеръ, разумѣется, вдается въ крайность, прибавляя, что эти условія дѣйствовали и имѣли силу почти закона во всѣхъ монастыряхъ. Олеарій замѣчаетъ о своемъ времени, что этотъ обычай былъ отмѣненъ Соборомъ, и что тогда уже существовалъ законъ, требовавшій отъ лицъ, поступавшихъ въ монахи, чтобы они часть своего имущества оставляли наслѣдникамъ. (315) Необыкновенное умноженіе монастырей и монашествующихъ лицъ съ одной стороны, и переходъ въ ихъ собственность обширныхъ поземельныхъ владѣній съ другой, въ послѣдствіи обратили на себя вниманіе Государственной власти,

которая старалась сократить число монастырей и монаховъ. въ видахъ увеличенія народонаселенія и Государственной экономіи. Эта мѣра съ особенною настойчивостію была вызвана во времена войнъ Петра Великаго потребностію въ военныхъ людяхъ, и Петръ издалъ Указъ, ограничивавшій поступленіе въ монастыри. А уменьшивъ число монаховъ, легко можно было отнять у монастырей и часть ихъ имѣній, по тому что тогда имъ не было нужды въ такихъ громадныхъ поземельныхъ владѣніяхъ. Этотъ Указъ запрещалъ поступать въ монахи лицамъ моложе 50 лѣтъ. (316)

Въ монастыряхъ было много лицъ и невольно принявшихъ монашескіе обѣты. Это случалось съ членами знатныхъ родовъ, и особенно часто это несчастіе постигало женщинъ. Иностранцы говорятъ, что и женскихъ монастырей у насъ было очень много, и что сюда мало поступало дѣвъ, больше вдовъ, а еще больше женъ, заключенныхъ насильно мужьями. (317) Флетчеръ говоритъ о временахъ Ивана Грознаго, что тогда въ женскихъ монастыряхъ можно было встрѣтить и дочерей знати, которыхъ Царь хотѣлъ удержать отъ замужества, для того, чтобы прекратился родъ, который онъ уже обрекъ на уничтоженіе. (318) Малое уваженіе къ святости брака, и особенно къ правамъ и личности женщины, было причиною того, что мужья не только по важнымъ причинамъ, но и по одной прихоти, часто заключали въ монастырь своихъ женъ. Герберштейнъ разсказываетъ слѣдующій случай подобнаго постриженія Соломоніи, супруги Великаго Князя Василія Ивановича, которая была сослана въ монастырь за безплодіе 1526 году. Когда Митрополитъ постригалъ ей волосы, она плакала и кричала, а когда онъ подалъ ей кукуль, она бросила его на землю и стала топтать ногами. Иванъ Шигона ударилъ ее за это плетью, сказавъ: «Смѣешь ли ты противиться волѣ Государя?» Узнавъ, что это было сдѣлано по приказанію ея мужа, она съ растерзаннымъ сердцемъ объявила предъ всѣми, что надѣваетъ монашеское платье не по желанію, а по принужденію, и призвала Бога въ мстители за такую несправедливость. (319) Самая жизнь монахинь описывается такими же черными красками, какъ и поведеніе монаховъ. «Нѣтъ надобности, говоритъ Флетчеръ, разсказывать объ образѣ жизни монахинь тѣмъ, которые знаютъ лицемѣріе этой монашествующей общины,» и прибавляетъ, что и сами Русскіе также объ ней отзывались. (320)

Неудивительно, если эти слова намъ приходится слышать изъ устъ Протестанта, но то же самое говорятъ и Католики. Посевинъ отзывается о нашихъ женскихъ монастыряхъ, что они, по строгости своего благочинія, далеко уступали женскимъ Католическимъ монастырямъ. (321) А спустя 80 лѣтъ Майербергъ сдѣлалъ еще худшій отзывъ. «Тогда какъ въ семействахъ, пишетъ онъ, женская половина ограждается если не стыдомъ, то строгимъ заключеніемъ, въ женскихъ монастыряхъ нестрого соблюдаются священныя установленія. Ограды женскихъ монастырей не запираются ни какими замками. Такимъ образомъ, любопытный полъ, не стѣсняемый ни какими препонами, допускаетъ въ свои обители мущинъ и, по окончаніи Службы, которая оканчивается еще до разсвѣта, свободно бродитъ по городу. Такъ какъ монахини не берегутъ стыдливости и честности, то чувственность заграждаетъ доступъ какимъ бы то ни было увѣщаніямъ: онѣ даютъ полный просторъ своимъ пожеланіямъ и, поддаваясь безъ разбора всѣмъ увлеченіямъ, стремятся въ бездну безславія, оскорбляя такимъ образомъ всякое благородное чувство и унижая священное покрывало.» (322) Другой путешественникъ дѣлаетъ такой отзывъ о нашемъ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ. «Этотъ монастырь, говоритъ онъ, не слѣдуетъ называть Парѳеноном, по тому что хотя въ немъ есть такія монахини, которыхъ честь осталась неприкосновенною, однако жъ къ нимъ открытъ доступъ какъ мущинамъ, такъ и женщинамъ, и монахини пользуются полною свободою выхода изъ монастыря: у нихъ съ давнихъ поръ установились очень подозрительныя сношенія съ Боярами. Онѣ дѣлаются не честными матерями и воспитываютъ дѣтей, которыя по закону обязаны всю жизнь проводить при монастырѣ въ рабствѣ.» (323) Русскимъ нисколько не казалось страшнымъ это повсюдное появленіе монахинь: они обыкновенно отвѣчали на дѣлаемыя возраженія, что монахини выходятъ или для покупки разныхъ необходимыхъ вещей для монастыря, или для сбора милостыни. Но иностранцамъ такое поведеніе монахинь все таки казалось подозрительнымъ. (324) Одинъ Павелъ Діяконъ отзывается о нашихъ монахиняхъ съ такою же похвалою, какъ и о монахахъ. Описывая одинъ женскій монастырь въ Малороссіи, онъ говоритъ, что его монахини носили черныя шерстяныя одежды, которыя опускались до пятъ, и что въ этотъ монастырь не про-

никалъ ни одинъ мужчина. И Новодѣвичій монастырь у него является совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели у Таннера. Сирійцы не разъ служили въ этомъ монастырѣ: они каждый разъ почти упоминаютъ о необыкновенномъ радушіи и гостепріимствѣ тамошнихъ монахинь и говорятъ, что по искуству правильно читать и пѣть при Богослуженіи, онѣ далеко оставляли за собою мужскіе монастыри. Павелъ былъ удивленъ ихъ прекрасными пріемами и чистотою, съ которою онѣ держали себя; по его словамъ, въ нихъ человѣческія страсти до того были подавлены, что онѣ умѣли выполнять обѣты своего званія тѣми самыми чувствами, которыя были чужды ихъ обѣтамъ. (325)

При описаніи быта нашего духовенства мы считаемъ нелишнимъ поговорить о внѣшнемъ его видѣ, тѣмъ болѣе, что описываемое нами время представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особенности отъ настоящаго, не лишенныя историческаго значенія. Духовенство наше, какъ бѣлое, такъ и черное, отличалось отъ мірянъ.

1, Одеждою. Почти всѣ писатели одинаково говорятъ, что въ этомъ отношеніи существовало большее, или меньшее, различіе между міряпами и духовными лицами. Герберштейнъ пишетъ, что Священники носили почти такую же одежду, какъ и міряне, и только надѣвали на голову маленькую круглую шапочку, которою прикрывали выстриженное мѣсто, а поверхъ нея носили еще широкія шляпы, или высокія бобровыя шапки сѣраго цвѣта. (326) Эта маленькая суконная шапочка называлась скуфьею: она при посвященіи возлагалась на голову и никогда не снималась, кромѣ того случая, когда нужно было выстричь гуменцо. Изъ подъ этой шапочки вокругъ спускались до плечъ длинные волосы, какъ у древнихъ Назареевъ. (327). На это ращеніе волосъ нѣкоторые указываютъ даже, какъ на главный отличительный признакъ внѣшняго вида нашихъ духовныхъ лицъ. (328) Кромѣ длинныхъ волосъ, Священники носили еще бороды, и чѣмъ длиннѣе была борода, тѣмъ больше она внушала уваженія: они ее никогда не стригли. (329) Верхнею одеждою была ряса длинная, широкая. Перри совершенно вѣрно описываетъ нарядъ духовныхъ лицъ, по его словамъ, они носили черный подрясникъ, поверхъ котораго надѣвали еще другую черную одежду почти такого же покроя, какъ и остальной народъ. (330) Что касается цвѣта оде-

жды, то въ этомъ отношеніи у бѣлаго духовенства замѣчалось полное разнообразіе. Вармундъ сообщаетъ, что рясы у духовныхъ лицъ были разныхъ цвѣтовъ: чернаго, зеленаго, краснаго, голубаго и т. д. (331) Павелъ Діяконъ замѣчаетъ, что въ его время обыкновеннымъ цвѣтомъ рясъ былъ красный; что духовныя лица надѣвали рясы этого цвѣта, когда принимали у себя посѣтителей, или отправлялись въ церковь. (332) Его современникъ, Колинсъ, тоже говоритъ, что Священники по большей части носили платье багроваго цвѣта, нѣкоторые зеленаго, другіе иныхъ цвѣтовъ. (333) У Павла мы встрѣчаемъ очень подробное описаніе одежды современнаго ему Русскаго духовенства. Наши Священники и Діяконы носили верхнюю одежду изъ сукна оливковаго, каштановано, или краснаго, цвѣта обыкновеннаго достоинства, а иногда изъ дорогого сукна, выдѣланнаго изъ Ангорской шерсти. Эта одежда была унизана множествомъ пуговицъ изъ кристалловъ, коралловъ, или серебра, которыя были позолочены и нашивались въ рядъ, начиная сверху отъ шеи до самаго низу; кромѣ того, одежда украшалась еще бахрамою, или шелковыми обшивками. Воротникъ, шириною въ ладонь, былъ изъ той же матеріи и, подобно епитрахили, охватывалъ вокругъ плечи и грудь, только, немного повыше. Иные носили широкую одежду съ широкими рукавами, ровную и не имѣющую спереди разрѣзовъ. Одежда молодыхъ, еще не посвященныхъ, чтецовъ имѣла и тотъ и другой покрой. (334) Колинсъ прибавляетъ, что верхняя одежда Священниковъ отличалась двумя лоскутами, которые они носили по обѣимъ сторонамъ груди, и красною шапочкою. (335) Флетчеръ тоже говоритъ, что на верхней одеждѣ дѣлались каймы изъ бѣлаго атласа. (336) По этому виду всегда можно было узнать Священника и Діякона. Всѣ они носили еще длинныя войлочныя шляпы, которыя снимали только при Богослуженіи и въ присутствіи Епископа. У Протопоповъ и вообще болѣе богатыхъ, эти шляпы дѣлались изъ зеленаго, краснаго, или чернаго, бархата, а у остальныхъ изъ сукна. Подъ этой шляпой была другая шапочка, вышитая желтымъ шелкомъ и обложенная кругомъ красноозывыми кружевами. Такую же одежду носили и Діяконы. (337) Куда бы ни выходилъ и ни являлся Священникъ, онъ всегда имѣлъ въ рукахъ посохъ, на который онъ опирался и который оканчивался изогнутой рукояткой; съ такимъ же посохомъ ходили

и монахи. (338) Къ этому описанію наружности нашего духовнаго сословія Олеарій, личный свидѣтель, а за тѣмъ и другіе, еще прибавляютъ, что бѣлое духовенство, Священники и Діаконы носили на рукахъ кольца. (339) Общій наружный видъ духовенства производилъ различное впечатлѣніе на иностранцевъ. Павелъ и въ этомъ случаѣ съ похвалою отзывается о чистотѣ и вкусѣ нашего духовенства: онъ говоритъ, что наши Священники любили часто причесываться и смотрѣться въ зеркало; по этому почти въ каждой церкви въ алтарѣ можно было встрѣтить два, три, зеркала; и это не считалось предосудительнымъ дѣломъ; при такомъ вниманіи къ своей внѣшности, они, по его словамъ, всегда сохраняли почтенную и пріятную наружность. (340) Но Западные путешественники положительно отказываютъ нашему духовенству въ приличіи и внѣшнемъ благообразіи. Мы уже видѣли, какъ Майербергъ и другіе писатели, бывшіе въ Россіи, изображаютъ незавидную сторону жизни нашего духовенства. Сочинитель Посланія къ Хитрею также незавидно отзывается о Священникахъ Западной Россіи, которыхъ онъ представляетъ лысыми и старообразными. (341)

Одежда монаховъ была чернаго цвѣта. Этотъ цвѣтъ былъ исключительно усвоенъ однимъ монашествующимъ лицамъ, такъ что, по словамъ иностранцевъ, въ цѣлой Россіи, кромѣ монаховъ, никто болѣе не носилъ рясы изъ чернаго сукна. (342) Всѣ монахи и монахини, говоритъ Герберштейнъ, носили длинныя черныя платья шелковыя, грогреневыя и толстыя холщевыя; они не могли носить рубашекъ изъ полотна, а только изъ шерсти. Исключеніе дѣлалось для одного Патріарха, который могъ носить шелковую рубашку темнаго цвѣта. (343) Монахи не могли также носить нижняго платья и кожаной обуви, (344) а вмѣсто сапоговъ носили сандаліи зеленаго, голубаго и краснаго, цвѣта; такого рода сандаліи носилъ и Патріархъ Никонъ. Въ посѣщеніе Павла большая часть не только монаховъ и монахинь, но и бѣлаго духовенства, носили башмаки зеленаго цвѣта, по тому что Персидскіе купцы въ обиліи доставляли этотъ матеріялъ въ Россію. (345) Патріархъ, Митрополиты и Епископы носили платья такого же цвѣта и покроя, какъ и остальные монахи, съ тѣмъ только различіемъ, что у монаховъ и Священниковъ эти рясы были сшиты изъ сукна и другихъ плохихъ матерій, а у другихъ духовныхъ особъ

изъ камки, камлота, шелку, раша и другихъ подобныхъ тканей. Кромѣ того, всѣ монахи носили черную мантію и клобукъ шириною около 3 аршинъ, который имѣлъ на срединѣ круглую, плоскую, форму и сзади опускался внизъ. Епископскія мантіи были также чернаго цвѣта и спереди имѣли на каждой сторонѣ по три бахромы, извивавшіяся па подобіе текущаго ручья и опускавшіяся до самаго низу, а вокругъ плечъ и на рукахъ этѣ мантіи были вышиты крестами. (346) Но изъ описанія Павла видно, что у высшихъ лицъ церковной Іерархіи это правило не строго соблюдалось. Патріархъ Никонъ носилъ мантіи разныхъ цвѣтовъ; такъ на Пасху Павелъ видѣлъ его въ рясѣ краснаго и мантіи зеленаго бархата. (347) Монахи носили еще кожаныя четки, которыя ниспадали до земли и по которымъ они постоянно говорили про себя молитвы.(348) Павелъ Діяконъ такъ описываетъ монаховъ Кіевопечерскаго монастыря: «Здѣшніе монахи ходили въ шерстяныхъ мантіяхъ, съ четками въ рукахъ; они отличались прекрасными чертами лица, изящными пріемами; при этомъ они были очень скромны и добры. Они носили клобуки изъ чернаго сукна съ опушкой изъ черной шерсти, похожей на бархатъ, съ широкими концами, которые спереди опускались внизъ на глаза и стягивались подъ подбородкомъ. Когда нужно было сбросить клобукъ въ церкви, или въ присутствіи высшихъ лицъ, то его обыкновенно отбрасывали назадъ. Епископы носили бѣлые кожаные пояса, а на ихъ мантіяхъ имѣлись голубыя украшенія, опускавшіяся сверху внизъ. Старѣйшіе изъ монаховъ, равно и Епископы, постоянно ходили съ тяжелыми посохами изъ тростника съ серебряными набалдашниками вверху и закованнымъ гвоздемъ внизу. (349) Сравнивая эти сказанія разныхъ писателей, мы замѣчаемъ ихъ разногласіе относительно формы и способа ношенія монахами клобуковъ. Въ старину наши монахи носили свои клобуки не сзади, какъ теперь, а опускали ихъ спереди на глаза; такъ Павелъ описываетъ ношеніе клобуковъ монахами Кіевскаго монастыря; въ такомъ же клобукѣ онъ представляетъ намъ и Архіепископа Рязанскаго, у котораго онъ видѣлъ на головѣ широкій черный клобукъ, опускавшійся внизъ на глаза (coming down over his eyes), а подъ нимъ черную шляпу, подшитую собольимъ мѣхомъ. (350) Патріархъ Никонъ сдѣлалъ нѣкоторую перемѣну въ самой формѣ клобуковъ. До него клобуки

нашихъ монаховъ были очень некрасивы; они не вывязывались изъ шерсти, а сшивались и закрывали глаза и уши, такъ что съ трудомъ можно было разсмотрѣть лицо монаха, когда онъ опускалъ его въ землю; самыя камилавки были очень маленькія и напоминали Павлу шапочки, которыя носили знатные Сирійцы. Между тѣмъ у Русскихъ было преданіе, что именно такого рода клобуки перешли къ нимъ отъ Митрополита Св. Петра, для того, чтобы этимъ они могли отличаться отъ Грековъ. Не смотря на то, Патріархъ Никонъ рѣшился перемѣнить форму клобуковъ: ему нравилась Греческая форма и покрой клобуковъ, и вотъ онъ сначала приказалъ сдѣлать себѣ такого же покроя бѣлый клобукъ, на которомъ были вышиты Херувимы изъ бахромы и перловъ. Желая ввести въ употребленіе клобукъ Греческой формы, Никонъ вошелъ по этому предмету въ предварительное соглашеніе съ Патріархомъ Макаріемъ, и прислъ его переговорить объ этомъ предметѣ съ Царемъ, по тому что самъ онъ боялся этимъ нововведеніемъ возбудить ропотъ. Патріархъ Макарій представилъ дѣло Царю въ таковомъ видѣ: «Въ цѣломъ мірѣ, говорилъ онъ, четыре Патріарха и всѣ мы носимъ одинаковыя одежды; съ нашего согласія этотъ нашъ братъ (Никонъ) сдѣланъ Патріархомъ Московскимъ на мѣсто Папы, который пользовался тѣмъ отличіемъ между нами, что носилъ бѣлую одежду. Если угодно Вашему Царскому Величеству, я желалъ бы, чтобы Патріархъ Московскій, подобно намъ, носилъ этотъ клобукъ и эту камилавку, которую я приказалъ сдѣлать для него.» Царь согласился. Но хотя новый клобукъ, по замѣчанію Павла, очень хорошо шелъ къ величественной фигурѣ Никона, однако жь, какъ скоро онъ былъ имъ надѣтъ, всѣ присутствующіе въ церкви: Епископы, Игумены, Священники и міряне подняли ропотъ. «Посмотрите, говорили они, какъ онъ перемѣнилъ Архіерейскую одежду, которая, по внушенію Св. Духа, была предана намъ Св. Петромъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы сдѣлались Христіянами. И земля не потряслась въ виду своевольныхъ дѣйствій того, который доселѣ одѣвался по Русски, а теперь сдѣлался Грекомъ?» Народъ и потомъ продолжалъ роптать противъ этого нововведенія, но это дѣлалось тайно, изъ боязни Царя. Однако жь, вскорѣ послѣ этого не только Архіереи, но и простые монахи, всѣ пожелали перемѣнить свои клобуки, которые имъ не нравились, въ слѣдствіе своей

тяжеловѣсности. Многіе изъ нихъ стали обращаться за полученіемъ новыхъ клобуковъ къ Патріярху Макарію, такъ что, по замѣчанію Павла, если бы на этотъ разъ явился какой ни будь монахъ съ Святой Горы съ большимъ запасомъ такихъ клобуковъ, то онъ могъ бы ихъ сбыть за очень высокую цѣну. Теперь уже стали говорить: «Если бы Греческій клобукъ не имѣлъ божественнаго происхожденія, то Патріярхъ не сталъ бы первый носитъ его.» Всѣ монахи Троицкаго монастыря (въ числѣ 500) обратились къ Патріярху Никону съ просьбою о дозволеніи перемѣнить клобуки. Когда Патріярхъ Макарій былъ въ Новгородѣ, два Архимандрита монастырей Св. Варлаама и Георгія обратились къ нему съ такою же просьбой, которая и была удовлетворена. За этихъ Архимандритовъ хлопоталъ даже самъ Воевода. По этому случаю, замѣчаетъ Павелъ, Макарій получилъ отъ Русскихъ богатую прибыль. (351)

B. Содержаніе церковнаго и духовнаго имущества.

Въ заключеніе описанія быта нашего духовенства мы представимъ свѣдѣнія, какія передаютъ наши писатели объ его внѣшнемъ благосостояніи и вообще о церковныхъ имуществахъ.

На основаніи памятниковъ нашего церковнаго законодательства, нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей указываютъ на десятины, какъ на одно изъ средствъ содержанія нашего духовенства и, при исчисленіи этихъ средствъ, ставятъ ихъ на первомъ мѣстѣ. Но эти писатели расходятся въ опредѣленіи назначенія этѣхъ десятинъ. Фаберъ, а за нимъ и другіе, приписываютъ имъ въ нашей Церкви такое же значеніе, какое они имѣли и въ Церкви Католической, и говорятъ, что какъ Епископы, такъ и Священники, у насъ пользовались десятинами. (352) Но это невѣрно, по тому что Уставъ Св. Владимира о десятинахъ имѣлъ приложеніе только къ Десятинной церкви и не распространялся на другія, и по тому онъ не рѣшаетъ вопроса о содержаніи духовенства вообще. Герберштейнъ, который заимствовалъ свѣдѣнія о десятинахъ изъ непосредственнаго источника, вовсе не говоритъ, чтобы этѣ десятины шли въ пользу Священниковъ. «Владиміръ Св., говоритъ онъ, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Леономъ, установилъ давать десятину со всѣхъ вещей для бѣдныхъ сиротъ, немощныхъ, старцевъ, пришельцевъ, плѣнныхъ, для погре-

бенія бѣдныхъ, для вспомоществованія тѣмъ, которые имѣютъ многочисленное семейство, и тѣмъ, имущество которыхъ истреблено огнемъ, и наконецъ для вспомоществованія нуждамъ всѣхъ несчастныхъ и церквамъ бѣдныхъ монастырей, преимущественно же для облегченія участи живыхъ и умершихъ.» (353) Нейгебайеръ, пользовавшійся Герберштейномъ, уже прямо говоритъ, что въ Россіи десятины устроены не для Священниковъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а для бѣдныхъ, сироть и проч. Флетчеръ также говоритъ, что у Русскихъ не было обычая давать Священникамъ десятину отъ зерноваго хлѣба и т. д. (354). И по словамъ Павла, прихожане также не были обязаны налогами въ пользу Епископовъ, или Патріярха. (355)

Вторымъ источникомъ содержанія духовенства, по словамъ Герберштейна и другихъ писателей, были доходы съ церковныхъ угодій, деревень и земель. Этотъ источникъ доходовъ находился въ рукахъ высшаго духовенства: Митрополитовъ и Епископовъ. (356) Но, кромѣ этого, у нихъ были еще другіе чрезвычайные доходы; только Герберштейнъ не опредѣляетъ, въ чемъ они состояли. А другіе писатели указываютъ слѣдующія доходныя статьи. Это: а, извѣстныя дани съ подвѣломыхъ имъ сельскихъ Священниковъ, которые облагались извѣстнымъ взносомъ, соотвѣтственно состоянію каждаго. По словамъ Павла, Никонъ и другіе Епископы съ самой бѣдной церкви получали не менѣе рубля, а, по Флетчеру, сельскіе Священники должны были давать Епископу десятую часть своихъ доходовъ. (357) Рейтенфельсъ тоже называетъ этотъ сборъ десятиною и говоритъ, что прежде Московскій Митрополитъ чрезъ каждые 7 лѣтъ собиралъ эту дань изъ областей, вошедшихъ въ составъ Литовскаго Княжества, и что этотъ сборъ продолжался дотолѣ, пока не образовалась тамъ своя Митрополія. (358) б, Пошлины съ тяжебныхъ дѣлъ по наслѣдству. Патріярхъ Никонъ получалъ съ этихъ дѣлъ 10% сверхъ того, что брали при этомъ его Судьи и Чиновники. (359) в, Взносы, собиравшіеся при посвященіи ставленниковъ. При посвященіи въ Священника брали 1 руб. со ставленника; при каждомъ актѣ бракосочетанія выдавали свидѣтельство, за которое платили око 3 коп. серебромъ. (360)

Всѣ эти доходы, взятые вмѣстѣ, составляли значительное ежегодное содержаніе Епископовъ, которое дѣлало ихъ матері-

яльный бытъ вполнѣ обезпеченнымъ. Не даромъ Вологодскій Епископъ сказалъ Флетчеру, что онъ поступилъ въ монахи для того, чтобы ѣсть хлѣбъ въ покоѣ. Доходы эти въ концѣ XVI вѣка, по приблизительному вычисленію Флетчера, достигали слѣдующихъ размѣровъ: Патріархъ ежегодно получалъ около 3,000 рублей изъ однихъ только земель, не считая другихъ доходныхъ статей (361), а бывшій до того Московскій Митрополитъ получалъ ежегоднаго дохода около 22,000 талеровъ или 13,000 золотыхъ. (362) Митрополиты и Архіепископы, по словамъ того же Флетчера, получали до 2,500 руб., Епископы: одни до 1,000, другіе 800, иные 500, но нѣкоторые, какъ, на примѣръ, Новгородскій, получали 10—12 тысячъ руб. въ годъ. (363) Вообще внѣшнее благосостояніе Епископовъ было очень завидно и ставило ихъ на ряду съ высшею знатью и Боярами. Каждый Епископъ имѣлъ свой дворецъ, церковь, высшихъ Чиновниковъ и правителей и толпу прислужниковъ, жившихъ при его дворѣ; въ его рукахъ хранились богатства и сокровища церкви. Его окружающіе, состоявшіе изъ Священниковъ, Діяконовъ, монаховъ, нѣвчихъ и другихъ лицъ, заключали въ себѣ болѣе 100 человѣкъ, которыхъ онъ кормилъ, одѣвалъ и которымъ выдавалъ еще жалованье. (364) Петрей тоже говоритъ, что у Епископовъ были большія помѣстья: у нѣкоторыхъ было до 1,000 душъ и значительные доходы; они содержали по нѣскольку тысячъ лошадей, а въ ихъ монастыряхъ имъ служили ихъ Дворяне, какъ Князьямъ. (365) Обстановка домашней жизни нѣкоторыхъ Епископовъ, занимавшихъ высшія каѳедры, даже поражала своею роскошью и блескомъ. Богаче другихъ былъ Митрополитъ Новгородскій: по словамъ Павла Діякона, подъ его вѣдѣніемъ было болѣе 400 монастырей и 2,000 Священниковъ; самый бѣдный изъ нихъ обязанъ былъ доставлять ему ежегодно не менѣе 1-го рубля. У него было до 70 озеръ съ рыбными ловлями, обширный дворъ, множество слугъ, писцовъ, военныхъ людей, Діяконовъ, Священниковъ, монаховъ, портныхъ; вся прислуга его состояла изъ 300 человѣкъ, которые находились на его полномъ содержаніи; словомъ, онъ въ своей Епархіи былъ больше, нежели Воевода. Коломенскому Епископу принадлежало множество земель, населенныхъ крестьянами. (366) Хозяйство Патріаршаго двора было еще обширнѣе: оно непрерывно накоплялось съ теченіемъ времени, и во времена

Никона достигло громадныхъ размѣровъ. Изъ описанія Павла Діякона видно, что у Никона были свои золотыхъ дѣлъ мастера, свои портные, кузнецы, каменьщики, столяры, живописцы и всякаго рода ремесленники, изъ которыхъ каждый получалъ годичную плату, платья, подарки..... Всѣмъ этимъ богатствомъ Никонъ былъ обязанъ своему вліянію на Царя. До него въ Патріяршей области было около 10,000 крестьянскихъ семействъ, а при немъ ихъ число возросло до 25,000. Лишь только умиралъ какой ни будь Бояринъ, Никонъ являлся къ Царю и, съ его дозволенія, получалъ часть земель и крестьянъ покойника; такимъ же образомъ онъ пріобрѣлъ множество соляныхъ озеръ и рыбныхъ ловлей. Онъ выхлопоталъ у Царя Указъ, по которому собственность Боярина, умиравшаго бездѣтнымъ, должна была переходить во владѣніе Патріарха; этимъ путемъ онъ также пріобрѣлъ множество соленыхъ озеръ и огромные доходы; такимъ образомъ онъ имѣлъ свою рыбу и соль, а прежніе Патріархи должны были покупать это. Онъ также выхлопоталъ Указъ, освобождавшій отъ пошлинъ его торговлю, между тѣмъ какъ самъ онъ пользовался сборомъ пошлинъ, установленныхъ для торговли. Такъ, въ Москвѣ и во всѣхъ другихъ городахъ Государства, при продажѣ лошадей обыкновенно взимали пошлину по 2 коп. съ рубля: 1 въ Царскую казну, и по 1-й въ пользу Троицко-Сергіевскаго монастыря, и для сбора этой пошлины на таможняхъ обыкновенно было по два чиновника. Но Никону этого было мало, и онъ настоялъ, чтобы въ его казну шла половина этѣхъ пошлинъ. Общее количество его доходовъ было громадно: по словамъ Павла, каждый день приносилъ ему дохода 20,000 рублей (слѣдовательно, въ цѣлый годъ собиралось около 7,300,000); съ однихъ только церквей, какъ въ самой Москвѣ, такъ и во всей Патріаршей области, онъ собиралъ около 40,000 р. въ годъ. Сверхъ того, Никонъ своевольно присвоилъ себѣ половину доходовъ Сергіевской Лавры, ссылаясь на то только, что «Патріаршество—самое лучшее на это право.» Далѣе, онъ приказалъ перенести въ свою Патріаршую церковь лучшую часть сокровищъ, хранившихся въ Царскихъ монастыряхъ. (367) Въ концѣ XVII вѣка доходы Патріаршіе сократились и составляли около 43,200 фунтовъ въ годъ. (368)

Источники содержанія приходскаго духовенства, по указаніямъ нашихъ писателей, были слѣдующіе:

Приходскимъ Священникамъ, по словамъ Герберштейна, давались, во первыхъ, маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискивали пропитаніе собственными трудами, подобно своимъ сосѣдямъ. (369) Къ этимъ словамъ Герберштейна Павелъ прибавляетъ, что каждый Священникъ и Діяконъ имѣлъ, сверхъ того, извѣстное пожизненное содержаніе (stipend.). (370) А Фаберъ, упомянувъ объ Епископахъ, замѣчаетъ на счетъ остальнаго духовенства, что оно имѣло недвижимыя имущества, покровителями которыхъ были какъ духовныя лица, такъ и міряне. (371) Кромѣ этого источника доходовъ, приходское духовенство пользовалось разными приношеніями прихожанъ и платою за требоисправленія. (372) Герберштейнъ разсказываетъ, что въ Литвѣ прихожане должны были платить Священнику извѣстную сумму денегъ при свадьбѣ, похоронахъ, рожденіи, елеосвященіи, и что взносъ этой платы обыкновенно производился при Исповѣди. (373) Далѣе, Священники получали плату за совершеніе такихъ службъ, исполненіе которыхъ было необязательно, таковы: заупокойныя обѣдни, панихиды.... (374) Олеарій опредѣляетъ даже размѣръ этой платы, именно: Священникъ за отправленіе панихиды получалъ круглую монету, которая равнялась 6 пфенингамъ или 1 копѣйкѣ, (375) за прочтеніе цѣлой Псалтири надъ умершимъ богатые платили 3—4 имперіяловъ. (376) Въ отвѣтахъ Кирику говорится, что за душу умершаго надобно отслужить 5 Обѣденъ, и Священнику дать одну гривну, сверхъ того принести ладонъ, 5 свѣчъ и вино. (377) Священники получали еще плату за разрѣшительныя грамоты. (378) Въ Западной Россіи существовалъ обычай при крещеніи младенца давать Священнику пирогъ и нѣсколько денегъ. (379) Сверхъ того, Священникъ четыре раза въ годъ посѣщалъ дома своихъ прихожанъ съ кадиломъ и святой водой, которою онъ кропилъ не только присутствовавшихъ лицъ, но и всю домашнюю утварь, и за это получалъ большую, или меньшую, плату, соотвѣтственно состоянію хозяевъ. (380) А Павелъ говоритъ, что въ теченіи года Священникъ много разъ обходилъ прихожанъ съ многолѣтіемъ для сбора подаяній, именно: въ Рождество Христово, Богоявленіе, Пасху, храмовой праздникъ и въ началѣ каждаго мѣсяца. (381) При этихъ посѣщеніяхъ хозяинъ,

по словамъ Петрея, давалъ Священнику за труды полгроша, грошъ и два. (382) Значительные доходы доставляли приходскимъ Священникамъ храмовые праздники. Въ эти дни собиралось множество народа даже изъ сосѣднихъ деревень, и каждый приносилъ Священнику подарки. Большая часть посѣтителей заказывала Службы, которыхъ набиралось такъ много, что мѣстный Священникъ, будучи не въ состояніи самъ справиться, приглашалъ на помощь сосѣднихъ Священниковъ. Вообще, количество годичныхъ доходовъ сельскаго Священника, по расчету Флетчера, приблизительно равнялось 10 фунтамъ, или 30—40 рублей; но изъ этого числа 10-ю часть онъ долженъ былъ внести въ казну мѣстнаго Епископа. Разность доходовъ сельскихъ Священниковъ зависѣла отъ большей, или меньшей, извѣстности того Святаго, которому были посвящены ихъ церкви. (383) Чтобы избавиться отъ расходовъ на содержаніе Священника, прихожане иногда отдавали въ ростъ церковныя деньги по 10%, и эти проценты предоставляли Священнику. (384) У насъ были еще церкви, причтъ которыхъ содержался на счетъ Царей. Изъ Петрея видно, что это вообще были городскіе Священники, а Павелъ передаетъ, будто на Царскій счетъ содержались также всѣ церкви, у которыхъ не было крестьянъ. (385) По словамъ Герберштейна, у насъ дѣйствительно были церкви, одаренныя помѣстьями, подобно монастырямъ, но такихъ церквей было очень мало. (386)

Вотъ источники содержанія нашего духовенства, какіе указываются нашими писателями. Были люди, которымъ матеріяльное положеніе нашего духовенства даже казалось завиднымъ. Таковъ, на примѣръ, Сириціи. «У Русскихъ, говоритъ онъ, похвальный обычай: они расположены къ своему духовенству, которое, хотя не имѣетъ опредѣленнаго жалованья, но щедро питается другими. Русскіе не только считаютъ своихъ духовныхъ лицъ достойными чести, но и на самомъ дѣлѣ воздаютъ имъ эту честь, у нихъ совсѣмъ не то, что у насъ, гдѣ мы несемъ не разъ громадныя издержки, но лишь только дѣло коснется подаянія служителямъ Церкви, намъ тотчасъ приходитъ на умъ бережливость, мы съ завистью сокращаемъ, на сколько возможно, жалованье Священниковъ, и съ презрѣніемъ относимся къ религіознымъ предметамъ.» (387) Но между тѣмъ, какъ Сириціи, не бывшій самъ въ Россіи, съ такою завистію смотритъ на матеріяльный бытъ на-

шего духовенства, другой писатель, бывшій личнымъ свидѣтелемъ описываемаго имъ, совсѣмъ иначе отзывается объ этомъ предметѣ. По словамъ Петрея, только городское и столичное духовенство подучало большіе доходы отъ Царей и своихъ прихожанъ, а сельскіе Священники были такъ бѣдны и жалки, что они едва имѣли насущный хлѣбъ для утоленія голода, по тому что они не много получали съ крестьянъ. Они не брали съ нихъ ни муки, ни десятины, а только собирали при похоронахъ, вѣнчаніи и тому подобныхъ требоисправленіяхъ, небольшіе гроши, да еще бѣлый хлѣбъ съ начинкою изъ ячменной крупы. (388) Во времена Павла каждый Священникъ въ Москвѣ получалъ отъ Государя годичнаго содержанія по 2 р., а Діяконъ 1 рубль, кромѣ того еще полагался 1 рубль Священнику, и 6 копѣекъ для приготовленія просфоръ. Протопопъ получалъ отъ Царя 50 рублей и отличную одежду, а члены низшаго клира получали, каждый соотвѣтственно своему чину, и меньшее жалованье и болѣе скромную одежду: Діяконъ получалъ половинное содержаніе сравнительно съ Священникомъ; сверхъ того причтъ пользовался еще извѣстнымъ сборомъ съ прихожанъ. Духовенство 7 столичныхъ церквей обыкновенно день и ночь читало псалмы надъ Царскими гробницами въ Архангельскомъ Соборѣ, и за это получало такое вознагражденіе изъ наслѣдства умершихъ Царей и Царицъ, какое было положено по закону, начиная съ блюдъ, въ которыхъ находились кутья и вино. Нѣкоторыя церкви владѣли большими помѣстьями. Такъ Павелъ передаетъ, что Коломенскій Протопопъ владѣлъ деревнею, заключавшею болѣе 100 дворовъ и пользовался всѣми доходами съ нея; кромѣ того у него былъ обширный домъ; деревня и домъ не составляли его личной собственности, но находились только пожизненно въ его пользованіи, какъ пожалованіе Царя. (389). Но сельское духовенство имѣло скудныя средства и вообще было очень бѣдно. А неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бѣдности былъ недостатокъ внѣшняго приличія и благопристойности, который особенно поражалъ иностранцевъ, привыкшихъ видѣть свое духовенство въ лучшемъ видѣ. Бѣдность и внѣшнее неряшество Священниковъ и монаховъ поражали ихъ глаза, и они не упускали случая посмѣяться и представить наше духовенство въ смѣшномъ видѣ. «Русскіе Священники, говоритъ Майербергъ, такъ пренебрегаютъ своимъ достоинствомъ, что, вѣчно

покрытые грязью и пылью, сами исправляютъ обязанности извощиковъ; часто можно видѣть, что они совершаютъ свой обѣдъ на открытыхъ шумныхъ улицахъ, или въ какой ни будь уединенной харчевнѣ, и если ихъ кошелекъ бываетъ полонъ, то заходятъ въ кабаки и тамъ нагружаются до нельзя. (390). Такимъ образомъ, у нашихъ писателей встрѣчаются противорѣчащіе отзывы о матеріяльномъ благосостояніи нашего духовенства; но это мнимое противорѣчіе легко устраняется тѣмъ соображеніемъ, что въ томъ и другомъ случаѣ они имѣли въ виду различные разряды нашего духовенства. Правъ и Рейтенфельсъ, который говоритъ, что наше духовенство было очень богато; правъ и Петрей, который говоритъ, что сельское духовенство было очень бѣдно. (391) У насъ было и богатое и бѣдное духовенство: къ первому принадлежало высшее духовенство, Іерархія, ко второму духовенство приходское и сельское. Флетчеръ также считаетъ матеріяльный бытъ сельскаго духовенства въ Россіи неудовлетворительнымъ, и причину этого находитъ въ неравномѣрномъ распредѣленіи прихожанъ по приходамъ. (392) Павелъ Діяконъ разсказываетъ, что его поразила бѣдность сельскаго духовенства по пути изъ Москвы въ Новгородъ. «Оно, говоритъ Павелъ, просило у насъ милостыни, а мы сами шли къ нимъ за подаяніемъ.» (393) Средоточіемъ, вокругъ котораго сосредоточивались матеріяльныя богатства Церкви, были монастыри: они владѣли огромными помѣстьями и деревнями, населенными крестьянами. У нашихъ писателей нѣтъ на столько данныхъ, чтобы по нимъ можно было вполнѣ описать богатство монастырей и высчитать въ точности количество собираемаго съ нихъ дохода. Но такъ какъ всякія данныя этого рода имѣютъ большое историческое значеніе, то мы считаемъ не лишнимъ привести тѣ свѣдѣнія, которыя встрѣчаются у нашихъ писателей: большая часть ихъ заимствуется изъ Павла Діякона.

Между монастырями первое мѣсто, по многолюдству братіи и матеріяльному своему благосостоянію, наши писатели отдаютъ Троицко-Сергіевской Лаврѣ: она имѣла громадныя богатства и доходы. Въ началѣ XVII в. она прокармливала 4,000 человѣкъ монашествующей братіи съ прислугою и челядью; у нея были озера, лѣса, рыбныя ловли; ея богатства умножались щедростію Великихъ Князей и вкладами частныхъ лицъ. Князья, Бояре и Дворяне, при смерти обыкновенно завѣщали ей много помѣстьевъ

съ крестьянами. У всѣхъ путешественниковъ, проѣзжавшихъ мимо этого монастыря, богатые, или бѣдные, они были, было въ обычаѣ заходить туда и вносить подаянія Св. Сергію, чтобы въ дорогѣ не случилось съ ними какого ни будь несчастія; а эти взносы образовали собою богатые доходы. (394) Такимъ образомъ богатства этого монастыря достигли громадныхъ размѣровъ. По словамъ Павла, его доходы равнялись $^1/_3$ Царскихъ доходовъ; а всѣ сокровища и имѣнія, взятыя вмѣстѣ, могли даже равняться послѣднимъ. (395) Посевинъ, которому приходилось видѣть на Западѣ очень богатые монастыри, тоже называетъ Троицко-Сергіевскую Лавру богатымъ монастыремъ, а Олеарій и другіе писатели самымъ богатымъ въ Россіи. (396) Павелъ Діяконъ увѣряетъ даже, что не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ нельзя было найти подобнаго ему монастыря; у него въ каждой области находились таможни, на ряду съ Царскими; сборщики Государя брали по 2 копѣйки съ рубля, а монастырскіе по одной копѣйкѣ; въ Москвѣ у него было 120 домовъ, гдѣ помѣщалось столичное духовенство. (397) По словамъ Флетчера, этотъ монастырь въ концѣ XVI вѣка получалъ ежегодно съ своихъ земель и разныхъ другихъ доходныхъ статей до 100,000 руб. серебр. или марокъ (398) Майербергъ передаетъ ходячій слухъ, что въ этомъ монастырѣ подъ землею зарыта была невѣроятная сумма серебряныхъ рублей, подаренныхъ Великими Князьями и другими благотворителями, и что эта сумма вчетверо превосходила цифру 1,000 миріядъ (399) (значитъ, около 40,000,000).

Павелъ Діяконъ сообщаетъ о Валаамскомъ монастырѣ, что ему принадлежало большое озеро, съ нѣсколькими островами, покрытыми лѣсомъ, называвшееся Коломенскимъ, по имени близъ лежащей деревни. Никонъ пріобрѣлъ для него около 60 деревень съ крестьянами, что стоило 60,000 руб., кромѣ того множество дачъ, Богоугодныхъ заведеній, 80 соляныхъ озеръ и 180 рыбныхъ ловлей. Архимандритъ этого монастыря самъ увѣрялъ Павла, что ежегодный доходъ монастыря простирается до 10,000 рублей серебромъ. Такое же озеро Патріархъ Никонъ подарилъ вновь устроенному имъ монастырю. (400)

О Хутынскомъ монастырѣ Св. Варлаама Павелъ говоритъ, что это богатѣйшій фундушъ; что вдоль Волхова нельзя было найти другого монастыря, который могъ бы сравниться съ нимъ

по богатству и количеству земель. У него было болѣе 2,000 крестьянскихъ домовъ, а въ самомъ монастырѣ было много построекъ, гдѣ помѣщалось болѣе 100 монаховъ. Олеарій, который не много раньше Павла былъ въ Россіи, насчитываетъ въ немъ лишь 400 крестьянъ и 60 монаховъ. Монастырь Св. Антонія также имѣлъ богатые доходы. (401)

Изъ монастырей Южной Россіи подробнѣе прочихъ описанъ у Павла монастырь Кіево-Печерскій. Вдоль этого монастыря тянулись сады съ миндальными, тутовыми деревьями и виноградниками, которые составляли его собственность. Шелковичный червь, заведенный прежнимъ Митрополитомъ, выдѣлывалъ прекрасный шелкъ; особенно много было орѣшника и винограда, изъ котораго выдѣлывалось темнокрасное вино, разсылавшееся потомъ по всѣмъ церквамъ Малороссіи. (402)

Причины такого необыкновеннаго скопленія богатства въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, указываемыя нашими писателями, были различныя. Больше всего здѣсь значила набожность Русскихъ которые при смерти любили дѣлать завѣщанія и подарки въ пользу церквей и монастырей, да и при жизни всегда заботились объ украшеніи храмовъ, благолѣпіи церковной утвари и т. п. Были монастыри, которые содержались на счетъ частныхъ лицъ: таковъ монастырь Св. Николая въ Можайскѣ, который содержался на счетъ Царя. (403) Алексѣй Михайловичъ выстроилъ нѣсколько монастырей; одинъ изъ нихъ находился въ 40 верстахъ отъ Можайска. Павелъ видѣлъ одну вдовствующую Княгиню, которая по смерти мужа выстроила церковь въ Спаскомъ монастырѣ и завѣщала этому монастырю огромное богатство; кромѣ того, она пожертвовала еще въ Сергіевъ монастырь болѣе 6,000 р. (404) Боярынъ Морозовъ при смерти отдалъ на бѣдныхъ и монастыри очень значительную сумму денегъ мѣдью, серебряными рублями, золотыми солидами и Іоахимовскими талерами, и сверхъ того громадныя помѣстья, населенныя 20,000 крестьянъ. (405) Вообще, Князья, Бояре и богатые люди, давали вклады въ церкви и монастыри на поминъ души, или за право быть тамъ погребенными; въ посѣщеніе Павла одинъ Князь сдѣлалъ подобный вкладъ въ Симоновъ монастырь. (406) Нѣкоторые даже не довольствовались тѣмъ, чтобы быть только похороненными въ какомъ ни будь монастырѣ, а непремѣнно желали, чтобы ихъ прахъ

былъ перенесенъ въ Кіевъ. (407) Кромѣ богатыхъ пожертвованій землями и угодьями, которыя дѣлались Царями и частными лицами, особенно много содѣйствовалъ скопленію въ монастыряхъ громадныхъ поземельныхъ имуществъ существовавшій у насъ обычай, по которому богатыя лица, поступавшія въ монастыри, приносили туда съ собою и все свое недвижимое имущество. Съ теченіемъ времени отъ этого естественно должна была пострадать Царская казна и общественное благо. Когда этимъ путемъ къ монастырямъ отошла вся почти земля, такъ что Царь остался почти безъ крестьянъ, то, для пресѣченія этого зла и для избѣжанія повторенія подобныхъ случаевъ въ будущемъ времени, былъ поставленъ законъ, которымъ воспрещалось лицамъ, поступающимъ въ монастырь, отдавать монастырю ихъ наслѣдственное имущество, а также удерживать его за собой въ монашескомъ званіи; въ этомъ случаѣ имущество передавалось законнымъ родственникамъ, которые обязаны были заботиться о нуждахъ прежняго владѣльца; если же не хотѣли брать на себя этой обязанности, то имущество продавалось тѣмъ же родственникамъ, или чужимъ. Что касается благопріобрѣтеннаго имущества, то владѣлецъ его предъ поступленіемъ въ монастырь могъ по произволу продать его, или подарить, кому угодно, но удерживать его за собою не имѣлъ права. (408) Иностранцы по своему смотрѣли на это усердіе Русскихъ къ обогащенію храмовъ и монастырей. Рейтенфельсъ объясняетъ это народнымъ суевѣріемъ, которое доставляло монахамъ огромныя богатства, и прибавляетъ, что если бы не было закона, ограничивавшаго права монастырей на пріобрѣтеніе новыхъ земель, то монастыри завладѣли бы значительною частію Государства. (409) Разные несчастные случаи въ жизни частныхъ лицъ, равно какъ и общественныя бѣдствія, также располагали Русскихъ къ подобнымъ пожертвованіямъ. Такъ, Павелъ, прибывшій въ Россію во время моровой язвы, разсказываетъ, что тогда набожные люди при первыхъ признакахъ обнаруженія болѣзни уже переставали думать о здѣшнемъ мірѣ, призывали Священника, исповѣдывались, и за тѣмъ все свое имущество описывали на монастыри и церкви, на общественныя благотворительныя зданія и на бѣдныхъ. (410) Далѣе обильный источникъ доходовъ доставляли церквамъ и монастырямъ чудотворныя иконы и мощи Святыхъ; сюда стекались и обильныя

приношенія отъ знати и отъ простаго народа. Такова была, напримѣръ, церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ, икона Св. Николая въ Можайскѣ. Великій Князь ежедневно посылалъ сюда разные подарки: блюда съ мясомъ, перегнаннымъ пивомъ и медомъ, которыя дѣлились между членами мѣстнаго причта, совершавшаго непрерывныя службы. (411) Наконецъ, монастыри, какъ и вообще все духовенство, пользовались особыми правами и преимуществами, которыя также содѣйствовали ихъ матеріяльному благосостоянію. Наше духовенство было освобождено отъ разныхъ Государственныхъ повинностей и налоговъ. Ульфельдъ и Рейтенфельсъ отзывается въ частности о монахахъ Можайскаго монастыря, что они были освобождены отъ всякихъ повинностей и налоговъ; (412) но это право слѣдуетъ распространить и на другіе монастыри. Въ торговлѣ Патріяршіе товары были освобождены отъ пошлинъ. (413) Монастыри имѣли богатый источникъ доходовъ въ разнаго рода промыслахъ и торговлѣ; монахи торговали солодомъ, хмѣлемъ, хлѣбомъ, лошадьми, рогатымъ скотомъ и всѣмъ, что могло приносить прибыль; они занимались также шитьемъ и продажею сумокъ. (414) Монахи получали иногда денежные подарки во времена посѣщенія монастырей Царскими особами, а въ старину Цари любили часто посѣщать обители. Алексѣй Михайловичъ, вообще набожный Государь, и въ этомъ отношеніи отличался особеннымъ усердіемъ. Павелъ говоритъ, что при подобныхъ посѣщеніяхъ онъ даралъ монахамъ деньги. Такъ, когда однажды онъ съ Сирійскими путешественниками посѣтилъ вновь выстроенный имъ за Москвою монастырь, то при прощаніи съ братіей онъ приказалъ своему Казначею раздать монахамъ деньги, которыя, по обычаю тогдашняго времени, завертывались при этомъ въ бумагу; Казначей приготовилъ узелки съ мѣдными деньгами, и Царь собственноручно роздалъ ихъ братіи: Іеромонахамъ—по 6 р., Діяконамъ—по 4 руб., а низшей братіи каждому по 3. (415) Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, церковныя и монастырскія имущества возрастали; не говоря о драгоцѣнныхъ иконахъ и сосудахъ, которыми были снабжены церкви и монастыри, у нихъ были еще громадныя поземельныя имущества. По однимъ, всѣ недвижимыя монастырскія имущества составляли цѣлую треть всей Государственной области. (416); по другимъ еще болѣе, цѣлую половину; (417)

а по словамъ Колиса, даже двѣ трети. (418) Въ концѣ XII вѣка доходы болѣе богатыхъ монастырей простирались, 2,000—3,000 рублей. (419)

Монастыри, владѣвшіе вотчинами и крестьянами, должны были нести и Государственныя повинности. Посевинъ говоритъ, что Митрополиты Русскіе и Епископы давали Царю дани, или пособія. (420) Въ военное время они должны были выставлять свои войска; при чемъ каждый Епископъ и монастырь представлялъ большее, или меньшее, число ратниковъ, соотвѣтственно матеріяльному благосостоянію каждаго. (421) Во время войны Алексѣя Михайловича съ Поляками Сергіевская Лавра выставила очень большой полкъ. Никонъ самъ передавалъ Макарію, что онъ только одинъ далъ Царю 10,000 войска, снабженнаго лошадьми и оружіемъ; сверхъ того Никонъ отъ себя лично пожертвовалъ 100 ящиковъ съ деньгами, но Царь отказался принять это пожертвованіе, сказавъ, что ему достаточно и тѣхъ средствъ, которыя ему доставили его единовѣрные братія, Христіяне. Столько же войска было собрано изъ всей Московской области отъ Епископовъ и монастырей, которые выставляли число людей, каждый соотвѣтственно своимъ средствамъ. Самый маленькій монастырь долженъ былъ представить хотя одного вооруженнаго всадника и снабдить его продовольствіемъ. Троицко-Сергіевская Лавра выставила 1,000 воиновъ и, сверхъ того, отправила имъ продовольствія въ Смоленскъ: пшеницы, сухарей, муки, ржи и другихъ припасовъ, всего на 23,000 четверика. Все это снаряженіе стоило ей болѣе 200,000 рублей; кромѣ того она пожертвовала еще 100,000 рублей деньгами. Въ тотъ же разъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь представилъ 100 вооруженныхъ человѣкъ и деньгами 10,000 рублей, а Соловецкій монастырь 5 тысячъ рублей. Такая же обязанность лежала и на Епископахъ. Во время войны самъ Царь дѣлалъ расчисленіе: сколько каждый изъ нихъ долженъ былъ представить нужныхъ людей, смотря по состоянію ихъ Епархій. Такъ, во время той же войны Алексѣя Михайловича съ Поляками, Новгородскій Митрополитъ доставилъ ему 300 воиновъ, а всѣ Епископы вмѣстѣ выставили около 20,000 воиновъ, набранныхъ по большой части изъ монастырскихъ служекъ. Коломенская Епархія всегда содержала на готовѣ отрядъ воиновъ, состоявшій изъ 300 человѣкъ, которые были назначены защищать и беречь ея собственность;

они также должны были сопровождать своего Епископа во всѣхъ его путешествіяхъ, которыя онъ совершалъ верхомъ на лошади. (422) Хутынскій монастырь ежегодно содержалъ въ Новгородѣ 100 воиновъ для Царской службы. (423)

IV. ЦЕРКОВНОЕ УСТРОЙСТВО.

Что касается устройства церковныхъ дѣлъ, то въ этомъ отношеніи, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ чертъ нашего церковнаго управленія и суда, въ сказаніяхъ иностранцевъ только время Патріарха Никона представляетъ достаточно матеріяловъ для болѣе, или менѣе, полнаго очерченія тогдашняго состоянія нашихъ церковныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ намъ остается говорить: а, объ общихъ началахъ церковнаго нашего управленія и суда, и б, о состояніи церковныхъ дѣлъ при Патріархѣ Никонѣ.

А. Управленіе и судъ духовенства.

Герберштейнъ приводитъ первый памятникъ нашего Русскаго церковнаго законодательства: «Уставъ Св. Владимира.» Если сравнить перечень лицъ и предметовъ, который приводится Герберштейномъ, съ нашими разными списками Владимирова Устава, то окажется, что этотъ перечень очень близокъ къ нашему среднему и обширному изводу Владимирова Устава, но не тождественъ съ нимъ, такъ какъ онъ нѣсколько короче. (424) На основаніи Владимирова Устава, какъ духовному суду подлежали не только лица духовнаго вѣдомства, но и міряне по извѣстнымъ дѣламъ, такъ, и съ другой стороны, сами духовныя лица въ извѣстныхъ случаяхъ подлежали вѣдомству свѣтскаго суда. Тотъ же Герберштейнъ, на основаніи Устава Св. Владимира, утверждаетъ, что вмѣшательство свѣтской власти въ суды надъ духовными лицами допускалось въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, когда въ дѣлѣ участвовали и лица, не находившіяся въ вѣдомствѣ Епископа. Такимъ образомъ, если происходила ссора, или несогласіе, между лицами, подчиненными духовной власти, то Епископъ, какъ прямой судья, могъ рѣшать ихъ; если же происходила какая нибудь распря между ними и мірянами, то дѣло рѣшалось обѣщимъ смѣшаннымъ судомъ. (425) 2, во всѣхъ дѣлахъ объ оскорбленіи и обидахъ духовныя лица подлежали свѣтскому суду. Такимъ образомъ въ случаѣ прелюбодѣянія, воровства, убійства, или измѣны, они выдавались гражданской власти для нака-

занія. Если Священникъ дѣлалъ проступокъ противъ Религіи, или противъ должности, то подлежалъ духовному суду; если же его обвиняли въ воровствѣ, пьянствѣ, и другомъ подобномъ порокѣ, то онъ наказывался мірскими властями. Герберштейнъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, что въ Москвѣ наказывали розгами пьяныхъ Священниковъ, которые просили лишь о томъ, чтобы ихъ сѣкли рабы, а не Бояринъ. (426) У Таландера мы тоже встрѣчаемъ свидѣтельство, что Священниковъ, которые были несостоятельными дважниками, подвергали общему, дѣйствовавшему въ этомъ случаѣ, закону и выдавали на правежъ. (427) Священникъ въ тяжебномъ дѣлѣ не имѣлъ ни какого преимущества предъ мірянами, и если судья узнавалъ, что Священникъ самъ прежде раздражилъ, или нанесъ какую ни будь обиду, то наказывалъ Священника. Мало того, у иностранцевъ мы находимъ данныя, доказывающія, что священный санъ очень мало уважался, и что духовенство, какъ сословіе, не имѣло ни какихъ особыхъ преимуществъ предъ закономъ; что низшія духовныя лица были также безправны, какъ рабы. Такъ одинъ Намѣстникъ В. Князя велѣлъ повѣсить Священника, уличеннаго въ воровствѣ. Митрополитъ пришелъ въ негодованіе и донесъ Царю, что Священникъ понесъ позорное наказаніе. Призванный Намѣстникъ отвѣчалъ, что онъ, по древнему отечественному праву, повѣсилъ вора, а не Священника. Намѣстникъ былъ отпущенъ безъ всякаго наказанія. Герберштейнъ, который разсказываетъ этотъ случай, передаетъ еще болѣе замѣчательное событіе. Русскій Приставъ, который при немъ находился, потребовалъ у одного Игумена какую-то вещь. Игуменъ сначала отказался дать ее; но лишь только Приставъ погрозилъ кнутомъ, вещь тотчасъ была доставлена. (428) Денежное взысканіе за обиду Священника положено было въ 5 руб., и эта низкая цѣна, по замѣчанію Рейтенфельса, нарочно назначена была для того, чтобы пріучить духовенство къ смиренному перенесенію обидъ. (429) Но при такой безправности и наглости, которая поощрялась этою безправностію, Священники владѣли одною вещію, которая нѣсколько обезпечивала ихъ честь и достоинство. Это была та скуфейка, которую давали Священнику при его рукоположеніи: въ ней, по замѣчанію иностранцевъ, заключались всѣ права и преимущества Священника. Если кто наносилъ Священнику ударъ по головѣ, когда на немъ была скуфейка, или бросалъ ее на землю,

тотъ подвергался строгому наказанію и долженъ былъ заплатить за безчестіе; но стоило лишь снять эту шапочку, и за тѣмъ можно было бить сколько угодно, а потомъ ее опять надѣть на голову, и тогда уже нечего было опасаться ни какого наказанія. (430)

Управленіе клиромъ и церковными дѣлами находилось въ рукахъ высшей Іерархіи: Епископовъ, Митрополитовъ и Патріярха. Высшею формою церковнаго управленія были Соборы, на которые пріѣзжали всѣ, подвѣдомые Митрополиту, или Патріярху, Епископы. Кобенцель говоритъ, что Митрополитъ ежегодно созывалъ Соборъ, на который должны были являться всѣ Епископы и Архіепископы. Кромѣ вопросовъ, касавшихся церковныхъ дѣлъ, были и другія обстоятельства, которыя заставляли Епископовъ собираться часто въ Москву, такъ что Патріярху, или Митрополиту, не было ни какой трудности по возникшему вопросу тотчасъ открыть Соборъ. Въ то время, когда Павелъ былъ въ Россіи, существовалъ обычай, по которому каждый Епископъ долженъ былъ три раза въ годъ являться въ Москву съ поздравленіемъ и подарками Царю и другимъ лицамъ, именно: въ Рождество Христово, Пасху и храмовый праздникъ своей Соборной церкви. (431) Кромѣ высшаго Соборнаго управленія дѣлами всей Русской Церкви, были еще отдѣльныя Епархіяльныя Управленія въ каждой области. До Патріяршества первенствующимъ лицомъ Русской Церкви былъ Митрополитъ, отъ котораго зависѣли Епископы и весь клиръ. (432) Патріархъ наслѣдовалъ тѣ же права, только его управленіе было обширнѣе. Онъ имѣлъ подъ собою не только свою собственную Патріяршую область, но и другія частныя Епархіи; его дворъ и штатъ находились въ Москвѣ. Кромѣ Патріарха были Митрополиты, Архіепископы и Епископы. Флетчеръ такъ изображаетъ взаимныя отношенія этихъ должностныхъ лицъ высшей церковной Іерархіи. Митрополиты непосредственно получали отъ Патріарха распоряженія и передавали ихъ Архіепископамъ; предметы же, подлежавшіе управленію Архіепископовъ, были тѣ же, но они имѣли низшую юрисдикцію, какъ Суффраганы по отношенію къ Митрополиту. Какъ Суперіоры по отношенію къ Епископамъ. (433) Это распредѣленіе обязанностей взято съ Западныхъ образцовъ Католическаго и Протестантскаго міра и не соотвѣтствовало дѣйствительному управленію нашей отечественной Церкви. Гораздо вѣрнѣе, хотя и короче

выражаются объ этомъ Павелъ Діяконъ и Петрей По ихъ словамъ, каждый Епископъ, Митрополитъ, и Архіепископъ, былъ полновластный Владыка въ своемъ округѣ: ему были подвластны монахи и Священники его округа, а все духовенство было подчинено Патріярху. (434)

При обширномъ кругѣ лицъ и предметовъ церковнаго вѣдомства, въ духовномъ управленіи должны были появиться разныя должности и церковно-административные чины для завѣдыванія разными частными предметами, входившими въ составъ церковнаго суда и управленія. У Епископовъ, кромѣ чисто церковныхъ дѣлъ, было еще обширное хозяйство и другія дѣла, исправленіе которыхъ они поручали своимъ Чиновникамъ. (435) Фаберъ говоритъ, что наши Епископы имѣли Викаріевъ и Чиновниковъ, которые управляли ихъ подчиненными и производили судъ по церковнымъ дѣламъ. (436) По словамъ Викгарта, эти лица управляли духовными дѣлами, испытывали каплидатовъ на священныя должности, рукополагали Священниковъ и Діяконовъ и предсѣдательствовали въ духовныхъ судахъ, гдѣ разбирали разныя дѣла, особенно брачные споры и раздоры. (437) У двухъ писателей мы находимъ болѣе полное и подробное описаніе самой системы церковнаго управленія. Флетчеръ описываетъ положеніе этихъ дѣлъ во времена Ивана Грознаго, а Павелъ во времена Патріярха Никона. По словамъ Флетчера, для управленія различными дѣлами, подвѣдомыми церковному суду, у всѣхъ Епископовъ были Чиновники и Комисары, которые назывались Владычные Бояре: они были міряне и, считаясь наравнѣ съ Воеводами, или благородными, они управляли ихъ дворомъ и завѣдывали судомъ. Описывая характеръ управленія этихъ Чиновниковъ, Флетчеръ замѣчаетъ, что они, не довольсвуясь угнетеніемъ народа, еще злобствовали надъ Священниками и дѣйствовали по отношенію къ нимъ точно также, какъ Воеводы и Дьяки дѣйствовали по отношенію къ простому народу въ своихъ областяхъ. Въ виду дѣйствій этихъ Чиновниковъ даже Епископы не имѣли власти рѣшать самостоятельно дѣла, которыя поступали на ихъ судъ. Такъ если бы Епископъ захотѣлъ смягчить какое ни будь рѣшеніе, то онъ долженъ былъ предварительно предложить это на усмотрѣніе своимъ Чиновникамъ. Такое положеніе дѣла, по замѣчанію Флетчера, было слѣдствіемъ

того, что эти Чиновники назначались не Епископами, а самимъ Государемъ, или его Думой, и они обязаны были давать отчетъ въ своемъ управленіи не Епископу, а свѣтской власти. Если Епископъ получалъ позволеніе имѣть Чиновниковъ по своему собственному выбору, то это считалось знакомъ особенной Царской милости. (438) Одни изъ этихъ Чиновниковъ находились при самомъ Епископѣ, другіе посылались въ разные города, и тамъ вѣдали дѣла низшихъ степеней. Вѣроятно, это обстоятельство подало поводъ Посевину прійти къ ложному заключенію, будто наши Епископы сами даже не обозрѣвали своихъ Епархій, и онъ старается объяснить этотъ обычай тѣмъ, что Иванъ Грозный смотрѣлъ подозрительно на эти посѣщенія. Но хотя Епископы сами не посѣщали своихъ Епархій, за то ежегодно назначали въ извѣстные времена мірянъ въ качествѣ внѣшнихъ Викаріевъ, которые тщательно наблюдали за поведеніемъ Священниковъ и взыскивали съ нихъ пеню за разные проступки. (439) Это извѣстіе Посевина опровергается свидѣтельствомъ Павла, который говоритъ, что наши Епископы посѣщали свои Епархіи. (440) Тотъ же Павелъ оставилъ намъ даже довольно подробное описаніе разрядовъ или отдѣленій Патріяршаго суда, относящагося ко времени его посѣщенія Россіи при Патріархѣ Никонѣ. Въ ряду комнатъ этого Патріарха, говоритъ Павелъ, было 7 покоевъ, гдѣ засѣдали судьи съ многочисленными писцами. Всякая палата имѣла свои дѣла. Одна вѣдала монастыри и монаховъ: здѣсь рѣшались всѣ дѣла, касавшіяся монашествующихъ лицъ; другая назначалась для клира, и сюда изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстъ приходили тѣ, которые желали быть посвящены, и приносили свидѣтельства отъ жителей своего округа. Начальникъ этой палаты, который вмѣстѣ былъ и Патріяршимъ Казначеемъ, принималъ эти свидѣтельства, и когда ихъ собиралось 20—30, онъ тогда представлялъ ихъ Патріарху, каждое порознь. Являлись просители и становились въ рядъ: самъ Патріархъ обходилъ ихъ съ книгой, и кто изъ нихъ умѣлъ бѣгло читать, на прошенія того онъ дѣлалъ одобрительную отмѣтку, а кто не умѣлъ, тѣмъ отказывалъ. Предсѣдатели, этѣхъ Палатъ ежедневно докладывали Патріарху о состояніи дѣлъ и получали отъ него распоряженія. Принявъ прошенія Патріархъ отправлялся въ свои комнаты и читалъ эти проше-

нія, и если дѣлалъ на чей либо просьбѣ отвѣтъ, то это было знакомъ, что прошеніе этого лица было удовлетворительно; а чья просьба оставлялась безъ отвѣта, тотъ уже зналъ о безуспѣшности своего дѣла. При Патріархѣ было много Бояръ, которые завѣдывали казною, келіями, доходами и т. д. (441) Рейтенфельсъ перечисляетъ слѣдующіе Разряды: 1) Разрядъ, завѣдывавшій архивомъ духовенства и церковнымъ имуществомъ; 2) Судный Приказъ по религіознымъ дѣламъ; 3) Казенный, завѣдывавшій доходами Патріарха; 4) Монастырскій, завѣдывавшій Священниками, монахами и всѣмъ клиромъ по дѣламъ гражданскимъ. (442) Подобно тому, какъ у Патріарха, и при Епископскихъ учрежденіяхъ были особенныя учрежденія, завѣдывавшія тѣми же дѣлами. Въ этихъ Присутственныхъ Мѣстахъ засѣдали Священники отъ 4 до 20: это были какъ бы совѣтники Епископа въ управленіи церковными дѣлами, онъ совѣтовался съ ними относительно частныхъ и необходимыхъ вопросовъ, касающихся ихъ обязанностей. (443) Павелъ Діаконъ очень хвалитъ этотъ порядокъ, по которому Епископы дѣлились властію съ остальнымъ клиромъ. Онъ передаетъ, что у насъ послѣ Епископа большими правами пользовались Протопопы, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находились сельскіе Священники: крестьяне доставляли имъ церковныя подати, а Епархіяльный клиръ свои дѣла. Кругъ подвѣдомыхъ имъ лицъ былъ очень обширенъ. Такъ Протопопъ въ Борисловѣ имѣлъ подъ своимъ надзоромъ около 200 Священниковъ. Эти высшія должностныя лица пользовались большимъ почетомъ: Священники, находившіеся въ вѣдѣніи какого ни будь Протопопа, стояли передъ нимъ съ обнаженною головой и получали отъ него благословеніе. (444)

У Павла мы также встрѣчаемъ описаніе разныхъ исправительныхъ наказаній и карательныхъ мѣръ, которыя употреблялись въ области церковнаго благочинія, и управленія. По его словамъ, при каждой палатѣ Патріарха Никона находилась темница съ желѣзными цѣпями и деревянною колодой. Если кто ни будь изъ высшей монастырской братіи, или бѣлаго духовенства, учинялъ какой ни будь проступокъ, того засаживали въ цѣпи, и онъ долженъ былъ просѣвать муку для пекарни, пока не выполнитъ своего наказанія. Въ Сибири было выстроено много монастырей, которые исключительно были назначены для

ссылки духовныхъ лицъ. Точно также и при Епископскихъ дорахъ были темницы съ желѣзными цѣпями и колодами, куда сажали непокорныхъ. Если какой ни будь крестьянинъ, принадлежавшій Владыкѣ, оказывался виновнымъ въ нанесеніи обиды, въ воровствѣ, разбоѣ, то его брали въ темницу и, согласно рѣшенію суда, подвергали наказанію плетьми, или даже смерти. Павелъ говоритъ, что онъ самъ не разъ былъ свидѣтелемъ такихъ наказаній. Въ случаѣ воровства, Владычный чиновникъ бралъ себѣ опредѣленную пеню,—двойную цѣну похищеннаго. Пьянство наказывалось слѣдующимъ образомъ: виновному на шею и ноги накладывали кандалы и, кромѣ того, его привязывали къ такой тяжелой колодѣ, которую даже вьючное животное не могло сдвинуть. Такія темницы съ такими же цѣпями устроены были и при всѣхъ монастыряхъ для усмиренія и наказанія монастырской прислуги и крестьянъ. До чего доходила строгость церковнаго благочинія во времена Никона, можно судить по тому, что говоритъ Павелъ Діаконъ. По словамъ, Патріархъ Никонъ не исполнялъ древняго правила, по которому утвержденіе въ санѣ Архимандрита принадлежало Царю: онъ сталъ возводить на эту степень по своему благоусмотрѣнію. «Надобно было, говоритъ онъ, считать людьми, лишенными Божія покровительства, тѣхъ лицъ, которыя попадались ему въ какихъ ни будь проступкахъ: въ этомъ случаѣ, можно сказать, на нихъ, изливался небесный гнѣвъ, они немедленно ссылались.» «До Никона, продолжаетъ Павелъ, Сибирскіе монастыри были пусты, а между тѣмъ не прошло болѣе двухъ лѣтъ съ самаго начала его Патріаршества, какъ они уже успѣли наполниться начальниками монастырей и приходскаго клира, а также разстриженными бѣдными монахами. Милость и прощеніе было дѣломъ собственной воли Патріарха, но тому что ни кто не смѣлъ вступаться за виновныхъ, исключая одного Царя. Онъ разстригъ многихъ Священниковъ и сослалъ съ ихъ семействами въ Сибирь, гдѣ они должны были влачить несчастную жизнь. Такъ онъ лишилъ должности Економа Троицкаго монастыря, который, по своему сану, считался первымъ лицемъ послѣ Патріарха, и сослалъ его въ другой монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ молоть муку. Онъ имъ сосланъ за то, что, при наборѣ ратниковъ во время войны, бралъ большіе взятки съ богатыхъ, которыхъ освобождалъ отъ

похода, а на ихъ мѣсто посылалъ людей бѣдныхъ, лишенныхъ средствъ жизни.» (445) Патріархъ Никонъ особенно преслѣдовалъ пьянство. Лишь только доходилъ до него слухъ, что такое-то лицо предано пьянству, или замѣчено въ другомъ какомъ порокѣ, онъ тотчасъ ссылалъ его въ Сибирь. Онъ учредилъ въ Москвѣ особую полицію изъ своихъ надзирателей, которые наблюдали за поведеніемъ духовенства. Его янычары постоянно разхаживали по городу, и лишь только встрѣчали пьянаго Священника, или монаха, тотчасъ тащили его въ темницу, и тамъ подвергали извѣстному унизительному наказанію. Павелъ говоритъ, что такими Священниками и монахами были наполнены всѣ темницы, и эти узники находились тамъ въ самомъ жалкомъ положеніи, обремененные тяжкими цѣпями на шеѣ и ногахъ. Вообще, Никонъ очень строго преслѣдовалъ пьянство, этотъ общій порокъ духовенства, и наказывалъ за него строже, чѣмъ за блудъ. (446) А по словамъ другихъ писателей, кто нарушалъ цѣломудріе, или попался въ наложничествѣ, тотъ подвергался лишенію мѣста. (447) Священникъ, опускавшій Службу въ положенное время, также отрѣшался отъ мѣста. (448)

Б. Личность Патріарха Никона и состояніе церковныхъ дѣлъ при немъ.

Отъ общаго обзора церковнаго управленія и суда, мы перейдемъ къ описанію дѣятельности Патріарха Никона и состоянію церковныхъ дѣлъ при немъ. Надобно замѣтить, что у нашихъ писателей немного можно найти свѣдѣній о событіяхъ церковной жизни, которыя обыкновенно составляютъ главный предметъ церковной исторіи. Правительственная и особенно пастырская дѣятельность нашихъ Іерарховъ, событія внутренней церковной жизни, дѣянія Соборовъ, почти совсѣмъ ускользаютъ отъ ихъ вниманія. Но время Никона составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе: его личность не осталась не замѣченною и посѣщавшими въ его время иностранцами; до насъ дошли свидѣтельства его современниковъ иностранцевъ, которыя дороги намъ по тому самому, что они были плодомъ живыхъ личныхъ наблюденій этихъ писателей, а не заимствованы ими изъ другихъ источниковъ. Митрополитъ Евгеній, въ своемъ «Словарѣ Русскихъ писателей духовнаго чина,» дѣлаетъ выписку

изъ Майерберга о Никонѣ, а мы къ этому можемъ еще прибавить свѣдѣнія, какія оставили намъ объ этомъ Патріархѣ другія лица, особенно Павелъ Діаконъ, который много занимается его личностью, и оставилъ свѣдѣнія не только о личности самаго Патріарха, но и о современныхъ событіяхъ церковной жизни.

Оставляя въ сторонѣ обыкновенныя свѣдѣнія о первоначальномъ времени жизни Никона, которыя Павелъ зналъ по слухамъ, мы передадимъ его личныя наблюденія и впечатлѣнія, которыя на него производилъ Никонъ, когда былъ уже Патріархомъ. Въ описаніи Павла Патріархъ Никонъ прежде всего представляется съ необыкновенной мощью и силой воли, которыя при власти обѣщали положить начало новому порядку вещей. Это свойство своего характера онъ обнаружилъ еще при самомъ избраніи его въ Патріаршій санъ. Когда ему предлагали Патріаршество, онъ дотолѣ отказывался принять это достоинство, пока Царь не далъ обѣщанія, что онъ не будетъ болѣе такъ своевольно раздавать церковныя и священныя должности, какъ это бывало при его предшественникахъ. Получивъ согласіе на это, Никонъ далѣе просилъ Царя, чтобы его рѣшенія были безусловны, чтобы онъ не встрѣчалъ болѣе ни противорѣчія, ни обжалованія. Его строгость и силу почувствовало духовенство на первыхъ же порахъ. Вступивъ на Патріаршество, онъ тотчасъ сослалъ въ Сибирь трехъ Протопоповъ съ ихъ семействами, и еще Коломенскаго Епископа, Павла: а одинъ изъ этихъ ссыльныхъ былъ Протопопомъ при Царѣ и пользовался такою силою, что самъ могъ безнаказанно притѣснять духовныхъ лицъ, сажать въ темницу, не спрашивая даже позволенія Патріарха Іосифа. Никонъ былъ очень строгъ и сдѣлался грозою для всѣхъ: его всѣ боялись и дрожали передъ нимъ. Павелъ Діаконъ, при всемъ своемъ уваженіи къ лицамъ высокаго сана, которое не позволяло ему какъ ни будь грубо коснуться ихъ недостатковъ, прямо говоритъ, что Никонъ былъ тираномъ какъ для высшаго, такъ и для низшаго, духовенства, и даже для сильныхъ и могущественныхъ Бояръ. Ни чье заступничество и ходатайство не могло имѣть на него ни малѣйшаго вліянія. Самъ Царь боялся Никона и волей, неволей, долженъ былъ сдержать данное Никону при его поставленіи слово, что

онъ не будетъ вмѣшиваться въ дѣла надъ духовными лицами. Однажды онъ даже откровенно и чистосердечно высказалъ эту боязнь по слѣдующему случаю. Вмѣстѣ съ Митрополитомъ Миры (о которомъ будетъ еще рѣчь впереди) былъ также сосланъ и его Діяконъ въ Царскій монастырь. Узнавъ, что этотъ Діяконъ и тутъ продолжалъ вести себя худо, Никонъ запретилъ ему служить. Воспользовавшись разъ посѣщеніемъ этого монастыря Царемъ, заключенный Діяконъ обратился къ нему съ челобитной, но Царь отказалъ ему въ просьбѣ, по той причинѣ, что, какъ самъ выразился при этомъ, онъ боялся этимъ навлечь на себя гнѣвъ Никона, который могъ бы отдать ему свой посохъ и сказать: «На, возьми, и управляй монахами и Священниками! Я не противорѣчу тебѣ въ томъ какъ ты распоряжаешься своими войсками и Воеводами: за чѣмъ же ты идешь противъ меня, когда дѣло идетъ о монахахъ и Священникахъ?» (449) Сдѣлавшись Патріархомъ, Никонъ перемѣнилъ обращеніе съ Боярами. Прежде было въ обычаѣ, что Бояринъ, являвшійся къ Патріарху, входилъ къ нему безъ доклада, и если Патріархъ бывалъ предувѣдомленъ объ его посѣщеніи, то выходилъ къ нему на встрѣчу, и при разставаніи проводилъ его до наружной двери. Никонъ и тутъ показалъ свой характеръ: онъ заставлялъ Бояръ долго дожидаться своего выхода, да и послѣ того, какъ являлся Боринъ, велъ разговоръ съ Патріархомъ съ крайнимъ почтеніемъ и страхомъ, стоя все время на ногахъ, и, кончивъ свои дѣла, тотчасъ уходилъ, а Патріархъ по прежнему продолжалъ сидѣть. (450) А когда Никонъ, въ отсутствіи Царя, по его порученію, взялъ подъ свой верховный надзоръ всѣ дѣла Боярской Думы, то это дало ему лишь новый поводъ показать Боярамъ свою строгость. Въ это время всѣ Бояре обязаны были являться къ нему въ извѣстный часъ, и если кто изъ нихъ не явился къ означенному сроку, когда, по звонку Патріарха, они тотчасъ были пропускаемы въ его палаты, то опоздавшій Боринъ долженъ былъ ждать у дверей на страшномъ холодѣ позволенія войти, потому что привратнику было строго запрещено впускать кого бы то ни было во время пріема, пока самъ Патріархъ не выходилъ въ переднюю комнату. Павелъ говоритъ, что ему не разъ случалось, вмѣстѣ съ своимъ Патріархомъ, видѣть, какъ зябли такимъ образомъ Бояре у дверей дворца Никонова. Случалось, что

въ это самое время Патріархъ Макарій пріѣзжалъ къ Никону, и его тотчасъ впускали, а Бояре по прежнему продолжали стоять на дворѣ, и только послѣ отъѣзда Макарія они были допускаемы къ Никону. Пріемъ ихъ у Патріарха былъ таковъ: послѣ обычной молитвы предъ иконами, они кланялись ему въ ноги; за тѣмъ каждый, подходя подъ благословеніе, еще дважды дѣлалъ такіе же поклоны, послѣ чего каждый Боярин докладывалъ ему о текущихъ дѣлахъ. Никонъ слушалъ ихъ стоя, и тутъ же давалъ нужный отвѣтъ. Окончивъ разсужденія, Никонъ опять читалъ, какъ и въ началѣ: «Достойно есть»... и, благословивъ ихъ, тотчасъ отправлялся въ свою церковь. Бояре боялись Никона гораздо больше, нежели самаго Царя. При выходѣ Никона изъ церкви, его со всѣхъ сторонъ осаждали челобитными, по тому что ни кто не смѣлъ являться къ нему въ его собственные покои, кромѣ Бояръ. (451)

Не смотря на такой строгій характеръ Никона, Царь очень любилъ его, и видѣлъ въ немъ лучшаго друга и совѣтника. Во время моровой язвы Царь поручилъ ему вывезти свое семейство въ Сергіевъ монастырь; самъ Никонъ въ это время спасался въ лѣсахъ и горахъ, вдали отъ людскаго общества, живя подъ дождемъ и снѣгомъ въ простой палаткѣ. Павелъ не находитъ даже словъ, чтобы вполнѣ выразить ту любовь, которую къ нему питали Царь и Царица. Никонъ пользовался такимъ довѣріемъ у Царя, что, когда Алексѣй Михайловичъ отправился на войну съ Поляками, онъ его оставилъ своимъ Намѣстникомъ въ Москвѣ. Ни одно дѣло, какъ важное, такъ и мелочное, не могло обойтись безъ его воли и согласія. Бояре каждодневно должны были являться въ Думу, и тамъ заниматься Государственными дѣлами подъ высшимъ надзоромъ Никона. Замѣчательно, что Павелъ съ особенною настойчивостію выставляетъ на видъ всеобщую любовь къ Никону и говоритъ, что онъ былъ любимъ Царемъ, народомъ, Боярами, духовенствомъ; что Русскіе также дорожили имъ, какъ Паписты своимъ Папою: они всегда любили заводить объ немъ рѣчь, такъ что можно было подумать, что они его любили, какъ самаго Христа. Но они въ то же время и боялись его, а многіе, чтобы умилостивить Никона, прибѣгали къ посредничеству и ходатайству Патріарха Макарія. (452) Нельзя заподозривать въ правдивости это свидѣтельство Павла о всеобщей любви къ Никону.

Эти свидѣтельства относятся къ тому времени, когда Патріархъ Никонъ еще пользовался полною любовію и довѣріемъ Царя; козни его враговъ начались уже позже. (453) Патріархъ Никонъ пріобрѣлъ такое глубокое уваженіе Царя и другихъ не однимъ только саномъ, но и своими личными достоинствами. Царь уважалъ его за его умъ. Патріархъ Никонъ, не въ примѣръ своимъ предшественникамъ, пользовался большимъ вліяніемъ не только на церковныя, но и на Государственныя, дѣла, и этимъ онъ исключительно былъ обязанъ своимъ личнымъ дарованіямъ и глубокому уму. Въ отсутствіи Царя онъ заправлялъ Боярскою Думою; но онъ вліялъ на ходъ Государственныхъ дѣлъ и въ то время, когда Царь былъ дома. Павелъ говоритъ, что его слово имѣло надъ всѣмъ перевѣсъ. Онъ былъ врагъ Поляковъ, и Польская война была обязана главнымъ образомъ сильному вліянію на Царя Патріарха Никона. Только благодаря своимъ личнымъ дарованіямъ, Никонъ могъ какъ пріобрѣсть, такъ и удерживать, это вліяніе. «Предшественники Никона, говоритъ Павелъ, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, но этотъ Патріархъ одаренъ умомъ, обширными свѣдѣніями и опытностію какъ въ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, дѣлахъ.» (454) Другіе иностранцы также хвалятъ природный умъ Никона и его любовь къ просвѣщенію. Такъ Главиничъ отзывается о Никонѣ, что онъ былъ одаренъ большимъ умомъ, и хотя самъ не зналъ иностранныхъ языковъ, но держалъ при себѣ людей, знающихъ Греческій языкъ. Главинничъ передаетъ даже, что Никонъ зналъ по Ново-Гречески. (455) А Мейербергъ говоритъ, что онъ, для искорененія невѣжества, завелъ въ Москвѣ Латинскія и Греческія училища, что, между прочимъ, было потомъ причиною ненависти къ нему и его паденія. (456) Далѣе, что касается нравственнаго свойства Никона, то его благочестіе не подлежитъ ни какому сомнѣнію: онъ постоянно былъ занятъ то постройкою, то починкою, монастырей; онъ весьма часто служилъ, большею частію 3 раза въ недѣлю, каждодневно присутствовалъ при Литургіи и Вечерни и являлся къ церковному Богослуженію трижды днемъ и ночью. Большую часть свободнаго отъ занятій времени онъ проводилъ на молитвѣ въ церкви, устроенной въ его новомъ дворцѣ, въ которомъ ихъ было 4. Онъ былъ Русскій человѣкъ по плоти и духу, и по тому въ его личномъ свойствѣ сказались черты Русскаго народнаго благочестія и набожности. Такъ мы имѣли уже

выше случаи видѣть, какое онъ оказывалъ почтеніе нашимъ юродивымъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ характера Никона была его любовь къ постройкамъ и починкамъ церквей и монастырей. Когда онъ былъ Архимандритомъ Спаскаго монастыря, онъ заново почти перестроилъ этотъ монастырь; то же онъ сдѣлалъ и въ Новгородѣ, когда тамъ былъ Митрополитомъ. А сдѣлавшись Патріархомъ, онъ вскорѣ выпросилъ у Царя позволеніе выстроить новый Патріаршій дворъ, по тому что старый былъ очень тѣсенъ. Этотъ новый дворецъ былъ такъ великолѣпенъ, что, по словамъ Павла, и Царскій рѣдко въ чемъ могъ сравниться съ нимъ: его постройка обошлась въ 50,000 рублей, не считая строеваго матеріяла, который Царь отпустилъ даромъ, а также сборовъ со всѣхъ Правительственныхъ лицъ и безплатной работы крестьянъ. (457)

Достаточно и этихъ свѣдѣній, чтобы убѣдиться, что личность нашего Патріарха занимала вниманіе иностранцевъ и, въ лицѣ Павла Діякона, нашла наблюдательнаго описателя. Но на этомъ и оканчиваются свидѣтельства Павла; онъ не былъ съ своимъ Патріархомъ въ другой разъ въ Россіи, на судѣ надъ Никономъ. Между тѣмъ судьба Никона имѣетъ и другую печальную пору, гдѣ онъ представляется не столько дѣйствующимъ, сколько страдательнымъ, лицомъ. Но и эта пора его жизни не остается совершенно безъ посторонныхъ свидѣтельствъ, хотя ихъ число не можетъ даже идти въ сравненіе съ многочисленными свѣдѣніями, относящимися къ первой порѣ Патріаршества Никона и встрѣчаемыми главнымъ образомъ у Павла. Мейербергъ писалъ въ свое время, что уже около 6 лѣтъ, какъ Никонъ живетъ въ своемъ Іерусалимѣ, вдали отъ каѳедры, и хотя для него уже потеряна всякая надежда возвратить прежнее положеніе, но онъ все переноситъ благодушно. Причины его паденія, по мнѣнію этого писателя, были слѣдующія: его крайнее увлеченіе новизною; его вмѣшательство въ Государственныя дѣла, и особенно то, что, склонивъ Алексѣя Михайловича на войну съ Польшей, онъ еще втянулъ наше Правительство и въ новую войну, съ Швеціей; далѣе, его паденію содѣйствовали еще и другія обстоятельства: то, что онъ завелъ Латинскія и Греческія училища, велѣлъ снять со стѣнъ церквей иконы, принадлежавшія частнымъ лицамъ, чтобы положить конецъ неприличному положенію присутствующихъ въ церкви,

которые, обратясь лицомъ къ иконѣ, стоялн спинами къ алтарю; далѣе, что нападалъ на Русскихъ за ихъ частыя омовенія (которыя сближали ихъ съ Турками), и наконецъ оказался нововводителемъ догматовъ, между тѣмъ какъ Русскіе упорно привязаны къ старинѣ. По этѣмъ причинамъ онъ сдѣлался всѣмъ ненавистенъ, и, по общему желанію, назначенный къ ссылкѣ, онъ не нашелъ защиты у Царя, котораго отстранили отъ него своими навѣтами жена и гесть Царя, питавшіе личную вражду къ Никону. Эти лица и ихъ сообщники старались держать Царя въ своихъ рукахъ и ни кому не давали къ нему доступа; они или вовсе умалчивали о насиліяхъ, нуждахъ Государства и пораженіи войскъ, или представляли дѣло въ ложномъ свѣтѣ, согласно своимъ тайнымъ замысламъ. (458) Другой современный иностранецъ, Главиничъ, бывшій тоже Посломъ, подтверждаетъ свидѣтельство Майерберга, что ссылка Никона была дѣломъ придворныхъ козней. Но Главиничъ при этомъ передаетъ еще новыя обстоятельства, которыя послужили врагамъ Никона благовиднымъ предлогомъ къ его обвиненію. Говорили, будто, по совѣту Никона, стали чеканить мѣдную монету, въ слѣдствіе чего многіе впали въ бѣдность; и еще обвиняли его въ томъ, что онъ прибралъ всю власть въ свои руки и заправлялъ Царскою Думой. (459) Виркгартъ, бывшій уже при Патріархѣ Іоакимѣ, тоже говоритъ, что Никонъ былъ низверженъ за вмѣшательство въ политическія дѣла. (460) Такимъ образомъ, хотя наши писатели передаютъ многія обвиненія, которыми утверждалось низложеніе Никона, но настоящія причины и дѣятели этого низложенія даютъ ясно себя видѣть. Напрасно Майербергъ говоритъ, что Никонъ сдѣлался равно ненавистенъ всѣмъ. Есть не только свидѣтельства, а даже историческія данныя, которыя говорятъ противъ этого. Народъ какъ любилъ Никона во время его Патріаршества, такъ и жалѣлъ о немъ послѣ его низверженія, а Виркгартъ передаетъ, что народъ даже поднялъ ропотъ по случаю его низверженія. Мало того, дѣло Никона и его личность были связаны съ другимъ народнымъ движеніемъ и стали знаменемъ стороны, недовольной Правительствомъ. Тотъ же Виркгартъ сообщаетъ, что извѣстный бунтовщикъ Разинъ, для большаго успѣха своего дѣла, сдѣлалъ два знамени, изъ которыхъ на одномъ былъ изображенъ Никонъ, а на другомъ Царевичъ. Значитъ, личность Никона пользовалась любовію народа: иначе Разинъ,

примкнувъ съ своимъ знаменемъ къ этому имени, только испортилъ бы свое дѣло. Видно, что и духовенство не все считало Никона своимъ врагомъ, по тому что нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ тоже примкнули къ сторонѣ Разина. Одинъ столичный Священникъ находился съ нимъ въ перепискѣ и, извѣщая его о настроеніи жителей, звалъ поскорѣе въ Москву: онъ назначилъ ему и мѣсто свиданія, но тутъ ихъ поймали и казнили. (461)

Патріаршество Никона составляетъ замѣчательную пору въ исторіи нашей Богослужебной практики. Съ теченіемъ времени въ наши Богослужебныя книги вкрались ошибки, а отсюда онѣ перешли и въ церковную практику. Зная слабость нашего духовнаго просвѣщенія, Никонъ долженъ былъ, въ этомъ случаѣ, по примѣру своихъ предшественниковъ, обратиться за братскимъ совѣтомъ и помощію къ Константинопольскому Патріарху. У насъ, со времени введенія самаго Христіянства, не прекращались попытки въ видахъ перенесенія и укорененія на Русской почвѣ плодовъ духовнаго просвѣщенія Греческой Церкви. Эти попытки выразились, между прочимъ, въ постоянномъ собраніи разныхъ Богослужебныхъ книгъ и Отеческихъ твореній и въ вызовѣ ученыхъ людей. Для той же цѣли служили и постоянныя сношенія съ Восточными Іерархами посредствомъ посланій, и непосредственные совѣты и наставленія тѣхъ изъ нихъ, которые, по разнымъ нуждамъ, являлись въ Россію. Такъ поступилъ и Никонъ. Вскорѣ по вступленіи на Партріаршую каѳедру онъ, по словамъ Павла, вмѣстѣ съ Царемъ, отправилъ къ Константинопольскому Патріарху Парѳенію грамоту, въ которой просилъ его указаній на разные вопросы, относящіеся къ церковной обрядности. Получивъ желаемые отвѣты, Царь и Никонъ очень обрадовались, по тому что теперь заручились уже лицомъ для задуманнаго ими преобразованія церковной практики: они созвали Соборъ, который долженъ былъ утвердить указанныя перемѣны и исправленія своею властію. Соборъ вполнѣ согласился съ представленіями Патріарха и рѣшился ихъ напечатать для руководства въ церквахъ. Изъ Епископовъ одинъ только Павелъ Коломенскій не соглашался съ мнѣніемъ Собора и отказался подписаться подъ его постановленіями; онъ сказалъ при этомъ: «Мы наслѣдовали отъ предковъ Вѣру, которую они содержали строго и нерушимо; мы также строго держимся ея и не хотимъ принимать новой.» За свое сопротивленіе

онъ былъ сосланъ въ Сибирь со всѣми своими монахами, слугами и другими приверженцами. (462) А во время пребыванія Макарія въ Москвѣ Никонъ постоянно обращался къ нему за совѣтами и указаніями въ дѣлахъ церковной практики; онъ просилъ Макарія не упускать безъ вниманія и исправленія ни одной ошибки, ни одного отступленія, какія онъ только замѣтитъ въ нашей церковной практикѣ; во время особенныхъ священнодѣйствій, на примѣръ, въ Великій Четверкъ, и т. п., Никонъ также обращался къ нему за указаніями. Вообще, по замѣчанію Павла, «Никонъ любилъ обо всемъ совѣтоваться съ Макаріемъ и просилъ указывать ему несообразности и уклоненія, чтобы онъ могъ сообразоваться съ надлежащею практикою.» (463) Онъ только разъ разошелся и не согласился съ мнѣніемъ Макарія въ вопросѣ о водоосвященіи въ праздникъ Богоявленія, и на это Павелъ указываетъ, какъ на необыкновенный случай во время двухлѣтняго пребыванія своего въ Россіи. По просьбѣ Никона Макарій написалъ Чинъ освященія церкви. Пребываніе Макарія въ Россіи не прошло безслѣдно для исторіи нашей Церкви, и его настоянію и указанію обязаны своимъ существованіемъ нѣкоторыя правила, которыя послѣ были одобрены и утверждены Соборомъ 1667 года, и съ тѣхъ поръ перешли въ церковную практику. Что слова и отзывы Павла объ уваженіи, съ которыми относился къ Макарію Никонъ, не плодъ одной его лести своему Патріарху, доказательствомъ можетъ служить то, что онъ еще съ большею настойчивостію выставляетъ на видъ необыкновенное уваженіе Царя и Патріарха Никона къ Греческимъ образцамъ Богослужебныхъ формъ и церковной практики. Онъ говоритъ, что у Никона была врожденная любовь къ Грекамъ и къ ихъ церковному устройству и порядку, и что онъ, вмѣстѣ съ Царемъ, сочувствовалъ Греческой Церкви. (464) Русскіе, по словамъ Павла, съ особеннымъ почтеніемъ и похвалою отзывались о Константинопольскомъ Патріархѣ: они съ гордостію указывали на то, что къ нимъ изъ Константинополя перешла Вѣра и обряды. На Соборѣ 1655 года, на которомъ былъ и Макарій, Епископы и Архимандриты сказали: «Начало нашихъ обрядовъ и Таинствъ и нашей Вѣры идетъ съ Востока.» (465) Такимъ образомъ Русскіе обращались къ Представителямъ Восточной Церкви при всѣхъ вопросахъ и недоразумѣніяхъ, касавшихся предме-

товъ Вѣры и церковной практики; такимъ же точно образомъ они поступили и въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ.

Павелъ Діяконъ такъ описываетъ это дѣло: Для исправленія Богослужебныхъ книгъ необходимо было имѣть въ виду подлинныя Греческія книги, и при томъ старыхъ изданій, по тому что Русскимъ давно уже было извѣстно, что Греческія книги, вновь издаваемыя въ Европейскихъ типографіяхъ, печатались неисправно, съ пропусками и искаженіями. Такъ, когда потребовалось справиться съ Требникомъ, по случаю освященія Никономъ новой церкви, то оказалось, что этого Чина вовсе не было ни въ Греческихъ, ни въ Арабскихъ, печатныхъ Евхологіяхъ. Павелъ узналъ изъ достовѣрныхъ слуховъ, что Франки запретили печатать въ этихъ книгахъ многія вещи и, между прочимъ, Чинъ освященія церкви и приготовленія мура (466) Такимъ образомъ, съ цѣлію собранія древнихъ книгъ, былъ посланъ иноkъ Арсеній на Аѳонъ, гдѣ, по слухамъ, были собраны всѣ письменныя произведенія Греческой Имперіи. Изъ Россіи онъ несъ монастырямъ щедрую милостыню и, въ замѣнъ того, просилъ древнихъ Греческихъ книгъ: ему поручено было собрать все, что только найдетъ у нихъ замѣчательнаго въ этомъ отношеніи, и онъ на одномъ Аѳонѣ собралъ около 500 разныхъ большихъ книгъ. При этомъ Павелъ замѣчаетъ, что Арсенію, кромѣ того, поручено было также закупить въ Константинополѣ много кипарисныхъ досокъ для иконной живописи въ Москвѣ, такъ какъ у насъ этотъ матеріялъ былъ въ большомъ уваженіи. Собранныя имъ книги были сложены въ Царской Библіотекѣ, и здѣсь ихъ переводили природные Греки на Русскій языкъ и печатали. Кромѣ того, Арсеній путешествовалъ въ Египетъ, на Синай, въ Іерусалимъ и Сирію, для ознакомленія съ состояніемъ тамошнихъ Христіянъ. Когда такимъ образомъ матеріялъ былъ собранъ и провѣренъ, составился, въ 1655 году, Соборъ, который продолжался цѣлую недѣлю. На этомъ Соборѣ Патріархъ Макарій сдѣлалъ Никону нѣкоторыя указанія касательно нововведеній и недостатковъ, вошедшихъ въ наше церковное употребленіе. При этомъ онъ указалъ слѣдующіе недостатки: 1, что Русскіе не употребляютъ антиминсовъ съ изображеніями и мощами Святыхъ, а совершаютъ Евхаристію на простыхъ кускахъ бѣлаго холста; 2, что они изъ агнца вынимаютъ не 9-ть частей, а только 4; 3, что въ Символѣ Вѣры дѣлаютъ неправиль-

ныя измѣненія; 4, что имѣютъ обыкновеніе цѣловать иконы только 2—3 раза въ году; 5, что не раздаютъ въ церкви антидора; 6, что изображаютъ крестное знаменіе неправильнымъ перстосложеніемъ; 7, что перекрещиваютъ Поляковъ, и, сверхъ того, указывалъ еще другія уклоненія. Павелъ замѣчаетъ, что, по поводу этихъ предложеній Патріярха Макарія, Соборъ принялъ нужныя исправительныя мѣры. Никонъ тотчасъ велѣлъ напечатать болѣе 15,000 антиминсовъ съ священными изображеніями и мощами и разослать по церквамъ. Къ сожалѣнію, Павелъ не указываетъ подробно другихъ послѣдовавшихъ исправленій, а ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что, по Царскому повелѣнію и предложенію, было исправлено много и другихъ вещей. Соборъ заключалъ свои разсужденія тѣмъ, что, на основаніи Евхологія и Номоканона, призналъ перекрещиваніе Поляковъ незаконнымъ, по тому что Поляки вѣрили въ Св. Троицу, употребляли крестное знаменіе и вообще не такъ были далеки отъ Православныхъ, какъ Шведы, Англичане и другіе Лютеране и Еретики. Тогда же Макарій перевелъ съ Греческаго на Русскій языкъ Служебникъ и изложилъ въ немъ все съ такою ясностію, что даже дитя могло бы по нему усвоить порядокъ Греческой Службы. Этотъ Служебникъ былъ напечатанъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и разосланъ по церквамъ. Но, по замѣчанію Павла, дѣйствія этого Собора не обошлись безъ возраженій. Нашлись люди, которые остались ими недовольны и говорили про себя: «Мы не желаемъ измѣнять нашихъ книгъ и обрядовъ, которые приняли отъ древнихъ временъ;» но ни кто не смѣлъ говорить открыто, по тому что гнѣвъ Патріярха не допускалъ противорѣчія. (467)

Что касается перекрещиванія Поляковъ и вообще Католиковъ, то новый взглядъ на этотъ предметъ былъ проведенъ уже въ дѣло. Патріархъ Макарій самъ принялъ чрезъ одно только муропомазаніе 4 Польскихъ Ксёнзовъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны съ Поляками. (468) Однако жь новый порядокъ не могъ тогда же войти во всеобщее употребленіе и вытѣснить старый обычай, узаконенный при Патріархѣ Филаретѣ, и мы видимъ, что этотъ самый вопросъ сдѣлался предметомъ обсужденія на новомъ Соборѣ, на которомъ также участвовалъ Макарій, который нарочно для этой цѣли былъ возвращаемъ съ обратнаго своего пути изъ Россіи. На этомъ Соборѣ опять признали перекрещиваніе противо-

каноническимъ дѣломъ. Макарій нашелъ одну древнюю книгу, привезенную съ Аѳонской Горы, въ которой подробно излагался этотъ предметъ: онъ перевелъ нужное мѣсто, и, послѣ продолжительныхъ споровъ съ Русскими Епископами, ему, наконецъ, удалось убѣдить ихъ значеніемъ ихъ собственныхъ книгъ. Это рѣшеніе, за подписью Никона и утвержденіемъ Царя, сдѣлалось закономъ, который былъ напечатанъ и разосланъ для руководства. Въ силу этого постановленія было отмѣнено перекрещиваніе Поляковъ и другихъ Католиковъ. Послѣ своего возвращенія въ Москву Макарій участвовалъ еще и въ другомъ церковномъ дѣяніи. Въ 1656 году, въ Воскресенье, слѣдовавшее за Вознесеніемъ, онъ, вмѣстѣ съ Никономъ, произнесъ анаѳему на Аввакума, который, по выраженію Павла, «вознесъ главу, подобно древнему Арію, и съ новою ересью возсталъ противъ 4 Патріярховъ, говоря, что они, въ слѣдствіе Мусульманскаго ига, лишились Іерархическаго достоинства и правъ.» Эта новая анаѳема была вызвана тѣмъ, что Аввакумъ ушелъ изъ своей ссылки и тайно проживалъ въ Москвѣ и, не смотря на строгіе розыски, Никону не удалось схватить его, по тому что онъ постоянно мѣнялъ одежду и мѣсто пребыванія. (469)

Въ числѣ многихъ справокъ и недоразумѣній, для рѣшенія которыхъ Никонъ обращался къ Макарію, былъ вопросъ объ образѣ освященія церкви. Долго Никонъ упрашивалъ Макарія написать ему Чинъ этого освященія по Греческому Требнику и примѣнительно къ его собственнымъ соображеніямъ. Этотъ Чинъ нуженъ былъ Никону, по тому что онъ къ этому времени выстроилъ большую церковь, которую нужно было освятить. Послѣ долгихъ изысканій, Макарію удалось найтп въ Патріяршей Библіотекѣ одну древнюю книгу съ Аѳона, въ которой излагался требуемый Чинъ. Никонъ просилъ Макарія совершить при освященіи этой церкви Службу на Греческомъ языкѣ; самъ Никонъ, его Архидіяконъ и писцы присутствовали при этомъ Богослуженіи съ нарочитою цѣлію—замѣтить порядокъ Службы. (470)

Этимъ, однако жь, не исчерпывается вся дѣятельность и участіе, которыя принималъ Патріярхъ Макарій въ дѣлахъ нашей Церквп. Онъ былъ въ Россіи въ печальное время, когда моровая язва истребила множество народа, а въ томъ числѣ и духовенства; отъ этого, конечно, пострадали и церкви; нужно было заво-

дить и устроять клиръ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ былъ истребленъ заразою; нужно было ставить Священниковъ и Діяконовъ. И въ это трудное время Патріярхъ Макарій оказалъ большую услугу нашей Церкви. Не проходило почти ни одной Службы, чтобы онъ не посвятилъ кого ни будь въ священный санъ. Въ продолженіи всего своего путешествія по Россіи онъ постоянно получалъ приглашенія отъ жителей сосѣднихъ деревень, которые просили его посвятить представленныхъ. Почти съ первыхъ дней вступленія на Русскую почву онъ былъ занятъ исправленіемъ дѣлъ этого рода, и это продолжалось до обратнаго его выѣзда. Въ Южной Россіи ему приходилось освящать разграбленныя и осквернныя Поляками Православныя церкви и посвящать Священнослужителей; но еще болѣе пришлось ему посвятить ихъ въ Великороссіи. Въ Путивлѣ, Тулѣ, Коломнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжалъ, онъ ставилъ Священниковъ и Діяконовъ. (471) При этомъ онъ отступалъ отъ тогдашней практики нашей Церкви по отношенію къ вдовымъ Священникамъ, и въ Тулѣ, по просьбѣ монаховъ одного монастыря, допустилъ къ священнодѣйствію вдовыхъ Священниковъ, которые тамъ жили. (472) Много онъ посвятилъ ставленниковъ и въ Москвѣ въ присутствіи Никона. Патріяршая область, по своей обширности, требовала многихъ ставленниковъ, такъ что Никонъ постоянно почти былъ занятъ посвященіемъ Священниковъ и Діяконовъ, а бывшій моръ еще болѣе увеличилъ занятія этого рода. Не смотря на всю свою дѣятельность и неутомимость, Никонъ не могъ одинъ справиться со всѣми ставленниками и отсылалъ ихъ для посвященія другимъ, присутствовавшимъ въ Москвѣ, Архіереямъ. Много ихъ онъ отправлялъ и къ Патріярху Макарію; въ этихъ случаяхъ онъ обыкновенно дѣлалъ слѣдующую надпись на прошеніяхъ: «Такого-то дня, мѣсяца, года, я посылаю просителя моему брату, Патріярху Антіохійскому, для посвященія;» (473)

Нельзя не указать еще на участіе Патріярха Макарія и въ рѣшеніи одного изъ весьма важныхъ въ нашей церковной исторіи вопросовъ, именно: вопроса, касающагося способа изображенія крестнаго знаменія. Павелъ замѣчаетъ о своемъ времени, что Русскіе въ Московскомъ Государствѣ употребляли при крестномъ знаменіи перстосложеніе, приближавшееся къ именословному, ко-

торымъ Епископы благословляли народъ, а не складывали для этого три перста вмѣстѣ. Значитъ, это было двоеперстіе. Патріархъ Макарій призналъ этотъ способъ перстосложенія неправильнымъ, и высказалъ объ этомъ свой взглядъ Никону. Въ тотъ самый день, когда Никонъ громилъ въ Соборѣ Бояръ за употребленіе ими Польскихъ иконъ, онъ тутъ же вызвалъ Патріарха Макарія предъ лицомъ всего церковнаго собранія сказать свое слово о крестномъ знаменіи. При этомъ Макарій засвидѣтельствовалъ, что «въ Антіохіи Христіяне впервые получили свое имя, и что отсюда имѣютъ начало церковные обычаи, но что ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на Синайской, ни на Аѳонской, Горѣ, ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, ни у Козаковъ (Малоросіи), нигдѣ не употребляютъ такого перстосложенія, какое встрѣчается у Русскихъ.» (474) Павелъ замѣчаетъ при этомъ еще одну особенность Русскихъ, т. е., что они, при изображеніи крестнаго знаменія, сильно ударяли перстами по тѣмъ частямъ тѣла, на которыя ихъ возлагали. Сирійцы не могли вполнѣ усвоить себѣ такого освященія крестнымъ знаменіемъ и давали Русскимъ поводъ смѣяться надъ ихъ неопытностію.» «Какъ, говорили имъ Русскіе, вы кладете крестъ на груди, а въ то же время не пріударяете перстами по челу, груди и плечамъ, какъ это дѣлаемъ мы?» (475) Арсеній Еласонскій тоже говоритъ, что Царь Ѳедоръ (Ивановичъ) получилъ отъ Патріарха Іереміи благословеніе головы, груди и праваго плача. (476) Изъ этого свидѣтельства видно, что и при именословномъ благословеніи Священники съ полнымъ вѣсомъ возлагали свои руки на чело, грудь и плечи тѣхъ, кого они благословляли. Павелъ также замѣчаетъ, что Русскіе незнакомы были съ благословеніемъ Латинскимъ, которое совершалось на разстояніи. Рейтенфельсъ говоритъ, что Патріархъ давалъ благословеніе Царю на челѣ и ланитахъ, при чемъ цѣловалъ у него правую руку. (477) Что касается способа перстосложенія, то объ этомъ мы встрѣчаемъ различныя и противорѣчащія показанія разныхъ писателей. Олеарій вообще говоритъ, что Русскіе изображали крестное знаменіе 3 перстами правой руки. (478) Это было еще въ первой половинѣ XVII вѣка, и такъ какъ Олеарій проѣхалъ всю Россію отъ С.-Запада до крайняго Юго-Востока, то, значитъ, на всемъ этомъ пространствѣ онъ замѣчалъ одинъ и тотъ же способъ перстосло-

женія. Майербергъ, во 2-й половинѣ того же вѣка, подтверждая свидѣтельство Олеарія, выражается еще болѣе опредѣленно, именно, что Русскіе для крестнаго знаменія совокупляли 3 перста: большой, указательный и средній. То же говоритъ и Вармундъ, а Петрей обобщаетъ это и говоритъ, что такъ крестился весь народъ. (479) Эти свидѣтельства принадлежатъ разнымъ порамъ XVII вѣка, но они, какъ мы видимъ, противорѣчатъ свидѣтельству Павла, который имѣлъ случай много разъ вблизи наблюдать это явленіе и котораго свидѣтельство въ этомъ случаѣ важнѣе другихъ. Намъ кажется, что эти свидѣтельства скорѣе слѣдуетъ примирить, чѣмъ ставить ихъ въ противорѣчіе. У насъ употреблялось и то и другое перстосложеніе: и двоеперстіе осталось среди простаго народа, какъ наслѣдіе старины, а высшія лица, имѣвшія случай сталкиваться съ людьми разныхъ Православныхъ странъ и болѣе близкія къ Правительству, скорѣе усвоивали себѣ образцы благочестія, которые имъ указывали Восточные пастыри Церкви. Весьма многіе изъ нашихъ писателей были Послами у насъ разныхъ Европейскихъ Государей; или состояли только при Посольствѣ; понятно, что эти лица должны были прежде всего замѣчать то, что дѣлалось въ высшихъ кругахъ. Можетъ быть, и случалось имъ видѣть примѣры двоеперстія, но это они могли принять за исключеніе, а господствующимъ явленіемъ въ ихъ глазахъ было троеперстіе, употреблявшееся въ высшемъ кругѣ. Изъ сисеенія всѣхъ свидѣтельствъ выходитъ, что для крестнаго знаменія у насъ употреблялось и двоеперстіе на ряду съ троеперстіемъ. Бергъ упоминаетъ о Соборѣ, бывшемъ 1654 (7162) году, и говоритъ, что на этомъ Соборѣ, въ присутствіи Патріярха Никона и Царя Алексѣя Михайловича, было отвергнуто раскольническое перстосложеніе. (480) Но это событіе происходило не въ 1654 г., какъ передаетъ Бергъ, а 1656 г. (481) Павелъ Діяконъ, который описываетъ дѣянія Собора, бывшаго 1655 г., не говоритъ, какое рѣшеніе по этому именно предмету было положено Соборомъ. Между тѣмъ мы знаемъ уже изъ свидѣтельствъ Павла, что отмѣна перекрещиванія Католиковъ была принята на этомъ Соборѣ, благодаря настойчивымъ представленіямъ Патріярха Макарія. Не смотря на то, однако жъ, она вскорѣ сдѣлалась снова спорнымъ предметомъ и потребовала новыхъ изслѣдованій на новомъ Соборѣ. (482) То же самое могло про-

изойти и съ вопросомъ о крестномъ знаменіи. Патріархъ Макарій высказалъ свое осужденіе тогдашнему нашему церковному употребленію, но она продолжало оставаться въ томъ же видѣ и послѣ Собора. Такимъ образомъ насъ не должны смущать противорѣчія, какія мы встрѣчаемъ у нашихъ писателей относительно употреблявшагося у насъ крестнаго знаменія. Вармундъ сбивчиво передаетъ всю судьбу этого спора: у него дѣйствующія стороны поставлены одна на мѣсто другой; у него Соборъ и пастыри представляются поборниками двоеперстія, а народъ защитникомъ троеперстія. Онъ тоже имѣетъ въ виду Соборъ 1656 г., но приписываетъ ему совсѣмъ противный образъ дѣйствій, будто онъ требовалъ отъ мірянъ, чтобы они крестились 2, а не 3 перстами, какъ это было доселѣ. Но эта новизна встрѣтила противодѣйствіе въ средѣ народа, который не хотѣлъ оставить троеперстія, символически обозначавшаго Св. Троицу. Тогда Патріархъ обратился за пособіемъ къ Царю и другимъ Восточнымъ Патріархамъ. Составившійся Соборъ, на которомъ, изъ постороннихъ Іерарховъ, участвовалъ Константинопольскій и два другихъ Восточныхъ, подтвердилъ постановленія прежняго Собора, именно, чтобы народъ крестился 2, а не 3, перстами, а противъ непокорныхъ употреблены были насилія. Многіе, говоритъ Вармундъ, шли на смерть за свои убѣжденія и не переставали, хотя и тайно, креститься тремя перстами. (483) Вармундъ извращаетъ событіе: не послѣдователи троеперстія, а двоеперстія, должны были скрываться съ своимъ перстосложеніемъ, по тому что тотъ и другой Соборы не вводили, а отмѣнили, двоеперстіе или, вѣрнѣе сказать, запретили его. Такъ понимаетъ слова Вармунда и Бергъ, который говоритъ о своемъ времени (въ концѣ XVII вѣка), что троеперстіе было тогда во всеобщемъ употребленіи. (484) Не удивительно, что онъ говоритъ именно такъ: онъ пользовался Православнымъ Исповѣданіемъ Петра Могилы, и по нему описывалъ самую практику религіознаго быта всего Русскаго общества, но въ этомъ бытѣ могли быть и разности. Приведенное свидѣтельство Вармунда можетъ служить еще новымъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что благословеніе у насъ въ старину преподавалось 2 перстами. Что касается именословнаго благословенія, то, кромѣ приведеннаго выше свидѣтельства Павла, который отождествляетъ его съ двоеперстіемъ, мы еще имѣемъ изъ XVI вѣка указаніе Флетчера,

который въ двухъ мѣстахъ прямо выражается, что Епископы наши благословляли народъ двумя перстами. Онъ передаетъ, будто даже Іеремія, Патріархъ Константинопольскій, бывшій въ Москвѣ при учрежденіи Патріаршества въ Россіи, преподавалъ благословеніе также двумя перстами. (485) Противопоставленіе, которое дѣлаетъ Вармундъ между клиромъ и мірянами, опять наводитъ насъ на то же заключеніе. По его словамъ, клиръ, оставаясь при прежнемъ обычаѣ, долженъ былъ употреблять для крестнаго знаменія два перста. (486) Но, конечно, Соборъ не могъ постановлять различнаго перстосложенія при крестномъ знаменіи для лицъ духовныхъ и мірянъ, и такъ какъ Соборъ, вопреки ошибочному представленію Вармунда, ввелъ троеперстіе, то остается допустить, что это различіе между клиромъ и мірянами должно относиться не къ изображенію крестнаго знаменія, а къ пастырскому благословенію. Именословное благословеніе и есть то двоеперстіе, которое должно было оставаться отличительнымъ знакомъ пастырскаго осѣненія крестнымъ знаменіемъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Бергъ тоже говоритъ, что, по мнѣнію Русскихъ, двоеперстіе принадлежало только благословенію Священниковъ. (487) По ученію Православной Церкви, изображеніе крестнаго знаменія имѣетъ еще таинственный смыслъ. Объясненія этого смысла могутъ быть различны и одинаково согласны съ духомъ Православія. По у Олеарія мы встрѣчаемъ слѣдующее символическое объясненіе крестнаго знаменія, принадлежащее нашему Послу въ Голштиніи, Петру Миклову. По его словамъ, три перста означаютъ Св. Троицу: поднесеніе руки къ челу вознесеніе Іисуса Христа, который уготовляетъ намъ обители на небѣ; опусканіе ея на животъ—укорененіе въ сердцѣ слова Божія; перенесеніе отъ праваго плеча къ лѣвому—страшный судъ и отдѣленіе праведниковъ отъ грѣшниковъ. (488) Иначе передаетъ это таинственное объясненіе Посевинъ; при исчисленіи заблужденій Русскихъ онъ указываетъ, въ числѣ такихъ заблужденій, и на ихъ отступленіе отъ Католическаго образа крестнаго знаменія. Впрочемъ, онъ готовъ признать и нашъ способъ осѣненія крестнымъ знаменіемъ, и оставить за нимъ то значеніе, которое ему у насъ приписывали, именно: что положеніе руки на правомъ плечѣ означаетъ сѣдѣніе І. Христа о десную, а на лѣвомъ сѣдѣніе Св. Духа о шуюю Отца. (489)

Такъ какъ у насъ зашла рѣчь о крестномъ знаменіи, то нелишнимъ считаемъ сдѣлать замѣчаніе о самой формѣ креста, которымъ обыкновенно увѣнчиваются наши храмы. Эта форма креста, вмѣстѣ съ способомъ изображенія крестнаго знаменія, доселѣ служитъ предметомъ споровъ и раздоровъ между нами и Раскольниками. Иностранцы замѣчаютъ, что у насъ кресты на церквахъ употреблялись различной формы: простой крестъ (т. е. четырехконечный) и тройной (восьмиконечный), и что кресты послѣдней формы встрѣчались чаще. Олеарій, въ 30 годахъ XVII вѣка, по собственному наблюденію говоритъ, что всѣ 50 каменныхъ церквей, которыя находились въ Кремлѣ, были увѣнчаны именно этимъ крестомъ. Его свидѣтельство въ послѣдствіи подтверждаетъ Вармундъ (490). У Виркгарта мы встрѣчаемъ указаніе и на 6-конечный крестъ; по его словамъ, наши церкви увѣнчивались двойнымъ, или, такъ называемымъ, Испанскимъ крестомъ. (491)

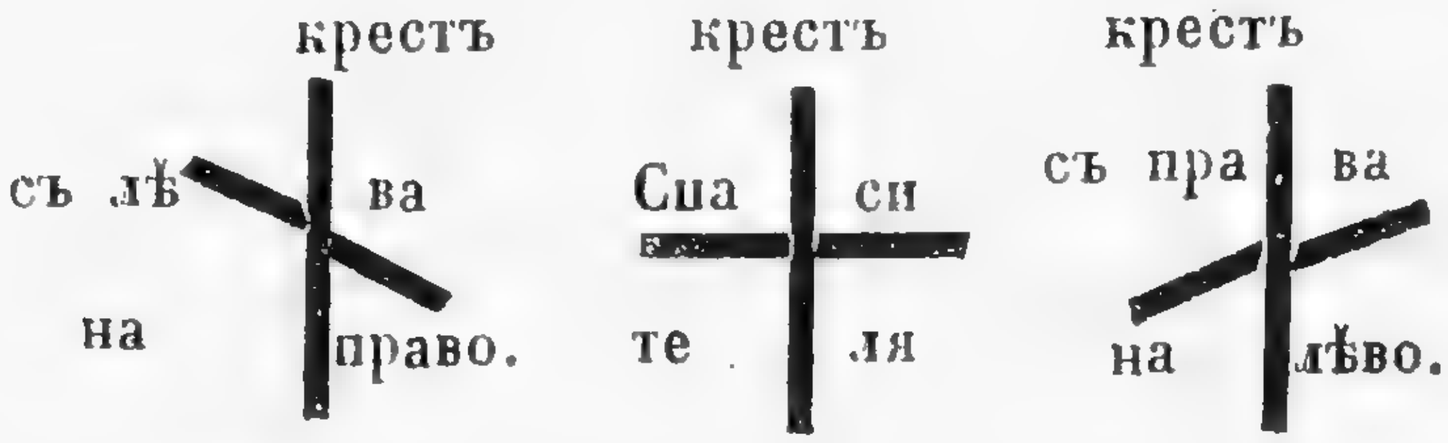
V. СОСТОЯНІЕ РЕЛИГІОЗНАГО И ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Почти всѣ писатели XVI и XVII столѣтій, за исключеніемъ развѣ Павла, очень дурно отзываются о нашемъ религіозномъ просвѣщеніи въ свое время. Невѣжество въ этомъ отношеніи простаго народа поражало иностранцевъ: оно доходило до того, что не знали самыхъ простыхъ молитвъ и свѣдѣній. Главничъ пишетъ, что трудно даже описать невѣжество Русскихъ въ дѣлахъ Вѣры; простой народъ не зналъ молитвъ, и по тому всѣ молитвы у него замѣнялись простымъ крестнымъ знаменіемъ и краткимъ восклицаніемъ: «Господи Іисусе, помилуй грѣшнаго!» которое онъ повторялъ до 200 разъ. (492) По словамъ Колиса Русскій народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и чуждъ былъ всякаго образованія какъ въ гражданскихъ, такъ и церковныхъ, дѣлахъ. (493) Большая часть писателей говоритъ, что изъ 10 Русскихъ едва одинъ могъ прочитать на изусть: «Отче нашъ»... а по Майербергу изъ простаго народа ни кто не зналъ этой молитвы. Еще меньше можно было встрѣтить лицъ, знающихъ символъ Апостольскій и 10 заповѣдей: простой народъ даже не считалъ своею обязанностію знать эти вещи. Если спрашивали Русскихъ: «Отъ чего они не знаютъ:» «Отче нашъ... Богородице Дѣво»... и тому подобныхъ молитвъ?» то они обыкновенно отвѣчали, что «это очень высокая наука, пригодная только Царямъ да Патріярху, и вообще Госпо-

дамъ и духовнымъ лицамъ, у которыхъ нѣтъ работы, а не простымъ мужикамъ.» А Десятословія Русскіе не считали нужнымъ знать, по тому что, съ пришествіемъ Христа, оно потеряло силу. Вообще, по замѣчанію иностранцевъ, Русскіе весьма мало могли сказать что ни будь на предлагаемые имъ вопросы изъ области Выры. (494) Они не знали самыхъ простыхъ Евангельскихъ событій. Рейтенфельсъ по этому замѣчаетъ, что единственною духовною пищею для ума и сердца Русскихъ, при ихъ невѣжествѣ, была Евхаристія. Однажды онъ, встрѣтивъ толпу Русскихъ, спросилъ ихъ объ Іудѣ; послѣ предложеннаго вопроса Русскіе только посматривали другъ на друга, и изъ всей этой толпы едва нашелся одинъ болѣе другихъ свѣдущій, который могъ сказать, что это былъ человѣкъ, обманувшій Господа и предавшій его врагамъ. (495)

Къ сожалѣнію, и Духовенство не много возвышалось надъ остальнымъ обществомъ; здѣсь царило тоже невѣжество, начиная съ самыхъ высшихъ лицъ Іерархіи и оканчивая бѣднымъ сельскимъ Священникомъ, или простымъ монахомъ. Флетчеръ увѣряетъ что даже на высшихъ степеняхъ Церковной Іерархіи появлялись лица, которыя не только не имѣли надлежащаго и приличнаго ихъ сану образованія, но даже отличались недостойнымъ характеромъ и образомъ мыслей. Этотъ иностранецъ передаетъ свой разговоръ съ однимъ нашимъ Епископомъ въ Вологдѣ. Флетчеръ предложилъ ему Новый Завѣтъ и указалъ 1-ю главу Евангелія отъ Матѳея. Епископъ сталъ читать очень хорошо. За тѣмъ Флетчеръ спросилъ его: «Какую часть Священнаго Писанія составляетъ то, что онъ читалъ?» Епископъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Флетчеръ предложилъ еще нѣсколько вопросовъ: «Сколько Евангелистовъ?» спросилъ онъ. Отвѣтъ: «Не знаю.» «Сколько Апостоловъ?» Отвѣтъ: «12.» —«Какъ онъ будетъ спасенъ?» Епископъ отвѣчалъ на это, что «онъ не знаетъ, будетъ ли онъ спасенъ, или нѣтъ; но если Господь помилуетъ и сжалится надъ нимъ, то онъ будетъ спасенъ, а если нѣтъ то какая помощь?»—«За чѣмъ онъ постригся въ монахи?» спросилъ еще Флетчеръ. «За тѣмъ, отвѣчалъ Епископъ, чтобы ѣсть хлѣбъ въ покоѣ.» (496) Олеарій отзывается даже о Патріархѣ Филаретѣ, что онъ былъ не очень свѣдущъ въ дѣлахъ Вѣры и не могъ спорить съ иностранцами. А Виркгартъ дѣлаетъ такое же замѣчаніе о современномъ ему Патріархѣ. (497) Если таковы были высшіе Пастыри, то чего

мы должны были ожидать отъ простыхъ сельскихъ Священниковъ, которые, по словамъ Флетчера, поставлялись въ его время безъ большаго испытанія. (498) Эти лица не могли представить изъ Священнаго Писанія ни одного мѣста въ подтвержденіе своего ученія о Св. Троицѣ. (499) Посевинъ удивляется крайнему невѣдѣнію нашего духовенства, которое не знало основныхъ началъ грамоты. (500) У Таннера мы встрѣчаемъ такой же занимательный разсказъ объ умственной сторонѣ низшаго, сельскаго, духовенства, какой мы привели изъ Флетчера относительно высшаго. Изъ этого разсказа видно, что нашего Священника могъ привести въ тупикъ самый простой, но только остроумно и замысловато поставленный, вопросъ. Однажды мимо Посольскаго дома, гдѣ проживалъ Таннеръ, проходилъ нашъ Священникъ. Таннеръ спросилъ его: «По чему онъ крестится не такъ, какъ они, Католики?» и Таннеръ тутъ же перекрестился по своему обряду. Нашъ Священникъ немного покачалъ головою и ничего не отвѣтилъ. Между тѣмъ Таннеръ подалъ ему карандашъ и просилъ его начертить на бумагѣ крестъ; при начертаніи креста Священникъ повелъ попеперечную линію карандашомъ не съ права на лѣво, а съ лѣва на право. Тутъ Таннеръ спросилъ его: «Отъ чего жь онъ и не крестился такимъ же способомъ, какимъ изображенъ имъ крестъ? т. е., съ лѣва на право. Священникъ изумился этому вопросу и, пожавъ плечами, хотѣлъ уже уйти, но Таннеръ удержалъ его за рукавъ. Изобразивъ два креста, поперечныя линіи которыхъ на томъ и другомъ были проведены съ противуположныхъ сторонъ, а въ срединѣ ихъ третій большой крестъ,



Таннеръ предложилъ Священнику слѣдующее объясненіе: «Христосъ, сказалъ онъ, былъ распятъ на среднемъ крестѣ, но по чему же былъ привлеченъ къ Христу разбойникъ, висѣвшій съ права, а не съ лѣва? Это объясняется тѣмъ, что крестъ съ правой стороны сообразенъ кресту Христову, по тому что поперечная линія этого

креста, проведенная отъ лѣвой руки къ правой, ведетъ ко Христу; по этому діяволъ и не могъ подступить къ висѣвшему на немъ разбойнику. Но онъ легко могъ подойти къ другому кресту, который, будучи проведенъ сообразно кресту Христову, т. е., съ лѣва на право, удаляется отъ Христа, а если провести его съ права на лѣво, то онъ уже не будетъ сообразенъ кресту Христа, который изображается съ лѣва на право, а не на оборотъ. Такимъ образомъ, когда вы, продолжалъ Таннеръ, употребляете такой же крестъ, во вы ни какъ не можете силою его отогнать діявола, напротивъ ты сами даже простираете къ нему руки.» Изумленный Священникъ пристально смотрѣлъ на Таннера и, не умѣя опровергнуть его шутливаго объясненія, только сказалъ: «Бредни твои рѣчи!» и ушелъ. Не смотря на то, мысль объ этомъ видно его не оставляла; идя по улицѣ, онъ продолжалъ разсуждать самъ съ собой: игривая шутка Таннера такъ глубоко запала въ его душу, что онъ потомъ обращался за объясненіемъ къ другимъ. (501) Во время путешествія Олеарія по Россіи съ нимъ въ Казани былъ слѣдующій случай: Въ праздникъ Рождества Христова Священникъ по обыкновенію ходилъ съ кадиломъ по домамъ своихъ прихожанъ. Когда онъ зашелъ въ тотъ домъ, гдѣ остановился Олеарій, послѣдній завелъ съ нимъ рѣчь о Религіи и о недавно открытыхъ мощахъ двухъ иноковъ, которые прославились чудотвореніями. Какъ Протестантъ, Олеарій при этомъ предложилъ нескромный вопросъ: «По чему въ Казани такъ много слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ больныхъ?» А бывшій съ Священникомъ Дьячекъ при этомъ разсмѣялся. Но Священникъ, не вдаваясь въ разсужденія, выругалъ сперва Дьячка, а потомъ Олеарія, и за тѣмъ ушелъ. (502) Майербергу каждый нашъ Священникъ казался простакомъ. (503)

Наше монашествующее духовенство, по словамъ иностранцевъ, составляло тоже разрядъ людей невѣдѣнія. По словамъ Посевина, нѣкоторые монахи даже не знали, какой у нихъ въ употребленіи монашескій Уставъ. (504) А Петрей также плохо отзывается и объ ихъ умственныхъ качествахъ, какъ дурно говоритъ о нравственныхъ. «Монахи, говоритъ онъ, ужасно неприличны, неучтивы, неучены и не умѣютъ ни чего отвѣтить, если спросить что ни будь изъ Библіи, или Отцовъ, объ ихъ Вѣрѣ, Уставѣ и образѣ жизни: они ни чего не смыслятъ въ Библіи; они простосердечно говорятъ, что не въ состояніи отвѣчать на эти

вопросы, по тому что они содержать себя въ простотѣ и невѣдѣніи, не умѣютъ ни читать, ни писать. (505) Олеарій пишетъ, что въ его время изъ монаховъ едва 10-й зналъ наизусть молитву Господню. Онъ приводитъ одинъ любопытный разсказъ, какъ монахи однажды поплатились за свое невѣжество во времена Ивана Грознаго. Царь пригласилъ нѣсколькихъ монаховъ участвовать при бракосочетаніи Датскаго Принца, Магнуса, которое совершалось въ Новгородѣ. Оказалось, что эти монахи по книгѣ не могли такъ твердо прочитать Символъ Св. Аѳанасія, какъ Царь зналъ его наизустъ. Раздраженный Царь тутъ же нанесъ монахамъ нѣсколько ударовъ по головѣ тѣмъ посохомъ, который держалъ въ своихъ рукахъ. (506) Въ Никольскомъ монастырѣ (Новгородской области) Олеарій видѣлъ монаха, который обыкновенно обозначалъ по книгѣ то мѣсто, на которомъ онъ прерывалъ свое чтеніе тѣмъ, что закапывалъ его воскомъ. (507) Вармундъ разсказываетъ, со словъ одного иностранца, жившаго въ Россіи, что однажды какой-то монахъ обратился къ Нѣмцу съ просьбою о милостыни, которой онъ выпрашивалъ именемъ четвертаго лица Св. Троицы. Когда Нѣмецъ спросилъ: «Какое это лицо?» монахъ отвѣчалъ: «Св. Николай.» (508)

Такимъ образомъ нашъ клиръ наполнялся большею частію людьми необразованными. Посевинъ замѣчаетъ, что въ его время между Русскими не было ни одного, кто бы зналъ по Латыни и по Гречески и былъ бы знакомъ съ основаніями Богословія, и что Русскіе по этому не могли знать ни Церковной Исторіи, ни Соборныхъ Правилъ. (509) Все духовенство было крайне не далѣе какъ вообще въ наукахъ, такъ и въ частности въ знаніи слова Божія. Периштейнъ не могъ найти ни одного человѣка, который могъ бы объяснить различіе между Католичествомъ и Православіемъ. Но нечего было и удивляться этому невѣдѣнію низшаго духовенства, когда даже Епископы не занимались другимъ родомъ наукъ и письменности, кромѣ чтенія и пѣнія. (510) Все это свидѣтельства конца XVI вѣка, но и въ XVII вѣкѣ мы слышимъ тѣ же неодобрительные отзывы. Мы уже видѣли, что Майербергъ сравниваетъ нашихъ Священниковъ съ малоумными; во времена Алексѣя Михайловича отъ искавшаго священства требовалось только, чтобы онъ былъ человѣкъ честной жизни и хорошаго поведенія; такимъ образомъ всякій міряпинъ могъ сдѣ-

латься Священникомъ. (511) То же мы видимъ и въ самомъ концѣ XVII вѣка. Перри говоритъ, что Русскіе не заботятся о томъ, откуда у нихъ выходятъ Священники. Онъ зналъ такихъ Священниковъ, которые до того времени учились ремесламъ; такъ одинъ знакомый ему кузнецъ сдѣланъ былъ Священникомъ. Между самыми учеными членами клира, по словамъ того же писателя, рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который бы говорилъ на какомъ ни будь иностранномъ языкѣ. (512)

Не смотря на эти многочисленныя свидѣтельства разныхъ писателей о всеобщемъ глубокомъ невѣжествѣ Русскихъ въ дѣлахъ Вѣры, есть, однако жь, писатели даже въ Западномъ мірѣ, которые представляютъ намъ Русскихъ въ иномъ свѣтѣ. Таковъ Фаберъ: онъ еще въ 1-й четверти XVI вѣка писалъ, что въ Россіи, хотя и не въ большомъ количествѣ, но все таки были училища, въ которыхъ дѣти Бояръ обучались письму и главнымъ образомъ священнымъ предметамъ, и въ которыхъ все преподаваніе совершалось на Русскомъ языкѣ, такъ какъ у Русскихъ иностранными языками занимались весьма немногіе. Но относительно Греческаго языка онъ замѣчаетъ, что имъ у насъ занимались очень многіе, Еврейскимъ же языкомъ вовсе не занимались и изъ этого языка при нашемъ Богослуженіи употреблялось одно только слово: «Аллилуіа.» (513) Согласно съ Фаберомъ отзывается о состояніи духовнаго просвѣщенія у насъ и Орѣховскій (Orichovius), который въ половинѣ того же вѣка писалъ, что умы Русскихъ просвѣщены Латинскою и Греческою наукою. (514) Но эти лестные отзывы опровергаются другими писателями, которые были личными свидѣтелями описываемаго ими. А Ульфельдъ, Посевинъ и многіе другіе говорятъ, напротивъ, что изъ Русскихъ ни кто не зналъ ни Латинскаго, ни Греческаго, языковъ. (515) Современный имъ сочинитель Посланія къ Хитрею тоже говоритъ, что хотя Русскіе хвастали, что они приняли Вѣру отъ Грековъ, но ни кто изъ нихъ никогда не видалъ ни Греческой, ни Латинской, книги. Онъ показывалъ знакомымъ Священникамъ Новый Завѣтъ на Греческомъ языкѣ, и просилъ прочитать какой ни будь періодъ, но они отказывались, чистосердечно утверждая, что дотолѣ они никогда не видали такой печати. (516) Кобенцель не могъ найти между Русскими ни кого, кто бы объяснилъ различіе между Греками и Католиками касательно слова ὁμοούσιος. (517) Такимъ образомъ

лестные отзывы двухъ писателей опровергаются многочисленными свидѣтельствами другихъ иностранцевъ, которые могли знать лучше дѣло. Похвалы Орѣховскаго Бергъ считаетъ лестію, вызванною чувствомъ единоплеменности. * (518) Незнаніе Русскими иностранныхъ языковъ весьма просто объясняется тѣмъ естественнымъ чувствомъ отвращенія и презрѣнія, которое Русскіе питали въ своей душѣ къ иностранцамъ. Они даже хуже понимали другія Славянскія нарѣчія, кромѣ Польскаго и Малорусскаго, нежели какъ другіе Славяне понимали Русскій языкъ. Посевинъ разсказываетъ, что когда онъ отправилъ въ Москву одного Католическаго Священника, родомъ Славянина, то послѣдній въ короткое время пріучился Русскому языку, но Русскіе съ трудомъ могли понимать его Славянское нарѣчіе. Что касается Латинскаго языка, то во времена Посевина его также немногіе знали. Кромѣ Лѣкарей, Посевинъ встрѣтилъ лишь трехъ человѣкъ, знакомыхъ съ этимъ языкомъ, да и то всѣ были Поляки Даже завѣдывающій Польскими дѣлами и его Дьяки не могли говорить съ иностранными Послами на ихъ языкѣ. По этому, для сношеній съ иностранными Государями, при Царскомъ Дворѣ всегда нарочно содержались люди, знавшіе эти языки. Посевинъ разсказываетъ, что въ 1580 году нарочно вызывали изъ Константинополя нѣсколько Грековъ, чтобы они научили Греческому языку одного Русскаго, который долженъ былъ остаться переводчикомъ. (519) То же самое было въ Россіи и въ 1-й половинѣ XVII вѣка. Олеарій говоритъ, что у насъ ни среди духовенства, ни среди мірянъ, ни даже въ высшемъ кругу, нельзя было найти ни одного человѣка, который бы зналъ Латинскій и Греческій языки. (520) Алексѣй Михайловичъ очень удивлялся, что Павелъ Діяконъ могъ читать на четырехъ языкахъ. (521)

Недостатокъ просвѣщенія въ Русскомъ обществѣ и духовенствѣ объясняется недостаткомъ образовательныхъ средствъ и учрежденій, или, вѣрнѣе сказать, эти два явленія связаны между

---

* Едва ли! Орѣховскій, говоря это, конечно разумѣлъ Русскихъ своей Червонной Руси, изъ коихъ, подобно ему, многіе учились въ Краковскомъ Университетѣ и вообще за границей. Да и въ Малой Россіи довольно было въ его время знавшихъ оба древніе языка. А въ XVII вѣкѣ было уже довольно таки и въ Великой Россіи, которые знали эти языки. О. Б.

собою органически такъ, что одно обусловливается другимъ, и одно необходимо связано съ другимъ. Писатели 2-й половины XVI вѣка говорятъ, что въ Россіи вовсе не было высшихъ учебныхъ заведеній, ни Академій, ни Коллегій. Были низшія школы, но самъ Фаберъ сознается, что ихъ было мало: эти школы находились при монастыряхъ и давали весьма скудное образованіе, а кромѣ нихъ больше не было ни какихъ учебныхъ заведеній. (522) Впрочемъ, нѣкоторые иностранцы говорятъ, что такія же школы существовали при каждой церкви, при чемъ они знакомятъ насъ лаже съ состояніемъ этѣхъ школъ и подробно описываютъ самую программу обученія и кругъ предметовъ, которые тамъ преподавались. Такъ сочинитель Посланія къ Хитрею и Петрей передаютъ, что при каждой церкви находилась школа, въ которой 30 лѣтніе ученики, иногда уже женатые, изучали первыя начала грамотности. У насъ не было Катихизисовъ, и по тому въ нашихъ школахъ учили только молитвы, Символъ Вѣры (Апостольскій) и Псалмы, которые читали день и ночь. (523) Главничъ пишетъ, что многіе такъ выучивали Псалтырь и Св. Писаніе, что могли изъ нихъ приводить на память. (524) Такимъ образомъ, самая высшая степень просвѣщенія низшаго клира, то, чего отъ него требовалось для посвященія въ церковную должность, ограничивалось тѣмъ, чтобы искавшіе этого званія могли внятно читать и пѣть свою Службу. (525) Посевинъ въ эту программу сельской школы вводитъ еще: Новый Завѣтъ, чтеніе Лѣтописей, Отеческихъ Бесѣдъ и Житій Святыхъ. (526) Петрей передаетъ нѣсколько болѣе обширную программу сельскихъ училищъ. По его словамъ, въ этѣхъ училищахъ, кромѣ азбуки, Молитвослова, Часослова, изучали еще церковныя пѣсни, Псалтырь, Символы: Апостольскій, Никейскій, Св. Аѳанасія, а изъ всеобщей Исторіи Дѣянія Александра Македонскаго. А лица, готовившіяся въ священный санъ, кромѣ того изучали Новый Завѣтъ и Отцовъ: Василія Великаго, Григорія Богослова, Амвросія, Киприяна и особенно Іоанна Златоуста. (527) По этимъ описаніямъ уже можно составить понятіе о состояніи просвѣщенія среди нашего духовенства: въ нашихъ школахъ выучивались только читать и писать на народномъ языкѣ. (528) Но и этого образованія достигали весьма немногіе, а большинство Русскихъ находилось во тьмѣ невѣдѣнія и оставалось неграмотнымъ. Писатели XVI и XVII столѣтій говорятъ, что изъ 1,000 человѣкъ едва одинъ умѣлъ читать и писать. (529)

Доселѣ мы имѣли свидѣтельства только тѣхъ писателей, которые были и жили въ Московскомъ Государствѣ, въ Великороссіи. Но тѣ писатели, которымъ удалось побывать на Сѣверѣ и Югѣ Россіи, и которые по этому имѣли возможность подвергнуть сравненію просвѣщеніе и религіозный бытъ обитателей той и другой полосы Россіи, сознаются, что на Югѣ религіозное просвѣщеніе среди духовенства и даже народа находилось на высшей степени, чѣмъ на Сѣверѣ. Свидѣтельства этого рода относятся ко 2-й половинѣ XVII вѣка. Гербиній дѣлаетъ общее замѣчаніе, что духовенство Южной Россіи было образованнѣе Великорусскаго. Во время своего путешествія въ Москву онъ имѣлъ случай убѣдиться, что здѣсь народъ былъ такъ грубъ, что держался глубочайшаго убѣжденія, будто иконы живутъ, чувствуютъ и даютъ отвѣты требующимъ. Вообще въ дѣлѣ образованія и утонченности нравовъ онъ даетъ преимущество Приднѣпровскимъ Русскимъ обитателямъ и въ особенности лицамъ, получившимъ образованіе въ тамошнихъ школахъ. (530) Другой путешественникъ, Павелъ Діяконъ, тоже замѣчаетъ, что въ Малороссіи большинство лицъ народа, за исключеніемъ весьма немногихъ, знало на память не только молитвы, но даже порядокъ церковной Службы и пѣнія, и не только мущины, но даже женщины и дѣвочки. Священники брали на себя обученіе сиротъ и не позволялп имъ оставаться въ невѣжествѣ. Во время войнъ съ Поляками оставалось много вдовъ и сиротъ безъ средствъ жизни: они выучивали молитвы и пѣсни въ честь Божіей Матери и на канунѣ праздниковъ, обыкновенно вечеромъ, по заходѣ солнца, обходили всѣхъ хозяевъ и распѣвали эти пѣсни прекраснымъ напѣвомъ, трогавшимъ сердце, за что имъ давали деньги, хлѣбъ и другіе съѣстные припасы: такъ они ходили круглый годъ. Во время своего путешествія по Малороссіи Павелъ замѣчаетъ, что вездѣ дѣти умѣли читать. (531) Нѣкоторые монахи Кіево-Печерскаго монастыря были знакомы со всѣми отраслями знанія и съ законодательствомъ, были искусны въ Логикѣ, Риторикѣ и разныхъ отрасляхъ Философіи. Въ Чигиринскомъ монастырѣ Павелъ видѣлъ большую Библіотеку, наполненную дорогими и почтенными книгами; недалеко отъ тамошняго Собора была отличная Типографія, печатавшая книги, Священныя изображенія и разрѣшительныя грамоты. А монахини Кіевскаго женскаго монастыря не только отлично знали порядокъ церковной

Службы, чтеніе, но были даже знакомы съ науками и литературой. (532)

Общее невѣжество было причиною того, что у насъ въ большомъ ходу была отреченная письменность: это были сборники разныхъ замѣчаній практической мудрости и попытокъ младенческаго сознанія народа рѣшить высшіе вопросы человѣческаго вѣдѣнія. Эта темная письменность представляла собою смѣсь лучшихъ и трезвыхъ мыслей съ простосердечными догадками и запросами младенческаго ума: въ ней было много совершенно ложнаго и нелѣпаго. Эти сборники были наполнены явными заблужденіями и нелѣпыми сказаніями, которыя, однако жь, были усвоиваемы читающими, и такимъ образомъ увеличивали собою суевѣріе и давали простому необразованному уму весьма дурную пищу. Въ этѣхъ книгахъ, по словамъ Олеарія, содержались подробныя и обширныя объясненія нѣкоторыхъ Евангельскихъ сказаній, перемѣшанныя съ грубыми и опасными баснями и вымыслами, которыми не разъ прикрывались и поддерживались страсти. (533) Даже сказанія о житіи Святыхъ здѣсь переиначивались и искажались по собственнымъ соображеніямъ лицъ, которыми они переписывались, или составлялись. Въ такомъ искаженномъ видѣ эти сказанія иногда читались даже съ церковной каѳедры. Нѣкоторые писатели, выражаясь слишкомъ рѣзко, говорятъ, что въ нашихъ церквахъ читались басни. Сочинитель Посланія къ Хитрею говоритъ, что онъ ни разу не слышалъ въ нашихъ церквахъ чтенія Евангелія, а только какія ни будь сказки про Св. Николая и т. п. (534) Ульфельдъ, въ описаніи своего путешествія, приводитъ другое событіе, показывающее, что даже люди, вызвышающіеся надъ другими по своему положенію, раздѣляли нелѣпыя и грубыя представленія толпы и старались доказывать ихъ еще болѣе нелѣпыми свидѣтельствами, заимствованными изъ книгъ темнаго происхожденія. При немъ находился Приставъ, почтенный старикъ, котораго звали Ѳедоромъ. Однажды Ульфельдъ завелъ съ нашимъ Приставомъ рѣчь о дѣлахъ, касающихся Религіи и, между прочимъ, заговорилъ о грѣхахъ противъ Духа Святаго. Приставъ утверждалъ, что всякій можетъ спастись, хотя бы онъ каждодневно прибавлялъ новые грѣхи къ старымъ, лишь бы только у него явилось чувство раскаянія во грѣхахъ. Ульфельдъ отвергалъ значеніе такого покаянія и требовалъ отъ кающагося постояннаго

улучшенія и исправленія нравственности; въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, будетъ грѣхъ противъ Духа Святаго, который не отпустится ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Приставъ, напротивъ, утверждалъ, что всякій грѣхъ можетъ быть прощенъ и, въ подтвержденіе своей мысли, привелъ слѣдующій разсказъ изъ жизни Маріи Магдалины. Однажды на пути попался этой грѣшницѣ человѣкъ, который обратился къ ней съ сластолюбивымъ предложеніемъ. Она сначала отказалась, но мущина настаивалъ на своемъ и во имя Бога просилъ удовлетворить его страсти. Магдалина наконецъ склонилась; но такъ какъ она это сдѣлала во имя Божіе, то не только получила прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, но ея имя даже красными чернилами записано въ число Святыхъ. (535) Слыша подобныя исторіи, иностранцы имѣли право укорять Русскихъ въ невѣжествѣ; они благодарили Бога, что онъ удостоилъ ихъ родиться въ такой сторонѣ, гдѣ слышится его слово, а не въ сторонѣ разныхъ басенъ и выдумокъ. (536).

Недостатокъ духовнаго просвѣщенія велъ за собою другое неизбѣжное зло: отсутствіе живой устной проповѣди. Нельзя не сказать, чтобы у насъ не было церковнаго проповѣдничества: съ церковной каѳедры у насъ часто читались поученія; но то, что читалось и говорилось, не было плодомъ самостоятельныхъ трудовъ самихъ пастырей. Это было наслѣдіе древнихъ временъ Христіянской письменности. Отеческія творенія представляли собою ту обильную пищу, которою наши предки любили удовлетворять духовнымъ потребностямъ своего ума и сердца. Чтеніе Житій было не только лучшимъ и высшимъ упражненіемъ Христіянской любознательности и назидательности въ частной жизни, но оно входило даже въ составъ нашего Богослуженія. Флетчеръ замѣчаетъ, что, по прочтеніи Символа, Діяконъ обыкновенно выходилъ на средину храма и читалъ Житіе Святаго по рукописной книгѣ, которая была раздѣлена на множество частей соотвѣтственно числу дней, и читалъ на распѣвъ, какъ Евангеліе; такое чтеніе, по его словамъ, продолжалось отъ получаса до двухъ часовъ. (537) Павелъ Діяконъ тоже упоминаетъ о такихъ чтеніяхъ, пріуроченныхъ къ каждому дню; на одной Утрени бывало по три объяснительныхъ чтенія изъ Отцовъ; то же было и на другихъ частяхъ Богослуженія. (538) Флетчеръ говоритъ о своемъ времени, что Епископы каждогодно

имѣли обыкновеніе обращаться къ народу съ поученіемъ два раза: а) 1-го Сентября (Новый Годъ) и, б) въ день Іоанна Крестителя. Въ эти дни всякій Епископъ говорилъ съ церковной каѳедры слѣдующее, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто подобное: «Если кто питаетъ злобу къ своему ближнему, да оставитъ злость; если кто задумалъ измѣну противъ Государя, да удержится отъ этого; если кто не исполнилъ постовъ, обѣтовъ, или другихъ обязанностей по отношенію къ Церкви, да исправитъ эту погрѣшность» и т. п. И это все говорилось съ большою торжественностію на каѳедрѣ, которая нарочно устроивалась для этого случая, какъ будто здѣсь предлагалось обширное разсужденіе о сущности Божества. (539) По свидѣтельству Фабера, Священники занимались проповѣданіемъ слова Божія при всякомъ Богослуженіи, которое совершалось во всѣ воскресные и праздничные дни, и это слово съ одинаковою ревностію было проповѣдуемо и воспринимаемо слушателями. (540) Такимъ образомъ проповѣданіе у насъ слова Божія не прекращалось; но эта проповѣдь, какъ мы выше замѣтили, состояла въ простомъ чтеніи Евангелія и Посланій и повтореніи бесѣдъ древнихъ Отцовъ, безъ всякихъ живыхъ объясненій со стороны самихъ пастырей. У насъ вовсе не было живой, устной, проповѣди, которая была бы приноровлена къ современнымъ потребностямъ общества; не было поученій, самостоятельныхъ по складу и содержанію, такихъ поученій, которыя служили бы отзывомъ духовныхъ пастырей на современные недуги и являлись бы, какъ плодъ живаго и самостоятельнаго развитія духовно-религіозной жизни пастырей и пасомыхъ. Всѣ почти писатели XVI и XVII столѣтій до самыхъ временъ Петра Великаго одинаково утверждаютъ, что у насъ вовсе не было проповѣдей и изъясненія Библейскаго текста, и что слушателямъ съ церковной каѳедры предлагалось простое чтеніе слова Божія, Житій Святыхъ и Отеческихъ бесѣдъ. (541) Католическіе и Протестантскіе писатели съ сожалѣніемъ говорятъ объ этомъ печальномъ состояніи церковнаго проповѣдничества въ Россіи, объ этомъ отсутствіи живой проповѣди, которая служитъ единственнымъ средствомъ къ распространенію самаго Евангельскаго ученія. Если недостатокъ общаго образованія былъ причиною отсутствія у насъ такой проповѣди, то продолжительное ея отсутствіе, въ свою очередь, еще болѣе

поддерживало и укрѣпляло застой религіознаго просвѣщенія. (542) Олеарій по этому поводу замѣчаетъ, что если у Русскихъ продолжится и впередъ такой порядокъ вещей, то для нихъ нѣтъ ни какой будущности. Впрочемъ, эти сожалѣнія не чужды своекорыстныхъ цѣлей: иностранцы высказывали это сожалѣніе, по тому что въ недостаткѣ какъ общаго, такъ и въ частности религіознаго просвѣщенія, Католики и Протестанты видѣли только непреодолимое препятствіе для успѣха своей пропаганды. (543) А сами Русскіе, не только не сознавали вреда и несообразности такого состоянія вещей, а, напротивъ, считали его даже законнымъ и необходимымъ. «Въ древнія, первобытныя, времена, говорили они, Духъ Святый дѣйствовалъ на вѣрующихъ безъ особенныхъ изъясненій; точно также онъ можетъ дѣйствовать и теперь.» Въ живой проповѣди они видѣли проявленіе человѣческой гордости и притязаніе на значеніе древнихъ учителей Церкви, видѣли потытку выйти изъ послушанія Церкви и опасеніе впасть въ своевольныя еретическія мнѣнія и расколъ. По ихъ взгляду, для назиданія и обученія Евангелія достаточно было одного простаго чтенія Евангелія. «Древніе Отцы, говорили, слѣдовали этому порядку, и, однако жь, они были исполнены Св. Духа; простое назиданіе болѣе способно воздѣйствовать на умъ и сердце и на исправленіе нравовъ, нежели изъясненія глубочайшихъ тайнъ. Если же нужно изъясненіе Св. Писанія, то гораздо лучше читать въ церкви Бесѣды Отцовъ, нежели дозволять несвѣдущему человѣку, склонному къ словопрѣнію, суетному и гордому, проповѣдывать всенародно свои вымыслы, съ цѣлію привлечь вниманіе слушателей. Путемъ проповѣди выродились и распространились такія мнѣнія, которыя сдѣлались источникомъ ересей, такъ что проповѣди принесли болѣе вреда, нежели пользы.» (544) При такомъ взглядѣ на вещи, очевидно, не могло быть мѣста живой проповѣди; дѣйствительно, такія проповѣди у насъ запрещались. (545) Наши Пастыри не только не занимались такими проповѣдями, а даже вовсе не были способны и привычны къ этому дѣлу. (546) Павелъ также говоритъ, что даже высшія лица церковной іерархіи говорили съ каѳедры поученія древнихъ Отцовъ, и что такъ поступалъ самъ Никонъ. Но у того же Павла мы встрѣчаемъ свидѣтельство и о томъ, что этотъ Патріархъ не разъ говорилъ проповѣди

собственнаго сочиненія, по крайней мѣрѣ, къ дневнымъ чтеніямъ онъ прибавлялъ отъ себя объясненія. Такъ Павелъ замѣчаетъ, что на канунѣ В. Поста Никонъ говорилъ, о Страшномъ Судѣ, и не только читалъ изъ книги, но и присовокуплялъ свои объясненія. Были разные случаи, которые требовали особеннаго слова примѣнительно къ обстоятельствамъ и времени, и въ такихъ случаяхъ Никонъ тоже говорилъ отъ себя поученія. Такъ однажды въ Воскресенье Сырной Недѣли онъ уже сказалъ дневное чтеніе и поученіе, какъ вдругъ одна монахиня подходитъ къ нему и объявляетъ, что она была больна: однажды во снѣ она увидѣла Св. Митрополита Филиппа въ священномъ облаченіи и съ кадиломъ въ рукахъ; онъ сказалъ ей встать, и она встала уже здоровою. По этому случаю, замѣчаетъ Павелъ, Патріархъ Никонъ сказалъ очень длинную бесѣду. (547) Въ тотъ самый день, когда онъ громилъ Бояръ за то, что они держали въ своихъ домахъ иконы Польской живописи, онъ сначала говорилъ, готовое поученіе о почитаніи иконъ; но когда дошло до живаго дѣла, онъ оставилъ книгу и продолжалъ уже отъ себя обличать этотъ непохвальный обычай. При возвращеніи Алексѣя Михайловича изъ Польскаго похода, онъ говорилъ ему привѣтственную рѣчь тоже собственнаго сочиненія. (548) Но такіе примѣры, какъ проповѣди Патріарха Никона, составляютъ рѣдкое исключеніе, а общимъ и господствующимъ обычаемъ было удерживаться отъ собственнаго сочиненія проповѣдей. Всякая попытка нарушить строго укоренившійся обычай возбуждала преслѣдованія. Нѣкоторые болѣе образованные Пастыри пытались повернуть дѣло къ лучшему, и начинали говорить проповѣди собственнаго сочиненія, но это уклоненіе отъ преданія и принятаго обычая навлекло на нихъ гнѣвъ и преслѣдованіе начальства. Олеарій этимъ объясняетъ ссылку Протопопа Муромскаго, Лонгина. Въ 1653 году этотъ Протопопъ сталъ говорить свои проповѣди; мало того, онъ хотѣлъ ввести этотъ порядокъ во всемъ подвѣдомственномъ духовенствѣ; и дѣйствительно, онъ имѣлъ большой успѣхъ. Но Патріархъ узнавъ объ этомъ, воспылалъ на Протопопа гнѣвомъ, отрѣшилъ его отъ мѣста, предалъ проклятію и сослалъ въ Сибирь. (549)

На Югѣ Россіи и въ этомъ отношеніи замѣчались явленія болѣе угнѣтительнаго свойства, чѣмъ на Сѣверѣ. Здѣсь были

ученые Пастыри, которые сказывали проповѣди своего сочиненія. Но по селамъ и здѣсь читались Отеческія поученія. Гербиній говоритъ, что въ Юго-Западной Россіи было въ обычаѣ говорить проповѣди, хотя это дѣлалось и не такъ часто, какъ у Лютеранъ, но по селамъ и малымъ городамъ читали лишь Отеческія поученія. (550)

Привычка Русскихъ пользоваться готовыми Отеческими бесѣдами, ихъ боязнь сдѣлать новый самостоятельный шагъ въ области Вѣры и религіознаго сознанія, сказать въ этомъ случаѣ отъ себя какое ни будь слово, доходила до того, что у насъ запрещалось входить въ какія бы то ни было разсужденія о дѣлахъ Вѣры. Это запрещеніе было вызвано опасеніемъ, чтобы подобныя разсужденія не привели къ сомнѣнію въ самой Вѣрѣ и не подорвали значенія Церкви. (551) Русскіе не рѣдко вовсе отказывались входить съ иностранцами въ прѣнія о предметахъ Вѣры, причиною этого уклоненія отъ религіозныхъ споровъ, кромѣ презрѣнія къ иностранцамъ, было сознаніе собственнаго умственнаго безсилія и опасеніе обнаружить свое невѣдѣніе. Колинсъ передаетъ замѣчательное, въ этомъ случаѣ событіе изъ временъ Михайла Ѳедоровича. Этотъ Государь, говоритъ онъ, любилъ иностраацевъ и хотѣлъ выдать свою дочь за Вольдемара, сына Датскаго Короля, но духовенство воспротивилось этому браку на томъ основаніи, что женихъ былъ еретикъ. Вольдемаръ просилъ, чтобы его Пасторамъ было позволено говорить въ защиту своей Вѣры, но наши Священники отказались отъ состязанія, Царь очень разсердился на нихъ за это и замѣтилъ имъ, что, опасаясь подвергнуть свою Вѣру испытанію, они тѣмъ самымъ возбуждаютъ въ другихъ сомнѣніе въ ея твердости. (552) Если же Русскіе иногда и вступали съ иностранцами въ религіозныя прѣнія, то въ этихъ случаяхъ они всегда старались держаться на твердой почвѣ преданія, всегда прибѣгали подъ защиту древнихъ Отцовъ и Учителей. Преданіе древности было у нихъ твердою почвою, съ которой ничто не могло свести ихъ. «Какъ вѣрили наши предки, такъ вѣруемъ и мы;» вотъ обыкновенное доказательство Русскихъ въ подобныхъ разсужденіяхъ. Если у нихъ требуешь свидѣтельства изъ Св. Писанія въ доказательство ихъ вѣроученія, то они лишь скажутъ, что такъ написано въ книгахъ, переданныхъ имъ отъ отцовъ.» (553) Объ эту древнюю

ограду разбивались всѣ нападенія просвѣщенныхъ Католиковъ и Протестантовъ, которымъ случалось вступать съ Русскими въ состязанія. Въ подобныхъ случаяхъ Русскіе нерѣдко отдѣлывались молчаніемъ, то повторяли не идущія къ дѣлу выраженія, то уничтожали во всѣхъ противникахъ самую охоту къ такимъ состязаніямъ своею бранью и грубыми рѣчами, какъ это, напримѣръ, случилось въ Казани съ Олеаріемъ. Все это доказывало умственную слабость Русскихъ, ихъ неспособность защищать важность Откровенныхъ истинъ и Православія. Чувствуя собственное безсиліе, они естественно должны были прибѣгать къ чужой помощи, къ чужому значенію. Эту помощь и значеніе они находили въ преданіи Церкви, въ ученіи Отцовъ, вообще въ примѣрахъ прошедшаго времени, которымъ они подражали, какъ дѣти. Во имя этого значенія Русскій человѣкъ не разъ отказывался отъ права высказать собственное мнѣніе, и часто ссылался на волю Царя и Патріарха. Само Правительство иногда внушало своимъ Посламъ, которыхъ отправляло къ Папѣ и Западнымъ Государямъ, держаться этого способа при подобныхъ разсужденіяхъ; въ этихъ случаяхъ, они должны были говорить, что они объ этомъ не могутъ имѣть собственнаго сужденія, что разсуждать о такихъ вещахъ дѣло Царя и Патріарха. Писатели XVI и XVII столѣтій единогласно утверждаютъ, что въ Россіи были запрещены всякія разсужденія о предметахъ Вѣры, а кто вдавался въ это споры, тотъ подвергался большимъ опасностямъ. (554) Сюда относится слѣдующій случай, бывшій въ Нижнемъ Новгородѣ, который приводится у Олеарія. Одинъ тамошній монахъ не разъ вступалъ съ Пасторомъ въ разсужденія по религіознымъ вопросамъ. Патріархъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ вызвалъ монаха въ Москву и здѣсь подвергъ допросу, по какимъ причинамъ онъ вступалъ въ частныя сношенія съ Пасторомъ и разсуждалъ съ нимъ о Вѣрѣ? Къ счастію, монахъ придумалъ очень удачный отвѣтъ, который спасъ его отъ наказанія. Онъ объяснилъ, что этотъ Пасторъ изъявилъ свое сочувствіе къ Православному ученію и просилъ его наставленій въ Вѣрѣ, и что онъ уже на пути къ достиженію своей цѣли. Послѣ этого Патріархъ велѣлъ его отпустить. (555) Духовная власть тщательно заботилась, чтобы Русскіе не вступали съ иностранцами въ разговоръ о религіозныхъ разностяхъ и вѣрованіяхъ, изъ опасенія, чтобы

иностранцы, какъ болѣе умные, не соблазняли Православныхъ. Таннеръ разсказываетъ о печальной судьбѣ того Священника, съ которымъ онъ вступалъ въ разсужденіе о различіи крестнаго знаменія у Православныхъ и Католиковъ. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Патріярха, то онъ просилъ Царя запретить Посламъ входить въ разсужденія съ Русскими объ этѣхъ вещахъ, по тому что иначе, говорилъ онъ, можетъ вспыхнуть народное возмущеніе противъ иностранцевъ, а неосторожнаго Священника велѣлъ заключить. Желаніе Патріярха было исполнено. Когда Послы Польскаго Короля хотѣли вести рѣчь объ этомъ въ собраніи Бояръ, то имъ сейчасъ сказали, чтобы они перестали говорить о томъ, а между тѣмъ Священникъ пробылъ въ заключеніи все время этого Посольства. (556)

Русскіе вообще отвергали всякія разсужденія о предметахъ Вѣры и избѣгали подобныхъ прѣній не только съ иностранцами, а даже между собою. Они избѣгали философствованія и всякихъ изслѣдованій, которыя могли бы привести къ уклоненію отъ принятыхъ вѣрованій и убѣжденій; они отзывались о Философіи, что она ведетъ только къ различію мнѣній и служитъ препятствіемъ къ упражненію въ благочестіи и въ то же время внушаетъ суетную гордость, и такимъ образомъ въ концѣ разрушаетъ простоту Христіянской Вѣры. (557) На каждый вопросъ они искали готоваго отвѣта у Отцовъ, а свободное и самостоятельное изслѣдованіе они уже считали посягательствомъ на ихъ значеніе; они какъ бы не довѣряли собственнымъ силамъ, или опасались, чтобы эти разсужденія не привели ихъ къ уклоненію отъ переданныхъ имъ истинъ. (558) Преданіе служило для Русскаго человѣка мѣриломъ его взглядовъ и рѣшеній на всѣ встрѣчающіеся вопросы: отсюда онъ черпалъ запасъ готовыхъ свѣдѣній, которыя должны были служить основаніемъ для его собственныхъ сужденій; онъ гналъ отъ себя даже попытку сказать въ подобныхъ разсужденіяхъ какое нибудь слово отъ себя. Русскіе не только старались держаться образа мыслей Отцовъ, но даже употребляли ихъ собственныя слова и выраженія, при чемъ они не допускали ни малѣйшаго уклоненія отъ ихъ ученія и не позволяли ни малѣйшаго сомнѣнія въ немъ. (559) Иностранцы представляютъ Русскихъ очень упорными въ своихъ мнѣніяхъ, отъ которыхъ они ни за что не

хотѣли отступать. Русскіе или вовсе не слушали возраженія своихъ противниковъ, или если и выслушивали, то лишь ради смѣха и забавы. (560) «Измучьте 100 Русскихъ, говоритъ Гербиній, умертвите 1,000, и изъ нихъ едва одинъ отпадетъ отъ Вѣры своихъ отцовъ. (561) А Фаберъ отзывается объ Русскихъ, что они ни чего не допускали, что не согласно и, такъ сказать, не пропитано было духомъ Евангельской чистоты и Православія, которое они хранятъ чистымъ и неприкосновеннымъ въ теченіи вѣковъ. (562)

Въ такомъ воззрѣніи на преданіе и догматы Вѣры уже лежало основаніе строгаго преслѣдованія всякой ереси и всякаго отступленія отъ обычныхъ вѣрованій и убѣжденій; въ этомъ воззрѣніи уже заранѣе должны были выслушать свой приговоръ всякій расколъ и свободомысліе. Этимъ объясняется также строгая опека Правительственной власти надъ умами и совѣстію подданныхъ. Коснуться неосторожнымъ словомъ преданія, обнаружить какое ни будь сомнѣніе, значило навлечь на себя законное преслѣдованіе. Кто осмѣливался противорѣчить догматамъ, или обрядамъ, или сказать что ни будь противъ Святыхъ, тотъ необходимо долженъ былъ подвергнуться большому наказанію. (563) Церковная и гражданская власть одинаково наблюдала за благомысліемъ и поведеніемъ подданныхъ, и подвергала суду и наказанію виновныхъ. Церковная власть передавала такихъ людей въ руки гражданскаго правосудія, которое ихъ подвергало большему, или меньшему, наказанію, смотря по мѣрѣ ихъ вины, а иногда казнило даже смертію. (564) Флетчеръ говоритъ, что у насъ хотя не было инквизиціи, но еретиковъ заключали въ темницу, подвергали пыткамъ. Его слова подтверждаетъ Колинсъ, который описываетъ самое автодафе, бывшее у насъ въ обычаѣ: еретикъ выходитъ на крышу небольшаго домика и оттуда спрыгиваетъ во внутренность, за тѣмъ на него бросали солому съ лучиной и пламя скоро его задушало. (565) Рейтенфельсъ передаетъ, что еретиковъ сажали въ клѣтки и въ нихъ сожигали. (566) Строгая опека власти стѣсняла свободу совѣсти и мысли. Значеніе церковнаго ученія на все налагало свое утвержденіе; всѣ вопросы, относящіеся не только къ предметамъ Вѣры, но и касающіеся житейскаго быта, принадлежащіе къ области естественной любознательности и чистому зна-

нію, рѣшались на основаніи указаній и представленій содержащихся въ Отеческихъ твореніяхъ. Вотъ по чему мы видимъ, что у насъ, вмѣстѣ съ дѣйствительными суевѣріями и обычаями, противными Христіянскому ученію, запрещались и такія занятія, которыя не имѣли ни какого отношенія къ Вѣрѣ. Хотя такое смѣшеніе богодухновенныхъ писаній, Отеческихъ твореній и произведеній естественнаго человѣческаго ума неосновательно, но, при тогдашнемъ состояніи у насъ просвѣщенія и общемъ складѣ жизни, это было естественно: тогда духовная и свѣтская власть, область Вѣры и знанія, еще не отдѣлялись рѣзко другъ отъ друга. При такомъ порядкѣ вещей было естественно ожидать, что всякая попытка рѣшить тотъ, или другой, вопросъ человѣческаго вѣдѣнія иначе, нежели какъ онъ рѣшался доселѣ, должна была вызвать преслѣдованія. Понятно также, что еще большему преслѣдованію должны были подвернуться лица, преданныя занятіямъ, которыя дотолѣ были не извѣстны Русскимъ и которыя, по своей новизнѣ, должны были внушить сомнѣнія касательно чистоты своего происхожденія. Иногда въ подобныхъ случаяхъ подвергались преслѣдованію мнѣнія дѣйствительно противныя не только Православію, но и Христіянству, но иногда такой же участи подвергались и занятія, совершенно невинныя, возбуждавшія преслѣдованіе собственно по тому, что Русскіе ихъ вовсе не понимали. У нашихъ писателей есть данныя, относящіяся къ тому и другому случаю. Вармундъ разсказываетъ намъ печальную судьбу Кульмана и Нордермана. Кульманъ былъ родомъ изъ Силезіи; въ Лейденѣ онъ сталъ извѣстенъ своими ясновидѣніями; тамошній Университетъ съ позоромъ выгналъ его изъ города; такую же неудачу онъ испыталъ въ Англіи, откуда перешелъ въ Россію. Въ Москвѣ онъ поселился у Нѣмца Нордермана, тоже чудовищнаго мечтателя, который, между прочимъ, училъ, что Іисусъ Христосъ еще разъ прійдетъ на землю въ качествѣ великаго пророка, сдѣлаетъ великія чудеса, обратитъ всѣхъ грѣшниковъ и возьметъ ихъ въ свое Царство. Ему совѣтовали быть очень осторожнымъ, но чѣмъ болѣе его убѣждали, тѣмъ большую, съ своей стороны, онъ высказывалъ настойчивость и упорство въ своихъ мнѣніяхъ: онъ даже написалъ объ этомъ предметѣ небольшое сочиненіе на Русскомъ языкѣ и показалъ его одному Правительственному лицу, у котораго просилъ ходайства для напечатанія

его. Это лицо, видно, было расположено къ нему и всячески уговаривало его оставить опасное предпріятіе, за которое ему грозилъ костеръ. Не смотря, однако жь, на эти внушенія, Нордманъ не отсталъ отъ своей мысли: онъ самъ явился въ Типографію и тамъ просилъ напечатать его сочиненіе; но завѣдывающій Типографіей сказалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія Патріярха, и рукопись была имъ доставлена Патріярху. Увидѣвъ, что книга наполнена безразсудными мнѣніями, Патріярхъ велѣлъ сейчасъ посадить Кульмана и Нордермана въ темницу; и такъ какъ ни тотъ, ни другой, не хотѣли отказаться отъ своихъ заблужденій, то оба они и были сожжены. (567) Изъ этого разсказа, по крайней мѣрѣ, видно, что Кульманъ и Нордманъ пострадали, какъ еретики, распространявшіе ложныя и чуждыя Православію и Христіянству мнѣнія: въ ихъ дѣлѣ была замѣшана Вѣра. Но у нашихъ писателей встрѣчаются данныя, гдѣ только одно невѣжество представляется гонителемъ научныхъ опытовъ и знаній, которые ему были чужды. Все, что выходило изъ ряда представленій и понятій, вычитанныхъ изъ Отеческихъ твореній, Житій Святыхъ и разныхъ сборниковъ отреченной и неотреченной письменности, все новое, небывалое, должно было казаться нашимъ предкамъ опаснымъ изобрѣтеніемъ темныхъ силъ, дьявольскимъ навожденіемъ. Когда Олеарій показалъ Русскимъ камеру-обскуру, то они сочли его волхвомъ. (568) Перри разсказываетъ другой случай, относящійся къ болѣе позднему времени. Персидское Правительство отправило въ Данію Посольство, которое по пути останавливалось въ Москвѣ. При этомъ Посольствѣ находился Секретаремъ одинъ ученый математикъ, который вычислилъ, что въ извѣстный день и часъ должно было наступить полное солнечное затмѣніе. Слухъ объ этомъ распространился по городу. Русскіе сначала не вѣрили и называли это предсказаніе пустымъ притязаніемъ человѣческой гордости, которая хочетъ знать то, что извѣстно одному Богу. Секретарь, однако, замѣтилъ, что предъ окнами его дома останавливается любопытная толпа. Но когда въ назначенное время дѣйствительно наступило солнечное затмѣніе, эта толпа повалила на его дворъ и требовала выдачи его, какъ чародѣя, котораго слѣдовало возвести на костеръ, или растерзать на части. Правительство должно было приставить къ его дому нарочную стражу для охраненія его отъ

ярости народной, и на другой же день постаралось тайкомъ выпроводить его изъ Москвы. (569) У нашихъ писателей встрѣчаются и другія данныя подобнаго же рода. При недостаткѣ просвѣщенія, у насъ не могло быть соблазновъ для Вѣры со стороны какихъ ни будь научныхъ открытій и свѣдѣній, но и у насъ были попытки ересей, которыя также должны были подвергнуться преслѣдованію. Рейтенфельсъ разсказываетъ, что двѣ знатныя женщины, часто читавшія Священное Писаніе, высказали мнѣніе, что слѣдовало бы измѣнить нѣкоторые обряды. Но Царь и Патріархъ объявили имъ, что если онѣ не исправятся, то имъ перебьютъ колѣни. (570) Жертвою строгой вѣрности преданію и привязанности Русскаго народа къ старинѣ сдѣлался и Максимъ Грекъ. Иностранцы объясняютъ его паденіе недовольствомъ и местію Русскихъ, которыхъ нелюбовь онъ заслужилъ неосторожною критикою нѣкоторыхъ неисправностей въ ихъ Богослужебныхъ книгахъ. Впрочемъ, свѣдѣнія объ его участи передаются различно. Герберштейнъ говоритъ, что онъ, по просьбѣ Московскаго Правительства, былъ присланъ Константинопольскимъ Патріархомъ и смѣло высказывалъ Великому Князю, Василію, что Русскіе отступили не только отъ Латинскихъ, но и отъ Греческихъ, догматовъ и обрядовъ, и хотя Князь питалъ къ нему большое уваженіе, но онъ пропалъ неизвѣстнымъ образомъ: ходилъ слухъ, что его утопили, (571) а по словамъ Посевина, онъ умеръ въ темницѣ. (572) Одинъ Кафскій купецъ, родомъ Грекъ, высказывалъ Русскимъ тѣ же обличенія, которыя имъ дѣлалъ и Максимъ Грекъ, но за это онъ былъ приговоренъ къ смерти, отъ которой не спасло его и ходатайство Турецкаго Посла, а другой Грекъ, Георгій, который раздѣлялъ такія же убѣжденія, подвергся опалѣ и былъ лишенъ всѣхъ должностей, а онъ былъ высшимъ совѣтникомъ Князя. (573). У Регенвольскаго мы встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій о печальной участи извѣстныхъ Русскихъ еретиковъ XVI вѣка. Въ 1552 г. изъ внутренней Россіи прибыли въ Витебскъ три монаха: Ѳеодосій, Артемій и Ѳома. О дѣятельности ихъ въ Россіи Регенвольскій говоритъ, что они, съ однимъ знаніемъ только роднаго языка и грамоты, возстали противъ неумѣреннаго почитанія образовъ, и сначала выбросили иконы изъ домовъ, а потомъ изъ храмовъ, и стали учить народъ призывать Бога чрезъ одного Іисуса Христа. Но они не могли обратить преданнаго

этому почитанію народа, между тѣмъ духовныя лица подняли противъ нихъ кровавыя преслѣдованія. Тогда они удалились въ Литву, гдѣ была большая свобода совѣсти. Ѳеодосій, 80 лѣтній старикъ, перешелъ потомъ въ сѣверную часть Литвы, Артемій удалился къ Воеводѣ Слуцкому, а Ѳома, который изъ нихъ былъ болѣе ученъ, былъ посланъ въ Полоцкъ для назиданія вѣрующихъ: онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ этомъ служеніи и запечатлѣлъ его своею смертію, погибши отъ мщенія Русскихъ, которые хотѣли примѣрно его наказать, какъ измѣнника Вѣрѣ. Это случилось въ 1563 г.: въ этомъ году Полоцкъ былъ взятъ Грознымъ, Ѳома сдѣлался плѣнникомъ: онъ былъ выведенъ на рѣку, и его голова была пущена подъ ледъ. (574) Послѣ того какъ наши Старообрядцы были отлучены на Соборѣ 1666 г., они тоже подверглись строгимъ преслѣдованіямъ. Бергъ разсказываетъ, что въ его время часть Раскольниковъ отъ преслѣдованія бѣжала въ Ингрію, но Шведское войско въ одну ночь произвело между ними страшныя убійства, отъ которыхъ они принуждены были бѣжать назадъ въ Россію. (575)

Послѣ всего сказаннаго не остается ни какого сомнѣнія въ томъ, что Россія казалась иностранцамъ XVI и XVII вѣковъ страною невѣжественныхъ людей. Гдѣ же скрывался источникъ такого печальнаго у насъ состоянія просвѣщенія? Какія были историческія причины и обстоятельства, обусловливавшія и поддерживавшія такой порядокъ вещей? Отвѣтъ, который мы встрѣчаемъ на этотъ вопросъ у иностранцевъ, грѣшитъ противъ исторической правды. Иностранцы обвиняютъ въ недостаткѣ религіознаго и вообще умственнаго просвѣщенія среди народа, и въ грубомъ, намѣренномъ, удерживаніи его во тьмѣ невѣжества: 1, духовенство, де, нарочно держало народъ въ невѣдѣніи и боялось всего, что могло бы заронить въ его среду искру просвѣщенія, и такимъ образомъ обличило бы его собственное невѣжество; по тѣмъ же причинамъ оно возбраняло доступъ въ Россію иностраннымъ богословамъ и духовнымъ лицамъ, чтобы не подорвали проповѣдуемой имъ Вѣры. (576) Оно возставало даже противъ общаго образованія и внушало Царямъ мысль, что изученіе чужихъ языковъ поведетъ къ измѣненію самыхъ обычаевъ и къ опаснымъ для Церкви и Государства новизнамъ. Такъ, когда Борисъ Годуновъ хотѣлъ завести въ Россіи училища по образцу

Европейскихъ, духовенство воспротивилось ему въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ. Оно представило Царю на видъ, что доселѣ въ Россіи господствовало единовѣріе, единоправіе; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ, появится расколъ и отпаденіе отъ Вѣры. Говорили даже, что хотя училища и были полезны для иностранцевъ, но ни какъ не для Русскихъ. Происканъ духовенства приписывали даже пожаръ, истребившій Типографію въ Москвѣ: оно считало вредными и опасными всѣ книги, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ говорилось объ исторіи ихъ страны, о побѣдахъ ихъ Государей и чудесахъ ихъ Святыхъ. (577), Далѣе, 2, иностранцы обвиняютъ въ невѣжествѣ народа свѣтское Правительство, Бояръ и Государей, которые, по ихъ словамъ, также боялись, чтобы просвѣщеніе не разсторгло узъ рабства, въ которыхъ они держали народъ. (578) По словамъ Флетчера, Иванъ Грозный поддерживалъ именно такую Религію, которая болѣе всего соотвѣтствовала Самодержавію. (579) А Посевинъ передаетъ, что этотъ Государь для того именно затрудняетъ своимъ подданнымъ ѣздить за границу для образованія, чтобы кто ни будь не могъ превзойти его въ знаніи. Въ училищахъ будущіе Священники ограничивались грамотою и чтеніемъ Житій и Отеческихъ твореній; а кто обнаруживалъ охоту и намѣреніе усовершенствовать свои познанія, тотъ уже чрезъ это становился подозрительнымъ человѣкомъ, и его любознательность не оставалась безнаказанною. И это запрещеніе будто поддерживалось не столько тѣмъ соображеніемъ, чтобы избѣжать ересей, которыя могли бы родиться при такомъ порядкѣ вещей, сколько тѣмъ, чтобы пересѣчь другимъ путь къ достиженію такого образованія, которое ставило бы ихъ выше Царя. (580) Вотъ еще случай изъ временъ Ивана Грознаго: Одинъ купецъ привезъ множество Календарей изъ за границы: Царь велѣлъ принесть себѣ нѣсколько экземпляровъ. Этѣ книги показались очень мудреными: самъ Царь не понималъ въ нихъ ни слова. Опасаясь, чтобы народъ не научился такой же мудрости, онъ приказалъ всѣ Календари свезти во дворецъ, купцу выдать за нихъ деньги, а самые Календари сжечь. Боярин Головинъ хотѣлъ учиться иностраннымъ языкамъ; но этого нельзя было дѣлать открыто, и по тому къ нему тайно приходили два учителя, Нѣмецъ и Полякъ, который зналъ Латинскій языкъ. Они являлись къ нему переодѣтые въ

Русское платье: тутъ они занимались въ комнатѣ, и читали Нѣмецкія и Латинскія книги. Маскевичъ, который передаетъ это, даже видѣлъ опыты переводовъ этого Боярина. (581)

Доселѣ мы видѣли, что иностранцы предъ нами изображаютъ одну мрачную картину всеобщаго невѣжества въ Россіи; но хотя, такъ сказать, окраска этой картины остается та же, даже и послѣ сопоставленія этихъ данныхъ съ данными другого рода, однако, нельзя не замѣтить, что эти же самые писатели указываютъ и болѣе свѣтлыя явленія. Значительную перемѣну къ лучшему въ этомъ отношеніи иностранцы замѣчаютъ съ половины XVII вѣка: съ тѣхъ поръ, по ихъ словамъ, духовное и свѣтское Правительство одинаково стало заботиться объ устройствѣ училищъ. Такимъ образомъ была учреждено высшее училище, въ которомъ получали образованіе дѣти Бояръ и изучали Латинскій и Греческій языки; главнымъ заправителемъ школы былъ Арсеній Грекъ. Когда Олеарій впервые получилъ извѣстіе объ основаніи этого училища, онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не выразить своего удивленія по этому случаю, особенно въ виду тѣхъ поразительныхъ примѣровъ невѣжества, съ которыми ему пришлось нѣсколько предъ этимъ познакомиться собственнымъ опытомъ. Изъ предѣловъ Голштиніи онъ привѣтствовалъ это отрадное у насъ явленіе и желалъ этому училищу такого успѣха, чтобы оно сдѣлало Русскихъ способными читать Отцовъ и Учителей Церкви въ подлинникѣ, для того, чтобы они могли обратиться къ лучшему образу мыслей. (582) Бергъ замѣчаетъ, что въ его время въ этому училищѣ обучалось болѣе 100 юношей Латинскому, Греческому и Славянскому языкамъ; а судя по письму одного Нѣмца, жившаго въ Россіи, Глика, которое онъ 1703 году писалъ своему земляку за границу, въ самомъ началѣ XVIII вѣка въ немъ было около 300 воспитанниковъ, и Правительство намѣревалось еще устроить Академію. (583) Другимъ средоточіемъ духовнаго просвѣщенія, еще болѣе древнимъ и высшимъ, была Кіевская Академія. Изъ ученыхъ этого времени, принадлежавшихъ по воспитанію этому училищу, Главинскъ упоминаетъ объ Епифаніѣ Славинецкомъ, который хорошо говорилъ по Гречески и по Латыни. Въ этой Академіи получали особое Богословское и Философское образованіе; при ней была большая Библіотека Латинскихъ и Греческихъ книгъ. (584) Перри замѣчаетъ, что, кромѣ этой Академіи, во всей Россіи не

было другаго училища, которое подготовляло бы достойныхъ и способныхъ къ занятію священныхъ степеней лицъ. (585) Въ то же время въ другихъ мѣстахъ заводились и низшія училища; число сельскихъ школъ при церквахъ болѣе и болѣе увеличивалось, такъ что въ концѣ XVII вѣка Бергъ уже могъ писать, что этѣ школы находились въ каждой большой деревнѣ, а въ городахъ бывало ихъ даже по нѣскольку; въ свое время онъ уже считалъ строгій отзывъ Олеарія и другихъ писателей о всеобщемъ невѣжествѣ Русскихъ и отсутствіи у нихъ школъ несовременностью. Онъ нападаетъ на Таландера, который, пиша уже во 2-й половинѣ XVII вѣка, повторялъ то, что задолго прежде сказано было Посевиномъ и другими, и что находилось въ явномъ противорѣчіи съ существовавшей Славяно-Греко-Латинской Академіей. За то Бергъ отвергаетъ свидѣтельства многихъ прежнихъ писателей о томъ, будто въ нашихъ училищахъ изучали исторію дѣяній Александра Македонскаго, на томъ основаніи, что самъ онъ не видалъ этой книги въ нашихъ училищахъ. Къ прежнему начертанію обученія въ церковно-приходскихъ школахъ, какое существовало во времена Ордерборна и Петрея, онъ прибавляетъ еще Славянскую Грамматику Смотрицкаго. (586) Изъ этѣхъ школъ выходили ищущіе священства уже съ большимъ запасомъ познаній, чѣмъ прежде; теперь уже можно было встрѣтить и болѣе образованныхъ Священниковъ, которые получали образованіе въ учрежденныхъ для духовенства училищахъ; нѣкоторыя лица изъ высшаго духовенства умѣли даже говорить на иностранныхъ языкахъ; теперь нѣкоторые Архіереи уже говорили проповѣди собственнаго сочиненія въ присутствіи Царя. Петръ Великій велѣлъ перевести многія книги религіознаго и нравственнаго содержанія и напечатать въ Москвѣ для разсылки по всѣмъ мѣстамъ. (587) Кромѣ училищъ, устроиваемыхъ Правительствомъ, стали заводить ихъ и частныя лица. Бергъ упоминаетъ объ одномъ такомъ училищѣ, которое содержалось плѣннымъ Нѣмцемъ, Гликомъ, но это право имѣть школу стоило ему перемѣны Вѣры. Въ тоже время Католическіе Патеры открыли свое училище, въ которомъ учили дѣтей знатныхъ лицъ, Англичане учили Математикѣ и корабельному искуству. (588) Такимъ образомъ уже общее образованіе мало по малу пріобрѣтало у насъ право гражданства. Гербиній, въ 70-хъ годахъ XVII вѣка, уже могъ писать, что у насъ Астрономическія

свѣдѣнія не только сдѣлались терпимы, но что Царь даже приказалъ печатать ежегодно, и обнародывать извѣстія о большихъ праздникахъ и годичныя предсказанія. (589) Теперь уже и внѣ духовной среды можно было встрѣтить немало лицъ, которыя знали по нѣскольку иностранныхъ языковъ. Олеарій еще въ свое время писалъ, что Думный Дьякъ Алмазъ (Almas) Ивановичъ, бывшій при Посольствѣ въ Турціи и Персіи, въ скоромъ времени изучилъ эти языки и могъ объясняться съ иностранцами безъ помощи переводчика. (590) Главиничъ съ уваженіемъ упоминаетъ имя другого просвѣщеннаго Государственнаго дѣятеля, Ѳедора Михайловича Ртищева, который такъ научился Латыни у Доминиканца, что могъ понимать всякій разговоръ на этомъ языкѣ, хотя самъ не могъ изъясняться на немъ. А Нащокинъ объѣхалъ всю Европу и говорилъ по Латыни, по Французски и по Нѣмецки. Бояринъ Матвѣевъ держалъ у себя Поляка, который обучалъ его сына по Латыни. (591) Иностранцы не отказываютъ Русскимъ въ ихъ природныхъ дарованіяхъ и сознаются, что между ними можно было встрѣтить людей съ отличнымъ умомъ и памятію. (592) А Павелъ Діяконъ даже удивлялся ихъ познаніямъ и любви къ просвѣщенію. Мы уже видѣли, съ какою похвалою въ этомъ случаѣ онъ отзывается о Кіевскихъ монахиняхъ. Но въ Московскомъ Государствѣ ему не меньше, если даже не больше, пришлось удивляться мудрости и обширнымъ знаніямъ Русскихъ. Онъ отзывается объ Алексѣѣ Михайловичѣ и Патріархѣ Никонѣ, что они питали большую любовь къ просвѣщенію. Въ средѣ Бояръ онъ замѣчалъ такую же любознательность, которая иногда доходила до страсти. Такъ онъ о Воеводѣ, жившемъ въ Калугѣ, дѣлаетъ замѣчаніе, что это былъ человѣкъ со всесторонним образованіемъ: онъ былъ свѣдущъ въ Законовѣдѣніи, былъ знатокъ Философіи и Логики, охотникъ до утонченныхъ вопросовъ и глубокихъ изслѣдованій. Онъ говоритъ, что Русскіе Бояре тщательно заботились о своемъ просвѣщеніи: въ домѣ каждаго изъ нихъ можно было найти нѣсколько тысячь большихъ книгъ, которыя они любили читать день и ночь. Вообще, что касается учебныхъ пособій и запаса книгъ, то Павелъ въ этомъ отношеніи даетъ даже предпочтеніе Великороссіи предъ страною Козаковъ, какъ онъ обыкновенно называетъ Южную Россію. И въ Кіевѣ Сирійскіе путешественники

видали у Господъ большіе склады книгъ, но все это не могло ити и въ сравненіе съ тѣмъ, что они видѣли потомъ въ Московіи, гдѣ, по ихъ словамъ, очень любили просвѣщеніе. Русскіе, говоритъ Павелъ, отлично знали исторію Сиріи. Калужскій Воевода озадачилъ, и даже привелъ въ тупикъ, самаго Патріярха Макарія своимъ вопросомъ о лѣтосчисленіи. Онъ находилъ несообразность въ различномъ счетѣ времени отъ сотворенія міра: 1654-й годъ (когда это было дѣло), по принятому у насъ счету времени, считался 7162 годомъ отъ сотворенія міра, между тѣмъ какъ этотъ счетъ противорѣчилъ сложной суммѣ годовъ, взятыхъ отдѣльно до Рождества Христова и послѣ, по тому что, на основаніи Библейскаго счисленія, отъ сотворенія міра до Рождества Христова принято было считать 5500 лѣтъ, а отъ Рождества Христова до того времени, о которомъ идетъ рѣчь, прошло 1654 года, и того въ суммѣ выходило только 7154 года: такимъ образомъ разность была въ 8 годахъ. Теперь Воевода просилъ Патріарха Макарія объяснить этотъ лишекъ годовъ до Рождества Христова. Но наши путешественники не могли удовлетворить его любознательности: они отвѣчали, что они справлялись уже объ этомъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, но нигдѣ не получили удовлетворительнаго отвѣта. Въ послѣдствіи они справились съ древними Греческими книгами и узнали, что воплощеніе Спасителя совершилось не чрезъ 5500, а чрезъ 5508 лѣтъ отъ сотворенія міра. (593) Павелъ замѣчаетъ, что Русскіе очень любили запутывать другихъ вопросами, особенно людей, которые слыли учеными. Однажды прибылъ въ Россію Греческій Епископъ, который былъ извѣстенъ, какъ Философъ. Русскіе ему задали вопросъ: «Есть ли въ Священномъ Писаніи какое ни будь свидѣтельство касательно обычая употреблять въ Пасху красныя яица?» Епископъ привелъ имъ слова Исаіи Пророка (LXIII, 1): «Кто сей, пришедый отъ Едома, червлены ризы Его отъ Восора?» Послѣ такого свидѣтельства Русскіе замолчали. (594)

VI. РЕЛИГІОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ ВЪ РОССІИ И ОТНОШЕНІЕ РУССКИХЪ КЪ ИНОВѢРЦАМЪ И ВООБЩЕ ИНОСТРАНЦАМЪ.

Русскіе въ своихъ отношеніяхъ къ иностранцамъ руководствовались религіозными соображеніями и чувствованіями. Вотъ по чему эти отношенія, составляя одно изъ замѣчательнѣйшихъ

явленій въ области нравственно-практической ихъ жизни, могутъ служить матеріяломъ для обозначенія ихъ нравственно-религіознаго быта. Такъ какъ эти отношенія имѣли необыкновенную важность для иностранцевъ, особенно иновѣрныхъ, по тому что отъ этого зависѣли ихъ права и положеніе среди Русскихъ, то они обращали на это обстоятельство весьма большое вниманіе, и по тому въ ихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ весьма много данныхъ, относящихся къ обозначенію этихъ отношеній. А по тому мы воспользуемся этимъ матеріяломъ, для описанія той стороны религіознаго быта народа, которая оставляется въ тѣни составителями церковныхъ исторій и тому подобныхъ частныхъ церковно-историческихъ сочиненій, но которая на самомъ дѣлѣ составляетъ весьма важную часть въ религіозномъ быту народа, какъ по своему существу, такъ въ особенности по многочисленности и разнообразію своихъ частныхъ проявленій въ его повседневной жизни.

Въ описываемую нами пору Россія, точно также какъ и теперь, по Географическому своему положенію, отдѣляла Восточный Православный міръ отъ Западнаго. Тотъ и другой міръ приходилъ въ частое соприкосновеніе съ Русскимъ Государствомъ, но отношенія Русскихъ къ тому и другому міру были различны. Это различіе главнымъ образомъ основывалось на Вѣроисповѣданіи, которое отдѣляло Русскихъ отъ Западныхъ Христіянъ и связывало ихъ съ единовѣрными братіями Востока. Такимъ образомъ, отношенія Русскихъ къ иностранцамъ вообще естественнымъ образомъ раздѣляются на двѣ части: 1, на отношенія къ міру не Православному, и 2, къ Православному.

1. Отношенія къ не Православному міру.

Въ свою очередь, выражались въ двухъ различныхъ направленіяхъ: а, положительномъ, и б, отрицательномъ. Въ первомъ случаѣ религіозное чувство Русскихъ склонялось къ тому, чтобы убѣждать не Православныхъ иностранцевъ къ послушанію Вѣрѣ Христовой; въ послѣднемъ само удалялось отъ нихъ, какъ отъ неправомыслящихъ.

а. Положительная сторона отношеній.

Въ XVI и XVII вѣкѣ въ Россіи, и особенно въ Москвѣ, проживало немало иностранцевъ; число ихъ особенно умножалось съ смутнаго времени, послѣ котораго въ Россіи осталось много

иностранцевъ, особенно Французовъ. При тогдашнемъ взглядѣ и отношеніи Русскихъ къ иностранцамъ, эти люди были только терпимы у насъ, но не пользовались полными правами гражданства; для этого необходимо было принять Православіе. Это обстоятельство дѣйствительно многихъ заставляло принимать Православіе. Но, къ сожалѣнію, принимавшія его лица не всегда руководились при этомъ чистыми побужденіями. Весьма многіе иностранцы, въ томъ числѣ Герберштейнъ и Олеарій, одинаково утверждаютъ, что только преступники, бѣжавшіе отъ законнаго наказанія, и безчестные люди мѣняли свою Вѣру по сустнымъ побужденіямъ и принимали Религію Русскихъ; но, достигнувъ своихъ цѣлей, они за тѣмъ не заботились болѣе знать ни Вѣры Русскихъ, ни ихъ языка. (595) И надобно сказать, что эти лица не ошибались въ своихъ разсчетахъ. Наши Цари и высшія лица постоянно заботились о привлеченіи въ нѣдра своей Церкви лицъ изъ среды проживавшихъ у насъ иностранцевъ, и рады были всякому случаю обращенія. Многіе писатели замѣчаютъ, что Русскіе были чрезвычайно ревнивы къ чести своего Православія и всячески старались привлекать къ нему лицъ изъ чужой среды; по ихъ словамъ, не было другого народа, который такъ ревниво защищалъ бы свою Вѣру отъ всякихъ возраженій и навязывалъ ее другимъ, какъ Русскіе. Русскіе покровительствовали тѣмъ, которые принимали Православіе; воспріемниками такихъ лицъ обыкновенно бывали Князья, или Бояре; Царь давалъ новокрещенному въ подарокъ большее, или меньшее, количество денегъ, смотря по важности его покровителей и, сверхъ того, ему еще пожизненно выдавали годичное содержаніе, соотвѣтственно его состоянію. (596) Такъ, на примѣръ, Леслею при Михаилѣ Ѳедоровичѣ дано было при крещеніи 3,000 р. и, сверхъ того, доходное мѣсто. На присоединявшагося смотрѣли, какъ на новаго гражданина не только Церкви, но и Государства: на него распространялось особенное покровительство законовъ. Такимъ образомъ, если кто добровольно переходилъ къ Русскимъ, или даже уходилъ къ нимъ рабъ изъ чужой стороны и принималъ ихъ Вѣру, то они уже не выдавали такого человѣка. (597)

Для достиженія своей цѣли, Русскіе иногда прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ. Одностороннее и невѣрное понятіе о славѣ Божіей было причиною того, что они готовы были благо-

дѣтельствовать всякому, кто только изъявлялъ желаніе принять Православіе и почти совсѣмъ опускали изъ виду тѣ низкія побужденія, которыми при этомъ руководствовались эти лица. Слабость Русскихъ доходила до того, что и послѣ того, какъ всѣмъ дѣлались извѣстными хитрость и обманъ этихъ лицъ, они ограничивались однимъ выговоромъ имъ, но не лишали ихъ денежныхъ милостей, которыя служили для этихъ людей неотразимою приманкою. (598) Олеарій представляетъ нѣсколько случаевъ, которые выпукло очерчиваютъ поведеніе Русскихъ въ этомъ отношеніи, и которые мы приведемъ сейчасъ же.

Одинъ искатель приключеній явился къ Голштинскому Герцогу, Христіяну IV, и выдалъ себя передъ нимъ за потомка знаменитаго Графскаго рода Шликовъ: онъ жаловался ему на преслѣдованіе со стороны Католиковъ и просилъ принять его въ службу. По его же просьбѣ, Герцогъ отправилъ его въ Москву съ своимъ предстательствомъ; въ Москвѣ онъ былъ принятъ очень радушно, сколько по тому, что Русскіе вообще любили уважать знатный родъ, столько и по тому, что онъ зналъ Латинскій и Польскій языки. Онъ принялъ Православіе и остался при Дворѣ; въ крещеніи ему дали имя Левъ, и послѣ этого онъ сталъ называться Левъ Александровичъ Шликъ; ему давали ежемѣсячнаго содержанія по 200 рейхсталеровъ. Чрезъ нѣсколько времени при Дворѣ Христіяна узнали объ истинномъ происхожденіи новаго Князя. Оказалось, что это былъ Польскій выходецъ, выдававшій себя здѣсь за Графа Каспера фонъ Денгофъ. Царь тоже былъ извѣщенъ объ этомъ, и хотя онъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за обманъ, но содержаніе и титулъ все таки остались при обманщикѣ. Другому иностранцу, Лесли, было дано помѣстье съ крестьянами. Его жена, по замѣчанію Олеарія, очень мудрая и хорошая хозяйка, задавала крестьянскимъ бабамъ бо́льшія работы, нежели сколько онѣ дѣлали досель. Онѣ отказывались служить у ней, по тому что она давала имъ въ постъ ѣсть мясо и своею работою отнимала у нихъ возможность ходить въ церковь, даже не давала имъ времени утромъ помолиться предъ образами Богу усердно съ поклонами. Мудрая хозяйка при этомъ еще таскала своихъ работницъ, но, что всего ужаснѣе, отняла у нихъ образа и сожгла въ печкѣ. Поднялся ропотъ и жалобы. Все семейство Лесли вмѣстѣ съ челобитчиками было отправлено въ Москву.

Жена Лесли призналась только въ томъ, что она задавала тяжелую работу. Въ это дѣло вмѣшался и Патріархъ: онъ предложилъ Царю отнять у всѣхъ иностранцевъ помѣстья и принять мѣры, чтобы Православные Христіяне и ихъ Богослуженіе въ своемъ отечествѣ не подвергались болѣе такимъ обидамъ отъ иновѣрныхъ и не крещенныхъ Нѣмцевъ. Мнѣніе Патріарха было поддержано Боярами, которые каждый день уговаривали Царя исполнить его предложеніе. И дѣйствительно, у Лесли было отнято помѣстье, на томъ основаніи, что онъ не Православной Вѣры. Но Лесли не хотѣлось разстаться съ имѣніемъ, и, чтобы удержать его за собою, онъ изъявилъ готовность принять Православіе, и это желаніе было принято съ величайшею радостію какъ Патріархомъ, такъ и другими. Еще занимательнѣе обращеніе Французскаго Барона, Петра де Ремонъ. Этотъ Баронъ прибылъ въ Москву и женился сдѣсь на Англичанкѣ. Чтобы пріобрѣсть большую милость у Царя, онъ крестился по Православному обычаю и былъ названъ Иваномъ. Но его жена, Кальвинистка, ни какъ не соглашалась измѣнить своему Вѣроисповѣданію. Патріархъ Филаретъ сначала ласково уговаривалъ ее, но потомъ обратились къ угрозамъ, но она все оставалась непреклонною; она на колѣняхъ вымаливала у Патріарха милости, чтобы ее оставили въ покоѣ; за нее сталъ ходатайствовать ея отецъ, но и его вмѣшательство осталось безполезно. Между тѣмъ у нея сначала насильно были отняты дѣти и крещены по Православному, а потомъ Патріархъ приказалъ и ее крестить, не смотря на ея сопротивленіе: Патріархъ говорилъ, что она, какъ неразумное дитя, ни чего не понимаетъ, и что ее, точно также, какъ дитя, надобно влечь ко крещенію. При ея крещеніи присутствовали монахини—и вотъ раздраженная женщина, которую насильно заставляли креститься, излила весь свой гнѣвъ на одну бѣдную монахиню. Когда эта монахиня, согласно обряду нашего крещенія, потребовала отъ крещаемой, чтобы она плюнула на землю, то новокрещаемая плюнула ей самой въ лицо, а когда ее стали погружать, она увлекала съ собою въ купель и другую монахиню и сказала при этомъ: «Вы можете крестить мое тѣло, но душа моя этому не причастна.» По смерти мужа она хотѣла возвратить своихъ дѣтей въ родную свою Вѣру, но ей не позволили этого дѣлать; у нея отняли двухъ сыновей и отдали на воспитаніе одному

Боярину, а сама она съ дочерью была заключена въ Бѣлосорскій (Belossora) * монастырь, гдѣ она прожила 5 лѣтъ подъ такимъ строгимъ надзоромъ, что ей не позволялось имѣть ни какихъ сношеній съ ея родственниками, даже получать отъ нихъ какія ни будь свѣдѣнія. Но и въ монастырѣ она не хотѣла поклоняться нашимъ иконамъ. Наконецъ, по смерти Патріярха Филарета, ей хотя и съ трудомъ, а все таки удалось вырваться изъ монастырскихъ стѣнъ, благодаря ходатайству ея друзей, но и то съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она соблюдала Православные обычаи. Олеарій видѣлъ эту женщину и говоритъ, что она до конца жизни осталась вѣрною своей родной Религіи. (599) Виркгартъ упоминаетъ, что въ его время при Русскомъ Дворѣ было два переводчика, и оба Нѣмцы родомъ, но у насъ приняли Православіе. (600) Въ посѣщеніе Павла при Дворѣ Алексѣя Михайловича жили два Турка, сыновья одного Паши: послѣ разныхъ приключеній, они были крещены въ Молдавіи, по ихъ собственному желанію, Іерусалимскимъ Патріярхомъ, Θеофаномъ, съ именами Анастасія и Θедора. Молдавскій Господарь отослалъ ихъ потóмъ въ Россію, Михайлу Θедоровичу, который далъ имъ Княжеское достоинство. (601) Изъ временъ Алексѣя Михайловича у нашихъ писателей упоминается объ обращеніи Польскаго Вельможи, Павла Потоцкаго, который во время войны былъ Начальникомъ 7 тысячнаго отряда и прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ другими соотечественниками для изъявленія покорности Алексѣю Михайловичу. Дядя Царя былъ его воспріемникомъ, и онъ былъ сдѣланъ Воеводою въ собственномъ имѣніи, послѣ того какъ далъ клятву въ вѣрности и оставилъ заложниковъ въ Москвѣ. Такъ разсказываетъ современникъ этого событія, Павелъ Діяконъ. (602) Но Главиничъ, говоря объ этомъ же, передаетъ дѣло нѣсколько иначе. По его словамъ, Потоцкому дано было въ помѣстье Воеводство Устюжское. Къ этому Главиничъ присовокупляетъ еще занимательный документъ: это письмо Потоцкаго, которымъ онъ просилъ Патріярха Никона принять его въ лоно Православной Церкви; оно проникнуто глубокимъ религіознымъ чувствомъ; въ этомъ письмѣ Потоцкій указываетъ на свою близость къ Право-

---

* Этотъ монастырь, по словамъ Олеарія, который передаетъ этотъ разсказъ, находился лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Москвы, а по тому его нельзя смѣшивать съ Бѣлозерскимъ.

славію, по самому своему происхожденію, отъ Православной матери, и первоначальному воспитанію, которое получилъ у Петра Могилы. (603) При взятіи Могилева одинъ Начальникъ Польскаго отряда изъявилъ желаніе креститься по Православному обряду, и за это былъ оставленъ въ своей должности и сдѣланъ даже Воеводою. У Павла есть еще указаніе на успѣшное обращеніе нашихъ иновѣрцевъ. Такъ онъ упоминаетъ о крещеніи двухъ сыновей одного Сибирскаго Царя, въ которомъ самъ Алексѣй Михайловичъ принималъ особенное участіе и даже былъ воспріемникомъ. (604) Рязанскій Архіепископъ передавалъ Павлу, что онъ крестилъ много инородцевъ въ своей Епархіи. (605)

Не смотря на эти частые примѣры, которые показываютъ, что распространеніе Православія не всегда удерживалось въ надлежащихъ границахъ, иностранцы вообще признаютъ, что Русскіе уважали свободу совѣсти и ни кого не принуждали къ принятію своей Вѣры, хотя бы это были даже ихъ рабы: они не переставали убѣждать, но не дѣлали насилія. Вообще, по словамъ иностранцевъ, Русскіе отличались вѣротерпимостію и охотно обращались со всѣми народностями и религіями, какъ то: Лютеранами, Кальвинистами, Армянами, Татарами, Персіянами, Турками, Язычниками на Сѣверѣ и Магометанами на Югѣ. (606) Но, вникая ближе въ смыслъ и значеніе историческихъ событій, представляемыхъ намъ тѣми же писателями, мы приходимъ къ мысли, что эту вѣротерпимость надобно понимать въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: было бы совершенно ошибочно думать, что иновѣрцы пользовались у насъ полною свободою совѣсти и Вѣроисповѣданія въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это выраженіе въ наше время. У насъ дѣйствительно была юридическая терпимость, у насъ пользовались правомъ неприкосновенности существующія религіозныя формы и Богослуженіе, Русскіе терпѣли въ большей, или меньшей, мѣрѣ всѣхъ иновѣрцевъ. Но это еще не значитъ, что у насъ была дѣйствительно свобода совѣсти и та терпимость, которая основывается на уваженіи къ свободѣ личности человѣка въ дѣлахъ Вѣры. Отъ этого происходило, что Русскіе, уважая готовыя, выработанныя историческимъ путемъ, формы и религіозныя учрежденія, въ то же время преслѣдовали починъ и всякій новый, самостоятельный, шагъ въ дѣлахъ Вѣры. При этомъ одно только Православіе, какъ единственно истинная Вѣра, въ глазахъ Русскаго

человѣка имѣла право на то, чтобы въ жертву ей были принесены какъ разныя еретическія заблужденія, такъ и грубое идолопоклонство, но въ глазахъ Русскаго человѣка было немыслимо, чтобы не только какой либо членъ Православной Церкви могъ добровольно совратиться въ иновѣріе, но чтобы онъ даже былъ сердечно и искренно расположенъ къ лицамъ, не принадлежащимъ къ Православной Церкви. Христіянское и Православное чувство человѣколюбія учило его быть добрымъ и услужливымъ по отношенію ко всѣмъ его ближнимъ, какой бы Вѣры кто ни былъ, но тутъ онъ руководствовался высшими соображеніями, а не посредственнымъ чувствомъ: при всей добротѣ и ласковости, которыя Русскій человѣкъ могъ оказывать иновѣрцу, это чувство всегда оставалось чуждымъ для послѣдняго. Между Православнымъ Христіяниномъ Русскимъ и всякимъ иновѣрцемъ лежала пропасть, которая не позволяла имъ сблизиться, лежала завѣса, которая мѣшала искреннему обмѣну ихъ мыслей и чувствъ, и всегда отдаляла послѣдняго отъ перваго, какъ нѣчто нечистое и не достойное имени истиннаго Христіянина, какъ нѣчто враждебное ему. Эта исключительность, эта отчужденность, съ какою Русскіе держали себя по отношенію ко всѣмъ иновѣрцамъ и иностранцамъ, составляетъ:

б. отрицательную сторону ихъ взаимныхъ отношеній.

Иностранцы замѣчаютъ, что Русскіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ усвоивали себѣ убѣжденіе, что только они одни истинные Христіяне, (607) и ставили себя даже выше Грековъ, говоря, что они-то и есть лучшіе Греки. (608) Они вообще считали еретиками всѣхъ, кто не соглашался съ ними въ дѣлахъ Вѣры. Иностранцы сознаются, что Русскіе на всѣхъ иновѣрцевъ безъ разбору смотрѣли какъ на собакъ, или змѣй, и называли ихъ нехристями, язычниками, еретиками, (609) нечистыми, не лучшими Турокъ. (610) Въ Южной Россіи это отрицаніе иновѣрнаго выражалось въ самыхъ формахъ и оборотахъ рѣчи при сношеніяхъ съ не Православными. Здѣсь Православные на каждомъ шагу давали замѣтить иновѣрцамъ, что они чувствуютъ превосходство своего Вѣроисповѣданія предъ другими и гордятся этимъ. Гербиній, по собственному наблюденію, говоритъ, что въ этой странѣ Православные даже между собою не называли другъ друга по имени, а величали себя Православными. (611) Русскій человѣкъ считалъ

оскорбительнымъ для чести народности, а тѣмъ болѣе Православія, входить въ близкія сношенія съ иновѣрными не только въ дѣлахъ Вѣры, но и практическаго, житейскаго, быта. Это внутреннее отношеніе Русскихъ къ иновѣрцамъ и иностранцамъ, если нельзя назвать прямо враждебнымъ, то, безъ всякаго опасенія усилить его рѣзкость, мы можемъ назвать его религіознымъ отвращеніемъ. Иностранцы не стѣсняясь говорятъ, что Русскіе относились съ тайнымъ недружелюбіемъ и подозрительностію ко всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ. По словамъ Павла Діякона, ни что не могло сравниться съ тѣмъ ожесточеніемъ, которое Русскіе питали къ невѣрнымъ и еретикамъ. (612) Впрочемъ, эта отчужденность выражалась не въ одинаковой мѣрѣ по отношенію къ разнымъ иновѣрцамъ, но въ большей, или меньшей, степени, соотвѣтственно большей, или меньшей, близости ихъ самихъ къ Православію. Большею терпимостію пользовались у насъ тѣ иновѣрцы, которые были ближе къ намъ по Вѣрѣ, а чѣмъ сильнѣе было у насъ съ ними Вѣроисповѣдныхъ различій, тѣмъ больше было отвращеніе въ самыхъ отношеніяхъ. Отсюда слѣдовало само собою, что дальше всѣхъ отъ насъ должны были стоять Язычники, за тѣмъ изъ Христіянъ дальше должны были стоять Лютеране, и ближе Католики. Но къ этимъ чисто религіознымъ и богословскимъ соображеніямъ, которые давали такой, или другой, знакъ этимъ отношеніямъ, примѣшивались еще и историческія основанія, которыя также вліяли на эти отношенія и отклоняли ихъ направленіе то въ ту, то въ другую, сторону, при чемъ могли давать имъ иногда даже обратный смыслъ и значеніе. Такъ, на примѣръ, Русскіе съ бо́льшею терпимостію относились къ Лютеранамъ, нежели къ Католикамъ, хотя послѣдніе были къ нимъ ближе по Вѣроисповѣднымъ отличіямъ. Вармундъ представляетъ въ слѣдующемъ порядкѣ степени терпимости, которою пользовались у насъ чужія вѣроисповѣданія. По его представленію, Русскіе считали врагами своей Вѣры: 1, Турокъ и Татаръ, и 2, Евреевъ, а изъ Христіянъ самыми близкими къ себѣ считали Грековъ, за тѣмъ Евангеликовъ и Реформатовъ, и наконецъ Католиковъ. (613)

Образчикомъ отношеній Русскихъ къ Татарамъ можетъ служить положеніе у насъ, въ Россіи, Татарскихъ Пословъ, какъ оно описывается у Павла. Эти Послы, смѣнявшіеся каждый годъ, должны были жить внѣ земляныхъ валовъ: они охранялись много-

численною стражею, никому не позволялось посѣщать какъ Посла, такъ и кого бы то ни было изъ сопровождающихъ его. Если кто ни будь изъ нихъ выходилъ на торгъ за покупкою, то его сопровождали стрѣльцы и ни на минуту не спускали съ него глазъ; ни кто не смѣлъ съ ними заговаривать; имъ также запрещено было переходить Кремлевскія Ворота, которыя вели къ Царскому Дворцу. (614) Русскіе такъ презирали Татаръ, что Цари, во время торжественныхъ пріемовъ, не позволяли имъ даже цѣловать своей руки, хотя этимъ правомъ пользовались послы Европейскихъ Государей. (615) Когда Патріархъ Макарій, во время представленія своего Алексѣю Михайловичу, предложилъ, для большаго удобства въ переговорахъ, объясняться по Турецки, то Царь съ живостію отклонилъ это предложеніе: «Боже сохрани, сказалъ онъ, чтобы такой святой человѣкъ осквернялъ свои уста этимъ нечестивымъ языкомъ!» Патріархъ Филаретъ заставилъ двухъ крещеныхъ Татаръ поклясться на Евангеліи, что послѣ этого они болѣе не будутъ ни говорить, ни читать по Турецки, и Павелъ замѣчаетъ, что они такъ строго держали свою клятву, что, не смотря на всѣ его увѣщанія и предложенія, ему не удалось склонить ихъ заговорить по Турецки. Такая твердость казалась ему чудомъ свѣта. (616)

Что касается Евреевъ, то Русскіе такъ гнушались ими, что нигдѣ у себя не позволяли имъ селиться. Еврей не могъ этого достигнуть ни за какія деньги, хотя бы онъ заплатилъ цѣлыя тысячи золотыхъ, если только при этомъ не соглашался креститься. (617) Самое имя Жида для Русскаго человѣка сдѣлалось браннымъ словомъ, такъ что если кто желалъ самымъ чувствительнымъ образомъ досадить другому, то называлъ его Жидомъ. (618) Такая ненависть и презрѣніе къ Евреямъ вытекали изъ того историческаго даннаго, что они распяли Христа. (619) Маржеретъ разсказываетъ слѣдующій случай изъ временъ Ивана Грознаго. Царь приказалъ собрать всѣхъ Евреевъ, находившихся въ Россіи: имъ связали рука и ноги, и въ такомъ видѣ вывели на мостъ: здѣсь Царь потребовалъ у нихъ отреченія отъ Закона, и когда Евреи сказали, что они готовы креститься, онъ въ ту же минуту велѣлъ ихъ бросить въ воду. (620) Даже такой добродушный Государь, какъ Алексѣй Михайловичъ, при взятіи Смоленска поступилъ съ Евреями такъ, какъ можно было бы ожидать,

поступилъ бы только Иванъ Грозный. Когда городъ сдался, Евреи струсили и, чтобы не выдать себя своимъ наружнымъ видомъ, стали передѣваться въ платье, какое носили Христіяне, но ихъ легко узнавали по тому, что они не умѣли креститься. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ собрать ихъ всѣхъ, и тѣхъ изъ нихъ, кто согласится принять Христіянство, оставляли въ живыхъ, а остальныхъ всѣхъ согнали въ выстроенный деревянный сарай, и тамъ сожгли. Въ то же время погибло множество Армянъ, Поляковъ, а дѣтей ихъ сваливали въ бочки и такъ бросали въ Днѣпръ. (621)

Изъ Христіанъ Русскіе дальше всѣхъ держали отъ себя Католиковъ. Замѣчательно, что какъ Протестантскіе писатели съ особенною силою выставляютъ на видъ, такъ и Католическіе ни сколько не скрываютъ тѣхъ недружелюбныхъ отношеній, которыя Русскіе питали къ Католикамъ. Почти всѣ писатели, за исключеніемъ 2—3 Папистовъ, единогласно утверждаютъ, что Русскіе съ крайнею ненавистью относились къ Католикамъ: нѣтъ бранныхъ словъ, которыми Русскіе не клеймили бы этихъ враговъ своей Вѣры: они отзывались о Католикахъ, что это отступники отъ первобытной Церкви и древнихъ священныхъ установленій; они едва соглашались давать имъ самое имя Христіянъ и называли ихъ полухристіянами, приписывали имъ Христіянскую ересь и говорили, что ни кто изъ Католиковъ не спасется. (622) Нѣкоторые писатели говорятъ, что Католиковъ Русскіе называли даже язычниками. (623) что они не могли безъ отвращенія и вспомнить объ нихъ, (624) и что имъ было ненавистно самое имя Католиковъ. (625) * Швабе говоритъ, что Русскіе береглись Католиковъ, какъ змѣй. (626) «Русскіе, говоритъ Кромеръ, очень упорно держатся Грековъ, такъ что не хотятъ ни чего имѣть общаго съ Латинянами.» (627) Имя Латинянина было такимъ же браннымъ словомъ, какъ имя Жида; кто хотѣлъ пожелать другому самаго большаго зла, тотъ говоритъ ему, «чтобъ онъ сдѣлался Латинянномъ.» (628) А Сакранъ такъ изображаетъ сердечное расположеніе и отношеніе Русскихъ къ Католикамъ: «Русскіе, говоритъ онъ, подобно Вальденцамъ, съ напыщенною гордостію считаютъ себя однихъ истин-

---

* У Малороссіянъ слово «Кателикъ» (Католикъ)—самая ужасная брань, больше которой они и не знаютъ. О. Б.

ными Христіянами и послѣдователями Апостоловъ и анаѳему Папы вмѣняютъ себѣ въ вѣчное благословеніе. Они очень порицаютъ обряды Латинской Церкви, всѣ ея уставы, равно какъ отвергаютъ ея важность. Они проливаютъ Христіянскую кровь не менѣе самыхъ Турокъ и хотятъ искоренить всѣхъ вѣрныхъ, чтобы и у насъ погибло самое имя Религіи, точно также, какъ оно погибло у нихъ.» Онъ выставляетъ особеннаго врага Католичества въ лицѣ какого-то Константина, «который, съ цѣлію поддержать постоянное отвращеніе между Греками и Латинянами, всенародно объявилъ, что кто напишетъ противъ Римской Церкви все, что только знаетъ самаго гнуснаго и сквернаго, тотъ получитъ награду. И это было сдѣлано, замѣчаетъ Сакранъ, единственно съ тою цѣлію, чтобы внушить народу отвращеніе къ Римской Церкви.» «Многіе по этому поводу, продолжаетъ Сакранъ, писали ложь и вымыслы, и чѣмъ гнуснѣе они были, тѣмъ болѣе нравились Государю.» (629) Далѣе Сакранъ пишетъ, что «Русскіе обвиняли Римскую Церковь въ Аріянствѣ, во время Литургіи проклинали Папу, отвергали даже его власть вязать и рѣшить. Кромѣ того, они отвергали сочиненія учителей Римской Церкви, признанныя и одобренныя Церковію, а изъ твореній Греческихъ Отцовъ признавали лишь тѣ, которыя не противорѣчили ихъ заблужденіямъ; а если въ нихъ находили что либо, не согласное съ ихъ практикою, то отвергали, какъ испорченныя; далѣе, они презирали и поносили Католическія церкви и не воздавали ни какого почтенія совершаемымъ въ нихъ священнодѣйствіямъ, равно какъ оскверняли Святыхъ Католической Церкви.» (630) Но, говоря такимъ образомъ, Сакранъ вдается въ крайность и выставляетъ на видъ только одну сторону дѣла. Русскіе не отрицали значенія Западныхъ Отцовъ, а только, замѣчая въ Латинскихъ изданіяхъ ихъ твореній позднѣйшія вставки и нововведенія Папства, обличали за это Католиковъ, которые хотѣли защитить эти нововведенія именемъ древнихъ Отцовъ. Русскіе съ сомнѣніемъ относились, или даже совсѣмъ отвергали все, что выходило изъ подъ пересмотра Папистовъ. Когда Гербиній спорилъ съ нашимъ Игуменомъ, Волосовичемъ, объ исхожденіи Св. Духа, и приводилъ ему свидѣтельства Никейскаго и Константинопольскаго Соборовъ, Символы Аѳанасія, Василія В. и другихъ, то послѣдній выставлялъ ему на видъ, что всѣ эти сочиненія повреждены Латинянами. Самъ Гербиній замѣчаетъ,

что Русскіе вѣрили лишь своимъ книгамъ и признавали только ихъ подлинными и истинными, а творенія Греческихъ Отцовъ, изданныя въ Германіи, Англіи, Франціи, они считали испорченными и поврежденными. (631)

Такая вражда Русскихъ къ Католикамъ сказывалась при всѣхъ случаяхъ ихъ взаимнаго столкновенія и соприкосновенія, начиная съ высшей среды общественной и государственной жизни и оканчивая семейнымъ домашнимъ бытомъ. Въ кругѣ политической жизни Русскіе не давали Католикамъ даже той религіозной свободы, которою пользовались у насъ другіе иновѣрцы. Католическіе писатели жалуются на Русское Правительство за то, что оно въ этомъ отношеніи давало преимущество предъ Католиками лицамъ другихъ Вѣроисповѣданій. Не смотря на то, что Католичество, по своему церковному устройству и вѣроученію, было ближе къ Православію, и что сами Русскіе, по словамъ Невиля, считали Римское Вѣроисповѣданіе лучшимъ послѣ своего, (632) и, хотя не признавали за Папою тѣхъ правъ, какія ему придавали Католики, но все таки давали ему титулъ «учителя», (633) не смотря, однако жь на это, Русскіе никогда не давали у себя Католикамъ свободы Вѣроисповѣданія. (634) Лютеране и Кальвинисты имѣли у насъ свои кирки и школы, а Католики ни того, ни другого. (635) Западные Католическіе Государи не разъ дѣлали попытки обезпечить своимъ единовѣрцамъ, проживавшимъ въ Россіи, права религіозной свободы, но эти попытки оставались безуспѣшными. Мы представимъ лишь нѣсколько данныхъ, которыя служатъ памятниками Правительственныхъ мѣръ относительно Католичества въ Россіи. Такъ, 1627 году въ Москвѣ было посольство отъ Французскаго Короля, Людовика XIII, который просилъ Михайла Ѳедоровича даровать его подданнымъ право торговли въ Россіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и позволенія выстроить церковь, но Людовикъ получилъ рѣшительный отказъ. Въ числѣ условій, заключенныхъ между нашимъ и Голштинскимъ Правительствомъ во времена Олеарія на счетъ торговли съ Персіей была внесена оговорка чтобы въ этой торговлѣ не смѣли участвовать Католики. (636) Майербергъ очень горько оплакиваетъ положеніе своихъ единовѣрцевъ Католиковъ, проживавшихъ въ Россіи. Эти люди, завлеченные въ Россію торговлею, или военною службою, должны были отказаться не только отъ всякаго утѣшенія, кото-

рое благочестивому человѣку доставляетъ Религія, но и отъ спасительныхъ дѣйствій Таинствъ. Майербергъ не могъ безъ состраданія видѣть въ Москвѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые, оставаясь долго безъ участія въ Богослуженіи, совершенно отъ него отвыкли, такъ что во все время его Посольства, при которомъ находился и Священникъ, ежедневно совершавшій Службу, они едва по два, по три, раза побывали при Богослуженіи, да и то не охотно и совершенно отказались очистить свою совѣсть предъ духовникомъ. А дѣтей своихъ они держали дома въ совершенномъ невѣжествѣ, или отдавали для обученія Лютеранскимъ и Кальвинскимъ Пасторамъ, которые, вмѣстѣ съ грамотою, внѣдряли въ нихъ и свое ученіе, отпечатлѣвавшееся неизгладимыми чертами въ ихъ молодыхъ умахъ. Точно также списываетъ положеніе Католиковъ въ Россіи и Виркгартъ. (637) Таннеръ говоритъ о Католикахъ своего времени, что они не имѣли ни храма, ни Священника. Въ 1678 году Послы Польскаго Правительства ходатайствовали предъ Царемъ, чтобы онъ позволилъ Католикамъ содержать своего Священника на ихъ же счетъ, но ходатайство это осталось безъ успѣха. Царь сначала спокойно выслушалъ тѣ статьи переговоровъ, которыя касались Турокъ, возвращенія Смоленска, но лишь только Послы упомянули о 4 статьѣ, по которой требовалась свобода Богослуженія Католикамъ, Царь запретилъ болѣе и упоминать объ этомъ. (638) Въ 1684 г. было Австрійское Посольство въ Россіи для заключенія союза противъ Турокъ; члены этого Посольства: Бароны Блюменбергъ и Жировскій, прибыли въ Москву съ. двумя Езуитами, и, такъ какъ здѣсь проживало много Католиковъ, то они просили наше Правительство дозволить этимъ Езуитамъ остаться въ Россіи. Но они должны были дѣйствовать очень осторожно, по тому что, кромѣ обыкновеннаго предубѣжденія противъ Католиковъ, Русскіе подозрѣвали ихъ въ тайныхъ замыслахъ. (639) Только уже къ концу XVII вѣка Католики получили право совершать Богослуженіе въ частномъ домѣ, который они пріобрѣли, но и это право имъ было уступлено лишь подъ условіемъ, чтобы ни одинъ Езуитъ не смѣлъ являться въ Россію и тутъ священнодѣйствовать, иначе онъ подвергался немедленному изгнанію. Исбрандъ говоритъ, что такая участь дѣйствительно постигла одного Езуита, который осмѣлился явиться въ Москву, а Талландеръ упоминаетъ о такихъ

же неудачахъ Доминиканцевъ и Езуитовъ, хотя не приводитъ самыхъ данныхъ; по его же словамъ, въ 1695 году, Австрійскій Императоръ отправилъ при Посольствѣ 2-хъ Католическихъ Священниковъ въ Москву, но и въ это время они не смѣли совершать Богослуженія открыто. (640) Всѣ эти данныя относятся къ послѣднему десятилѣтію XVII вѣка; право совершать Богослуженіе, хотя и въ частномъ домѣ, было уступлено Католикамъ въ 1691 году, а первая Католическая церковь явилась въ Москвѣ въ 1696 году. (641)

Если постоянныя отношенія Русскихъ къ Католикамъ были такого недружелюбнаго свойства, то это чувство вражды еще сильнѣе и рѣзче сказывалось во время войны. Изъ сосѣднихъ Католическихъ Государствъ больше всѣхъ имѣла столкновеній съ Россіей единоплеменная, но не единовѣрная съ нами, Польша, и по тому наши войны съ Поляками ознаменованы ужасными взаимными ожесточеніями. Разность Вѣры отдаляла ихъ отъ Русскаго чувства, и Русскіе позволяли себѣ всякія насилія, которыя въ ихъ глазахъ могли ослабляться, и даже оправдываться, тѣмъ, что они дѣлались врагамъ Православія. Такъ, во время войны Ивана Грознаго съ Баторіемъ, изъ всѣхъ городовъ Ливоніи, которые подпали было власти Русскихъ, были изгнаны Католическіе Священники, и на ихъ мѣста поставлены Православные. (642) Такого же свойства была и война Алексѣя Михайловича съ Поляками. При выступленіи въ походъ Алексѣй Михайловичъ открыто объявилъ, что цѣль войны, предпринимаемой противъ Поляковъ, защитить Православіе, которое въ Малороссіи страдало отъ ихъ изувѣрства. (643) Майербергъ подробно описываетъ разореніе и опустошенія, произведенныя Русскими въ тѣхъ городахъ, которыми они успѣли овладѣть. Такъ въ Смоленскѣ они изгнали 2 Латинскихъ и одного Уніятскаго Епископа, и на ихъ мѣсто поставили Православнаго Епископа, Алексія. При этомъ значительная часть Католиковъ, вопреки договору, подверглась насилію со стороны Русскихъ, которые, по совѣту Альберта Голимонція, измѣнившаго своей Вѣрѣ и отечеству, принуждали ихъ къ принятію Православія, и то угрозами, то обѣщаніями, то насиліемъ, склоняли ихъ къ повторенію крещенія. Тѣ же, которыхъ имъ не удалось ни силою, ни хитростію, отклонить отъ несокрушимаго камня Латинской Религіи, были лишены храмовъ, Священниковъ и Та-

инствъ. «Другіе иобѣдители, замѣчаетъ Майербергъ, не позволили бы себѣ сдѣлать такихъ обидъ при какихъ угодно условіяхъ сдачи Даже тиранство Турокъ допускаетъ открытую свободу Богослуженія Грекамъ и Латинянамъ. Христіяне Перы, Галаты, которые болѣе 200 лѣтъ несутъ иго Турокъ, сохраняютъ съ большею, или меньшею, точностію установленія Св. Игнатія, Доминика; тамъ въ открытыхъ храмахъ непрерывно совершаются Божественныя Тайнодѣйствія, но Московиты, лишь только ворвутся въ городъ, забываютъ условія сдачи, какою бы они ни были скрѣплены присягою, и истребляютъ все, что только дышитъ Католичествомъ. Въ Могилевѣ были разрушены двѣ Католическія церкви; такое же разрушеніе костеловъ послѣдовало въ Полоцкѣ, Минскѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ. Что касается Вильны, то въ теченіи 1655—1661 годовъ иго Русскихъ всею тяжестію обрушилось на ея жителей: повсюду производились убійства, насилія, кражи, святотатства; большая часть зданій сдѣлалась жертвою пламени; въ томъ числѣ погибли: храмъ, выстроенный Ягайломъ, Езуитская Коллегія съ церковію, два Францискапскихъ монастыря, два Доминиканскихъ, монастырь Св.-Духовскій, Св. Филиппа и Іякова, Уніятскій Базиліянскій, Св. Георгія и Божіей Матери, монастырь Крестоносцевъ, монастыри Св. Клары и Терезы, Св. Екатерины: всѣ они или были разрушены Русскими изъ ненависти къ Латинской Церкви, или обращены въ промышленныя заведенія. Что этими дѣйствіями заправляло чувство религіозной вражды, доказательствомъ тому можетъ служить то, что Русскіе оставили неприкоснокенными Православныя церкви и даже одинъ Кармелитскій костелъ, который Алексѣй Михайловичъ пощадилъ изъ уваженія къ близкому сосѣдству Православной церкви. Кромѣ того, Русскіе увезли съ собой, или переплавили, всѣ колокола, находившіеся при костелахъ, кромѣ тѣхъ, которые были на колокольняхъ Православныхъ церквей, и такимъ образомъ сдѣлали церковную службу безмолвною. (644) Вообще, во время войны съ Поляками было много разрушено и ограблено Католическихъ церквей. Алексѣй Михайловичъ прислалъ Патріярху Никону около 100 священническихъ церковныхъ облаченій, взятыхъ во время войны изъ Католическихъ и Армянскихъ храмовъ, и предоставилъ ему на волю сдѣлать изъ нихъ какое угодно употребленіе, такъ какъ этѣ вещи считались нечистыми. И Никонъ счелъ самымъ

лучшимъ обить этѣми матеріями братскую трапезу въ Валаамскомъ монастырѣ и священническія сѣдалища въ церкви, при чемъ отъ этихъ облаченій даже не оторвали серебряныхъ пуговицъ и запонокъ. Между тѣмъ это были дорогія вещи: парча и бархатъ, и Павелъ Діяконъ замѣчаетъ, что Русскіе пренебрегали ими отъ изобилія въ богатствѣ. (645) Такимъ образомъ иногда самыя войны предпринимались по религіознымъ побужденіямъ. Этимъ же побужденіямъ Сакранъ приписываетъ войну Ивана III-го съ Литовскимъ Княземъ, Александромъ. По его словамъ, Иванъ III-й выдалъ дочь свою за этого Князя нарочно съ тою цѣлію, чтобы имѣть случай нападать на его владѣнія, и лишь тогда успокоился, когда перевелъ безчисленныя тысячи народа отъ Польскаго Короля въ вѣчное и постыдное рабство. «Этотъ Государь говоритъ, Сакранъ, дышалъ, подобно всѣмъ отщепенцамъ, ненавистію къ Латинской Церкви, также порицалъ ея обряды и старался лишить ея приверженцевъ Вѣры, имущества, славы, жизни. При заключеніи самаго брака включено было въ условіе, чтобы Александръ выстроилъ церковь для своей жены; но такъ какъ постройка церкви шла медленно, то Царь пошелъ войною, одержалъ побѣду при Ведрошѣ и взялъ нѣсколько городовъ.» (646) Въ пору Уніи эта ненависть къ Католикамъ перешла и на новыхъ ихъ союзниковъ. Между Православными и Уніятами была такая взаимная ненависть, что одни не могли терпѣть и тѣни другихъ: Уніяты называли Православныхъ «отщепенцами» (схизматиками), Старорусскими, а Православные своихъ противниковъ обзывали «хищными утробами (carnivori ventres), Папистами». Во время войны Хмельницкаго Православные нападали на Уніятовъ съ огнемъ и мечемъ. Современные Польскіе историки говорятъ, что Уніяты въ это время гибли, какъ скотина. (647) Да и самихъ Папистовъ со временъ Уніи Православные стали ненавидѣть еще болѣе. (648) Если бы нужно было представить еще данныя въ доказательство ненависти Русскихъ къ Католикамъ, то въ нихъ не было бы недостатка; но въ этихъ доказательствахъ нѣтъ надобности, по тому что ненависть эта не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Общее впечатлѣніе, какое выноситъ читатель изъ чтенія какого угодно писателя Католика, это сознаніе чувства ненависти, которую Русскіе питали къ Католикамъ. Католики испытывали много горя и непріятностей отъ этого непріязненнаго чувства, и по тому съ

особенною настойчивостію выставляютъ на видъ эту черту Русскихъ.

Но, не смотря на этотъ общій отзывъ почти всѣхъ Католическихъ писателей о непримиримой враждѣ Русскихъ къ Папистамъ, и въ средѣ Католичества нашлись два, три, писателя, которые представляютъ дѣло совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Фаберъ и Кобенцель такими чертами описываютъ отношенія наши къ Католикамъ, что можно подумать, что Русскіе питали самую искреннюю и нѣжную любовь и привязанность къ Папистамъ и ихъ церковной практикѣ. «Русскіе, говоритъ Фаберъ, съ величайшею охотою присутствовали при Католическомъ Богослуженіи, и ничего такъ не боялись, какъ того, чтобы не показаться чуждыми нашей Вѣры: они тщательно сохраняютъ всѣ наши священнодѣйствія.» (649) Въ такое заблужденіе легко могъ впасть человѣкъ, не бывавшій въ Россіи и писавшій только по слухамъ, видѣвшій поведеніе однихъ только нашихъ Пословъ: посѣщеніе ими Католическихъ церквей въ Римѣ легко могло ему показаться выраженіемъ искренняго сочувствія ихъ къ самой Римской Церкви. Но, къ удивленію, мы встрѣчаемъ такой же отзывъ и у Кобенцеля, который самъ былъ въ Москвѣ, да еще при Дворѣ такого Царя, который меньше всего былъ расположенъ льстить Папѣ. Кобенцель даже старается опровергнуть тѣхъ, которые высказывали на этотъ счетъ противоположныя мнѣнія. «Хотя нѣкоторые, говоритъ онъ, писали, что Русскіе весьма враждебны къ намъ, Католикамъ, но я твердо увѣренъ, что теперь дѣло въ иномъ состояніи. Русскіе горятъ желаніемъ, и только вздыхаютъ о томъ, чтобы видѣть Римъ и посѣтить мѣста, гдѣ удостоились мученичества и погребены многіе Святые, которыхъ они почитаютъ болѣе насъ. Приставà, которые были при мнѣ, говорили, что они въ жизни ничего не желаютъ болѣе, какъ посѣтить подобныя мѣста, особенно Лаврентійскую Дѣву, которая имъ извѣстна лучше, чѣмъ большинству Нѣмцевъ и Французовъ. И когда я спросилъ: «Можно ли поклониться мощамъ ихъ угодника, Св. Николая?» они отвѣчали: «Можно, если только я принадлежу къ древней Латинской Церкви, а не Лютеранинъ, по тому что послѣднихъ они ненавидятъ болѣе Турокъ.» (650) Но эти одинокіе похвальные отзывы о мнимой любви и привязанности Русскихъ къ Католикамъ совершенно заглушаются другими свидѣтельствами, которыя гово-

рятъ такъ ясно и убѣдительно о существованіи вражды и отвращенія между обѣими сторонами, что не оставляютъ въ этомъ случаѣ ни какого сомнѣнія. Эти два, три, отзыва не могутъ ослабить свидѣтельствъ другихъ писателей, и мы привели ихъ просто, какъ историческія данныя, свидѣтельствующія объ особенностяхъ во взглядахъ нѣкоторыхъ Папистовъ на Русскихъ, и свидѣтельства нашихъ писателей о ненависти Русскихъ къ Католикамъ остаются во всей своей силѣ.

Основною и главною причиною этихъ недружелюбныхъ отношеній, кромѣ различія самыхъ Вѣроисповѣданій, главнымъ образомъ была свойственная Латинству страсть къ распространенію своей Вѣры, которая вела за собою иго Папства. Но, кромѣ этой догматической и церковно-дисциплинарной разности, были еще и другія чисто историческія обстоятельства, которыя способствовали зарожденію и усиленію этого враждебнаго чувства. Въ этомъ случаѣ надо признать вполнѣ основательнымъ мнѣніе Талландера. Этотъ писатель утверждаетъ, что эта ненависть была вызвана цѣлымъ рядомъ жестокостей, грабежей и насилій, жертвою которыхъ сдѣлалась Россія въ смутныя времена; это время ознаменовано многими примѣрами свирѣпства и изступленія Поляковъ противъ Православныхъ Священниковъ, и кощунства ихъ надъ нашими церквами и святынею. (651) Павелъ говоритъ, что Поляки во время своего господства въ Малороссіи отдавали власть надъ ея жителями Жидамъ и Армянамъ, которые всячески ихъ грабили и притѣсняли, разрушали церкви и хотѣли истребить всѣхъ служителей Христовыхъ. Павелъ при этомъ передаетъ еще, не извѣстно откуда имъ заимствованное, свѣдѣніе, будто Поляки сожгли на кострѣ Кіевскаго Митрополита съ 11-ю Епископами и Священниками. (652) Такое поведеніе Поляковъ, конечно, не могло оставить въ Русскихъ иныхъ чувствъ, кромѣ вражды и ненависти къ своимъ врагамъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ смутныхъ временъ, мы видимъ, что сама Церковь приняла строгія мѣры противъ Католиковъ. Патріархъ Филаретъ издалъ постановленіе принимать Католиковъ чрезъ крещеніе, между тѣмъ какъ дотолѣ они, при переходѣ въ Православіе, не были перекрещиваемы. Причину такой вражды Русскихъ къ Полякамъ Посевинъ видитъ прежде всего въ ихъ невѣжествѣ, въ незнаніи церковной исторіи, въ томъ, что они еще съ малолѣтства пріучались враждебно смотрѣть на Папи-

стовъ и вѣрили на слово всему, что говорили о Католикахъ Греки. Далѣе, въ такомъ худомъ мнѣніи о Папистахъ старались поддерживать Русскихъ отчасти иностранные купцы, которые, по большей части, были Лютеране, и перетолковывали въ худую сторону всякіе слухи о Папѣ, а отчасти Государей Западныхъ Державъ, изъ которыхъ одни вели козни противъ Польскаго Короля, другіе ходатайствовали о своихъ единовѣрцахъ Лютеранахъ. (653) Майербергъ все зло приписываетъ ухищреніямъ діявола, который не допускалъ Русскихъ обратиться къ истинному свѣту Католической Вѣры. (654) Олеарій, вмѣстѣ съ другими, считаетъ эту вражду наслѣдственною, переданною намъ отъ Грековъ вмѣстѣ съ Вѣрою, а Главиничъ въ этой враждѣ обвиняетъ одно духовенство, которое какъ само было проникнуто непріязненными чувствами къ Папству, такъ тѣ же самыя чувства внушало и народу, который во всемъ слѣдовалъ своимъ пастырямъ. (655)

Что касается Лютеранъ и Кальвинистовъ, то эти иновѣрцы у насъ пользовались большею свободою, нежели Католики. Олеарій говоритъ, что они у насъ занимались промыслами, торговлей и находились на Царской службѣ. (656) Наплывъ иностранцевъ въ Россію сталъ замѣтенъ въ XVI вѣкѣ и усилился къ концу этого вѣка. Правительство само вызывало изъ Германіи и другихъ мѣстъ искусныхъ мастеровъ, а счастливыя войны Грознаго въ Ливоніи доставляли много плѣнныхъ изъ Лютеранъ. Горсей передаетъ, что при взятіи Нарвы, Ивань-города, взято было въ плѣнъ множество Ливонцевъ, Французовъ, Шотландцевъ, Нѣмцевъ, и что Иванъ Грозный большую часть ихъ поселилъ въ Москвѣ, за городомъ. При этомъ Горсей прибавляетъ, что, по его ходатайству, Царь дозволилъ этимъ иностранцамъ выстроить церковь и имѣть своего проповѣдника, и они каждое Воскресенье собирались для Богослуженія и вскорѣ освоились съ Русскими. (657) Это первое свидѣтельство, которое мы находимъ у писателей XVI вѣка о существованіи Лютеранскихъ церквей въ Москвѣ. Посевинъ, въ 1581 году, писалъ, что Лютеране и Кальвинисты давно уже имѣли въ Москвѣ два храма, и что въ 1579 году Царь велѣлъ сжечь обѣ эти церкви. (658) Свидѣтельства Горсея и Посевина подтверждаетъ и Маржеретъ, который прибавляетъ, что Иванъ Грозный велѣлъ разрушить эти церкви въ слѣдствіе наглости и тщеславія самихъ иностранцевъ, но потомъ велѣлъ отвести имъ мѣсто за городомъ

и позволилъ имъ тамъ выстроить церковь. (659) Особенно счастливое время для религіозной свободы иностранцевъ было царствованіе Бориса Годунова, который питалъ къ нимъ особенную любовь, вызывалъ въ Россію многихъ иностранныхъ ученыхъ, и любилъ бесѣдовать съ ними о разныхъ предметахъ, а по замѣчанію Бера особенно любилъ разсуждать съ ними о Религіи, и даже просилъ ихъ не забывать его въ своихъ молитвахъ. Надобно думать, что прежняя церковь Лютеранъ опять была по чему либо разрушена, по тому что Беръ (Бусовъ), писавшій въ началѣ XVII вѣка, единственное несчастіе Нѣмцевъ видитъ въ томъ, что они не имѣли церкви. По просьбѣ Шведскаго Принца, Густава, Борисъ позволилъ имъ выстроить храмъ въ Нѣмецкой Слободѣ, и они выстроили такую красивую церковь, что самъ Борисъ Годуновъ отдавалъ ей преимущество предъ Православными. Въ этой церкви былъ похороненъ Датскій Принцъ, Іоаннъ; при ней была выстроена и колокольня, на которой звонили по покойномъ Принцѣ и его единоземцахъ. Кромѣ плѣнныхъ Пасторовъ Нѣмцы вызвали еще двухъ изъ за границы: Германа Губемана и Мартина Бера, которые прибыли въ Россію въ 1600 году. Нѣмцы плакали отъ изыбтка чувствъ радости, что дожили до такихъ счастливыхъ временъ. Беръ, который передаетъ эти свѣдѣнія, говоритъ еще, что во время войны Поляковъ со Шведами многія семейства Ливонцевъ, убѣгая отъ опасности, перешли Русскую границу: ихъ приняли у насъ радушно, но объявили, что они должны явиться въ Москву. Ливонцы пали было духомъ, по тому что знали, что имъ или нужно остаться въ Россіи навсегда, или подпасть Царскому гнѣву; они рѣшились избрать меньшее зло. Но, противъ ожиданія, Борисъ изъявилъ имъ необыкновенныя милости и даровалъ имъ свободу въ обрядахъ Богослуженія. (660) По замѣчанію иностранцевъ, Царь Михаилъ Ѳедоровичъ также былъ очень милостивъ къ иностранцамъ. Во времена Олеарія въ одной Москвѣ ихъ жило около 1,000 человѣкъ, а кромѣ Москвы Нѣмцы были разсѣяны и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, и жили на востокъ отъ Москвы до самаго Нижняго, гдѣ Олеарій, во время своего проѣзда въ Персію чрезъ Россію, видѣлъ послѣднихъ Нѣмцевъ. Здѣсь они пользовались такою же религіозною свободою, какъ и въ Москвѣ; здѣсь было около 100 человѣкъ, и они имѣли кирку. Во 2-й четверти XVII вѣка Лютеране и Реформаты имѣли свои кирки въ самой

Москвѣ, въ Царьгородѣ. Но Лютеране потеряли свою кирку по слѣдующему обстоятельству. Жены Нѣмецкихъ Офицеровъ, бывшія дочери купцовъ, захотѣли занимать въ киркѣ болѣе почетныя мѣста сравнительно съ прежними своими подругами. Это было причиною ссоры и даже драки, происшедшей въ киркѣ. Случилось, что въ это самое время мимо кирки проѣзжалъ Патріархъ: онъ послалъ освѣдомиться о причинѣ шума, и когда ему доложили, въ чемъ дѣло, то, по его настоянію, кирка была разрушена, на томъ основаніи, что, какъ выражался Патріархъ, въ церковь нужно ходить съ благочестивымъ настроеніемъ, а не съ придворными затѣями. Впрочемъ, Лютеранамъ было позволено выстроить другую кирку въ большомъ городѣ, но спустя нѣсколько времени они были вытѣснены и отсюда. Тогда, съ дозволенія Царя, они выстроили кирку внѣ городскаго вала, на чистомъ полѣ. Но и тутъ они не долго наслаждались покоемъ: Духовенство уже издавна стало жаловаться, что Нѣмцы, живя между Русскими, пріобрѣтали въ собственность самыя лучшія мѣста въ приходахъ, и, такимъ образомъ лишали его доходовъ; но при Михайлѣ Ѳедоровичѣ, который особенно былъ расположенъ къ иностранцамъ, этѣ жалобы духовенства оставались безъ послѣдствій. Послѣ къ этѣмъ жалобамъ присоединилось еще недовольство Патріарха, который жаловался Царю на то, что Нѣмцы, нося Русское платье, вводятъ его въ обманъ и восхищаютъ у него благословеніе. Духовенство воспользовалось этимъ случаемъ и вновь заявило жалобу на то, что Нѣмцы отнимаютъ у него средства жизни. Въ слѣдствіе этой жалобы Алексѣй Михайловичъ издалъ приказъ, по которому только тѣмъ иностранцамъ дозволялось оставаться въ Москвѣ, которые пожелали бы креститься, а кто не захотѣлъ перекрещиваться, тотъ долженъ былъ въ короткій срокъ выселиться за городъ въ слободу «Кукуй,» которая, за 40 лѣтъ предъ тѣмъ, была единственнымъ мѣстопребываніемъ иностранцевъ въ Москвѣ. (661) Павелъ прибавляетъ, что тотъ же законъ былъ распространенъ и на иностранцевъ, жившихъ въ другихъ городахъ (они также должны были жить внѣ городскихъ стѣнъ), и что при этомъ въ разныхъ городахъ были разрушены всѣ Лютеранскія кирки и Турецкія мечети, и запрещено было вновь строить ихъ за городомъ. Этотъ же законъ былъ распространенъ и на Армянъ, жившихъ въ Астрахани, которые такимъ образомъ принуждены были креститься. Въ то же

время всѣ иностранцы обязаны были носить свое народное платье. (662) Олеарій пишетъ, что въ его время Протестанты, Лютеране и Кальвинисты, имѣли по 2 церкви. (663) Нѣсколько позже, во времена Вармунда, Евангелики имѣли въ Слободѣ 3 церкви, а Таннеръ о своемъ времени замѣчаетъ, что Лютеране имѣли двѣ кирки, Кальвинисты же одну. (664) При Рейтенфельсѣ въ этой Слободѣ было 3 Лютеранскихъ и 2 Кальвинскихъ церкви. Въ юридическомъ и административномъ отношеніи Лютеранскія и Реформатскія церкви были подчинены Придворнымъ Приказамъ, а наша духовная власть не вмѣшивалась непосредственно въ ихъ дѣла. (665) Такимъ образомъ мы видимъ, что Протестанты пользовались у насъ большею свободою совѣсти, нежели Католики, въ чемъ сознаются сами Католическіе писатели. Одинъ изъ этихъ писателей, противопоставляя бѣдственному состоянію Католичества въ Россіи положеніе другихъ Вѣроисповѣданій, говоритъ, что Протестанты не только пользовались религіозной свободой, но даже ихъ Пасторы содержались на счетъ казны. (666) А Протестанты, говоря о томъ же, заходятъ уже слишкомъ далеко и объясняютъ его въ смыслѣ внутренняго и нравственнаго тяготѣнія между Православіемъ и Протестантствомъ. Такимъ именно образомъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые писатели стараются объяснить различное поведеніе Ивана Грознаго въ отношеніи къ Католикамъ и Протестантамъ; въ этомъ случаѣ Протестантовъ могло слишкомъ соблазнять то, что Иванъ Грозный съ большею похвалою отзывался о Лютерѣ и его ученіи и призналъ, что оно гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ ученіе Католиковъ, и что, по этому, оно и можетъ быть терпимо. (667)

Всѣ эти ограниченія свободы чужихъ Вѣроисповѣданій внутри Россіи непосредственнымъ образомъ зависѣли отъ власти гражданской. Но если гражданская власть не давала имъ полныхъ правъ и ограничивала ихъ религіозную свободу, то это отрицаніе всего иновѣрнаго еще съ большею рѣзкостію высказывалось со стороны Церкви и Іерархіи. Это, впрочемъ, и понятно: въ самомъ свойствѣ Православія лежитъ уже глубокое основаніе отрицанія всякой ереси и всякаго общенія съ еретиками, не только въ области Вѣры, но и въ практической религіозной жизни. Таковы правила благочинія, дѣйствовавшія въ Православной Церкви съ самаго ея основанія; тѣ же правила благочинія, вмѣстѣ съ Вѣрою, перешли

и къ намъ, и особенно привились къ народному духу и свойству Русскихъ. Не говоря уже объ проклятіи всѣхъ еретиковъ и Раскольниковъ, которое ежегодно совершается Церковію торжественно въ день Православія, это отрицаніе всего иновѣрнаго проникало собою всю жизнь Русскаго человѣка съ ея практическимъ бытомъ и житейскими отношеніями, но съ особенною рѣзкостію и силою оно сказывалось въ тѣхъ проявленіяхъ частной и общественной жизни, которыя освящались самою Церковію и были тѣсно связаны съ ея Богослуженіемъ и Таинствами. Вѣроисповѣдная разность служила для Русскихъ основою непреодолимаго отвращенія къ иновѣрцамъ. Въ силу этого всѣ иностранцы прежде всего лишались права посѣщать наши Православныя церкви и присутствовать при Богослуженіи. Иностранцы, проживавшіе въ Россіи, не разъ имѣли случай убѣдиться въ этомъ собственнымъ опытомъ: всѣ они одинаково жалуются на строгость Русскихъ въ этомъ отношеніи. (668) Посѣщеніе Православной церкви иновѣрцемъ въ глазахъ Русскаго человѣка казалось осквернѣніемъ Святыни наравнѣ съ осквернѣніемъ ея какимъ либо нечистымъ животнымъ: собакою и т. п., такъ что въ обоихъ случаяхъ церковь освящалась Св. водою и ладономъ. (669) Русскіе питали такое отвращеніе къ Католикамъ, что если бы Католическій Священникъ случайно отслужилъ миссу на ихъ престолѣ, то этотъ престолъ уже считался осквернѣннымъ и выбрасывался вонъ. (670) Гербиній, бывшій на югѣ Россіи и въ Москвѣ, говоритъ, что на Югѣ это отвращеніе къ иновѣрію и вообще къ иностранцамъ обнаруживалось не въ такой сильной степени, какъ на Сѣверѣ. Правда и на Югѣ Русскіе тоже не терпѣли, чтобы чужіе заглядывали во внутренность ихъ церквей, но въ Москвѣ Русскіе давали еще строже чувствовать эту отчужденность къ иновѣрцамъ. Когда Гербиній, въ бытность свою въ Москвѣ, однажды попытался войти, вмѣстѣ съ толпой, въ Успенскій Соборъ, то сторожа съ безчестіемъ вытолкали его назадъ. Такое поведеніе Русскихъ въ Московскомъ Государствѣ казалось Гербинію очень обиднымъ, особенно въ сравненіи съ тѣмъ гостепріимствомъ и радушіемъ, съ которымъ его принимали нѣкоторыя духовныя лица въ Кіевѣ: онъ хвалитъ ласковость Кіевлянъ и порицаетъ грубость и жестокость нравовъ Великоруссовъ. (671) Олеарій разсказываетъ, что когда, въ началѣ его путешествія, нѣкоторые изъ его спутниковъ, еще не знавшіе

этихъ обычаевъ Русскихъ, попытались войти въ церковь, то ихъ вывели за руки, и даже вымели за ними мѣсто. (672) Въ 1678 году, при заключеніи договора съ Австрійскимъ Посольствомъ, Царь приказалъ собраться въ придворную церковь для торжественнаго произнесенія клятвы. Таннеръ, находившійся при этомъ Посольствѣ, тоже участвовалъ въ этомъ обрядѣ. Стали входить въ церковь, но лишь только онъ переступилъ порогъ, Священникъ, тотчасъ узнавшій въ немъ иноземца, рѣзко обратился къ нему съ вопросомъ: «Какъ онъ смѣлъ войти въ это священное мѣсто, котораго онъ недостоинъ?» Однако жъ Таннеръ былъ пропущенъ. (673) Майербергъ тоже разсказываетъ, что на своемъ пути онъ хотѣлъ видѣть въ одномъ монастырѣ Чудотворную икону Божіей Матери, явленную подъ деревомъ, но Начальникъ монастыря отказалъ ему въ этомъ. (674) Чтобы проникнуть въ наши церкви, иностранцы иногда обращались за позволеніемъ къ высшей власти, и достигали своей цѣли, а иногда прямо обманывали Настоятелей, ссылаясь на небывалыя Царскія приказанія. Такъ Перри, желавшій осмотрѣть монастырь Св. Антонія, прибѣгъ къ послѣдней хитрости, объявивъ Настоятелю монастыря, будто онъ посланъ самимъ Царемъ, и только такимъ способомъ успѣлъ проникнуть въ церковь и увидѣть мощи Св. Антонія и его камень. (675) Но иностранцы, желавшіе тайно пробраться въ церкви, подвергали опасности свою честь и свободу. Вармундъ не совѣтуетъ дѣлать этихъ попытокъ ни кому, кто не желаетъ испытать кнута, или быть сосланнымъ въ Сибирь, если только не захочетъ принять Вѣру Русскихъ. А Колинсъ говоритъ, что за такія покушенія наказывали даже смертію. (676) Для Пословъ Западныхъ Государей назначены были даже особыя двери, которыми они должны были проходить, когда являлись ко Двору. Такъ какъ къ главному входу велъ путь чрезъ церковь Благовѣщенія, то сюда пропускали только Восточныхъ Православныхъ посѣтителей, а потомъ Западныхъ Государей проводили чрезъ другія двери, которыя открывались на внутренній дворъ. (677) Вмѣстѣ съ храмами для иновѣрцевъ оставалось закрытымъ и то, что находилось внутри ихъ: особенно были недоступны для нихъ такія вещи, которыя составляли предметъ особеннаго благоговѣнія вѣрующаго Христіянина, какъ, на прим., мощи. Олеарій говоритъ, что въ монастырѣ Св. Антонія показывали иностранцамъ только камень, на которомъ онъ прибылъ въ Нов-

городъ, да и то не всѣмъ. (678) По словамъ Корба, Русскіе въ этомъ отношеніи были снисходительнѣе къ Католикамъ, нежели къ Лютеранамъ и Кальвинистамъ. (679) Когда Посевинъ былъ въ Москвѣ, то Иванъ Грозный, даже съ особенною настойчивостію. домогался, чтобы онъ вошелъ въ Успенскій Соборъ. Послы Католическихъ Государей тоже присутствовали при нашемъ Богослуженіи. Но это не значитъ, что Русскіе готовы были терпѣть у себя Католиковъ болѣе, нежели Протестантовъ: они могли показывать имъ мощи, по тому что Латинская Церковь, вмѣстѣ съ нашей, содержитъ догматъ о почитаніи мощей. Русскіе относились съ одинаковою строгостію ко всѣмъ иновѣрцамъ: исключеній почти не было ни для кого, а если и допускались, то очень рѣдко, и это уже считалось знакомъ величайшей милости со стороны нашихъ Царей, а народъ смотрѣлъ на эту уступку, какъ на необычайное снисхожденіе. Когда 1672 г. пригласили Польскихъ Пословъ въ церковь, то это удивило весьма многихъ. (680) Этою милостію пользовались, главнымъ образомъ, Члены иностранныхъ Посольствъ; иногда сами Цари приглашали ихъ присутствовать при нашемъ Богослуженіи, особенно во дни большихъ церковныхъ праздниковъ и торжествъ, при совершеніи крестныхъ ходовъ, и т. п. Такъ Герберштейнъ въ оба свои Посольства былъ приглашенъ въ Успенскій Соборъ 15 Августа, въ храмовой день. (681) Почти всѣ писатели, принадлежавшіе къ членамъ Посольства, говорятъ, что они получали подобныя же приглашенія. Вармундъ замѣчаетъ, что Цари часто позволяли иностранцамъ ходить въ придворныя церкви. (682) Но и тутъ не обходилось безъ позора. Карлиль разсказываетъ слѣдующій случай изъ своего путешествія: онъ получилъ приглашеніе присутствовать при крестномъ ходѣ въ Вербное Воскресенье; Царь даже нарочно послалъ за нимъ коляску съ Стольникомъ и Приставомъ, которые должны были сопровождать его. Но когда Карлиль хотѣлъ войти въ церковь, Стольникъ бросился впередъ и остановилъ его такъ грубо, что тотъ едва могъ прійти въ себя. Посолъ сейчасъ уѣхалъ къ себѣ домой. Послѣ этого, по приказанію Царя, Стольникъ снова явился къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ и извинялся въ своемъ поведеніи тѣмъ, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ согласно вѣковому обычаю. (683) Но хотя высшія лица, Князья и Бояре, не всегда раздѣляли такой строгій взглядъ про-

стаго народа на иновѣрцевъ, однако жь и они должны были уступать народному воззрѣнію и чувству. Они сами не разъ предостерегали Пословъ отъ неблагоразумныхъ поступковъ въ этомъ отношеніи. Кобенцель замѣчаетъ, что онъ ни разу не присутствовалъ при нашемъ Богослуженіи, сколько по собственному нежеланію участвовать въ Богослуженіи Отщепенцевъ, столько и по тому, что Великій Князь не совѣтовалъ ему этого дѣлать, для избѣжанія нареканія Русскихъ, которые неохотно видѣли бы его въ Православной церкви. По этому Кобенцель стоялъ внѣ церкви, вмѣстѣ съ тѣми, которые не успѣли очиститься послѣ супружескихъ удовольствій. (684) Иногда даже духовныя лица оказывали болѣе вѣротерпимости, нежели простой народъ. Олеарій разсказываетъ, что на пути въ Москву онъ съ своими спутниками посѣтилъ монастырь Св Николая, который лежалъ при Волховѣ. Одинъ изъ монаховъ этого монастыря встрѣтилъ нашихъ путешественниковъ и даже поднесъ имъ въ подарокъ рѣдьку, огурцовъ, овощей и двѣ восковыя свѣчи; мало того, онъ, вопреки обычаю, отворилъ имъ даже церковь и, по ихъ желанію, облачился въ священническія одежды; онъ также показалъ имъ Славянскую Библію и прочиталъ нѣсколько строкъ изъ Евангелія Іоанна. Олеарій говоритъ, что этотъ монахъ повелъ бы ихъ изъ притвора во внутреннюю часть церкви, но тутъ явились стрѣльцы и стали требовать чтобы онъ выпроводилъ ихъ вонъ изъ храма. (685) Не пуская иновѣрныхъ въ свои церкви, Русскіе, въ свою очередь, считали грѣхомъ самимъ присутствовать при ихъ Богослуженіи. Правила Митрополита Іоанна запрещаютъ Православнымъ присутствовать при Богослуженіи Католиковъ. (686) Русскіе еще позволяли иногда иновѣрцамъ входить въ свои церкви, но имъ казалось совершенно неприличнымъ самимъ посѣщать ихъ Богослуженіе. Когда Петръ Великій сталъ посѣщать съ своими Боярами Лютеранскія и Реформатскія церкви, то такое поведеніе Царя казалось очень страннымъ. (687) Такъ какъ кладбища у насъ также считались мѣстами священными, то по этому запрещено было хоронить иностранцевъ на Православныхъ кладбищахъ. Беръ передаетъ, будто Густавъ, Принцъ Шведскій, призванный и обласканный Борисомъ Годуновымъ, былъ похороненъ въ Кашинскомъ монастырѣ Св. Димитрія Солунскаго, но его опровергаетъ другой современникъ, Петрей, который самъ видѣлъ могилу Принца и гово-

ритъ, что онъ былъ погребенъ близъ Кашина, въ березовой рощѣ. (688)

Охраняя тщательно Православныя церкви отъ осквернені́я, которое могло бы причинить посѣщеніе ихъ иновѣрными лицами, Русскіе старались держать въ такомъ же почтительномъ отдаленіи отъ этихъ лицъ и всѣ другіе предметы благоговѣйнаго почитанія и поклоненія. Въ этомъ отношеніи особенно много значило почитаніе иконъ. Любовь и особенная склонность къ иконопочитанію составляли одно изъ самыхъ рѣзкихъ отличій Русскихъ не только отъ Протестантовъ, но и отъ Католиковъ. По этому Русскіе принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы эти предметы ихъ благоговѣйнаго почитанія не потерпѣли какого ни будь поруганія и оскорбленія со стороны иновѣрныхъ. Въ смутныя времена иностранцы, знавшіе эту черту Русскихъ, пользовались ею для своихъ выгодъ: они грабили и похищали иконы, а Русскіе выкупали ихъ у воиновъ за самую дорогую цѣну. Одинъ Нѣмецъ у Русскаго купилъ домъ, въ которомъ внутреннія стѣны были расписаны священными изображеніями. Опасаясь, чтобы эта Святыня не подвергалась осмѣянію отъ иновѣрныхъ, бывшій хозяинъ соскоблилъ известку и самый этотъ мусоръ взялъ съ собою. Лютеране, хотя сами не почитали иконъ, но должны были держать ихъ въ своихъ домахъ ради прислуги, по тому что Русскіе иначе не соглашались и служить. Но Патріархъ Филаретъ велѣлъ повсюду забрать иконы изъ Нѣмецкихъ домовъ, которые онъ считалъ недостойными этой чести. Нѣкоторые изъ Русскихъ такъ строго чуждались иновѣрцевъ, что послѣ посѣщенія кѣмъ ни будь изъ послѣднихъ ихъ дома, тотчасъ приглашали Священника, чтобы онъ окурилъ ладономъ иконы, какъ будто онѣ были осквернены такимъ посѣщеніемъ. (689) По смерти Елены, Русской Княжны и жены Польскаго Короля, Александра, Русскіе просили возвратить имъ увезенную ею икону Божіей Матери, въ замѣнъ 51 плѣнника, которые были взяты во время прежней войны. Это требованіе Русскихъ подкрѣплялось опасеніемъ, чтобы ихъ икона не подвергалась худому обращенію среди Поляковъ, и чтобы они своими недостойными молитвами не восхищали у ней тѣхъ милостей, на которыя Русскіе только себя однихъ считали въ правѣ. (690) Если Русскій замѣчалъ, что кто ни будь изъ Православныхъ молился иконѣ, которая хотя чтилась Православными, но принадлежала Католику,

го онъ сейчасъ его останавливалъ и уговаривалъ перестать молиться, по тому что эта икона не ихъ Вѣры. Посевинъ разсказываетъ еще другой случай изъ путешествія нашихъ Пословъ, которые вмѣстѣ съ нимъ отправлялись въ Римъ. Въ Аримінѣ Префектъ города предложилъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ; наши Послы выбросили иконы хозяина изъ той комнаты, которую они занимали, и на ихъ мѣсто поставили свои образа. (691) Русскіе не почитали иконъ, которыя не были писаны Русскими, или Греческими, иконописцами, хотя бы этѣ иконы представляли собою изображенія ихъ собственныхъ Святыхъ и по своему достоинству превосходили ихъ домашнія издѣлія. Русскіе боялись, какъ бы вмѣстѣ съ иконой, не перешло отъ Западниковъ что ни будь не чистое. Если приходилось сбывать иконы, то опять старались передавать ихъ въ руки Православныхъ же, изъ опасенія, чтобы онѣ не осквернились у иновѣрныхъ. (692) Весьма замѣчательнымъ образчикомъ поведенія Русскихъ въ этомъ отношеніи можетъ служить, примѣръ Патріярха Никона. Въ это время, въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ Западными народами, особенно съ сосѣдями Поляками, нѣкоторые Русскіе Бояре начали усвоивать и ихъ обычаи, и такъ какъ Русскіе очень любили иконы, то они и стали привозить изъ Польши эти произведенія церковной живописи. Даже домашніе наши мастера иконной живописи стали усвоивать новые образцы и писать по нимъ иконы. Чтобы пресѣчь зло, Никонъ велѣлъ забрать всѣ иконы этого рода изъ частныхъ домовъ, кому бы онѣ ни принадлежали, потомъ приказалъ выколоть имъ глаза и въ такомъ видѣ носить по городу, при чемъ объявлялось Царское повелѣніе, что кто осмѣлится писать такія иконы, тотъ подвергнется наказанію. Но при томъ глубокомъ уваженіи, которое Русскіе питали къ иконамъ, этотъ поступокъ Никона легко могли счесть за оскорбленіе святыни, и, хотя бы въ другое время это дѣло не возбудило большаго ожесточенія, такъ какъ этѣ иконы не вполнѣ принадлежали Православной Церкви, но теперь раздраженное чувство Бояръ, оскорбленныхъ тѣмъ, что у нихъ насильно отняли иконы и выставили на позоръ самое ихъ имя, нашло удобный случай отмстить Никону и вмѣнить ему этотъ поступокъ въ вину: его обвинили въ иконоборствѣ. Въ это время появился моръ, въ слѣдъ за тѣмъ случилось затмѣніе солнца: все это было истолковано въ смыслѣ Божія гнѣва, который наказы-

ваетъ Русскую землю за оскорбленіе, нанесенное Никономъ, Св. иконамъ. Павелъ Діяконъ передаетъ, что озлобленіе Бояръ противъ Патріярха было такъ велико, что они покушались даже убить его въ отсутствіе Царя. Когда Царь возвратился изъ похода въ Литву, Никонъ опять поднялъ вопросъ объ иконахъ, тѣмъ болѣе, что теперь представился очень удобный случай поговорить объ этомъ предметѣ. Это было въ Недѣлю Православія. Царь самъ присутствовалъ при Обѣднѣ. По окончаніи Богослуженія Никонъ сталъ читать изъ Сборника поученій слово о почитаніи иконъ; на половинѣ своей бесѣды онъ велѣлъ выдвинуть впередъ иконы, писанныя въ древнемъ и новомъ вкусѣ, и сталъ доказывать, что иконы послѣдняго рода противны истинному духу церковной живописи, и тутъ же просилъ Патріярха Макарія засвидѣтельствовать, что нѣкоторыя изъ предстоявшихъ иконъ написаны по Западнымъ образцамъ. Оба Патріярха тутъ же произнесли проклятіе всѣмъ тѣмъ, кто будетъ писать, или пріобрѣтать, подобныя иконы. За тѣмъ Никонъ самъ сталъ перебирать каждую икону, которую онъ считалъ недостойною благочестиваго употребленія, показывалъ ее всему собранію и съ такою силою бросалъ на полъ, что она разбивалась тутъ же въ куски, которые онъ потомъ велѣлъ сжечь. Царь съ величайшимъ благоговѣніемъ внималъ каждому слову Никона, но его религіозное чувство очень смущалось такими рѣзкими дѣйствіями Патріярха. Онъ просилъ Никона какъ ни будь иначе покончить съ этѣми иконами, и не сожигать ихъ, а лучше зарыть въ землю. Предложеніе Царя было исполнено. (693)

Далѣе, иновѣрцы были устранены отъ участія въ нашихъ Таинствахъ и тѣхъ случаяхъ общественной и частной жизни, которыя освящались этими Таинствами; церковь всегда старалась своими мѣрами охранять вѣрныхъ отъ совращеній и заразы всякаго рода, а благо Православія требовало, чтобы его права ни сколько не ограничивались и не уменьшались даже и тамъ, гдѣ члены того и другого Вѣроисповѣданія приходили въ самую тѣсную связь между собою (на примѣръ, посредствомъ брачныхъ узъ) и гдѣ цѣлость Православія могла подвергаться разнымъ случайностямъ. Церковная власть и гражданское Правительство въ подобныхъ случаяхъ тщательно заботились о неприкосновенности

правъ Православія и старались предотвращать все, что могло вести за собою вредныя для него послѣдствія.

Такимъ образомъ, считая себя однихъ истинными Христіянами, Русскіе считали законнымъ и дѣйствительнымъ только тотъ образъ совершенія крещенія, который былъ въ Православной Церкви; по этому крещеніе Католиковъ и Лютеранъ, совершавшееся посредствомъ окропленія, въ описываемое нами время они считали неправильнымъ и какъ бы недостаточнымъ. (694) Впрочемъ, наша церковная практика въ этомъ случаѣ съ теченіемъ времени измѣнялась. Въ старину у насъ принимали Латинянъ только чрезъ отреченіе отъ ереси и покаянія. Герберштейнъ приводитъ правила принятія Латинянъ въ Православіе изъ извѣстныхъ вопросовъ и отвѣтовъ Кирика. Обращаемый долженъ былъ въ продолженіи 7 дней ходить въ церковь, гдѣ надъ нимъ ежедневно читали по 4 молитвы; во все это время онъ долженъ былъ воздерживаться отъ мяснаго и молочнаго, и на 8-й день, омывшись въ банѣ, прійти въ церковь. За Обѣднею онъ причащался, и съ этого времени считался новымъ Христіяниномъ. Такимъ образомъ, при всей близости нашего Вѣроисповѣданія къ Католичеству, переходъ Католиковъ въ Православіе былъ обставленъ нѣкоторыми условіями, которыя показываютъ, что Православные держали себя вдали отъ нихъ. Въ Правилахъ Митрополита Іоанна говорится, что, по обращеніи Латинянина, ему не слѣдуетъ тотчасъ предлагать Евхаристію, точно также какъ и Татарамъ и Язычникамъ. (695) Такой порядокъ присоединенія Латинянъ къ Православію существовалъ въ нашей Церкви до XVII вѣка; дотолѣ не принуждали къ перекрещиванію. Маржеретъ, издавшій впервые свое сочиненіе въ 1607 г., еще могъ написать, что Русскіе увольняютъ Католиковъ отъ второго крещенія. (696) Но вскорѣ обстоятельства измѣнились: смутныя времена причинили много зла Русскимъ, и Русскіе при этомъ хорошо видѣли, что причиною особенной жестокости и тяжести этихъ золъ было то, что враждебная народность принадлежала къ иному Вѣроисповѣданію. По этому, чтобы внушить и Православнымъ больше отвращенія отъ нихъ, и въ то же время возвысить въ собственныхъ глазахъ значеніе Православія, которое одно, при всѣхъ политическихъ и общественныхъ невзгодахъ, способно было внушить Русскому человѣку сознаніе его духовнаго преимущества предъ окружающимъ міромъ, и

укрѣпить его вѣру и надежду на будущее, церковная власть издала болѣе строгія постановленія противъ иновѣрныхъ. При Патріархѣ Филаретѣ было положено на Соборѣ перекрещивать всѣхъ иновѣрцевъ при переходѣ ихъ въ Православіе: у насъ перекрещивали даже отступниковъ, возвращавшихся снова въ лоно Православія. (697) Съ тѣхъ поръ мы, въ теченіи почти полутораста лѣтъ, встрѣчались съ свидѣтельствами иностранцевъ, которые, передавая это, высказываютъ вмѣстѣ и жалобы на эту строгость Русскихъ. Олеарій, Вармундъ, Корбъ и множество другихъ путешественниковъ, указываютъ на этотъ обычай нашей церковной практики, какъ на доказательство отчужденія и отвращенія Русскихъ отъ иностранцевъ. Впрочемъ, нѣкоторые писатели 2-й половины и даже конца XVII вѣка ошибочно представляютъ дѣйствіе этой практики, продолжавшееся и въ ихъ время. (698) Извѣстно, что Соборъ 1667 г. отмѣнилъ это временное постановленіе нашей Церкви. Одинъ писатель упоминаетъ объ этой перемѣнѣ, и справедливо замѣчаетъ, это эта отмѣна прежней практики сдѣлана на Соборѣ нѣсколькихъ Патріярховъ въ Москвѣ, и что послѣ того Католики, Лютеране и Кальвинисты, при переходѣ въ Православіе, не подвергались перекрещиванію, а только отрекались отъ своихъ отличительныхъ мнѣній, и за тѣмъ слѣдовали еще нѣкоторыя молитвы и обряды. (699) Но, съ другой стороны, мы полагаемъ, что нельзя совершенно отвергать свидѣтельствъ тѣхъ писателей, которые жили въ Россіи и писали уже послѣ Собора 1667 г. и которые, однако жь, говорятъ, что и послѣ этой поры Русскіе по прежнему продолжали перекрещивать иновѣрныхъ. Можно думать, что прежняя практика продолжала существовать по мѣстамъ и послѣ того, какъ она была отмѣнена на Соборѣ: разъ принятый обычай, державшійся въ теченіи продолжительнаго времени, не скоро могъ исчезнуть, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ за собою важныя историческія и племенныя причины. Такимъ образомъ, легко могло произойти, что на практикѣ, по мѣстамъ могло существовать то, что было отмѣнено. Извѣстно что Петръ Великій хлопоталъ о томъ, чтобы постановленіе Большаго Собора было исполняемо въ точности, и что его вмѣшательству надобно приписать то, что съ тѣхъ поръ дѣйствительно перестали перекрещивать Лютеранъ и Католиковъ. Такимъ образомъ упомянутыя свидѣтельства нѣкоторыхъ писателей конца XVII вѣка оправды

ваются историческими обстоятельствами. Бергъ передаетъ это односторонне: онъ все дѣло приписываетъ настоянію одного Царя, и самую перемѣну относитъ ко времени Петра Великаго. (700)

Вмѣстѣ съ крещеніемъ Русскіе отвергали Таинство брака, совершавшееся у иновѣрцевъ, такъ что при переходѣ въ Православіе семейныхъ лицъ, надъ ними, вмѣстѣ съ крещеніемъ, совершалось и Таинство брака. Майерберъ замѣчаетъ, что хотя бы кто 10 разъ былъ вѣнчаемъ въ Католической церкви, при переходѣ въ Православіе всѣ эти браки ему не вмѣнялись въ дѣйствительные. Бракъ Латинской Церкви Русскіе называли не супружествомъ, а наложничествомъ, и по тому если оба супруга, заключившіе бракъ въ Латинствѣ, переходили въ ихъ Вѣру, то они вновь перевѣнчивались. Дѣти, родившіяся отъ браковъ, заключенныхъ въ нѣдрахъ Католичества, въ глазахъ Русскихъ считались наравнѣ съ незаконнорожденными. «Такимъ образомъ, заключаетъ Майербергъ, не должно удивляться, что въ глазахъ Русскихъ мы, Католики, пользуемся такимъ презрѣніемъ.» (701) Въ видахъ распространенія Православія и устраненія возможности совращенія, правила нашей Церкви требовали, чтобы не Православныя лица при вступленіи въ бракъ съ лицомъ Православнымъ и сами принимали Православіе. (702) Если случалось, что оба супруга принимали Православіе, то надъ ними послѣ крещенія повторяли и Таинство брака. Если же одно изъ находящихся въ супружествѣ лицъ принимало Православіе, а другое нѣтъ, то мужъ, или жена, принявшіе Православіе, могли: первый жениться на другой, а вторая выйти за другого мужа. Словомъ, бракъ, совершившійся внѣ истинной Церкви, считался недостаточнымъ. По этой причинѣ Русскіе избѣгали брачныхъ связей съ иностранцами. (703) Еще Митрополитъ Іоаннъ писалъ: «чтобы Цари не выдавали своихъ дочерей за тѣхъ, которые питаются нечистою пищею и употребляютъ Евхаристію на опрѣснокахъ.» (704) Въ древнюю пору нашей Исторіи мы еще видимъ примѣры, что Русскіе Князья выдавали своихъ дочерей за чужихъ Королей, и что при этомъ онѣ принимали Католичество. Такъ, у насъ есть свидѣтельство Кромера, что сестра Ярослава, Марія, вышла замужъ за Польскаго Короля, Казимира, и, по принятіи Католичества, была названа Доброгнѣвою. (705) Баронію, подъ 1103 годомъ, приводитъ свидѣтельство Длугоша, что въ этомъ году Русская Княжна, Сбислава, съ разрѣшенія Папы, вступила

въ бракъ съ сыномъ Польскаго Короля, съ которымъ она находилась въ 4 степени родства. (706) Но этотъ обычай въ послѣдствіи долженъ былъ выйти изъ употребленія: къ этому неизбѣжно вело стремленіе Русскихъ къ замкнутости и ихъ отвращеніе къ иностранцамъ. Въ послѣдствіи эти случаи брачныхъ союзовъ сдѣлались рѣже и рѣже, и если бывали, то наши Государи, ради чести Православія, обязывали будущихъ родственниковъ хранить неприкосновенность Вѣры ихъ супругъ и не дѣлать имъ въ этомъ отношеніи ни какого стѣсненія. Такъ Иванъ III, выдавая дочь свою за Литовскаго Князя, Александра, выговорилъ условіе, чтобы для нея была выстроена въ Вильнѣ церковь. Живя среди иновѣрныхъ, эта княжна дорожила Православіемъ. По свидѣтельству Кромера, Елена гнушалась Латинскою Вѣрою. (707)

Описываемыя нами событія показываютъ отвращеніе Русскихъ отъ иностранцевъ въ области вѣры и религіозной практики. Но это отвращеніе не ограничивалось одною областію чисто религіозной жизни, а проникало весь бытъ Русскаго человѣка и налагало свой отпечатокъ на его домашнюю и общественную жизнь. Въ глазахъ Русскихъ, которые считали иновѣрцевъ нечистыми, всякое сближеніе съ послѣдними казалось уже осквернѣніемъ; по этому они избѣгали съ ними дружескаго обращенія и даже не удостоивали рукопожатія. По этому наши Великіе Князья и Цари послѣ торжественныхъ пріемовъ иностраннымъ Посламъ обыкновенно омывали руки, къ которымъ во время этихъ пріемовъ прикладывались Послы и которыя считались осквернѣнными такимъ прикосновеніемъ; для этого въ пріемной Палатѣ подлѣ Трона нарочно стоялъ сосудъ съ водою. (708) Герберштейнъ во время подобнаго пріема у Василія Ивановича видѣлъ, что съ права у него на лавкѣ лежала шапка, а съ лѣва палка съ крестомъ (посохъ) и тазъ съ двумя рукомойниками и ручными полотенцами. (709) Объ этомъ обычаѣ нашихъ Царей упоминаютъ почти всѣ писатели, которые въ своихъ описаніяхъ касаются способа пріемовъ у насъ иностранныхъ Пословъ. Посевину очень не-

время одного пріема. (710) Такъ у насъ поступали съ Послами Западныхъ Христіянскихъ Государей, а съ Послами не Христіянскихъ Державъ обходились еще строже. Вармундъ паредаетъ, что у насъ Турецкіе Послы вовсе не допускались къ Царской рукѣ. (711) Но это правило не всегда соблюдалось строго. Павелъ Діяконъ разсказываетъ, что во времена Михайла Ѳедоровича одинъ Турецкій Посолъ въ торжественномъ пріемѣ поцѣловалъ край Царской одежды, и Царь, въ знакъ особенной своей милости къ нему, возложилъ ему на голову свои руки. Но лишь только Посолъ вышелъ изъ комнаты, Царь тотчасъ поспѣшилъ омыть мыломъ свои руки, которыя были осквернены такимъ прикосновеніемъ. Маіербергъ замѣчаетъ, что наши Священники не подавали иностранцамъ руки въ знакъ гостепріимства, или даже вѣжливости, и тоже изъ опасенія осквернiться подобнымъ прикосновеніемъ. (712) Если такъ обращались съ иностранцами лица, принадлежавшія къ высшимъ слоямъ, то чего можно было ожидать отъ необразованной толпы, для которой иностранцы были также нечисты, какъ собаки? Вотъ какъ, на примѣръ, Бергъ описываетъ поведеніе нашихъ Раскольниковъ въ ихъ столкновеніяхъ съ иностранцами. «Эти люди, по его словамъ, до того чуждались всякаго общенія съ чужими, что даже отказывались присутствовать за однимъ столомъ съ человѣкомъ не ихъ убѣжденій.» Въ тогдашней Нигріи было много Раскольниковъ. Бергъ близко сошелся съ ихъ учителями, не разъ приглашалъ ихъ къ себѣ, и еще чаще самъ посѣщалъ ихъ, но никогда ни разу не удалось ему убѣдить ихъ съѣсть хотя одинъ кусокъ хлѣба въ его домѣ. (713) Правила Митрополита Іоанна, при всемъ мирномъ свойствѣ и доброжелательномъ чувствѣ къ ближнимъ, которымъ они проникнуты, предостерегаютъ Православныхъ отъ близкаго содружества съ иновѣрцами. Правда, они не внушаютъ враждебныхъ чувствъ, но все таки совѣтуютъ далеко держать себя отъ нихъ, и самую терпимость допускаютъ только какъ меньшее зло, какъ снисхожденіе Христіянской любви. Они позволяютъ Русскимъ, въ случаѣ необходимости, ѣсть съ Латиняномъ, но тотъ, кто допустилъ такое сближеніе, долженъ былъ очиститься отъ осквернения извѣстными молитвами. Всякое общеніе съ иновѣрцами уже считалось осквернениемъ. Такимъ образомъ путешественники, отправлявшіеся и возвращавшіеся изъ чужихъ краевъ, тоже считались осквернивши-

мися. По этому правило того же Митрополита требуетъ, чтобы купцы и путешественники, отправлявшіеся въ Римскія страны, не иначе допускались къ Причащенію, какъ послѣ предварительнаго примиренія съ Церковію извѣстными покаянными молитвами. Съ тою же цѣлію запрещено было продавать Православныхъ иновѣрцамъ, и даже находиться въ услугѣ у иновѣрныхъ. (714) Вообще Русскіе считали нечистыми всѣхъ, кто только отличался отъ нихъ по вѣрѣ, и очень гнушались ими. Если кому нужно было, на примѣръ, имѣть дѣло съ иностраннымъ купцомъ, то онъ не смѣлъ даже сходить къ нему на домъ, а лишь въ лавку; иначе лица, имѣвшія надзоръ за этимъ, сейчасъ ему замѣтили бы, что «онъ хочетъ сдѣлаться Нѣмцемъ.» А духовныя лица и монахи не должны были ни въ какомъ случаѣ входить въ какіе бы то ни было разговоры съ иностранцами: за этимъ очень внимательно слѣдили. (715) Русскіе не считали себя обязанными исполнять требованія приличія и уваженія тамъ, гдѣ исполненіе этого долга служило вмѣстѣ выраженіемъ почести и уваженія къ самому Вѣроисповѣданію иностранцевъ. Такъ Посевинъ замѣчаетъ, что Чиновники, приставленные къ сопровождавшимъ его, не вставали за обѣдомъ ни во время благословенія пищи, ни во время благодарственной молитвы, и не почитали его иконъ. (716) Впрочемъ, надобно замѣтить, что нѣкоторые Католическіе писатели, въ описаніи враждебныхъ отношеній къ Католикамъ, доходятъ уже до преувеличенія. Такъ, на примѣръ, Сакранъ къ числу заблужденій Русскихъ относитъ, между прочимъ, то, будто они думали, что тотъ, кто убьетъ Католика, заслуживаетъ полнаго снисхожденія, и что даже этотъ проступокъ вмѣняется ему въ заслугу; равнымъ образомъ будто думали, что ложная клятва, обманъ и даже прямой вредъ, причиняемый врагу, и особенно Католику, не вмѣняется въ грѣхъ. (717) Колинсъ сообщаетъ, что Русскіе считали позволительнымъ грабить иностранцевъ, и эту вину, по ихъ мнѣнію, легко было загладить: стоило лишь выстроить церковь, и снабдить ее множествомъ иконъ и колоколовъ. Тотъ же писатель замѣчаетъ, что Русскіе, между собою уважавшіе клятву, рѣдко сдерживали слово, данное непріятелю. Русскіе простирали свое необщеніе до того, что во имя отчужденія отъ всего иновѣрнаго, стѣсняли свободу искуства и отрицали облагороженіе изящнаго вкуса въ лучшихъ произведеніяхъ творчества, которыя могли бы сблизить

ихъ съ иноземцами. Тотъ же Колинсъ утверждаетъ, что у насъ мало употреблялась инструментальная музыка, и что Патріархъ запретилъ ее, руководствуясь именно тою мыслію, чтобы избѣжать сходства съ Латинянами. (718) Таннеръ думаетъ, что Русскіе осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, отличнымъ отъ Католиковъ способомъ, лишь только для того, чтобы даже видимымъ знакомъ выразить свое отличіе отъ нихъ. (719) Русскіе не желали, чтобы иностранцы даже по виду имѣли сходство съ ними. Многіе иностранцы, живя среди Русскихъ, которые всегда косо смотрѣли на нихъ, нарочно надѣвали Русскую народную одежду, и вообще усвоивали себѣ всю наружность Русскихъ, чтобы уничтожить внѣшнее отличіе отъ Русскихъ, и чрезъ это избѣжать многихъ непріятностей. Но это смѣшеніе иновѣрныхъ съ Православными было непріятно самимъ Русскимъ, и особенно церковной власти, которая имѣла причины домогаться, чтобы иностранцы не смѣли носить бороды и Русской народной одежды. Когда изданъ былъ объ этомъ Царскій приказъ, то одинъ богатый Армянинъ, бывшій переводчикомъ при Дворѣ и не хотѣвшій разстаться съ своею большою сѣдою бородой и Русскимъ платьемъ, предлагалъ Патріарху Никону 50,000 р., чтобы онъ только избавилъ отъ этого посмѣянія, которое ему пришлось бы испытать подъ конецъ жизни. Но Патріархъ твердо отвѣчалъ на это: «Крестись и будь такимъ, какъ каждый изъ насъ!» (720) До чего доходило въ Русскихъ сознаніе противоположности между ними и всѣми иностранцами не Православными, сознаніе своего превосходства по Вѣрѣ и, такъ сказать, высшаго идеальнаго совершенства, можно видѣть изъ того, что народъ внѣшнюю свою наружность ставилъ въ необходимую связь съ высшею степенью нравственной и богоугодной жизни. По этому, для изображенія нечестія и ереси, онъ бралъ краски и формы съ тѣхъ лицъ, которыя считалъ одинаково чуждыми и Православію и благочестію. Такимъ образомъ, легко объясняется обычай Русскихъ изображать на картинахъ страшнаго суда грѣшниковъ въ иноземномъ, Нѣмецкомъ, платьѣ. Олеарій разсказываетъ, что онъ видѣлъ такого рода икону въ монастырѣ Св. Николая, куда ввелъ его съ спутниками одинъ монахъ, о которомъ была у насъ рѣчь выше. Эта икона стояла надъ дверями, которыя изъ притвора вели въ самую церковь: на этой иконѣ одинъ грѣшникъ былъ изображенъ въ

Нѣмецкомъ платьѣ. Но, къ удивленію, монахъ, показывавшій эту икону, высказалъ при этомъ такія мысли, которыя меньше всего могли ити къ представленіямъ, которыя естественно вызывались самымъ смысломъ и значеніемъ изображенія. Указывая Олеарію на эту икону, онъ сказалъ, что и Нѣмцы и другіе народы были бы спасены, если бы они только имѣли Русскую душу и ни предъ кѣмъ не боялись дѣлать добро ради Бога. (721) Въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ Павелъ видѣлъ икону съ изображеніемъ преисподней: здѣсь грѣшники тоже были изображены въ видѣ Персовъ и Нѣмцевъ, которые съ яростію бросаютъ стрѣлы и направляютъ ружья и пушки на ликъ Спасителя (722)

При такомъ воззрѣніи Русскихъ на иностранцевъ въ Россіи, конечно, не могло быть не только полной личной свободы совѣсти, но даже полной юридической вѣротерпимости. Если у насъ терпѣли Лютеранъ, Кальвинистовъ и даже Католиковъ, то все это было дѣломъ одной милости и снисхожденія высшей власти, а не требованіемъ закона и права. Одно движеніе Царя и Патріярха могло лишить иновѣрцевъ всѣхъ ихъ правъ. Религіозная свобода, которою у насъ въ большей, или меньшей, мѣрѣ пользовались разные иновѣрцы, не была вполнѣ обезпечена какими ни будь положительными законами: здѣсь все зависѣло объ благоусмотрѣнія Царя и Патріярха. Настойчивое требованіе Патріярха могло быть уже достаточнымъ основаніемъ принятію по отношенію къ иновѣрцамъ всѣхъ мѣръ, какія онъ только считалъ нужными для пользы и чести Православія. А чувство отвращенія и недоброжелательства къ иностранцамъ, чуждымъ намъ по Вѣрѣ и племени, всегда давало пищу безпокойнымъ и щекотливымъ движеніямъ страстей, которыя выражались недружелюбными, отношеніями. Наша исторія представляетъ много примѣровъ этого рода. Сдѣлай какой ни будь иностранецъ выходку противъ Православія, отзовись нескромно о нашей Іерархіи и т. п., и вотъ народное озлобленіе уже готово вступить въ свои права; достаточно было простаго нелѣпаго слуха, чтобы разжечь народныя страсти и поднять толпу на ноги. А тутъ еще примѣшивалось вліяніе высшей церковной Іерархіи, которая, по самому долгу пастырства, стояла на стражѣ Православія и, заправляя народнымъ чувствомъ, болѣе, или менѣе, давала чувствовать свою силу и давленіе чужимъ Вѣроисповѣданіямъ. Оскорбленное, на-

родное и религіозное, чувство народа всегда готово было наказать всякаго, кто осмѣливался неосторожно его затронуть. Такъ, на примѣръ, это чувство было раздражено уже извѣстнымъ безразсуднымъ поступкомъ жены Лесли. Требуя удовлетворенія, оно нашло Нѣмцевъ и въ Кукуѣ; толпа выбросила изъ Нѣмецкихъ кирокъ алтари и проповѣдническія каѳедры и оборвала даже крыши. Послѣ этого хотя позволили Нѣмцамъ сдѣлать новую крышу, но не дозволили имѣть ни алтарей, ни проповѣдническої каѳедры. (723) Какъ были неполноправны въ религіозномъ отношеніи даже тѣ изъ иностранцевъ, которые пользовались у насъ сравнительно большею терпимостію, можетъ служить слѣдующей случай. Одинъ членъ Австрійскаго Посольства въ Москвѣ, въ 1678 г., полюбилъ одну Нѣмку вдову и захотѣлъ на ней жениться. Ея отчимъ отправился въ Приказъ испросить позволеніе на этотъ бракъ, но ему отказали. Членъ Посольства, въ надеждѣ на свои права и покровительство своего Правительства, рѣшился обвѣнчаться тайно. Два дня пировали новобрачные съ гостьми, но на третій неожиданно является стража и забираетъ тѣхъ, которые не успѣли убѣжать. Вдову подвергли наказанію батогами, и дали ей 50 ударовъ, а ея отчиму—100. (724) Даже высокія лица не изъяты были отъ непріятностей и насилій среди Русскихъ, которые не стѣснялись ни какими правилами тамъ, гдѣ дѣло шло о спасеніи чести и значеніи Православія. Такой случай былъ въ царствованіе Бориса Годунова. Онъ вызвалъ Шведскаго Принца, Густава, который въ своемъ отечествѣ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ враговъ, и предлагалъ ему выдать за него свою дочь и помочь овладѣть престоломъ, если онъ приметъ Православіе. Но Густавъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ лишиться свободы и умереть, нежели вносить войну въ свое отечество и измѣнить своей Вѣрѣ. Въ слѣдствіе этого отказа и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, Борисъ былъ такъ раздраженъ противъ Густава, что, не смотря на то, что этотъ Принцъ уже два года пользовался его милостями, велѣлъ отнять у него всѣ Царскія принадлежности (regiam supellectilem), серебро, посуду, платье, даже приставилъ къ нему караулъ и морилъ нѣсколько дней голодомъ и жаждой. Но потомъ онъ смягчился и подарилъ ему Угличское Княжество. (725) Въ смутныя времена совершилось много событій, въ слѣдствіе которыхъ Русскіе еще съ большею непа-

вистію стали относиться къ иностранцамъ, нежели прежде. Теперь весь народъ былъ настроенъ враждебными къ нимъ чувствами, по тому что они много причинили ему бѣдствій и горя: обыкновенное недружелюбіе превратилось теперь въ открытую вражду, а раздраженное чувство готово было отъ малѣйшаго повода перейти въ гнѣвъ и мщеніе. Лютеранскій Пасторъ, Мартинъ Беръ, живший въ Россіи именно въ смутныя времена, горько жалуется на тогдашнее положеніе Нѣмцевъ въ Россіи. Онъ, по примѣру Пророка Іереміи, 1610 г., написалъ акростихами элегію, въ которой оплакиваетъ бѣдственную участь своихъ единоземцевъ и единовѣрцевъ, къ которымъ Русскіе относились съ крайнимъ призрѣніемъ и враждебными чувствами. Этому стихотворенію онъ далъ названіе «Плачъ;» и дѣйствительно, по тону рѣчи видно, что много горя и скорбей испытала душа, которая издала эти звуки. Это стихотвореніе такъ занимательно, что мы не считаемъ лишнимъ представить изъ него въ прозаическомъ переводѣ два, три, куплета. «Русскіе, говоритъ Беръ, повсюду стараются истребить Нѣмцевъ: куда ни обратишь взоры, видишь, что кругомъ на насъ дышетъ всеобщая вражда. Царь, Бояре и весь народъ не могутъ насъ терпѣть, и горе тому, кто осмѣлится сказать что ни будь вопреки имъ: такого человѣка можно счесть погибшимъ. Они нарушаютъ и осмѣиваютъ слова Божія, и мы не можемъ ихъ защитить, насъ повсюду влекутъ на смерть.». . . . Пасторъ взываетъ къ Богу, чтобы Онъ избавилъ ихъ изъ этѣхъ кровавыхъ рукъ и вывелъ ихъ изъ этой земли на прекрасные берега Аа Элегія состоитъ изъ 12 куплетовъ, начинающихся буквами, которыя въ совокупности составляютъ имя: «Martinus Beer.» Стихотвореніе проникнуто глубокимъ чувствомъ скорби и томленія, которымъ наполнены сердца людей, живущихъ между людьми, не знающими справедливости и добродѣтели. Ее пѣли въ киркахъ каждый разъ послѣ проповѣди; усилившіяся бѣдствія заставили потомъ Бера удалиться въ Ригу. (726)

Такой порядокъ вещей продолжался еще долго послѣ смутныхъ временъ, почти до конца XVII вѣка, когда, если не общество, то, по крайней мѣрѣ, Правительственная власть измѣнила свой взглядъ на иностранцевъ. Время царствованія Петра Великаго памятно для всѣхъ иностранцевъ расширеніемъ религіозной свободы, которою они съ тѣхъ поръ стали пользоваться въ большихъ размѣрахъ, нежели прежде. Вармундъ разсказываетъ, что

въ его время Евангелики имѣли 3 церкви: двѣ деревянныхъ и одну каменную, на постройку которой самъ Петръ отпустилъ камня; Реформаты тоже имѣли въ Нѣмецкой Слободѣ красивую, каменную церковь, а въ разстояніи 8 Нѣмецкихъ миль отъ Москвы у нихъ была еще одна церковь со школою. Лютеране и Кальвинисты, хотя и прежде имѣли церкви, но, по настоянію Патріярха, они лишены были права употреблять колокола и строить колокольни; во времена же Петра это право снова было имъ уступлено. Самъ Царь посѣщалъ церкви иностранцевъ, находившіяся въ предградіяхъ, и, въ свою очередь, далъ иностранцамъ позволеніе входить въ Православныя церкви, а одинъ иностранецъ, по его приказанію, былъ даже погребенъ на Православномъ кладбищѣ. (727) Въ 1702 году Петръ Великій издалъ Указъ, установлявшій общую вѣротерпимость; этотъ Указъ приводится у Берга въ слѣдующемъ видѣ: «Такъ какъ въ нашемъ Государствѣ, писалось между прочимъ въ Указѣ, еще издавна повсюду царствовала свобода Вѣры, то мы подтверждаемъ эту свободу, и, не дѣлая никому насилія въ дѣлахъ Вѣры, дозволяемъ всякому самому заботиться о своемъ душевномъ спасеніи. По этому строго слѣдуетъ наблюдать, чтобы никто не терпѣлъ ни какого препятствія въ свободномъ отправленіи, какъ общественнаго, такъ и частнаго, своего Богослуженія, и чтобы эта свобода всячески была обезпечена въ тѣхъ мѣстахъ Государства, гдѣ доселѣ ея не было, равно и въ войскахъ, гдѣ находились не только иностранные Офицеры, а даже цѣлые отряды состояли изъ иновѣрцевъ, которые оставались безъ проповѣдниковъ.» Теперь и иностранцамъ въ столицѣ дарованы были тѣ же права и привилегіи, какими они пользовались въ Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ: имъ давалось право строить церкви, содержать Пасторовъ и совершать Богослуженіе и Таинства.» (728) Но даже и въ то время, когда свѣтская власть уже благосклоннѣе стала смотрѣть на иновѣрцевъ, а въ томъ числѣ и на Католиковъ, власть духовная по прежнему не хотѣла имѣть съ ними ни какихъ сдѣлокъ, и Патріархъ Іоакимъ запретилъ строить костелы. (729) Однако жъ, со временъ Петра и Католики вздохнули свободнѣе. Рядъ безплодныхъ попытокъ къ учрежденію въ Москвѣ постояннаго мѣста церковнаго открытаго Богослуженія увѣнчался наконецъ успѣхомъ. Въ 1705 году, Петръ Великій издалъ Указъ, дававшій Католикамъ право сво-

бодпаго Богослуженія и право строить церкви, а путешественникамъ свободный пропускъ на Востокъ. (730) Со временъ Петра измѣнилась и самая форма письменныхъ сношеній между нашимъ и Римскимъ Дворами. Въ XVI и XVII вѣкахъ (до Петра) Папа въ посланіяхъ нашихъ Царей называется «Учителемъ и Пастыремъ» Римской Церкви; за то Папы, въ свою очередь, именовали нашихъ Царей только Великими Князьями. При взаимныхъ сношеніяхъ часто возникалъ споръ объ умаленіи титула нашихъ Государей; во 2 половинѣ XVII вѣка этотъ вопросъ занялъ вниманіе цѣлой Коммисіи ученыхъ богослововъ Римской Церкви, и былъ рѣшенъ къ чести нашихъ Государей. (731) При Петрѣ домагались, чтобы Папѣ давали титулъ «Святѣйшаго Господина и Отца.» Хотя этого титула и не дали, но въ 1698 году Посолъ Шереметевъ въ своей рѣчи называлъ Иннокентія XII «Верховнымъ Римскимъ Первосвященникомъ, пастыремъ пастырей, непогрѣшимымъ учителемъ Православной Христіянской Церкви, Намѣстникомъ Христа.» Кромѣ того Шереметевъ склонился предъ Папою на колѣни, поцѣловалъ его ногу. Это вскружило голову Езуитамъ, и одинъ изъ нихъ такъ отозвался о нашемъ Посланникѣ: «Очевидно, этотъ человѣкъ очень близокъ ка Царствію Божію и стоитъ на пути къ обращенію: онъ былъ бы Апостоломъ въ Москвѣ.» Но эти пріятныя надежды должны были остаться безплодными. (732)

2. Отношенія къ Православному міру.

Таковы были взгляды Русскихъ на иновѣрныхъ, преимущественно Западныхъ иностранцевъ и отношенія къ нимъ. Но далеко иначе смотрѣли наши предки на единовѣрныхъ братій Востока, съ которыми имъ также часто приходилось сталкиваться: съ ними связывало ихъ главнымъ образомъ единство Вѣры, и это единство было основою и болѣе близкихъ и дружелюбныхъ взаимныхъ сношеній. Русская Церковь, получившая свое начало отъ Константинопольской, поддерживала съ нею сношенія, какъ съ своею Митрополіей, но, кромѣ канонической зависимости, у нея были и другія связи съ этою Церковію, которыя не порвались и послѣ того, какъ каноническая зависимость вовсе прекратилась. Восточная Церковь всегда служила для насъ образцомъ нашей догматичестой науки и Церковной практики. Бывъ обязана своимъ происхожденіемъ Восточной Церкви, наша Церковь всегда

держалась единства съ Церковію Восточною, наши Іерархи постоянно обращались къ Восточнымъ въ важнѣйшихъ случаяхъ, касавшихся Богослуженія, Вѣроученія и Благочинія. Съ первыхъ же временъ введенія у насъ Христіянства между нашею и Восточными Церквами установились постоянныя сношенія и взаимный обмѣнъ братскихъ чувствъ и утѣшенія. Эти естественныя отношенія между Россіей съ одной стороны, и Константинополемъ, Іерусалимомъ и другими Патріярхами съ другой, съ тѣхъ поръ уже никогда не прекращались. Изъ Россіи отправлялось на Востокъ множество путешественниковъ. Одни изъ нихъ предпринимали путешествія по чисто церковнымъ дѣламъ, другихъ влекло туда одно чувство благочестія. Съ другой стороны, представители Восточныхъ Церквей то сами лично пріѣзжали въ Россію, то еще чаще посылали другихъ лицъ для сбора подаяній, или для участія въ устройствѣ нашихъ церковныхъ дѣлъ. Русскіе видѣли въ Восточныхъ пастыряхъ своихъ учителей и руководителей, и по тому всегда относились къ Патріярхамъ съ полнѣйшимъ почтеніемъ и уваженіемъ, равно какъ и всегда питали чувства Христіянской любви къ Восточнымъ Христіянамъ. Въ свою очередь Восточные Христіяне, тѣснимые Мусульманствомъ, подверженные всѣмъ случайностямъ чужаго ига, просили у насъ облегченія своему матеріяльному положенію. Русскіе сами сознавали это свое назначеніе, и не жалѣли подаяній, чтобы облегчить участь своихъ единовѣрныхъ братій.

Такимъ образомъ между Россіей и Православными Восточными Церквами съ самаго начала установилось, и потомъ постоянно продолжалось, общеніе и братскій обмѣнъ добрыхъ чувствъ и взаимнаго вспомоществованія.

Въ Россію пріѣзжало много лицъ изъ разныхъ странъ Православнаго міра; главною цѣлію и побужденіемъ подобныхъ путешествій служила надежда на милостыню и матеріяльное вспомоществованіе. Даже и тогда, когда эти лица пріѣзжали къ намъ по дѣламъ чисто церковнымъ, эта надежда стояла у нихъ на первомъ планѣ, и исполненіе ея служило самымъ лучшимъ и пріятнымъ утѣшеніемъ за всѣ трудности и невзгоды, которыя пришлось испытывать имъ во время продолжительнаго и труднаго пути. Этого не скрывали сами наши путешественники: примѣромъ такого чистосердечнаго признанія можетъ служить путешествіе

уже извѣстнаго намъ Павла Діякона. Лишь только наши Сирійскіе путешественники заняли приготовленныя имъ жилища въ Москвѣ, въ монастырѣ Св. Аѳанасія и Кирилла, они первымъ долгомъ своимъ сочли возблагодарить Бога за то, что имъ благополучно пришлось прибыть на мѣсто; но въ то же время они просили Бога и о томъ, чтобы Онъ также благополучно устроилъ и обратный ихъ путь изъ Россіи съ нагруженными богатствами. (733) Мы увидимъ, что эти молитвы и надежды ихъ вполнѣ оправдались.

Что касается Церкви Константинопольской, то, въ слѣдствіе канонической зависимости, наши Митрополиты вносили ей ежегодно извѣстную сумму денегъ, и даже послѣ того, какъ эта зависимость прекратилась, нашъ Митрополитъ не переставалъ посылать туда милостыню, «чтобы, какъ выражается Фаберъ, передающій это, Патріархъ Константинопольскій могъ спокойно жить и ждать конца Египетскаго ига: Русскіе считали нечестивымъ дѣломъ оставлять безъ всякой помощи того, чью власть они изначала признавали.» (734) Подарки Московскаго Митрополита Патріарху въ описываемое нами время, хотя не имѣли обязательнаго значенія, тѣмъ не менѣе они составляли правильный доходъ Патріарха, который достигалъ значительной цифры. Во времена Посевина эти ежегодныя пожертвованія восходили до 500 золотыхъ. (735) По словамъ Горсея, эта добровольная дань прекратилась съ уничтоженіемъ зависимости Русской Церкви отъ Константинопольскаго Патріарха и съ учрежденіемъ Патріаршества въ Москвѣ. (736) Кромѣ этой дани, Иванъ Грозный, чрезъ каждые три года, посылалъ деньги разнымъ Восточнымъ Патріархамъ и монастырямъ, а по случаю смерти своего сына онъ туда же послалъ чрезъ путешественниковъ около 20,000 р. на поминъ души и для милостыни. (737) Что касается Южной Россіи, то она въ церковномъ отношеніи осталась подвластною Константинопольскому Патріарху и послѣ того, какъ въ Москвѣ былъ уже свой Патріархъ, и мы имѣемъ свидѣтельство Павла, что Кіевскій Митрополитъ по прежнему посылалъ подарки Константинопольскому Патріарху. (738) Кромѣ добровольныхъ пожертвованій, которыя получали отъ насъ Восточные Христіяне въ видѣ милостыни, они имѣли въ своихъ рукахъ еще особенныя средства, которыми располагали нашихъ предковъ къ щедрости и пожертвованіямъ. Это мощи и другіе предметы Христіянскаго благочестія, которые

они приносили къ намъ съ разныхъ мѣстъ Востока и за которые получали богатую милостыню, а когда прекратилась правильная выдача пособія, то эти средства пріобрѣли въ глазахъ Восточныхъ Христіанъ еще большее значеніе. Съ этого именно времени, замѣчаетъ Олеарій, каждогодно по два, по три, раза приходили изъ Константинополя и Іерусалима въ Россію Греческіе монахи, которые приносили съ собою вызолоченныя кости Святыхъ и другія мощи, иконы, и, въ замѣнъ того, получали большія деньги. Такъ въ 1649 году Іерусалимскій Патріархъ, Паисій, прибылъ съ нѣсколькими монахами въ Москву и привезъ съ собою земли отъ Св. Гроба и Іорданскую воду. Онъ былъ милостиво принятъ Царемъ и Патріархомъ и получилъ въ подарокъ около 50,000 червонцевъ. Но всѣ эти подарки золотомъ, деньгами, соболями, и шелковыми матеріями на обратномъ пути были него отняты Турками, которые оставили ему лишь священные предметы и книги. (739) Рейтенфельсъ передаетъ, будто Алексѣй Михайловичъ только за частичку креста Господня далъ Патріарху 100,000 рублей и обѣщалъ, по примѣру предковъ, покровительствовать и помогать Восточнымъ Христіянамъ. (740) Русское Правительство, посылая Арсенія на Аѳонъ за старыми книгами, вмѣстѣ съ нимъ отправило туда и огромное количество денегъ. Кромѣ того, наши Цари раздавали еще, какъ частнымъ лицамъ, такъ и различнымъ монастырямъ на Востокѣ, грамоты, въ силу которыхъ они получали право собирать у насъ въ извѣстные сроки милостыню. Всякій, кто имѣлъ такую грамоту, чрезъ каждые 3, или 6, лѣтъ являлся въ Россію и безпрепятственно былъ пропускаемъ внутрь страны для сбора подаяній. Аѳонскіе монастыри издревле стали получать отъ нашихъ Царей такія грамоты съ золотыми печатями, въ силу которыхъ они пріобрѣтали право чрезъ каждые 3 года посылать за сборомъ такихъ подаяній. Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ имъ это право по примѣру своихъ предковъ; такія же грамоты онъ далъ Сирійскому и многимъ другимъ знаменитымъ монастырямъ Востока. Павелъ замѣчаетъ, что въ его время правомъ подобныхъ сборовъ въ Россіи пользовались Патріархи Іерусалимскій, Александрійскій, и что даже недавно предъ этимъ поставленный Патріархъ Константинопольскій успѣлъ уже послать своего Митрополита, и съ сожалѣніемъ прибавляетъ, что только одинъ его Патріархъ

Антіохійскій не пользовался этою милостію, и то только по тому, что онъ не напоминалъ о себѣ такъ часто, какъ другіе. (741)

Такимъ образомъ, Русскіе посылали милостыню по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ Востока, и щедро дарили лицъ, которыя являлись въ Россію для сбора подаяній; эти подаянія далеко превосходили собою пожертвованія перваго рода. Чтобы видѣть, въ какомъ богатствѣ стекались къ нимъ эти пожертвованія и какой характеръ имѣли путешествія разныхъ духовныхъ особъ, являвшихся въ Россію, стоитъ только прочитать путешествіе Павла Діакона. Это путешествіе можетъ служить характеристикою всѣхъ другихъ подобныхъ же путешествій Восточныхъ Святителей. Описаніе этого путешествія, составленное спутникомъ Патріарха Макарія, Архидіякономъ Павломъ, представляетъ собою въ высшей степени важное для насъ сочиненіе, именно въ томъ отношеніи, что въ немъ мы встрѣчаемъ очень тщательное и подробное описаніе всѣхъ пріемовъ и подарковъ, которые у насъ дѣлались Сирійскимъ путешественникамъ разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ. Изъ этого описанія мы узнаемъ, сколько выдавалось на содержаніе такимъ высокимъ путешественникамъ и ихъ сопровождавшимъ, какіе подарки они получали отъ Царя и другихъ, какими правами пользовались при сборѣ подаяній и т. д.; словомъ, пріемъ, оказанный Патріарху Макарію, можетъ служить образчикомъ пріема, который у насъ оказывался всѣмъ высшимъ Іерархамъ, которые пріѣзжали къ намъ по разнымъ церковнымъ дѣламъ и вмѣстѣ за сборомъ подаяній. Было бы утомительно описывать всѣ пріемы, какіе были оказаны Патріарху Макарію во время его путешествія по Россіи, и пересчитывать всѣ подарки, которые онъ получалъ при этихъ встрѣчахъ; мы ограничимся только важнѣйшими.

Такъ, прежде всего Патріарху Макарію и его сопровождавшимъ во время ихъ путешествія давались даровыя подводы и суточное содержаніе. Когда они проѣзжали по Южной Россіи, Гетманъ Хмельницкій приказалъ выдавать Патріарху для проѣзда лошадей и повозки, да сверхъ того ему отпускались деньги на путевыя издержки до самыхъ границъ Московскаго Государства; въ особомъ реестрѣ было подробно обозначено, сколько чего нужно было выдавать Патріарху на его содержаніе. (742) Но болѣе подробныя свѣдѣнія объ ихъ путешествіи мы встрѣчаемъ у Павла за то время, когда

они находились уже въ Московскомъ Государствѣ. По словамъ Павла, у насъ существовалъ обычай выдавать путешественникамъ ежедневное содержаніе деньгами, а не продовольствіемъ, такъ что во всю дорогу отъ Путивля до Москвы имъ ни въ городахъ, ни въ селахъ, никто не подалъ даже куска хлѣба. Этимъ Русскіе, по замѣчанію Павла, хотѣли выразить особенное расположеніе къ путешественникамъ, по тому что предостовляли имъ на волю пріобрѣтать за деньги то, или другое блюдо. Вотъ подробный реестръ суточнаго содержанія на каждое изъ сопровождавшихъ ихъ лицо. Самому Патріярху ежедневно выдавалось на содержаніе по 25 коп., Архимандриту 10, Протосингелу 7, Архидіякону тоже 7, Казначею 6, Келарю тоже, второму Келарю 5, Переводчику 4, а остальнымъ лицамъ каждому по 3 коп. Кромѣ того. Воевода далъ на дорогу (отъ Путивля до Москвы) громадный запасъ продовольствія, хлѣба, сушеной рыбы, нѣсколько боченковъ водки, меду, пива и проч. Этотъ запасъ съѣстнаго былъ выданъ на 14 дней. Во время пребыванія Макарія въ Москвѣ ему шло кушанье изъ Царской приспѣшной, ежедневно: хлѣбъ, 4 рыбныхъ блюда, икра и много напитковъ изъ темно-красной и свѣтло-желтой водки, въ праздники же и торжественные дни давали и болѣе обильную трапезу; а для сопровождавшихъ, кромѣ меду, еженедѣльно отпускался боченокъ квасу. Въ послѣдствіи содержаніе Патріярха еще болѣе было увеличено, и ему лично ежедневно выдавалось по 1 рублю, и на содержаніе всѣхъ его сопровождавшихъ ежедневно выходило 4—5 рублей. И Павелъ замѣчаетъ, что на такомъ содержаніи они пробыли цѣлыхъ двагода. (743)

Кромѣ всѣхъ удобствъ, доставляемыхъ радушнымъ гостепріимствомъ, наши путешественники еще пользовались у насъ добровольными приношеніями и подарками, которые доставляли имъ богатый доходъ. Куда они ни являлись, ихъ вездѣ дарили; а они любили являться къ важнымъ, Правительственнымъ, лицамъ, любили посѣщать болѣе богатые монастыри; слѣдовательно, имъ приходилось получать болѣе цѣнные и дорогіе подарки. Сирійцы проѣхали поперекъ всю Россію, объѣхали богатѣйшіе монастыри служили въ нихъ по нѣскольку разъ. Каждое служеніе ихъ оплачивалось какими ни будь подарками, состоявшими въ иконахъ съ дорогими окладами и тому подобныхъ вещахъ; при этомъ обыкновенно дарили храмовую икону церкви, или монастыря, или

какую ни будь другую. Такіе подарки давали имъ вездѣ, куда они лишь ни являлись. Мы опишемъ подарки, которые они получали въ болѣе замѣчательныхъ и богатыхъ мѣстахъ. Такъ, въ монастырѣ Св. Антонія братія подарили Сирійцамъ икону сего Святаго, оправленную въ золотой окладъ, и большое количество денегъ, да, сверхъ того, каждому члену изъ сопровождавшихъ также дали извѣстное число денегъ, которыя, по обычаю тогдашняго времени, вручались завернутыя въ бумагу. Въ монастырѣ Св. Николая (въ 10 верстахъ отъ Новгорода) имъ подарили икону сего Святителя, икону Св. Евѳимія, бывшаго Митрополита Новгородскаго, серебряную чашу, платье изъ камки и деньги; такіе же подарки были розданы и спутникамъ Патріярха Макарія. Въ Хутынскомъ монастырѣ Патріярху подарили икону Св. Варлаама въ золотомъ окладѣ, серебряную позолоченную чашу, двѣ одежды изъ атласной матеріи и камчатнаго шелку, а его спутникамъ розданы были иконы и деньги. Когда Макарій уѣзжалъ изъ Новгорода, Митрополитъ подарилъ ему отъ себя большую серебряную позолоченную чашу, внутри которой были положены деньги; кромѣ того, нѣсколько одеждъ изъ шелку и камки, икону Спасителя въ золотомъ окладѣ, а спутникамъ его роздалъ деньги. Воевода, съ своей стороны, поднесъ путешественникамъ такіе же подарки. Когда Макарій оставлялъ устроенный Царемъ новый монастырь, Економъ и Казначей этого монастыря принесли ему въ подарокъ за его труды и службу сорокъ соболей, икону въ золотомъ окладѣ, золотую чашу, кусокъ атласу, большой хлѣбъ, нѣсколько боченковъ напитковъ; при этомъ, разумѣется, не забыли и его спутниковъ. Въ дѣвичьемъ монастырѣ за одно служеніе дали икону Божіей Матери. Но особенно частыя приглашенія къ священнодѣйствію Патріярхъ Макарій получалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря: здѣшнія монахини каждый разъ выходили къ нему на встрѣчу и провожали его въ церковь съ пѣніемъ, которое услаждало душу; пока Патріярхъ прикладывался къ иконамъ, онѣ пѣли: «Достойно есть»... а потомъ всѣ подходили къ нему за благословеніемъ. Въ своей трапезной онѣ угощали высокихъ гостей разными жареными постными блюдами и напитками, которые вовсе не были извѣстны монахинямъ другихъ женскихъ монастырей. За обѣдомъ Патріярхъ часто посылалъ отъ себя блюдо какой ни будь монахинѣ; монахиня, получившая подарокъ, выходила изъ

за стола и кланялась ему въ ноги. Послѣ обѣда онѣ однажды поднесли ему икону Божіей Матери и шелковыя вязанныя четки, а при его отъѣздѣ подарили ему еще хлѣбъ. (744) Мы передали лишь нѣсколько данныхъ, но достаточно и этихъ данныхъ, чтобы составить себѣ приблизительное представленіе о количествѣ и стоимости подарковъ, которые собирались Сирійскими путешественниками, а множество другихъ случаевъ подобныхъ подаяній нами даже не затронуто. Стоитъ только взять во вниманіе, что всякое служеніе Патріярха не обходилось безъ благодарности, если только онъ служилъ по частнымъ случаямъ и просьбамъ (а такихъ служеній было очень много), чтобы видѣть, что въ продолженіи 2-хлѣтняго пребыванія Сирійцевъ въ Россіи у нихъ должно было накопиться огромное количество однихъ драгоцѣнныхъ иконъ, не говоря о другихъ подаркахъ. Эти подарки составляютъ только тѣ приношенія и пожертвованія, которыя собирали пріѣзжіе Патріярхи и другія лица во время самаго проѣзда и путешествія по Россіи. Но этимъ лицамъ, сверхъ того, назначались особенные монастыри и церкви, въ которыхъ они могли постоянно служить и собирать милостыню. Павелъ говоритъ, что всякій пріѣзжій Патріярхъ просилъ у Царя позволенія посѣщать извѣстные монастыри и служить въ нихъ Обѣдни. Въ Москвѣ было 5 такихъ монастырей, именно: Чудовскій, два дѣвичьихъ, Спаскій и Симоновскій; кромѣ того имъ предоставляли еще въ пользованіе церковь Благовѣщенія. Въ каждомъ изъ этихъ монастырей Патріярхъ Макарій служилъ много разъ во время своего пребыванія въ Москвѣ. Что касается Царскихъ монастырей, то всякій разъ, какъ только Патріярхъ желалъ служить въ нихъ, онъ долженъ былъ брать на это позволеніе у Царя. (745)

Много собирали милостыни и подаяній наши путешественники во время своихъ службъ въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ, которые имъ приходилось посѣщать; но нигдѣ эта милостыня не раздавалась такою щедрою рукою, какъ у нашихъ Царей. Чрезъ нѣсколько дней послѣ перваго своего представленія Царю, Патріярхъ Макарій и другія лица его спутниковъ получили отъ него слѣдующіе подарки: самъ Патріярхъ Макарій три сорока превосходнаго и три сорока низшаго достоинства соболей, серебряную чашу, три куска бархата багроваго, голубаго и краснаго цвѣта, два куска багроваго атласа и кусокъ камки, да день-

гами 200 рублей. Архимандритъ, бывшій при немъ, получилъ одинъ сорокъ соболей, кусокъ камки и 50 рублей; остальнымъ членамъ каждому дано было по 40 куницъ, по куску камки и 10 рублей; родственникамъ Патріярха по сороку соболей; Переводчикамъ каждому по 4 аршина простаго холста и по два рубля, и для каждаго служки по двѣ пары соболей, цѣною болѣе 4 рублей. Посторонніе Архимандриты, которые явились къ Царю вмѣстѣ съ Патріярхомъ Макаріемъ, также получили по сороку соболей, 20 рублей и по 20 копѣекъ на столъ, и, сверхъ того, на свои монастыри по сороку соболей, цѣною 40—50 рублей. Но такіе подарки, по замѣчанію Павла, въ этотъ разъ сдѣланы были этимъ Архимандритамъ только изъ уваженія къ Патріярху Макарію, а обыкновенно пожалованіе этимъ лицамъ полагалось: Архимандритамъ 40 куницъ, 10 рублей и по 5 коп. на столъ; столько же полагалось и Священникамъ, и, сверхъ этого, имъ еще выдавалось по сороку соболей, цѣною 30—40 рублей. Самый бѣдный проситель получалъ по 4 к. въ день на содержаніе, и столько пива, сколько ему было угодно. (746) Такіе подарки получили наши гости при первомъ представленіи Царю, а когда Патріярхъ Макарій уѣзжалъ изъ Россіи, Царь на прощаньи подарилъ ему 50 сороковъ соболей, цѣною 3,000 рублей, и просилъ принять это, какъ лепту вдовицы и не взыскать за скудость. Макарій еще прежде просилъ Царя сдѣлать ему митру и полный составъ церковнаго облаченія, и теперь напомнилъ ему объ этомъ. Царь отвелъ его отъ трона нѣсколько въ сторону, къ окну, и извинялся въ неисполненіи своего обѣщанія тѣмъ, что портные умерли, а самъ онъ былъ очень занятъ. При этомъ Макарій подалъ еще Царю 4 челобитныя, изъ которыхъ въ первой онъ просилъ денегъ на 4 паникадила, цѣною: первое 120 руб., а остальныя три по 100 р.; во второй просилъ нѣсколькихъ иконъ; въ третьей китовыхъ усовъ (fisch teeth); въ четвертой собранія горностаевыхъ мѣховъ. На прощанье Царь велѣлъ ему прислать на домъ болѣе 50 блюдъ отъ своего стола, серебряную посуду съ виномъ и много сосудовъ съ разными напитками. Когда Макарій возвратился къ себѣ домой, къ нему явился придворный Чиновникъ и сообщилъ, что Царь очень радъ, что получилъ отъ него благословеніе, что онъ молитъ Бога удостоить его еще разъ увидѣть Патріярха Макарія вмѣстѣ съ остальными

тремя Патріярхами и Никономъ при Богослуженіи. Всѣ присутствующіе при этомъ выразили желаніе, чтобы воля Царя исполнилась. Далѣе Царь обѣщалъ исполнить прошенія, которыя ему подалъ Макарій при прощаньи. Сверхъ того, онъ далъ Патріярху 5 золотыхъ грамотъ: первая изъ нихъ давала ему право чрезъ каждые три года посылать Епископа, или Архимандрита, съ 2—3 монахами для сбора милостыни; вторая дана была на имя Ельфаламандскаго монастыря въ Триполисѣ; третья Юрьевскому Ельгамирангскому монастырю; четвертая Сидонскому (Sidonia); пятая одному купцу. Макарій исходатайствовалъ еще мѣсто одному своему земляку изъ Дамаска, которому вновь дано было пожизненно прежнее Каширское Воеводство. По просьбѣ Сирійцевъ, имъ было прислано 4 горностая, а Павелъ получилъ китовые усы и еще какой-то кристалъ (Stone-crystal). Сверхъ того, онъ получилъ еще позволеніе отправиться въ Царскую казну, гдѣ хранились иконы, и тамъ выбрать 30 иконъ въ золотыхъ окладахъ. Павелъ, какъ Архидіяконъ, просилъ еще у Царя лично для себя стихаря: ему сначала выдали такой стихарь изъ общаго склада священныхъ одеждъ, откуда выдавали священныя облаченія нуждающимся церквамъ и монастырямъ; но Павелъ хотѣлъ лучшаго, и Царь приказалъ дать ему стихарь, сдѣланный изъ прекрасной бѣлой Венеціянской парчи, вышитой по разноцвѣтному бархату узорами, представляющими изображенія растеній и деревьевъ. Ему дали еще въ придачу кусокъ такой же, но только зеленаго цвѣта, матеріи на рукава и полы, и даже деньги на шитье. Вручая этотъ подарокъ, Царь сказалъ ему: «Возьми это, и сдѣлай, какъ тебѣ угодно!» (747)

Все это было получено отъ одного Царя; но Сирійцы на прощанье получили немаловажные подарки и отъ другихъ лицъ. При прощаньи съ Никономъ Патріархъ Макарій получилъ отъ него икону Божіей Матери, сорокъ соболей, золотую чашу и 4 одежды изъ шерстяной и атласной матеріи, а его спутники были одарены деньгами. Въ послѣдній разъ Макарій служилъ съ Никономъ при освященіи выстроенной имъ церкви. За обѣдомъ Никонъ посадилъ Макарія на собственномъ мѣстѣ и, по случаю освященія церкви, дарилъ его и его спутниковъ. Другіе Епископы при посѣщеніяхъ ихъ Макаріемъ дарили ему иконы своихъ каѳедральныхъ церквей, а Начальники монастырей—храмовую икону

своего монастыря. Такъ Митрополитъ Новгородскій подарилъ ему икону Св. Софіи, а Епископъ Ростовскій—икону Св. Леонтія. (748) Но не одни только Епископы и духовныя лица дарили нашихъ путешественниковъ: знатные Бояре считали за честь оказать имъ посильное вспомоществованіе и услугу. Такія пособія они получили отъ Воеводы Путивльскаго, Новгородскаго и другихъ. Въ Москвѣ жила одна вдовствующая Княгиня, которая славилась тѣмъ, что она не оставляла своими подарками ни одного духовнаго пріѣзжаго лица, которое являлось въ Москву. Она подарила Патріарху Макарію парчевую митру, украшенную перлами по красному бархату, и широкій вышитый омофоръ. Вообще, во время пребыванія въ Россіи и на прощаньи Сирійцы собрали столько подарковъ, что, при обратномъ отъѣздѣ, для поднятія одной поклажи потребовалось 20 повозокъ и, сверхъ того, 40 подводъ для его спутниковъ. (749) Встрѣченные и обласканные такою щедростію Русскихъ, сами они не могли жаловаться на ихъ скупость, но при этомъ Павелъ съ сожалѣніемъ высказываетъ, что не всякому пріѣзжему въ Россію Православному посѣтителю удается получать такіе же дары, какъ его Патріарху. Онъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что бѣдные люди, имѣвшіе свидѣтельства отъ Патріарховъ въ томъ, что они, ради сохраненія Вѣры, впали въ тяжкіе долги, доходившіе до нѣсколькихъ тысячъ рублей, получали отъ Царя всего какихъ ни будь 20—25 рублей, но не болѣе; а если являлся Митрополитъ какой ни будь знаменитой и обширной области, то онъ получалъ отъ Царя и Бояръ вмѣстѣ не болѣе 200—300 рублей. (750) Изъ этого видно, что наши путешественники не стѣснялись въ своихъ требованіяхъ и просьбахъ, но все таки они старались при этомъ хранить благоразумную осторожность, безъ которой они могли бы показаться Русскимъ слишкомъ заискивающими просителями, и такимъ образомъ выставляли бы себя въ дурномъ свѣтѣ; по этому они свои желанія не разъ хранили про себя и, для заявленія своихъ просьбъ, старались выжидать благопріятной минуты и обстоятельствъ. Такъ, при видѣ стѣнъ братской трапезы Валаамскаго монастыря, обитыхъ дорогими священными облаченіями, добытыми отъ Поляковъ, Павелъ высказываетъ свое сожалѣніе, что Русскіе такъ дурно обращаются съ вещами, которыя могли еще служить при Богослуженіи, лишь стоило окропить ихъ Св. водою. «Мы охотно взяли бы, гово-

ритъ Павелъ, парчу, въ которую у насъ одѣваются Жиды, и обратили бы ее на ризы, но это очень дорого. Дай Богъ, чтобы Никонъ отдалъ этѣ вещи Патріярху Макарію, чтобы онъ роздалъ ихъ Восточнымъ церквамъ, которыя такъ въ нихъ нуждаются! Но Макарій, прибавляетъ Павелъ, ни чего не просилъ, по тому что боялся уронить себя въ глазахъ Русскихъ, которые съ презрѣніемъ отдали бы эти, какъ они выразились бы, подметки ихъ Религіи. Но пусть бы, заключаетъ Павелъ, если это угодно Богу, они и сердились на насъ, лишь бы помогли только намъ своими средствами.» (751)

Щедрая милостыня привлекала многихъ путешественниковъ въ Россію, и наплывъ этихъ лицъ у насъ всегда былъ очень великъ. Если принять въ соображеніе одно то обстоятельство, что всѣ Патріархи и многіе монастыри имѣли право въ извѣстные сроки посылать къ намъ своихъ сборщиковъ за подаяніемъ, то уже однихъ этихъ случаевъ должно было набраться много, когда ворота въ Россію открывались для лицъ, имѣвшихъ законное право на пропускъ. Но эти лица никогда не являлись одни, а всегда въ сопровожденіи значительнаго числа другихъ спутниковъ. Желающихъ проникнуть въ Россію для сбора подаяній было очень много, гораздо бѣльше, нежели сколько было лицъ, имѣвшихъ на это законное право и могшихъ расчитывать на свободный пропускъ. Между тѣмъ ворота въ Россію не легко отворялись всякому, кто только пожелалъ бы войти туда: болѣе легкій и удобный доступъ былъ открытъ важнымъ и высокимъ духовнымъ лицамъ: Патріярхамъ, Митрополитамъ и Епископамъ, да и этимъ лицамъ не всегда это удавалось, а менѣе важнымъ людямъ вообще трудно было пробраться въ Россію. По этому маленькіе люди останавливались по разнымъ мѣстамъ пути, по которому проѣзжали къ намъ какія ни будь важныя лица, или ожидали такихъ лицъ у самыхъ границъ Россіи, и тутъ вписывались въ ихъ спутники: одни—родственниками, другіе—разными чиновниками какого ни будь Патріярха, или Митрополита, и только такимъ образомъ проникали во внутрь Россіи. Въ этой толпѣ часто входили къ намъ лица темнаго происхожденія и достоинства, много являлось къ намъ проходимцевъ и дармоѣдовъ. Нѣкоторыя изъ высшихъ лицъ, имѣвшихъ право на въѣздъ въ Россію, дѣлали выгодный промыселъ изъ этого сборища разныхъ путешественни-

ковъ. Они давали этимъ людямъ возможность подъ ихъ прикрытіемъ проникнуть въ Россію, а послѣдніе за то обязывались отдать имъ извѣстную часть доходовъ, которые они успѣютъ собрать подаяніями, или какими ни будь промыслами. Эти покровительствуемые должны были оставлять Россію вмѣстѣ съ своими покровителями. Всѣ эти свѣдѣнія мы заимствуемъ у Павла Діякона, который самъ былъ чуждъ пользъ Россіи, и также предпринялъ путешествіе съ своимъ Патріярхомъ съ цѣлію собрать у насъ большую милостыню; однако жь онъ не скрываетъ неблагонамѣренности и безчестности нѣкоторыхъ путешественниковъ. По его словамъ, Греки первые прибѣгли къ такой хитрости. Такимъ образомъ, на основаніи собственнаго признанія Павла, мы имѣемъ право заключать, что эти лица не разъ злоупотребляли нашимъ гостепріимствомъ и щедростію; многіе путешественники смотрѣли на Россію просто какъ на страну, которую можно было обработывать во имя Христіянскаго чувства любви и состраданія. Наша милостыня не всегда достигала своего назначенія: въ Россію ѣхали для сбора подаяній, съ цѣлію облегчить ими участь своихъ собратій на родинѣ: между тѣмъ этими сборами часто руководили личные расчеты и себялюбіе; точно также не всегда въ Россію пріѣзжали люди, дѣйствительно нуждавшіеся: многихъ загоняла сюда праздность и надежда поживиться на чужой счетъ. Вотъ нѣсколько данныхъ, которыя мы встрѣчаемъ у Павла. Онъ пишетъ, что съ Іерусалимскимъ Патріярхомъ, Паисіемъ, прибыло къ намъ около 35 человѣкъ однихъ сопровождавшихъ его Архимандритовъ, монаховъ, Священниковъ, и разныхъ племянниковъ; кромѣ того, для большей пышности, къ которой вообще чувствительны Греки, онъ окружилъ себя Греческими купцами, которыхъ назвалъ своими чиновниками. Онъ набиралъ кого попало, и записывалъ то Архимандритами, то Священниками, то простыми монахами какого ни будь Виѳлеемскаго, Михайловскаго, Саввинскаго и другихъ монастырей, съ условіемъ, чтобы они уступили ему часть подарковъ, которые они получатъ отъ Царя. Такъ поступалъ и Константинопольскій Патріярхъ, Паталаронъ; также поступало и большинство Греческихъ Митрополитовъ: въ надеждѣ на обоюдную пользу, они не опускали случаевъ записывать такихъ людей своими племянниками. Павелъ говоритъ, что и съ его Патріярхомъ пріѣхало въ Россію много бѣдныхъ людей и монаховъ (около 40 человѣкъ),

и что онъ ходатайствовалъ предъ Путивльскимъ Воеводою о пропускѣ всѣхъ этихъ лицъ, такъ какъ иначе всѣ труды ихъ путешествія должны были пропасть даромъ. Но Павелъ не упоминаетъ о томъ, получилъ ли Макарій какую ни будь отъ нихъ прибыль, или нѣтъ. (752)

Впрочемъ, милостыня все таки была дѣломъ дорбовольнымъ; по этому на нее нельзя было расчитывать, какъ на вѣрный способъ къ существованію; при томъ же, при большомъ наплывѣ просителей и скудости собственныхъ матеріяльныхъ средствъ, Русскіе не могли удовлетворять непрерывному спросу на подаянія. По этому весьма многія изъ лицъ, являвшихся въ Россію за Царскою милостію, имѣли въ виду и другіе промыслы, болѣе вѣрные и прибыльные. Большинство этихъ лицъ, въ томъ числѣ Архимандриты и міряне, не расчитывая на одну милостыню, сами приходили съ извѣстнымъ запасомъ денегъ: они закупали у насъ соболи, еноты и другія вещи, которыя потомъ съ барышомъ сбывали въ Турціи. Между тѣмъ въ торговлѣ они освобождались отъ всѣхъ повинностей, имъ ни чего не стоилъ проѣздъ и провозъ этихъ товаровъ; отъ самаго въѣзда до обратнаго выѣзда изъ Русскихъ предѣловъ они ничего не тратили на свое содержаніе, по тому что всѣ эти лица получали ежемѣсячно отъ казны на свое содержаніе, каждый соотвѣтственно своему званію, при чемъ самый бѣдный получалъ по 4 копѣйки въ день. Такимъ образомъ они уѣзжали обратно съ богатою прибылью. По замѣчанію Павла, такъ поступала большая часть путешественниковъ, а кто надѣялся на одну милостыню, того надежды далеко не оправдывались. (753)

Такимъ образомъ Православные посѣтители собирали у насъ немало денегъ и другихъ подарковъ и увозили отъ насъ много цѣнныхъ вещей. Но и они являлись къ намъ не съ пустыми руками. Чувство гостепріимства было такъ развито у Русскихъ, что они, надѣляя щедро другихъ, требовали и себѣ подарковъ. По этому у насъ въ старину существовалъ обычай, по которому новоприѣзжія лица, имѣвшія представиться Царю, или другимъ высокимъ особамъ, были ли это посланники Западныхъ Государей, или путешественники въ родѣ нашихъ Сирійцевъ, предварительно представленія должны были сообщить подробныя свѣдѣнія о тѣхъ вещахъ, которыя они привезли имъ въ подарокъ. Такой пріемъ Макарій имѣлъ не только у Царя, но и у Митрополитовъ и Епи-

скововъ. Когда онъ былъ у Митрополита Новгородскаго, то прежде, чѣмъ вступилъ въ залу, гдѣ ждалъ его Митрополитъ, онъ долженъ былъ въ передней дать отчетъ о привезенныхъ имъ подаркахъ. Этотъ обычай заставлялъ пріѣзжавшихъ къ намъ лицъ нарочно запасаться разными вещами, которыя можно бы было представить въ даръ. Эти подарки по большей части были священнаго свойства, или вообще напоминали Св. мѣста по своему происхожденію. Такъ какъ мы уже видѣли; какіе подарки получали отъ насъ Восточные Православные путешественники, то здѣсь, для сравненія и сопоставленія съ этими подарками, нелишне будетъ описать тѣ предметы, которые они привозили къ намъ.

Лишь только Алексѣй Михайловичъ прибылъ въ Москву изъ Польскаго похода, въ которомъ онъ находился во время пріѣзда Макарія въ Россію, сейчасъ послалъ къ нему Переводчика, который подробно переписалъ всѣ вещи, которыя онъ намѣренъ былъ представить Царю; на другой день явился Дьякъ, и снова переписалъ подарки съ величайшею тщательностію. Вотъ что привезъ Макарій Алексѣю Михайловичу: ладанъ, пальмовую вѣтвь изъ Адпака, которую, для большей свѣжести, два дня предъ этимъ мочили въ водѣ, въ слѣдствіе чего листья ея были такъ свѣжи и зелены, что казались будто только что сорванными съ дерева; далѣе, Патріархъ привезъ Греческое Евангеліе на пергаментѣ, иконы, мyро старое и свѣжее, которое было приготовлено въ Молдавіи, большой ящикъ изъ слоновой кости съ серебрянымъ замкомъ, въ которомъ находился хрустальный сосудъ, вмѣщавшій въ себѣ кусочекъ Животворящаго Дерева, залѣпленнаго въ воскъ: въ огнѣ этотъ кусочекъ походилъ на раскаленный скипъ, и потомъ опять дѣлался чернымъ, а въ водѣ тонулъ: кромѣ того, кусочекъ Священнаго Голгоѳскаго камня съ слѣдами крови Спасителя, ознаменованный чудесами; эта кровь измѣнила свойства самаго камня, который былъ похожъ на кусокъ серебра и сіялъ какъ золото, а самая кровь осталась свѣтлою и походила на пылающій уголь. Павелъ говоритъ, что Макарій пріобрѣлъ за большую цѣну этѣ вещи въ Константинополѣ. За тѣмъ слѣдовали разныя вещи несвященнаго свойства: Алепскія киноварныя фисташки, финики, разнаго рода масла, мускусъ, мыло Константинопольскаго, Іерусалимскаго и Алепскаго, производства, фисташки въ шелухѣ и соленыя, камедь, кассія, Ангорская шерсть и другія вещи;

нѣкоторые изъ этихъ подарковъ, по замѣчанію Павла, лишь въ первый разъ теперь сдѣлались извѣстными Русскимъ. Такіе же подарки были представлены нашими путешественниками Царицѣ, Царевичу, сестрамъ и дочерямъ Царя. Самая передача подарковъ въ руки тому, кому они назначались, совершалась съ извѣстными обрядностями. Тотъ, кто получалъ подарки, обыкновенно бралъ отдѣльно каждую вещь, цѣловалъ ее и благодарилъ. Такъ принимали отъ Макарія подарки Царь и другія лица. А тотъ, кто давалъ подарокъ, долженъ былъ при этомъ низко кланяться, хотя бы подарокъ представлялся дитяти, или женщинѣ. А когда Макарій самъ получалъ отъ другихъ дары, то онъ сначала благословилъ самую вещь, потомъ произносилъ молитву за того, отъ чьего имени она представлялась въ подарокъ, и за тѣмъ благодарилъ. (754) Патріярху Никону Макарій представилъ въ подарокъ икону снятія Спасителя со креста, два сосуда съ старымъ и новымъ мyромъ, перстъ первомученика Стефана, часть мощей Св. Антонія Великаго, вѣтвистый посохъ, усыпанный перлами, черную пальмовую вѣтвь съ Синайской Горы, финики, свѣчи изъ камфоры, ладанъ, фисташки, пахучее мыло, сласти, шафранъ, сосудъ съ инбиремъ, пурпурную Ангорскую шерсть, черный шелкъ. (755) Патріярхъ Макарій не забылъ и другихъ сановныхъ лицъ. Когда онъ проѣзжалъ по Южной Россіи, то при встрѣчѣ съ Гетьманомъ Хмельницкимъ, поднесъ ему въ подарокъ на блюдахъ, покрытыхъ скатертью, частичку камня съ кровію Спасителя, сосудъ съ мyромъ, ящичекъ пахучаго мыла, другой очищеннаго и третій Алепскаго; ящикъ рафинаднаго сахару, абрикосовъ, винограду, ящикъ кофе, (къ которому, по замѣчанію Павла, Гетьманъ былъ большой охотникъ), cassia fisturalis и дорогой Персидскій коверъ. А въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Макарій раздавалъ Русскимъ Боярамъ мощи Святыхъ, мyро, освященныя свѣчи, землю, привезенную изъ Іерусалима, Виѳлеема и береговъ Іордана, остатки столба, на которомъ спасался Симеонъ Столпникъ, финики, разныя благовонныя вещества, 5 — 6 родовъ пахучаго мыла изъ Алеппа. Всѣ эти вещи были принимаемы Русскими съ чувствомъ благоговѣнія и глубокой благодарности, какъ памятникъ Патріяршаго благословенія. Но Русскіе, замѣчаетъ Павелъ, неохотно брали Ангорскую шерсть, по тому что они не чувствовали ни какой нужды во вспомоществованіи. Къ Боярамъ Макарій не являлся лично съ подар-

ками, а посылалъ Архимандрита съ спутниками; посланный обыкновенно говорилъ въ этихъ случаяхъ: «Патріархъ посылаетъ благословеніе хозяину и освѣдомляется объ его здоровьи.» Боярипъ отвѣчалъ, что онъ бьетъ челомъ Патріарху, и при разставаньи проводилъ Архимандрита за самыя двери, какъ обыкновенно встрѣчали и провожали только важныхъ иностранныхъ гостей, при чемъ гость туда и назадъ шелъ впереди хозяина. Когда хозяинъ угощалъ Сирійскихъ путешественниковъ виномъ, то обыкновенно подносилъ стаканъ вина обѣими руками. Сиріійцы отказывались пить водку, по тому что у насъ это считалось предосудительнымъ для монаховъ. Патріархъ Макарій не оставлялъ безъ вниманія даже слугъ, которые носили ему подарки и кушанья изъ дворца: онъ почтивалъ ихъ водкой и давалъ какой ни будь подарокъ: благовонное мыло и т. п. всякій разъ, какъ только кто ни будь приносилъ ему подарокъ отъ Царя, хотя бы даже рѣдьку, или огурцы, и такъ какъ эти лица смѣнялись каждый день, то Сиріійцы каждый разъ должны были давать имъ денегъ, или водки. (756)

Гостепріимству и щедрости, съ которыми Русскіе встрѣчали и провожали Восточныхъ Іерарховъ, равнялось и необыкновенное уваженіе, которое они имъ оказывали. У Павла Діякона мы встрѣчаемъ и въ этомъ случаѣ немало замѣчательныхъ данныхъ. Онъ имѣлъ даже особыя побужденія обращать особенное вниманіе на эту сторону нашихъ отношеній къ Восточнымъ Іерархамъ, такъ какъ Русскіе оказывали его Патріарху предпочтеніе предъ другими Святителями. И дѣйствительно, путешествіе Макарія по Россіи было цѣлымъ рядомъ торжественныхъ встрѣчъ и обрядностей. Въ Южной Россіи его повсюду встрѣчали самымъ торжественнымъ образомъ: духовенство выходило за городъ въ священныхъ облаченіяхъ съ хоругвями и крестами, Козацкіе начальники и начальники крѣпостей выходили съ своими войсками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стрѣляли даже изъ пушекъ. Лишь только Макарій впервые вступилъ на Русскую почву, онъ былъ принятъ такимъ торжественнымъ образомъ на самыхъ крайнихъ предѣлахъ Русской Земли. При переѣздѣ чрезъ Дунай онъ былъ окруженъ такою обстановкою, съ какою обыкновенно путешествовали и являлись среди народа Патріархи. Онъ былъ одѣтъ въ мантію и держалъ въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой посохъ; одинъ изъ сопутствовавшихъ

ему Священниковъ несъ предъ нимъ высокое древко, къ вершинѣ котораго былъ прикрѣпленъ позолоченный крестъ. Когда онъ проходилъ по улицамъ, народъ падалъ на колѣни и въ такомъ положеніи ждалъ его благословенія; путешественники, еще издали увидѣвъ его крестъ, останавливались на дорогѣ, мущины, женщины и дѣти, строились въ ряды, крестились и подходили подъ благословеніе, и продолжали свой дальнѣйшій путь лишь послѣ того, какъ Патріярхъ проѣзжалъ далѣе. При посѣщеніи церквей его встрѣчали и сопровождали пѣніемъ церковныхъ пѣсней и, въ виду многочисленной толпы народа, вводили въ церковь, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (на пр., въ Жабокрикѣ Подольской Губерніи) весь народъ принималъ участіе въ пѣніи. Патріярхъ окроплялъ Св. водою церковь и всѣхъ присутствующихъ, и за тѣмъ отправлялся на домъ къ духовнымъ лицамъ, или свѣтскимъ сановникамъ, которые его приглашали, при чемъ, въ продолженіи шествія, его провожали со свѣчами и церковнымъ пѣніемъ. Въ Богуславѣ его встрѣтилъ самъ Гетманъ Хмельницкій съ отрядомъ войска. При этой встрѣчѣ Хмельницкій сначала дважды поцѣловалъ край его одежды, а потомъ крестъ и руку, а Макарій его чело. Павелъ передаетъ, что Хмельницкій отъ избытка чувствъ плакалъ все время, какъ велъ подъ руку Патріярха въ свой замокъ, и благословилъ Бога, который удостоилъ его видѣть предъ смертію «Его Святѣйшество.» За столомъ онъ посадилъ Макарія выше себя, а когда Макарій уѣзжалъ, Хмельницкій на колѣняхъ просилъ у него благословенія войску противъ Поляковъ. (757) Въ Кіевѣ Патріярху Макарію вышелъ на встрѣчу Архимандритъ съ духовенствомъ въ священныхъ облаченіяхъ, съ кадилами и Евангеліемъ. За тѣмъ его посадили въ позолоченную карету, обитую внутри краснымъ бархатомъ, и повезли къ Софійскому Собору. По приглашенію Настоятельницы Кіевскаго женскаго монастыря, Макарій присутствовалъ при Богослуженіи монахинь этого монастыря и, по ихъ просьбѣ, прочиталъ надъ ними разрѣшительныя молитвы, окропилъ Св. водой и подписалъ разрѣшительную грамоту, которую монахини сами написали на листѣ бумаги. (758) Такія же встрѣчи были оказываемы Сирійскимъ путешественникамъ на всемъ ихъ пути по Малороссіи до самыхъ предѣловъ Московскаго Государства. Судя по тѣмъ пріемамъ, которые имъ повсюду были оказываемы на Югѣ, они вполнѣ могли надѣяться,

что въ Московіи они будутъ приняты съ такимъ же радушіемъ. Ихъ увѣряли еще въ Константинополѣ, и потомъ, въ продолженіи всего пути, до самыхъ предѣловъ Московскаго Государства попадавшіеся на встрѣчу купцы и монахи, поддерживали увѣреніе, что въ Москвѣ ихъ ждутъ съ нетерпѣніемъ, что Царь постоянно разпрашиваетъ объ нихъ и радъ скорѣе ихъ видѣть. Эти слухи, какъ увидимъ, вполнѣ оправдались.

Когда Патріархъ подъѣзжалъ къ Путивлю, первому на пути городу Московскаго Государства, здѣшній Воевода вышелъ ему на встрѣчу на большое разстояніе за городъ, и каждый часъ посылалъ къ нему новаго гонца, который, завидѣвъ Патріаршій поѣздъ, сейчасъ сходилъ съ коня и, кланяясь Патріарху въ ноги, докладывалъ, что Воевода осмѣдомляется объ его здоровьи. Самъ Воевода при встрѣчѣ дважды сдѣлалъ глубокій поклонъ, а въ третій разъ коснулся челомъ самой земли. Въ самомъ Путивлѣ Макарія встрѣтило городское духовенство, въ числѣ котораго было: 36 Священниковъ, 4 Діякона, а еще болѣе монаховъ. По Русскому обычаю, Макарій приложился къ иконамъ, Евангелію и Кресту. Старшіе Священники привѣтствовали его съ благополучнымъ пріѣздомъ и выразили благожеланіе, чтобы съ его прибытіемъ снизошло благословеніе на всю страну; во время проѣзда его по улицамъ звонили въ колокола. Лишь только путешественники заняли приготовленныя имъ помѣщенія въ монастырѣ Св. Георгія, тотчасъ имъ принесли въ подарокъ отъ имени Царя и Воеводы около 50 блюдъ, изъ которыхъ многія имъ еще не были вовсе знакомы, а серебряные кубки были наполнены превосходнымъ виномъ. За тѣмъ явился Протопопъ съ Св. водою и подалъ ее Патріарху, «какъ благословеніе праздника Св. Иліи,» котораго память праздновалась этотъ день. (759) Такой же пріемъ былъ оказанъ Макарію Воеводами въ Сѣвскѣ, Коломнѣ и другихъ мѣстахъ. (760) Словомъ, во все путешествіе его до самой Москвы, ему были оказываемы всевозможныя почести. Павелъ, особенно ревнивый къ чести своего Патріарха, не опускалъ ни малѣйшаго обстоятельства, которое служило выраженіемъ особеннаго почета Макарію. Онъ относитъ къ особенной чести Патріарха то, что онъ немалую часть своего путешествія по Россіи совершилъ водою по разнымъ рѣкамъ и озерамъ, тогда какъ другихъ Патріарховъ возили только сухимъ путемъ. Когда Макарій

прибылъ въ Москву, здѣсь не было Царя, который находился въ то время въ Польскомъ походѣ. Послѣ пріѣзда Царь на третій же день велѣлъ звать къ себѣ Патріярха Макарія; это опять для него была честь не въ примѣръ другимъ Патріярхамъ, которые допускались къ представленію не раньше двухъ недѣль со дня своего пріѣзда. (761)

Опишемъ пріемъ Макарія у Царя. Это было 12 Февраля, 1655 года, въ день памяти Митрополита Алексѣя. Послѣ обѣдни Царь послалъ за Макаріемъ 3 Князей. Явившись къ Патріярху, они доложили, что Царь освѣдомляется объ его здоровьи. При этомъ извѣстіи, которое было повторено 3 раза, Патріярхъ Макарій сталъ на колѣни и вознесъ молитвы за Царя, за тѣмъ надѣлъ мантію и два Князя подъ руки повели его къ Царскимъ санямъ. Во время поѣзда сзади саней, по правую сторону Патріярха, стоялъ Архимандритъ, по лѣвую Архидіяконъ Павелъ, а одинъ служка ѣхалъ впереди съ посохомъ. Отъ воротъ монастыря, въ которомъ жилъ Макарій, до дворца были разставлены на всемъ пути стрѣльцы, предъ дворцемъ Патріярха высадили изъ саней, и онъ, съ посохомъ въ рукахъ, сталъ взбираться на лѣстницу, которая вела въ церковь Благовѣщенія. Здѣсь его встрѣтили три новыхъ Боярина, которые также спросили его о здоровьи и проводили до дверей, которыя вели въ палату, гдѣ его ожидали три еще высшихъ сановника, которые провели его до внутреннихъ дверей и передали еще высшимъ; тутъ встрѣтили Патріярха всѣ придворные, и служка взялъ у него посохъ. Лишь только Макарій вошелъ въ залу, въ которой на тронѣ сидѣлъ Царь, онъ тотчасъ тихо прочиталъ молитву: «Достойно есть»..... и поклонился иконамъ, а потомъ Государю, который безъ короны сошелъ съ престола встрѣтить Патріярха и при этомъ поклонился ему въ ноги. Макарій благословилъ Алексѣя Михайловича, по Русскому обычаю, и поцѣловалъ его въ плечо, а Царь поцѣловалъ у Патріярха чело и правую руку. За тѣмъ Царь сталъ предлагать вопросы объ его здоровьи, о томъ: благополучно ли онъ совершилъ свое путешествіе до Москвы, сколько ему лѣтъ, и т. д. Послѣ того Царь сѣлъ на тронъ; Патріярху сказали, чтобы онъ подошелъ къ рукѣ, Макарій поклонился, поцѣловалъ у Царя руку, и снова дважды поклонился. Въ слѣдъ за Патріярхомъ туже обрядность исполнили всѣ лица, которыя вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ

Россію. Царь сказалъ Макарію, что онъ нарочно прибылъ изъ похода, чтобы получить его благословеніе, и велѣлъ оказывать ему во всемъ тѣ же почести, которыя были оказаны въ свое время Патріарху Іоакиму, пріѣзжавшему въ Россію при Иванѣ Грозномъ. Вмѣстѣ съ Патріархомъ Макаріемъ представлялись Царю Архимандриты и другія духовныя лица, которыя еще раньше прибыли въ Россію, но не могли сами представиться. У насъ былъ обычай, по которому низшія лица Іерархіи не удостоивались сами по себѣ представленія Царю. Эти лица, въ числѣ которымъ иногда бывали даже Епископы, должны были дожидаться подобнаго торжественнаго пріема, который Царь давалъ пріѣзжавшимъ Патріархамъ, Архіепископамъ, или Посламъ Европейскихъ Государей: тогда допускались къ пріему и эти Священники, Архимандриты и Епископы. За тѣмъ Макарій и другія лица стали вручать свои препоручительныя письма отъ Патріарховъ, кто отъ начальниковъ монастырей. Макарій имѣлъ такія грамоты отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ. Царь просилъ Патріарха Макарія не забывать его въ своихъ молитвахъ, и Макарій тутъ же произнесъ молитву, въ которой просилъ Бога даровать Царю побѣду и прославить его имя наравнѣ съ Константиномъ Великимъ; также просилъ, чтобы титулъ Царя: «Самодержца» замѣнился титуломъ: «Единодержца.» Между тѣмъ успѣли уже принести и разложить привезенные имъ подарки. Одинъ Бояринъ перебиралъ поочередно каждую вещь и вручалъ Патріарху, а Патріархъ Царю, который сначала осматривалъ ее, потомъ цѣловалъ Макарія въ руку и передавалъ подарокъ Дворецкому, который складывалъ все у окошка. Каждый разъ, какъ подавали Царю какую ни будь вещь, Дьякъ провозглашалъ: «Патріархъ Киръ Макарій Антіохійскій даритъ Вашему Величеству то то»... Царь распрашивалъ Макарія касательно фисташекъ, ладана и мапны, по тому что доселѣ онъ вовсе не былъ знакомъ съ этѣми вещами. Когда такимъ же порядкомъ были отобраны подарки, поднесенные Царицѣ и другимъ лицамъ Царскаго семейства, Макарій просилъ извиненія за скромность своихъ подарковъ и ссылался на свое продолжительное отсутствіе изъ дому, которое продолжалось уже 3-й годъ. При прощаньи Царь за руку проводилъ Патріарха до самыхъ дверей. Вообще, по замѣчанію Павла, Патріарху при этомъ случаѣ были оказаны такія почести, которыми до него

не пользовался еще ни одинъ Патріархъ. Всѣ эти отличія подробно указываются у Павла, который старался собирать самыя точныя справки о пріемѣ у насъ другихъ Патріарховъ и не опускалъ ничего, что относилось къ чести его Патріарха. (762)

Съ такимъ же почетомъ былъ принятъ Макарій у Патріарха Никона. У лѣстницы, ведущей къ Патріаршему дворцу, Макарія встрѣтили два старѣйшіе Архимандрита и отъ имени Никона объявили, что они посланы встрѣтить Его Святѣйшество словами Господа: «Кто васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ.» Здѣсь они взяли его подъ руки и повели къ верхнему крыльцу, гдѣ его встрѣтили два другихъ Архимандрита. У дверей палаты встрѣтилъ его самъ Никонъ въ мантіи зеленаго бархата, на которой были вышиты разные узоры изъ краснаго бархата, а въ срединѣ вышиты были золотомъ и перлами Херувимы; на немъ былъ бѣлый кожаный поясъ съ красною запонкою на срединѣ, бѣлый шелковый клобукъ, вверху котораго въ золотой оправѣ сіялъ брильянтовый крестъ, а спереди тоже выдѣланы были изъ перловъ Херувимы; концы клобука были унизаны золотомъ и драгоцѣнными камнями. Онъ съ глубокимъ почтеніемъ подошелъ къ Макарію и привѣтствовалъ его слѣдующею рѣчью: «Святой, преблагословенный Отецъ Киръ Макарій, Патріархъ Киликіи, Икаріи, Сиріи, Аравіи и всего Востока! Твое Святѣйшество напоминаетъ мнѣ Господа, а себя я сравниваю съ Закхеемъ, который, желая видѣть Спасителя, постарался взлѣсть на сикомору: точно также и я, грѣшный, шелъ встрѣтить тебя.» Никонъ взялъ Макарія за руку и повелъ его въ свои покои, которые были устланы коврами. Вошедши въ залу, оба Патріарха подошли къ иконамъ, прочитали: «Достойно есть».., и за тѣмъ поклонились другъ другу. Никонъ снялъ клобукъ и просилъ у Макарія благословенія; послѣ долгаго сопротивленія и отказовъ Макарій наконецъ благословилъ. За тѣмъ оба Патріарха сѣли и стали бесѣдовать посредствомъ переводчиковъ. Чрезъ нѣсколько времени Никонъ оставилъ своего высокаго гостя и отправился во внутреннія свои покои, откуда вышелъ уже въ иной пурпуровой мантіи, которую онъ обыкновенно носилъ, и въ новомъ клобукѣ, на которомъ были одни только Херувимы, сдѣланные изъ золота, безъ другихъ украшеній; онъ перемѣнилъ и рясу зеленаго бархата на красную. Въ это самое время Макарій получилъ приглашеніе къ Царскому обѣду. (763)

У насъ было въ обычаѣ, что послѣ пріема, сдѣланнаго высокимъ гостямъ, Цари обыкновенно посылали имъ блюда отъ своего стола; но въ знакъ особеннаго расположенія къ Макарію, Алексѣй Михайловичъ пригласилъ его къ обѣду въ самый дворецъ. Такъ какъ это приглашеніе застало Макарія у Патріярха Никона, то оба Патріярха отправились во дворецъ вмѣстѣ. Здѣсь они вошли въ столовую, въ которой уже находился Царь съ придворными и сидѣлъ въ коронѣ за большимъ столомъ съ серебряными приборами. При появленіи Патріярховъ, Царь всталъ и подошелъ подъ благословеніе, за тѣмъ оба Патріярха пропѣли: «Достойно есть», и отдали свои посохи служкамъ, которые, въ продолженіи обѣда, стояли позади на извѣстномъ разстояніи. Никонъ сѣлъ по лѣвую сторону Царя, а подлѣ него Макарій; предъ Царемъ и Патріярхами поставили серебряныя блюда съ 3 золотыми чашами; Князья и Бояре также стали занимать свои мѣста за столомъ, при чемъ каждый предварительно кланялся въ ноги Царю и потомъ садился. Епископы, Архимандриты, сидѣли за особымъ столомъ справа, а остальное духовенство помѣстилось за столами по срединѣ залы. Когда всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, то снова всѣ встали: оба Патріярха прочитали молитву и благословили Царя и пищу. По обычаю, самъ Царь отрѣзывалъ ломти хлѣба всѣмъ присутствующимъ, начиная съ Патріярховъ; каждый изъ гостей, получивъ хлѣбъ, кланялся Царю. Кушанья сначала подавали Патріярхамъ, потомъ Князьямъ, за тѣмъ Архимандритамъ и наконецъ всѣмъ остальнымъ; каждый, получивъ свою часть, цѣловалъ ее и за тѣмъ кланялся Царю. Павелъ замѣчаетъ, что на обѣдахъ у Алексѣя Михайловича никогда не подавалось мясныхъ блюдъ, по тому что самъ онъ былъ настоящимъ монахомъ; къ довершенію монашеской обстановки за обѣдомъ находился чтецъ, который среди залы читалъ Житіе дневнаго Святаго, Алексія. Все это такъ удивляло нашихъ гостей, что они только посматривали другъ на друга: имъ казалось, будто они находятся въ какой ни будь монастырской трапезной. Не смотря на стужу и морозъ, Царь сидѣлъ во время стола съ непокрытой головой, самъ онъ мало ѣлъ, а больше занимался разговоромъ съ Патріярхомъ Никономъ и очень усердно угощалъ Патріярха Макарія Критскимъ виномъ высокаго достоинства, вишневкою и медомъ разныхъ родовъ. Рыбныя блюда такъ были приготовлены, что на вкусъ

казались душеной бараниной. Павелъ описываетъ самый способъ приготовленія этихъ блюдъ: изъ рыбы сначала вынимали кости и другія внутренности, остальное нужно было толочь въ ступкѣ дотолѣ, пока не сдѣлается тѣстомъ; тогда прибавляли еще извѣстную часть луку и шафрану и вкладывали въ формы, имѣвшія фигуру ягненка, или гуся, и потомъ эти искуственныя животныя зажаривали въ маслѣ. Несвѣдущимъ лицамъ легко могло представиться, что это были настоящія ягнята. Изъ тѣста также много выдѣлывалось разныхъ блюдъ, какъ и изъ рыбы. Во время обѣда Царь разговаривалъ съ Макаріемъ при помощи переводчиковъ, которые находились при столѣ. Послѣ обѣда Царь поднесъ обоимъ Патріархамъ бокалы вина, Патріархи произнесли молитвы, а пѣвчіе пропѣли многолѣтіе; за тѣмъ Царь собственноручно сталъ раздавать бокалы остальнымъ гостямъ, при чемъ одинъ Бояринъ поддерживалъ руку Царя. Гость, приглашенный выпить за здоровье Царя, сначала кланялся ему въ ноги, потомъ цѣловалъ его руку и, взявъ бокалъ, возвращался на свое мѣсто, выпивалъ его и снова кланялся. Патріархи снова помолились, а пѣвчіе еще пропѣли многолѣтіе Царицѣ и ея сыну; за тѣмъ всѣхъ снова обошелъ рядъ бокаловъ: сначала выпилъ самъ Царь, и за нимъ всѣ осушили по бокалу. Послѣ того Царь приказалъ еще пропѣть многолѣтіе Макарію и Боярамъ, и опять пошла круговая заздравная чаша; при этомъ Макаріи самъ раздавалъ бокалы, а Павелъ поддерживалъ его за руку. При началѣ каждой здравицы Царь начиналъ первый пить, потомъ Патріархи и т. д. Эти здравцы продолжались около 4 часовъ, и во все это время Царь находился на ногахъ. Послѣ всего Протопопъ, съ другими духовными лицами, принесъ съ средины залы прекрасный серебряный ящичекъ, въ которомъ хранилась панагія, которая тутъ же была раздроблена на кусочки и роздана присутствующимъ; въ то же время нѣсколько Архидіяконовъ окурили гостей ладономъ. Пиръ продолжался очень долго, съ полдня до полуночи. Царь приказалъ проводить Макарія съ зажженными свѣтильниками до самаго его монастыря. (764)

Такая честь повсюду слѣдовала за Патріархомъ Макаріемъ. Царь, Патріархъ Никонъ, Бояре, Епископы, Настоятели монастырей, всѣ отказывали самое глубокое уваженіе къ представителю Антіохійской каѳедры. Во время пріѣзда Макарія въ Москву, здѣсь находился Новгородскій Митрополитъ. Макарій явился, ме-

жду прочимъ, и къ нему. Лишь только онъ вступилъ во дворецъ, его тотчасъ окружили расиросами на счетъ привезенныхъ имъ подарковъ, и долѣ не пустили во внутреніе покои и держали у наружныхъ дверей, пока онъ не сообщилъ нужныхъ свѣдѣній. Митрополитъ встрѣтилъ его въ мантіи, клобукѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Когда Макарій вошелъ въ залу, Митрополитъ сейчасъ обратился къ иконамъ, и прочиталъ: «Достойно есть»... а присутствующіе пропѣли: «Слава Отцу», ...«Господи, помилуй!» 3-жды, и: «Владыко, благослови!» Послѣ того Митрополитъ поблагословилъ своихъ гостей, а Патріархъ, въ свою очередь, Митрополита. Принимая подарки, Митрополитъ, по обычаю, цѣловалъ каждую вещь и низкими поклонами изъявлялъ свою благодарность. (765) Но Патріархъ Макарій, не въ примѣръ другимъ высокимъ путешественникамъ, не ограничивалъ своихъ посѣщеній одною Москвою. Онъ осмотрѣлъ Россію до крайнихъ предѣловъ Югозапада и отдаленнаго Сѣвера. И на всемъ пути, отъ береговъ Дуная до Кіева, отъ Кіева до Москвы, и отъ Москвы до Новгорода, ему вездѣ оказываемъ былъ самый высокій почетъ. Приходское духовенство и монахи встрѣчали и провожали его знаками глубочайшаго уваженія и почтенія; народъ встрѣчалъ его съ хлѣбомъ-солью. При посѣщеніи имъ Сергіевской Лавры ему на встрѣчу были посланы нарочно назначенные для того Архимандритъ, Економъ и Казначей: они поклонились ему въ ноги, спросили о здоровьи и представили кусокъ чернаго хлѣба, большую соленую рыбу и боченокъ меду. То же было и въ другихъ мѣстахъ. Замѣчательна встрѣча Макарія въ Валаамскомъ монастырѣ. Игуменъ этого монастыря со всѣмъ клиромъ встрѣтилъ его у воротъ, которые нарочно для этого случая были покрыты коврами, а дорожки усыпаны превосходнымъ пескомъ. Игуменъ сказалъ Патріарху похвальную рѣчь, которая, по замѣчанію Павла, отличалась сколько глубокимъ чувствомъ почтенія, столько же и краснорѣчіемъ. Въ этой рѣчи Игуменъ сравнивалъ прибытіе Макарія со вшествіемъ І. Христа въ Іерусалимъ: «Какъ нѣкогда Спаситель, говорилъ онъ, освятилъ этотъ городъ своимъ присутствіемъ, такъ нѣчто подобное мы видимъ теперь.» Когда Макарій подъѣзжалъ по Волхову къ Новгороду, тамошній Митрополитъ вышелъ ему на встрѣчу за 3 версты и ждалъ его у монастыря Св. Георгія со множествомъ духовенства. Макарій вышелъ на берегъ, приложился къ иконамъ и опять сѣлъ на су-

дно. А когда Макарій подплылъ уже къ самому городу и готовъ былъ высадиться на мостъ, его встрѣтилъ самъ Митрополитъ съ Воеводою и, оба поддерживая подъ руки, повели его въ Софійской Соборъ. (766) Подобнымъ же торжественнымъ образомъ Патріярха Макарія встрѣчали и въ другихъ мѣстахъ; вездѣ, куда онъ ни являлся, его окружали необыкновеннымъ почетомъ и уваженіемъ, и его путешествіе по Россіи можно сказать было непрерывнымъ рядомъ почестей и радушія, съ которыми его принимали и которыя въ лицѣ его оказывались высшимъ представителямъ Восточныхъ Церквей. Но особенно памятнымъ для Сирійцевъ въ этомъ отношеніи должно было остаться время ихъ пребыванія въ столицѣ Русскаго Государства, въ средѣ высшихъ и богатыхъ лицъ церковной и гражданской Іерархіи, вблизи такого щедраго и добродушнаго Царя, каковъ былъ Алексѣй Михайловичъ. Во все время здѣшняго пребыванія Патріярха Макарія ему оказывали самое высокое почтеніе и благорасположеніе. Не говоря уже о частыхъ и значительныхъ подаркахъ, которые Алексѣй Михайловичъ посылалъ Макарію, онъ приблизилъ его къ себѣ, какъ друга, и оказывалъ ему знаки самой искренней привязанности; въ праздники и торжественные дни онъ всегда приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ, да и въ другія времена часто посылалъ ему кушанья со своего стола. Онъ дѣлалъ его участникомъ своихъ семейныхъ радостей и приглашалъ его служить въ имеяины свои и своихъ дѣтей: сына Алексѣя и дочерей, Анны, Евдокіи. Въ эти дни Макарій служилъ то въ Соборѣ, то въ монастырѣ, то въ дворцовой церкви; за обѣдомъ въ эти дни здравицы были провозглашаемы за Царя, потомъ именинниковъ, за тѣмъ за Никона и Макарія. (767) Макарій былъ очень близокъ къ Государю и съумѣлъ заслужить его искреннее вниманіе и расположеніе: не даромъ онъ, не въ примѣръ другимъ Патріярхамъ, прожилъ въ Россіи почти два года. Нѣтъ сомнѣнія, что его продолжительное пребываніе обусловливалось отчасти, если не главнымъ образомъ, тогдашнимъ печальнымъ положеніемъ нашихъ церковныхъ дѣлъ. Мы уже видѣли, какое участіе онъ принималъ въ нашихъ дѣлахъ. Царь часто любилъ совѣтоваться съ нимъ объ этихъ дѣлахъ: онъ нашелъ въ немъ мудраго совѣтника, значеніе котораго было очень важно и нужно въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, по поводу исправленія церковныхъ безпорядковъ. Но, кромѣ уваже-

нія къ значенію его сана, Алексѣя Михайловича, вѣроятно, привлекали къ нему дѣйствительно хорошія качества его души; иначе ничѣмъ нельзя объяснить той милости, которую онъ пользовался у него, и той медлительности, съ которою Царь откладывалъ отъ одного до другого времени его отпускъ, котораго онъ не разъ просилъ у него. Царь удерживалъ его главнымъ образомъ по тому, что его значеніе нужно было для доставленія большой силы преобразовательнымъ дѣйствіямъ Никона; но у Павла дѣйствующимъ рычагомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ является одна личная милость и необыкновенное уваженіе Алексѣя Михайловича къ его Патріарху. Макарій прибылъ въ Москву въ праздникъ Р. Хр., и на 2-й недѣлѣ Великаго Поста, когда Царь снова собирался въ походъ, просилъ у него обратнаго отпуска. Онъ заявилъ ему объ этомъ желаніи въ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ молились о дарованіи побѣды въ предстоящей войнѣ. Но Царь сказалъ ему въ отвѣтъ: «Нѣтъ, мой отецъ! Я тебя удерживаю здѣсь, чтобы ты молился о дарованіи побѣды, и чтобы я, возвратившись изъ похода, могъ одарить тебя обычными милостями.» Макарій ссылался на то, что уже прошло болѣе 4 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ свою паству, и опять просилъ отпуска. Царь отвѣчалъ: «Вы долгое время провели въ чужихъ странахъ: останьтесь же также и у насъ, чтобы моя страна получила благословеніе, а съ вашими молитвами и своимъ мечемъ я одержу побѣду». Онъ взялъ Макарія за руку и, обратясь къ Никону, сказалъ: «Вотъ мой повѣренный! Я предоставляю Васъ его попеченію: въ чемъ будете нуждаться, обращайтесь къ нему!» И послѣ этого Царь еще нѣсколько разъ откладывалъ его отпускъ, отъ одного срока до другого: отъ праздника Петра и Павла до Богоявленія, отъ Богоявленія до Пасхи, и каждую отсрочку подкрѣплялъ тѣмъ, что онъ желаетъ еще получить его благословеніе на новый походъ. (768) Вообще Царь былъ необыкновенно милостивъ и расположенъ къ Макарію. Однажды онъ принималъ своего высокаго гостя въ выстроенномъ имъ новомъ монастырѣ. При прощаньи Царь былъ очень тронутъ и высказалъ свое желаніе начертать на воротахъ монастыря золотыми буквами время посѣщенія его Патріархомъ, который низвелъ на монастырь Божіе благословеніе, а когда онъ уѣзжалъ, Царь трижды получилъ у него благословеніе. (769) Надобно думать, что Патріархъ Макарій, во время своего пребыванія

въ Москвѣ, произвелъ сильное впечатлѣніе на Царя: въ лицѣ его Алексѣй Михайловичъ видѣлъ высшее значеніе церковной власти, и это значеніе, въ его глазахъ, казалось окруженнымъ такимъ величіемъ, что подъ его обаяніемъ самъ Никонъ отступалъ на заднее мѣсто. Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на одно событіе, случившееся въ слѣдъ за тѣмъ, какъ Макарій оставилъ уже Москву. Мы замѣтили выше, что, при исправленіи нашей церковно-богослужебной практики, Никонъ разошелся съ Патріархомъ Макаріемъ въ мнѣніи касательно водоосвященія въ праздникъ Богоявленія, и совершилъ только одно водоосвященіе. Царь, думая, что онъ такъ поступилъ съ вѣдома Макарія, оставилъ это дѣло. Но въ послѣдствіи, уже послѣ отъѣзда Макарія, узнавъ сущность дѣла, онъ вступилъ съ Никономъ въ прѣніе и въ гнѣвѣ сильно пожурилъ его. Оскорбленный Никонъ указывалъ на свое достоинство и говорилъ Царю: «Я твой духовный отецъ: какъ же ты журишь меня?» Разгоряченный Царь отвѣчалъ Патріарху: «Ты не мой отецъ: Патріархъ Антіохійскій вотъ мой дѣйствительный отецъ. Я сейчасъ пошлю за нимъ и позову назадъ.» Это было въ 1656 году, значитъ, еще до того времени, когда Бояре начали свои козни противъ Никона, когда Никонъ пользовался еще полною любовію и довѣренностію Царя, и, однако жь, мы видимъ, что и въ это время значеніе пріѣзжаго Патріарха въ его глазахъ имѣло непререкаемую важность и силу, и что несогласныя съ этимъ значеніемъ дѣйствія Никона, имѣвшаго равную силу и достоинство въ Церковной Іерархіи, вызвали со стороны Царя сильное порицаніе и негодованіе. Патріархъ Макарій уже далеко былъ за предѣлами Москвы, какъ вдругъ въ Болховѣ (гдѣ Макарій остановился во Вторникъ на Свѣтлой Недѣлѣ) настигъ его Царскій гонецъ, и отъ имени Царя просилъ возвратиться въ Москву по важнымъ церковнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Онъ подалъ ему и письмо Царя, въ которомъ, между прочимъ, писалось: «Не успѣли еще вы оставить Москвы, какъ случились событія, имѣющія весьма важное церковное и государственное значеніе. Это обстоятельство требуетъ вашего возвращенія къ намъ. Осчастливьте насъ своимъ посѣщеніемъ и удѣлите немного времени на наше совѣщаніе. Бью челомъ и прошу не отказать въ просьбѣ: пріѣзжайте безъ замедленія, взявъ съ собою церковныя облаченія и нѣсколькихъ

человѣкъ!» Смѣшанное чувство надежды и опасенія, радости и смущенія, овладѣло Сирійцами при этомъ извѣстіи. Но нечего было дѣлать: Макарій рѣшился возвратиться, и на Ѳоминой недѣлѣ уже былъ въ Москвѣ, а на слѣдующій день послѣ пріѣзда Царь пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Царь встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Господинъ мой и отецъ! Я прошу у тебя прощенія, прости меня (какъ Христосъ простилъ блудницу). Посмотри на мою кротость и послушаніе, и не упрекай за то, что я причинилъ тебѣ такъ много трудовъ въ твоемъ пути.» Послѣ этого Макарій еще видѣлся съ Царемъ нѣсколько разъ, а послѣднее ихъ свиданіе было въ загородномъ домѣ Никона, откуда оба Патріарха провожали его на войну: тутъ Макарій, по желанію Царя, снова трижды благословилъ его. Изъ Можайска Царь прислалъ Макарію письмо, въ которомъ писалъ, что «молитвами Его Святѣйшества Всевышній помогъ ему въ полномъ здоровьи достигнуть Можайска.» Внизу письма была слѣдующая собственноручная подпись Государя: «Вашъ духовный сынъ, Царь Алексій, бьетъ челомъ Вашему Святѣйшеству.» Письмо было запечатано краснымъ воскомъ, на которомъ было изображеніе двуглаваго орла, а въ срединѣ на иконѣ былъ изображенъ самъ Царь. Въ этомъ письмѣ Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Патріарху Макарію были выдаваемы деньги на суточное содержаніе до полнаго 2-хгодичнаго срока. (770)

Такъ у насъ былъ встрѣченъ и провожаемъ Патріархъ Макарій. Все описаніе его путешествія, составленное его спутникомъ, Діакономъ Павломъ, наполнено свидѣтельствами о глубокомъ почтеніи и радушіи, которыми этотъ Патріархъ былъ окружаемъ у насъ съ перваго до послѣдняго дня пребыванія его въ Россіи. Павелъ, очень ревнивый къ чести своего Патріарха, замѣчаетъ, что Макарію у насъ были оказаны большія почести и дано лучшее содержаніе, чѣмъ другимъ Іерархамъ, которые къ намъ пріѣзжали. Павелъ подробно указываетъ самыя особенности этого предпочтенія, оказаннаго Макарію. Такъ, по его словамъ, Іерусалимскій Патріархъ, во время своего путешествія по Россіи, получалъ только по 15 коп. въ день; такимъ же содержаніемъ пользовались у насъ и другіе Патріархи. (771) Между тѣмъ Патріархъ Макарій, какъ мы видѣли, получалъ гораздо большее содержаніе. Такое же предпочтеніе выразилось въ самомъ пріемѣ его у Царя и потомъ

во многихъ другихъ случаяхъ. Такъ, когда Макарій былъ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, его пригласили на обѣдъ въ большую трапезную, которая открывалась только для Царей, между тѣмъ какъ Патріархъ Іерусалимскій, во время своего посѣщенія той же Лавры, былъ приглашемъ только въ малую трапезную. (772) А въ одномъ мѣстѣ Павелъ исчисляетъ слѣдующія отличительныя обстоятельства путешествія и пріема своего Патріарха, въ которыхъ высказалось предпочтеніе его предъ другими Іерархами. Именно Сирійцы: 1, семь мѣсяцевъ прожили въ одной Коломнѣ, и значительную часть своего пути совершили на суднахъ, тогда какъ другихъ провозили только сушею; 2, были въ Новгородѣ; 3, посѣщали Царскіе монастыри; 4, вторично были призываемы въ Москву; 5, они 16 мѣсяцевъ прожили на Царскомъ жалованьи, которое потомъ было продолжено до 2-хлѣтняго срока; наконецъ 6, они пробыли у насъ почти 2 года, тогда какъ всѣ другіе Патріархи, прежде бывшіе въ Россіи, по истеченіи 7 мѣсяцевъ, получали приказаніе оставить ея предѣлы; при ихъ обратномъ выѣздѣ Аѳонскимъ и другимъ монахамъ прекращена была выдача продовольствія, а имъ нѣтъ. (773) Самъ Павелъ былъ лично обласканъ Государемъ и испыталъ на себѣ необычайныя его щедроты; онъ не можетъ даже выразить того пріятнаго чувства, которое возбуждали въ немъ кроткое обращеніе и бесѣда Царя. Однажды, угощая Сирійцевъ на своемъ семейномъ торжествѣ, Царь смѣясь сказалъ ему: «ὦ ἅγιος Ἀρχιδιάκονος—великій человѣкъ.» Когда Павелъ пріучился по Славянски читать, Царь просилъ у него какъ милости, прочесть Евангеліе и ектеніи по Славянски. Павелъ такъ смутился этою кроткою просьбою Царя, что его бросило въ потъ; однако жь, онъ съ ловкою находчивостію отвѣтилъ ему, что желанія Его Величества для него законъ. (774)

Обратный путь Макарія изъ Россіи былъ обставленъ такою же торжественностію, какъ и первое вшествіе и путешествіе по Россіи. Прощаніе съ Царемъ Патріарха Макарія было окружено тѣми же обрядностями, какъ и первое его представленіе. За Патріархомъ были посланы Царскія сани, онъ проходилъ во дворецъ чрезъ церковь Благовѣщенія, точно также, какъ и въ первой разъ; точно также, какъ и въ тотъ разъ, его теперь встрѣтили въ 4 мѣстахъ разные господа, которые докладывали ему о желаніи Царя проститься съ нимъ. При разставаніи растроганный

Царь плакалъ и говорилъ ему такія слова: «Отецъ! Оставляя меня, ты желаешь этимъ меня убить, по тому что ты—мой отецъ, а я—твой сынъ.» За тѣмъ Царь склонилъ голову и просилъ еще разъ помолиться. Патріархъ прочиталъ тропарь: «Спаси, Господи, люди»..., послѣ чего спутники его пропѣли многолѣтіе, и за тѣмъ всѣ стали подходить къ Царской рукѣ. Царь со слезами на глазахъ проводилъ Патріарха до наружныхъ дверей, трижды испросилъ у него благословенія и, разставаясь, поцѣловалъ въ уста. Царь распорядился, чтобы до самой границы ему даны были въ помощь драгоманъ и переводчикъ. При обратномъ выѣздѣ изъ Россіи, на продолженіи 30-ти верстъ отъ Москвы, его сопровождалъ почетный отрядъ, состоявшій изъ 200 стрѣльцевъ, а за тѣмъ до самой границы должны были его сопровождать, отъ одного города до другого, 10 стрѣльцовъ; сверхъ того, Патріарху и всѣмъ членамъ его поѣзда были выданы суточныя деньги до самаго прибытія въ Путивль. (775) Далѣе, за предѣлами Московскаго Государства, его поѣздъ сопровождали Козацкіе Полковники, которые при этомъ шли пѣшкомъ, а впереди шелъ хоръ военной музыки, игравшій на трубахъ; духовенство съ крестнымъ ходомъ встрѣчало и далеко провожало его за городъ. Когда Сирійцы подъѣзжали къ Кіеву на суднѣ, здѣсь, на берегу Днѣпра, встрѣтилъ ихъ Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ и многочисленною толпою народа. Здѣсь наши путешественники были приняты съ необыкновеннымъ радушіемъ; хотя тутъ не было такого богатаго Царя, какъ въ Москвѣ, за то здѣсь жилъ такой же Православный народъ, проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Въ Софійскомъ Соборѣ Патріархъ Макарій встрѣтилъ почти всѣхъ жителей города, и прочиталъ надъ ними разрѣшительныя молитвы. Народъ толпами со всѣхъ сторонъ стекался къ подворью, гдѣ остановился Патріархъ и, по мѣстному обычаю, приносилъ въ подарокъ хлѣбъ. Стеченіе народа было такъ велико, что не только комнаты, которыя занимали сами путешественники, но и весь дворъ, даже прилегавшая улица, были всѣ запружены толпой; въ домѣ нельзя было найти свободнаго мѣста для припасовъ. Въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ, лежавшихъ по пути, Макарій служилъ, и вездѣ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ крестнымъ ходомъ, военною музыкою, до послѣднихъ предѣловъ Русской Земли. (776) Особенное уваженіе Русскихъ къ Восточнымъ

Первосвятителямъ выразилось еще въ той ревности и заботливости, съ которыми они старались пріобрѣтать у нихъ, такъ называемыя, разрѣшительныя грамоты. Эти Іерархи на пути въ Москву обыкновенно печатали въ Кіевѣ извѣстное количество сихъ грамотъ, и потомъ раздавали ихъ разнымъ лицамъ. На этѣхъ грамотахъ находилось изображеніе Св. Апостола Петра и подпись Патріарха, сдѣланная красными чернилами. Патріархъ Макарій тоже заготовилъ три рода такихъ грамотъ, которыя различались по виду и величинѣ: большія были назначены для высшихъ, сословій среднія для обыкновеннаго народа, меньшія для женщинъ. При прощаньи Алексѣй Михайловичъ просилъ Макарія дать ему нѣсколько такихъ грамотъ для раздачи придворнымъ, и Павелъ Діаконъ вручилъ ему, отъ имени своего Патріарха, 9 такихъ грамотъ, напечатанныхъ на Греческомъ языкѣ; этѣ грамоты были всѣ назначены для Царскаго семейства, и на нихъ золотыми буквами были напечатаны имена Царя, Царицы, сына, дочерей и сестеръ Царя. Кромѣ этѣхъ были розданы и другія грамоты болѣе важнымъ сановникамъ. По замѣчанію Павла, у насъ, на Югѣ, еще съ большею заботливостію старались о пріобрѣтеніи этѣхъ грамотъ, чѣмъ на Сѣверѣ. Въ Кіевѣ народъ придавалъ необыкновенное значеніе этѣмъ грамотамъ, и здѣсь многіе старались запастись ими. Павелъ разсказываетъ, что когда Макарій на обратномъ пути былъ въ Кіевѣ, то тутъ всѣ, Господа и Священники, міряне и монахи, дѣвицы и маленькія, дѣти тѣснились къ Патріарху за благословеніемъ. При этомъ замужнія женщины, у которыхъ мужья были пьяницы, или недовольно набожны и религіозны, обращались къ нему съ просьбами снабдить ихъ этѣми грамотами, которыми они думали помочь душевному благу своихъ мужей. Въ Южной Россіи былъ еще обычай, въ знакъ глубокаго почтенія къ пріѣзжавшимъ Восточнымъ Іерархамъ, снимать съ нихъ живописныя изображенія. Наши путешественники видѣли въ залахъ Кіевскаго Митрополита изображенія 4-хъ Патріарховъ, которые послѣдовательно пріѣзжали къ намъ въ Россію: всѣ они были представлены во весь ростъ въ полномъ святительскомъ облаченіи. Первое мѣсто занималъ Іоакимъ, Патріархъ Антіохійскій, съ сѣдою остроконечною бородою; подлѣ него былъ Мелетій Александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; за тѣмъ Іеремія Константинопольскій, съ прекрасными

чертами лица и красивою бородою, и Θеофанъ Іерусалимскій, съ длинною черною бородою. (777)

Приведеннаго нами совершенно достаточно для обозначенія нашихъ отношеній къ Восточнымъ Іерархамъ, а въ лицѣ ихъ вообще къ Православному Востоку и Православнымъ иностранцамъ. Послѣ всего сказаннаго не остается ни какого сомнѣнія въ томъ, что Русскіе питали къ Восточнымъ Іерархамъ глубокое почтеніе и готовы были всячески содѣйствовать матеріяльному благосостоянію, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ пасомыхъ. Но это только одна сторона дѣла. При всемъ радушіи, съ которымъ Русскій человѣкъ угощалъ и дарилъ пріѣзжавшихъ къ нему единовѣрныхъ братій Востока, его сердце не было вполнѣ открыто для иностранца, хотя бы и Православнаго. Не смотря на почтеніе, съ которымъ онъ относился къ Восточнымъ Святителямъ, въ немъ не уничтожалось сознаніе и чувство его собственнаго Православія, наслѣдованнаго имъ по преданію отъ того же Востока и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ успѣвшаго глубоко укорениться на родной почвѣ и принять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, народную особенность; вѣковое преданіе родной старины служило для него значеніемъ почти равносильнымъ голосу Восточныхъ Пастырей. Сюда примѣшивалось еще чувство народности, которое ревниво хранитъ честь и цѣлость народныхъ и Государственныхъ пользъ. Всѣ эти условія, взятыя вмѣстѣ, должны были если не ослаблять эти добрыя отношенія, то давать имъ болѣе точный смыслъ и значеніе, назначать имъ извѣстный кругъ и удерживать въ извѣстномъ направленіи. По этому нѣтъ ни чего удивительнаго въ томъ, что, изряду съ описанными данными, намъ приходится встрѣчать, въ отношеніяхъ нашихъ къ тѣмъ же Православнымъ иностранцамъ, и явленія совершенно противоположнаго свойства, такія явленія, въ которыхъ замѣтно проглядываетъ явное отчужденіе Русскаго человѣка отъ всякаго иностранца, хотя бы даже и Православнаго, подозрительность и неискренность. Всѣ торжественныя встрѣчи, въ родѣ описанныхъ нами, которыя оказывались Патріярху Макарію и другимъ подобнымъ путешественникамъ, дѣлались главнымъ образомъ высшими лицами церковной Іерархіи, органами Правительственной власти, но собственно участія самаго народа мы здѣсь не видимъ. Правда, изъ описанія Павла видно, что толпы народа повсюду окружали Патріярха

глубокимъ почтеніемъ и сопровождали Патріяршій поѣздъ, но эта безмолвная толпа, кромѣ своего присутствія, ни чѣмъ больше не заявляла своего существованія; мы не знаемъ ея думъ и чувствъ; если она глядѣла съ любопытствомъ на пріѣзжихъ Восточныхъ Іерарховъ, то это еще не значитъ, чтобы она искренно сочувствовала имъ и сердечно любила ихъ. Подобные высокіе посѣтители всегда могли возбуждать любопытство въ средѣ народа, собирать много зрителей и исторгать даже заявленія, но отъ простаго любопытства, и даже глубокаго внѣшняго почета и уваженія, до искренняго чувства и полной откровенности еще далеко. Внѣшній почетъ и уваженіе, предупредительность и даже ласки и щедроты, могутъ быть искуственны, сдержанны и служить только выраженіемъ внѣшняго приличія и радушнаго гостепріимства, но не искренняго сочувствія. И въ данномъ случаѣ легко могло быть, что, за всѣми торжественными пріемами и знаками внѣшняго уваженія, скрывалась подозрительность и скрытая замкнутость, а за щедрою милостынею и подаяніемъ, хотя чувство сострадація и готовности помочь ближнему, но чувство, вызываемое къ своей дѣятельности болѣе требованіями Христіянскаго долга, нежели искреннаго расположенія и влеченіемъ. И это дѣйствительно такъ и было. Павелъ подмѣтилъ эту сторону дѣла, подмѣтилъ особенность народнаго свойства Русскихъ, которая имѣла вліяніе на образованіе такихъ, или иныхъ, воззрѣній народа на Восточныхъ Христіянъ вообще и въ частности Іерарховъ и, въ силу которой, отношенія одного Православнаго общества къ другому, отношенія одной Православной народности къ представителямъ и членамъ другой, были совсѣмъ иныя, нежели отношенія Правительственной среды, которая представляется дѣйствующею во всѣхъ данныхъ случаяхъ. И если бы намъ, въ виду всѣхъ торжественныхъ пріемовъ и величаній, въ виду многочисленныхъ примѣровъ и, благотворительности и щедрости, которыя были оказываемы у насъ Восточнымъ Святителямъ, предложенъ былъ вопросъ: «Было ли все это плодомъ искренняго сердечнаго сочувствія Русскихъ къ Православнымъ братьямъ Востока? Можно ли сказать, что Русскій человѣкъ готовъ былъ вполнѣ открыть свою душу и сердце какому ни будь Греку, Арабу?» то мы должны были бы отвѣчать на этотъ вопросъ совершенно отрицательно.

Правда, гостепріимство и дружелюбіе Русскихъ открывало въ

Россію широкія двери лицамъ всего Православнаго міра, но это не значитъ, что въ эти двери легко было войти всякому, кто только шелъ сюда подъ знаменемъ Православія. Первое затрудненіе въ этомъ случаѣ представляла свойственная Русскимъ осторожность и подозрительность по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ. Далѣе, наплывъ подобныхъ посѣтителей постоянно уносилъ съ собою изъ Россіи много добра, а это должно было наконецъ остановить на себѣ вниманіе Русскихъ, и внушить имъ мысль принять мѣры противъ безпорядочнаго нашествія такихъ незванныхъ гостей, которые служили бременемъ для Царской казны и благосостоянія страны. Изъ одного Павла Діякона можно видѣть, сколько Патріярховъ и разныхъ монастырей пользовались правомъ постояннаго собиранія у насъ милостыни. Это заставило Русскихъ сдерживать наплывъ подобныхъ посѣтителей, жаждавшихъ милостыни и денегъ. Иногда этимъ посѣтителямъ приходилось страдать отъ личныхъ страстей нашихъ Воеводъ и Приставовъ. Наконецъ многіе изъ нихъ собственнымъ поведеніемъ внушали подозрѣніе на счетъ ихъ благонамѣренности и честности и навлекали тѣнь подозрѣнія и на остальныхъ своихъ соотечественниковъ, а повторявшіеся случаи ихъ порочной жизни еще болѣе утверждали Русскихъ въ неблагопріятномъ взглядѣ на нихъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ высокихъ лицъ церковной Іерархіи были уличены въ обманѣ и намѣренной лжи, къ которымъ они нарочно прибѣгали съ цѣлію корыстоваться Русскимъ гостепріимствомъ, естественно должно было произвести перемѣну къ худшему въ мнѣніяхъ и взглядахъ Русскихъ на Православныхъ иностранцевъ и вмѣстѣ съ другими располагало Русскихъ къ ограниченію числа лицъ, пробиравшихся въ Россію за сборомъ и подаяній и милостыни, и къ осторожному и, часто даже подозрительному и тяжелому, обращенію съ ними. Но, съ другой стороны, Русскіе не могли отрѣшиться отъ чуствъ почтенія и Христіянской любви, которыя имъ такъ естественно питать къ Православному Востоку. По этому поведеніе ихъ относительно Православныхъ лицъ, приходившихъ къ намъ съ Востока, было смѣшаннаго свойства: на ряду съ благодушіемъ и крайнею снисходительностію къ продѣлкамъ многихъ недостойныхъ лицъ, мы встрѣчаемъ и строгія мѣры, которыя принимались противъ этихъ лицъ, и неизмѣнное, общее Русскимъ, чувство отчужденности и привычку

держать себя вдали отъ всѣхъ иностранцевъ. У Павла Діякона мы встрѣчаемъ немало такого рода данныхъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Православныя лица, пріѣзжавшія къ намъ съ разныхъ странъ Востока, не пользовались искреннею дружбою и сочувствіемъ Русскихъ.

Русскіе прежде всего могли замѣтить неблагонамѣренность и нечестность многихъ, даже высшихъ духовныхъ лицъ, которыя пріѣзжали въ Россію; этѣ лица подрывали даже тѣ добрыя чувства, которыя Русскіе питали къ людямъ достойнымъ. Такъ какъ трудно, а иногда даже не возможно, было проникнуть въ Россію, то нѣкоторыя духовныя лица: Епископы, Игумены и другіе, прибѣгали къ слѣдующему средству: они объявляли пограничному Воеводѣ, что они идутъ въ Россію «во имя Государя.» Это значило, что они желаютъ имѣть пожизненное содержаніе отъ Государя и, въ благодарность за это, обязываются оставаться у насъ до конца жизни и молиться за Царя. По замѣчанію Павла, Греки первые прибѣгли къ этой хитрости. Другіе, чтобы скорѣе пробраться въ Россію, прибѣгали къ беззастѣнчивой лжи. И такъ какъ высшимъ лицамъ церковной Іерархіи гораздо легче было проникнуть внутрь Россіи, нежели простому Священнику и монаху, то они ложно выдавали себя за лицъ съ высшимъ Іерархическимъ достоинствомъ. Не разъ, конечно, удавалась имъ эта хитрость, но часто обманъ открывался, и виновные подвергались посмѣянію. Въ такомъ случаѣ для нихъ оставалось только первое средство къ достиженію ихъ цѣлей: имъ стоило сказать, что они идутъ «во имя Государя,» и ихъ тотчасъ пропускали. Такъ главный Епископъ О. Кипра, прибывъ въ Путивль, объявилъ тамошнему Воеводѣ, что онъ Патріархъ. Воевода задержалъ его, и напередъ желалъ снестись съ высшимъ Правительствомъ, но изъ Москвы онъ получилъ приказаніе выпроводить назадъ мнимаго Патріарха, вмѣстѣ съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Прошло 500 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Христіянская Вѣра водворилась въ Россіи, и во все это время мы не слыхали, чтобы въ мірѣ было болѣе 4 Патріарховъ: Антіохійскаго, Александрійскаго, Константинопольскаго и Іерусалимскаго, къ которымъ въ послѣдствіи былъ присоединенъ Русскій на мѣсто Папы.» Епископъ сознался въ обманѣ, и за тѣмъ ему былъ открытъ путь въ Москву. (778) Та же исторія случилась потомъ и съ Охридскимъ Архіепископомъ, Гавріиломъ. Онъ тоже

выдалъ себя Воеводѣ за Патріярха и настаивалъ, чтобы его пропустили, не дожидаясь отвѣта изъ Москвы; благодаря подкупу, онъ достигъ своей цѣли. Но едва онъ отъѣхалъ на разстояніе 3 дней пути, какъ съ нимъ повстрѣчался гонецъ, посланный изъ Москвы съ приказомъ выпроводить его обратно за границу, и опять на томъ же основаніи, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ 6 Патріярховъ. * Архіепископъ извинился, плакалъ и отправилъ Никону просьбу, что онъ желаетъ ити «во имя Царя,» послѣ чего и получилъ онъ позволеніе остаться въ Россіи. Когда онъ явился къ Никону, послѣдній сдѣлалъ ему строгій выговоръ и крѣпко наказалъ, чтобы даже слово «Патріярхъ» никогда не вырывалось изъ его устъ. До чего доходила снисходительность высшей власти къ этимъ лицамъ, можно судить по дальнѣйшей судьбѣ этого человѣка. По принятому обычаю, онъ не смѣлъ уже оставлять Россію. Между тѣмъ строгія правила благочинія, введеннаго Никономъ, до того ему надоѣли, что онъ рѣшился просить Царя отпустить его изъ Россіи подъ предлогомъ путешествія въ Іерусалимъ. Царь склонился на его просьбу, но Никонъ былъ противнаго мнѣнія. Царь говорилъ: «Если мы не отпустимъ, то онъ будетъ молиться Богу не за насъ, а противъ насъ,» и по тому Гавріилу дали отпускъ. При прощаніи Царь просилъ его помолиться за него на святомъ мѣстѣ и принесть немного масла отъ лампады надъ гробомъ Господнимъ; при этомъ онъ пожаловалъ ему еще четыре сорока соболей и 400 рублей. Павелъ замѣчаетъ по этому случаю, что, не смотря на то, что Гавріилъ сначала былъ задержанъ, онъ былъ отпущенъ не съ меньшими дарами, какъ и Митрополитъ Никейскій. (779) Но случалось, что подобные путешественники платились за свои продѣлки. Не довольствуясь пріютомъ и содержаніемъ, которое имъ давали, они и тутъ еще продолжали вести нескромную жизнь и иногда придерживаться обычаевъ, непростительныхъ въ глазахъ Русскаго человѣка. Такъ, Павелъ разсказываетъ, что до его пріѣзда къ намъ прибылъ одинъ Митрополитъ Мира съ цѣлою толпою другихъ лицъ. Отъ наблюдательности Русскихъ не скрылась ихъ темная жизнь и привычка курить табакъ; за это спут-

---

* А между тѣмъ этотъ Владыка дѣйствительно, въ понятіи Болгаръ, былъ Патріярхъ. При томъ были же въ то время Патріярхи Терновскій (Болгарскій) и Петскій (Сербскій). О. Б.

ники Миры были отправлены въ ссылку, а самъ онъ, хотя, по ходатайству Константинопольскаго Патріярха, Паталарона, избѣжалъ этой участи, но все таки долженъ былъ оставить Москву. Онъ уже находился на границѣ, какъ Царь узналъ о несправедливости, которую онъ еще прежде оказалъ Патріярху Макарію, и послалъ сыщиковъ привести его обратно въ Москву. Они настигли его въ Красномъ. Чувствуя важность своей вины, онъ боялся явиться назадъ, и за 200 рублей успѣлъ подкупить сыщиковъ, чтобы они скрыли его мѣстопребываніе. Мира убѣжалъ, но сыщики, которыхъ ложь открылась, сами должны были отправиться въ ссылку на то мѣсто, которое было ему назначено. Павелъ замѣчаетъ, что много такихъ путешественниковъ у насъ сослали въ Сибирь, а многихъ выпроводилъ обратно Путивльскій Воевода. (780) Иногда эти путешественники страдали и отъ корыстолюбія Воеводъ. Особенно тяжело было для нихъ въ этомъ отношеніи время Михайла Ѳедоровича. Благодаря добротѣ души этого Государя, Воеводы ужасно притѣсняли странниковъ: Путивльскій Воевода бралъ взятки съ проѣзжавшихъ Епископовъ. Однажды пріѣхалъ Акарскій Митрополитъ, Іеремія: Воевода сталъ удерживать его подъ предлогомъ сношеній съ Царемъ касательно его пропуска, а на самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ вынудить у него взятку. Но этотъ Митрополитъ былъ очень бѣденъ; онъ не могъ выѣхать изъ Пувивля, терпѣлъ здѣсь всякаго рода нужду, голодъ и холодъ, и умеръ въ такомъ томительномъ ожиданіи. Въ послѣдствіи этотъ Воевода поплатился за свою жестокость и взяточничество: онъ былъ вызванъ въ Москву, и здѣсь понесъ достойное наказаніе. Съ теченіемъ времени эти мѣры строгости противъ неодобрительнаго поведенія разныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ къ намъ съ Востока, приняли даже видъ закона. Павелъ замѣчаетъ, что прежде у насъ высылали только за границу тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя, пріѣхавъ въ Россію, совершали здѣсь какія ни будь преступленія; но этимъ давали лишь возможность чрезъ нѣсколько времени явиться вновь и опять повторять тѣ же преступленія. Наконецъ Русскіе были выведены изъ терпѣнія безчинствами Греческихъ монаховъ, которые только безобразничали у насъ, предаваясь безпутству, пьянству и дракамъ, иногда оканчивающимся убійствами. Чтобы предупредить подобныя явленія на будущее время, они подчиняли всѣхъ пріѣзжавшихъ, даже духовныхъ лицъ,

мѣстнымъ законамъ церковнаго и гражданскаго суда и благочинія, такъ что за подобные проступки виновныхъ стали высылать въ Сибирь, а за употребленіе табаку наказывать даже смертію. Во времена Павла такое поведеніе Русскихъ въ отношеніи къ безчестнымъ извлекателямъ корысти изъ ихъ благочестія и милосердія сдѣлалось уже обычнымъ правиломъ и закономъ. (781)

Эти строгія мѣры были вызываемы, конечно, самымъ поведеніемъ иностранцевъ. Но въ этой строгости сказывалось не одно только требованіе справедливости и законнаго взысканія, а въ то же время и вліяніе свойственной Русскимъ нетерпимости и недружелюбія по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ. Казалось бы, что у такого путешественника, какъ Павелъ, не могло быть ни какихъ причинъ жаловаться на Русскихъ, и, однако жь, этотъ самый человѣкъ не разъ выказываетъ такія горькія жалобы на свое положеніе среди Русскихъ, что не оставляетъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что и Православнымъ посѣтителямъ не очень весело было жить у насъ. Правда, немалую долю горечи въ этѣ жалобы Павла вносили постороннія обстоятельства: такъ Сирійцы очень жалуются на продолжительность службъ и т. п. Но такія же, если не болѣе еще тягостныя и томительныя, скорби имъ приходилось испытывать и отъ другихъ причинъ, коренившихся въ самомъ свойствѣ Русскихъ, какъ особаго племени и народа. И если даже такіе путешественники, какъ наши Сирійцы, облагодѣтельствованные и обласканные Царемъ и всѣмъ высшимъ обществомъ, жалуются на Русскихъ, то значитъ, были дѣйствительны важныя причины для жалобъ. Сирійцевъ нельзя даже обвинять за это въ неблагодарности, по тому что все описаніе Павла дышетъ глубочайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ Царю, уваженіемъ къ набожности нашихъ предковъ, уваженіемъ къ той самой строгости монашеской и церковно-религіозной жизни, отъ которой они такъ много страдали. По этому, мы должны смотрѣть на его жалобы, какъ на выраженіе естественнаго впечатлѣнія и чувства, которыя оставляло въ нихъ поведеніе и обращеніе Русскихъ съ пріѣзжавшими къ намъ Православными иностранцами. То, что говоритъ въ этомъ случаѣ Павелъ, ясно показываетъ, что Русскіе весьма мало питали искренности и сердечной любви къ этимъ посѣтителямъ. При всемъ сочувствіи, съ которымъ Русскіе относились къ бѣдствіямъ Востока и давали

посильныя пожертвованія тамошнимъ Православнымъ Христіянамъ, при всемъ уваженіи къ Восточнымъ Іерархамъ и Пастырямъ, въ основѣ ихъ взаимныхъ сношеній всегда лежало какое-то сдерживающее и отталкивающее чувство, которое, однако жь, уступало другимъ высшимъ побужденіямъ братской любви и союза. Основою и источникомъ добрыхъ отношеній, которыя существовали между нами и Восточными единовѣрцами, служили болѣе нравственныя начала Христіянской любви къ ближнимъ, чѣмъ единственно доброе расположеніе и влеченіе къ нимъ; готовность помогать ихъ нуждамъ выходила болѣе изъ чувства и желанія поддерживать честь Православія и славу Русскаго Царства, которое считало своею задачею и призваніемъ охранять вездѣ пользы Православія, нежели изъ искренней любви и сочувствія къ нимъ. Мы встрѣчаемъ у Павла не только много частныхъ данныхъ, которыя ни какъ не мирятся съ этими послѣдними чувствами, но находимъ самый его отзывъ о свойствѣ Русскихъ и отношеній ихъ къ иностранцамъ, которыя положительно исключаютъ эти чувства. Говоря это, мы имѣемъ въ виду народъ, его мысли и чувства. А, конечно, люди, стоявшіе во главѣ духовнаго и свѣтскаго Правительства, самымъ своимъ положеніемъ были поставлены въ необходимость принимать болѣе, или менѣе, горячее участіе въ судьбѣ пріѣзжавшихъ къ намъ съ отдаленныхъ странъ Востока Православныхъ Христіянъ; они давали имъ щедрую милостыню, окружали почетомъ ихъ Святителей, но сердце народа не лежало къ этимъ людямъ, близкимъ ему по Вѣрѣ, но чуждымъ по народности. Да и тутъ, если эти люди не уважали домашнихъ нашихъ обычаевъ, милостыня скоро оскудѣвала и дѣло доходило до выраженія прямаго неудовольствія и затаеннаго негодованія. Оставляя въ сторонѣ многочисленныя свидѣтельства Западныхъ писателей, которые вообще говорятъ о недружелюбномъ отношеніи Русскихъ къ иностранцамъ, мы будемъ имѣть въ виду въ настоящемъ случаѣ только свидѣтельства Павла Діякона, который лично не имѣлъ причинъ жаловаться на холодность и невниманіе нашихъ предковъ. Изобразивъ всѣ трудности, съ которыми приходилось имъ и другимъ подобнымъ путешественникамъ жить у насъ, онъ замѣчаетъ, что тяжелое положеніе иностранцевъ у насъ въ Россіи было плодомъ того отвращенія, которое Русскіе питали къ людямъ ихъ страны и языка. (782) Тотъ же Павелъ, не разъ

упоминающій объ отличномъ уваженіи, съ которымъ Царь Алексѣй Михайловичъ и Патріархъ Никонъ относились къ Константинопольскому Патріарху, и съ особенною настойчивостію выставляющій это обстоятельство на видъ, въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Грековъ нигдѣ не любили въ Европѣ, и что ихъ точно также не любили и Русскіе, хотя и принимали ихъ изъ милости. (783) Русскіе были очень подозрительны по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ, были скрытны и ничего не сообщали имъ о своей землѣ; они всегда держали пріѣзжихъ иностранцевъ подъ строгимъ надзоромъ и доводили до свѣдѣнія Царя о всякомъ малѣйшемъ обстоятельствѣ; на улицѣ иностранцу нельзя было остановиться, чтобы осмотрѣть что ни будь, по тому что его сейчасъ приняли бы за соглядатая. Такимъ образомъ всякій иностранецъ, по выраженію Павла, долженъ былъ во все время пребыванія своего въ Россіи чувствовать себя какъ въ темницѣ. (784) Посевинъ жалуется на Русскихъ за то, что они, въ слѣдствіе своей подозрительности, не пускали къ нему ни кого изъ иностранныхъ врачей, не смотря на то, что нѣкоторыя лица изъ сопровождавшихъ его были больны. Когда онъ уѣзжалъ для переговоровъ къ Баторію, то Царь обѣщалъ оказывать оставленнымъ имъ лицамъ такой же почетъ, какъ ему самому, но на дѣлѣ вышло не такъ: имъ не позволяли никуда выйти, изъ Старицы ихъ перевели въ Москву, и тутъ они были заключены въ довольно тѣсной комнатѣ, въ которой они должны были имѣть и престолъ и письменной столъ, и спальню, а у дверей ихъ поставлена была постоянная стража, состоявшая изъ 4 человѣкъ. Когда Послы жаловались приставникамъ, что имъ не сдержали даннаго слова, то одинъ изъ нихъ добродушно замѣтилъ, что Царь одно обѣщаетъ иностранцамъ, а другое приказываетъ Приставамъ, одно говоритъ, а иное думаетъ. Даже тѣ иностранцы, которые давали обѣщаніе навсегда остаться въ Россіи, лишены были права посѣщать, и даже разговаривать съ пріѣзжими иностранцами, по тому что они все таки казались Русскимъ подозрительными лицами, и за нарушеніе этихъ правилъ, даже за одно подозрѣніе въ намѣреніи ихъ нарушить, ихъ казнили смертію. Во время пребыванія Посевина въ Москвѣ многіе желали къ нему явиться, но не могли. Одинъ Врачъ хотѣлъ у него исповѣдаться, но ему не только не дозволили этого, а даже пригрозили за это: «Какъ

ты смѣешь, говорили ему, будучи иностранцемъ, посѣщать этихъ людей? Если не хочешь смерти, берегись и не упоминай больше объ этомъ!» Письма, которыя Посевинъ посылалъ за границу, сначала не запечатанныя, проходили чрезъ руки Царя, который нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не возвращалъ назадъ, а другія изъ подозрѣнія велѣлъ переводить на Русскій языкъ. (785) Лица, принимавшія Православіе, должны были навсегда оставаться въ Россіи, и всякое покушеніе уѣхать какъ ни будь тайнымъ образомъ, даже одно высказанное желаніе оставить Россію, стоило имъ здоровья и жизни. (786) Для такихъ людей, по удачному выраженію нѣкоторыхъ писателей, Москва дѣлалась уже вѣчною темницей. (787) Послѣ этого не удивительно, если Западные иностранцы-иновѣрцы жаловались на свое житье среди Русскихъ; но тѣ же жалобы мы слышимъ и отъ Православнаго Навла Діякона. По его словамъ, Русскіе очень зорко смотрѣли за пріѣзжими Епископами и другими лицами. Новопріѣзжій Епископъ, или Архимандритъ, дотолѣ не смѣлъ ни выѣзжать къ кому ни будь, ни принимать къ себѣ никого, пока не представился Царю и не подошелъ къ его рукѣ. Въ пріѣздъ Патріярха Макарія въ Москвѣ не было ни Царя, ни Патріярха Никона, по чему Макарій не могъ никуда выѣзжать, и когда Алексѣй Михайловичъ возвращался въ Москву изъ Польскаго похода, то Сирійцамъ нужно было взять у Начальства позволеніе даже на то, чтобы имѣть право только изъ оконъ монастыря смотрѣть на въѣздъ Царя въ столицу. За тѣмъ, во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ за ними весьма внимательно слѣдили день и ночь, присматривали, подслушивали и заглядывали въ скважины дверей, чтобы знать, чѣмъ занимаются ихъ гости: преданы ли они набожности, посту и молитвѣ, или же пьютъ, веселятся, шумятъ и ведутъ неприличную бесѣду; и все, что только замѣчали, какъ добраго, такъ и худаго, доводили до свѣдѣнія Царя и Патріярха. По этому, прибавляетъ Павелъ, имъ надлежало вести себя очень осторожно: они должны были жить по примѣру Святыхъ и вести борьбу съ противными наклонностями. (788) Сирійцы принуждены были сообразоваться со всѣми правами и обычаями Русскихъ, хотя внутренно досадовали и страдали. И нельзя было не сообразоваться, по тому что всякое отступленіе отъ этихъ обычаевъ влекло за собою непзбѣжное наказаніе. Виновныхъ, говоритъ Павелъ, ссылали въ страны

вѣчнаго мрака, черныхъ лисицъ и пушныхъ звѣрей, — въ Сибирь, гдѣ они томились въ работѣ и вымывали золотые пески; нѣкоторые ссылались на берега отдаленнаго океана, куда нужно было ѣхать $3\frac{1}{2}$ года. Житье нашихъ Сиріійцевъ было таково, что они молили Бога, чтобы Онъ до конца даровалъ имъ терпѣніе и мужество въ виду безчисленныхъ опасностей и смертей, которыя постоянно предносились предъ ихъ глазами. (789) До чего доходила подозрительность Русскихъ, примѣромъ тому можетъ служить слѣдующее. Павелъ хотѣлъ записать имена Святыхъ, мощи которыхъ Патріархъ Никонъ обмывалъ въ В. Пятокъ, но онъ не успѣлъ сдѣлать этого по многимъ причинамъ, и одна изъ нихъ состояла въ томъ, что онъ опасался, какъ бы кто не узналъ, что онъ записываетъ всякую вещь; это было опасно, по тому что Русскіе всегда были подозрительны и не открывали своихъ тайнъ чужестранцамъ, живущимъ среди невѣрныхъ. (790). Главиничъ тоже замѣчаетъ, что Русскіе скрывали отъ иностранцевъ все, что у себя имѣли; они были весьма подозрительны къ Посламъ Европейскимъ Государей, и пока не узнавали цѣли Посольства, дотолѣ косо посматривали на Пословъ, подозрѣвая ихъ въ томъ, не пріѣхали ли они болѣе съ цѣлію разузнать что ни будь, нежели вести дѣла съ Государемъ. Въ Кіевѣ ему даже неохотно дали осмотрѣть Библіотеку тамошней Духовной Академіи. (791) Кромѣ указанной нами причины недружелюбнаго отношенія Русскихъ къ единовѣрнымъ имъ Восточнымъ Христіянамъ, были еще и другія историческія обстоятельства, которыя способствовали развитію и утвержденію въ ихъ сознаніи такихъ именно взглядовъ на этихъ Христіянъ и отношеній къ нимъ. Востокъ былъ подъ властію Турокъ, и тамошніе Христіяне по необходимости должны были находиться въ частыхъ сношеніяхъ съ нами. А этого было достаточно, чтобы Русскіе, не дѣлая точнаго различія, переносили свое отвращеніе, какое они питали къ Магометанамъ, Туркамъ и Татарамъ, и на самыхъ Христіянъ, которые жили среди нихъ и которые въ глазахъ нашихъ предковъ считались уже осквернѣнными этимъ близкимъ сожитіемъ съ Невѣрными. Павелъ замѣчаетъ, что въ его время этотъ взглядъ Русскихъ на Восточныхъ Христіянъ, благодаря личному посѣщенію Россіи нѣкоторыми Восточными Патріархами, успѣлъ уже измѣниться къ лучшему и потерялъ свое прежнее жестокое исключи-

тельное свойство. Прежде у насъ не позволяли даже служить Епископамъ, или Патріархамъ, которые пріѣзжали къ намъ съ Востока, по тому что они считались осквернеными чрезъ сближеніе съ Турками; по той же причинѣ Греческимъ купцамъ воспрещалось входить въ наши церкви; если же кто ни будь изъ нихъ объявилъ «на имя Государя,» что онъ желаетъ остаться въ Россіи, жениться на Русской, или сдѣлаться переводчикомъ, то онъ, въ теченіи 40 дней, оставался въ числѣ оглашенныхъ, и за тѣмъ былъ присоединяемъ чрезъ муропомазаніе. (792) Далѣе, это отчужденіе Русскихъ отъ иностранцевъ вообще и Восточныхъ Христіянъ въ частности зависѣло весьма много и отъ недостатка просвѣщенія въ современномъ Русскомъ обществѣ. Русскіе смотрѣли на этихъ далекихъ путешественниковъ, какъ на людей, вышедшихъ изъ такихъ странъ, гдѣ самыя условія человѣческой жизни совершенно отличны отъ нашихъ Русскихъ. Когда Сирійцы, во время своего путешествія высадились на берегъ вблизи одного монастыря, не подалеку отъ Коломны, ихъ встрѣчала здѣсь огромная толпа народу, который никогда еще не видалъ такихъ далекихъ и высокихъ путешественниковъ. Тутъ стали ихъ распрашивать и предлагали имъ очень простодушные вопросы, на примѣръ: «Есть ли въ ихъ странѣ женщины? Ѣдятъ ли они хлѣбъ?» и г. п. Сирійцы въ шутку отвѣчали, что у нихъ нѣтъ ни того, ни другого. (793) Очевидно, что въ странѣ, жители которой предлагаютъ такіе вопросы путешественникамъ и встрѣчаютъ ихъ какъ выходцевъ съ особливыхъ странъ, гдѣ звучитъ какой-то странный языкъ, гдѣ иная одежда, иныя привычки, такъ далеко расходившіяся съ Русскими Православными обычаями, въ которыхъ народъ привыкъ видѣть выраженіе самой сущности Православія, въ той странѣ чужеземцы, хотя бы даже связанные узами единовѣрія съ мѣстными жителями, не могли разсчитывать на дружескій, искренній, пріемъ. Но, повторяемъ, главная и коренная причина такихъ, а не другихъ, отношеній Русскихъ ко всѣмъ иностранцамъ, не исключая и единовѣрныхъ Христіянъ Востока, лежала въ самыхъ особенностяхъ ихъ свойства, въ свойственной вообще неразвитому народу наклонности скрывать и таить отъ чужихъ свою внутреннюю жизнь, и въ чувствѣ народности, которое исключаетъ пользы другихъ народностей. Въ этомъ чувствѣ схоронены будущія надежды народа: оно ревниво бережетъ запасъ и цѣлость всѣхъ на-

родныхъ силъ, его экономію и спасаетъ отъ расточительности и излишней щедрости, и даже въ пору младенчества, когда то чувство еще мало озаряется народнымъ сознаніемъ, оно часто безотчетно ведетъ народъ впередъ и спасаетъ его. Христіянство и Православіе, внушая всеобщую взаимную любовь между людьми, не уничтожаютъ тѣмъ народнаго чувства и гордости. А наши предки были очень чувствительны къ чести и пользамъ какъ Православія, такъ и своей народности. Это послѣднее чувство, стремясь къ расширенію круга собственнаго бытія, по необходимости должно стѣснить предѣлы чужой соприкосновенной области; отсюда естественное чувство недѣлимости и стремленіе къ самосохраненію и защитѣ отъ всего, что только можетъ угрожать нашей самостоятельности и нашему вещественному и духовному благосостоянію. Только въ болѣе просвѣщенной порѣ это чувство и стремленіе озаряются развитымъ сознаніемъ и находятъ для своего выраженія болѣе приличныя и надлежащія формы, а въ неразвитомъ состояніи они всегда сохраняютъ свойства темнаго безотчетнаго побужденія; въ эту пору онѣ выражаются неопредѣленнымъ чувствомъ скрытности и отчужденія отъ лицъ чужой народности, свойственнымъ слабымъ людямъ и народамъ. Въ этомъ отношеніи между отдѣльнымъ человѣкомъ и народомъ замѣчается большое сходство. Слабый человѣкъ боится открыться болѣе сильному, чтобы не показать ему слабыхъ своихъ сторонъ и не дать ему въ руки оружія противъ себя самаго; тѣ же соображенія руководятъ политикою малоопытнаго и слабаго народа. Русская жизнь въ XVI и XVII вѣкѣ едва стала выходить изъ своего младенческаго состоянія, и по тому ни чего нѣтъ естественнѣе, какъ видѣть въ предначертаніяхъ тогдашняго Русскаго Правительства и нравахъ тогдашняго Русскаго общества образъ дѣйствій и стремленія, свойственныя незрѣлому возрасту: подозрительность и недовѣрчивость Русскихъ были слѣдствіемъ недостаточнаго развитія жизни самаго народа. Послѣ этого нечего удивляться, что иностранцамъ житье въ Россіи казалось темницею; и насъ не только не удивляетъ, а, напротивъ, кажется весьма естественною та радость, какую чувствовали иностранцы, благополучно оставлявшіе предѣлы Россіи. Когда Сирійцы оставили уже за собою границу Русскихъ владѣній, они свободнѣе вздохнули; красота лѣтней природы Малороссіи напомнила имъ родину, ихъ сердце рвалось отъ радости при

видѣ сіяющихъ церквей Кіева, къ которому они приближались. Тутъ они вспомнили, какъ, въ теченіи почти 2хлѣтняго пребыванія ихъ въ Россіи, на ихъ сердцѣ, говоря буквально словами Павла: «какъ будто постоянно лежалъ висячій замокъ;» по тому что въ Русской странѣ ни кто не могъ чувствовать себя свободнымъ, кромѣ природныхъ ея жителей. «Если бы кто ни будь, говоритъ Павелъ, слѣлался даже обладателемъ этой страны, и тогда его сердце не освободилось бы отъ безпокойства и тоски.» Сирійцевъ радовало только то, что они уже были въ странѣ Козаковъ. (794) Вотъ что думалъ и чувствовалъ Павелъ, когда оставлялъ Россію, и эти слова его мы считаемъ исповѣдью тѣхъ мыслей и чувствованій, которыя вообще Православные путешественники выносили изъ своего пребыванія въ Россіи и съ которыми имъ приходилось покидать ее.

VII. СТОЛКНОВЕНІЕ СЪ МІРОМЪ ПРОТЕСТАНТСКИМЪ.

I. Въ Восточной Россіи.

Въ 1569 году въ Москвѣ были Послы Польскаго Короля для переговоровъ о мирѣ. Въ этомъ Посольствѣ находилось много лицъ изъ Западныхъ Русскихъ, которые приняли Лютеранство и при которыхъ, въ качествѣ Пастора, состоялъ Иванъ Рокита. Это былъ одинъ изъ членовъ Общины Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ, которые 1548 году были выгнаны изъ Чехіи Императоромъ Фердинандомъ I и удалились въ Великую Польшу. Этотъ Пасторъ, по настоянію Ивана Грознаго, держалъ, въ началѣ 1570 года, въ присутствіи самаго Царя, Польскихъ Пословъ и Русскихъ Бояръ, открытое прѣніе о предметахъ Вѣры. (795) Съ перваго же раза Царь поразилъ Рокиту своимъ обличительнымъ тономъ рѣчи. «Вы, сказалъ ему Царь, обращаясь въ его лицѣ ко всѣмъ членамъ этой Общины, вы хвалитесь своею Евангельскою Вѣрою, а между тѣмъ ваши смуты произвели между вами самими многочисленныя раздѣленія, такъ что вы своими новыми догматами ниспровергли почти всю Европу.» За тѣмъ Царь сталъ перечислять заблужденія ихъ религіозной Общины; говорилъ, что Евангелики не имѣютъ права учительства, неправильно отвергаютъ посты и проч. Перечисливъ ихъ заблужденія, Царь сказалъ Рокитѣ, что теперь онъ смѣло и безъ страха можетъ говорить. Рокита принялъ это позволеніе съ знаками глубочайшей

покорности; онъ очень боялся раздражить чѣмъ ни будь Царя, по тому что зналъ, что въ прежнее время весьма многіе Послы поплатились честію и даже жизнію за свою смѣлость. Онъ сказалъ защитительную рѣчь въ пользу Лютеранскаго ученія, которая вполнѣ приводится у Одерборна и занимаетъ у него около 4 листовъ въ листъ; вся она представляетъ собою защищеніе религіозныхъ Членовъ Лютеранскаго ученія. (796) По желанію Царя эта рѣчь была потомъ записана. Царь, съ своей стороны представилъ опроверженіе на эту рѣчь съ изложеніемъ Православнаго ученія о спорныхъ членахъ, съ цѣлію познакомить Рокиту лучше съ этимъ ученіемъ. Это опроверженіе подало потомъ поводъ другому члену той же Общины написать, въ защиту ея ученія, апологію, направленную вмѣстѣ и противъ этого опроверженія. Сочинитель этой апологіи; Евангеликъ Ласицкій (Lasicius), говоритъ о себѣ, что онъ въ этомъ случаѣ хотѣлъ подражать Лютеру, который въ свое время писалъ въ опроверженіе Англійскаго Короля, Генриха VIII. Такимъ образомъ мы имѣемъ: Разговоръ о Вѣрѣ между Царемъ и Рокитою въ присутствіи Бояръ; 2, Опроверженіе Царемъ положеній, высказанныхъ въ этомъ прѣніи Рокитою; 3, защиту этихъ положеній и вообще Лютеранскаго ученія и опроверженіе Православнаго Вѣроученія. Для нашей цѣли важны только два первыхъ сочиненія; по этому мы и сдѣлаемъ ихъ разборъ.

У Ласицкаго разговоръ Рокиты передается въ вопросахъ и отвѣтахъ, изложенныхъ въ катихизическомъ видѣ. (797) По этому тутъ нѣтъ той живости и драматическаго обмѣна мыслей, какъ въ прѣніе Посевина съ тѣмъ же Царемъ, Иваномъ Грознымъ. Здѣсь вопросы и отвѣты сжаты, сухи, общи, какъ въ Катихизисѣ; краткость вопросовъ совершенно обезличиваетъ лицо спрашивающее, и по тому по нимъ однимъ мы не могли бы опредѣлить умственнаго его склада. Но намъ помогаетъ другое разсужденіе, гдѣ спрашивающій самъ переходитъ въ роль отвѣчающаго и разсуждаетъ болѣе, или менѣе, обстоятельно и обширно, съ изложеніемъ разныхъ доказательствъ и соображеній. Мы представимъ изъ этого разговора только вопросы Царя, а отвѣты на нихъ Рокиты неважны, по тому что они представляютъ собою только общія и слишкомъ извѣстныя доказательства разныхъ членовъ Лютеранскаго ученія. Хотя сами эти вопросы кратки и опроверженіе Царемъ отвѣтовъ, данныхъ Рокитою на эти вопросы, тоже не об-

ширно, но, вмѣстѣ взятые, они служатъ обозначеніемъ отчасти тогдашняго нашего религіознаго просвѣщенія, а отчасти самой личности Ивана Грознаго, который не даромъ пользовался прозвищемъ знатока Церковнаго ученія и письменности. Какъ ни безцвѣтными намъ могутъ показаться его разсужденія, но, по тогдашнему времени, это были образцы церковно-исторической и богословской учености.

Царь предложилъ Рокитѣ слѣдующіе вопросы, на которые требовалъ отвѣтовъ. 1-й вопросъ: «Кто ты? 2-й: Каково твое ученіе? 3-й: Какое, по вашему ученію, основаніе для оправданія человѣка? 4-й: Если человѣкъ спасается одною (Вѣрою) благодатію, то по чему Христосъ будетъ судить по дѣламъ ихъ? 5-й: Какую исповѣдуешь Вѣру? Не ту ли, которую проповѣдывалъ Лютеръ, на котораго и вы опираетесь въ своемъ Вѣроученіи? 6-й: Такъ какъ вы отдѣлились отъ древней Церкви, то скажи, гдѣ Лютеръ, а потомъ и ты самъ, были призваны къ Церковному служенію? Ибо какимъ образомъ будутъ проповѣдывать, говоритъ Апостолъ, если не будутъ посланы? При томъ же вы не подверждаете своего ученія ни какими чудесами. 7-й: Какъ ты думаешь о постахъ, которые, какъ я слышалъ, ваши послѣдователи совершенно оставили? 8-й: Какое у васъ основаніе молитвы? 9-й: По чему вы не почитаете Св. иконъ? 10-й: Какъ вы думаете о супружествѣ и безженствѣ Священниковъ?»

Эти вопросы показываютъ, что Царь коснулся почти всѣхъ существенныхъ сторонъ Лютеранскаго ученія, что самое уже нѣсколько говоритъ въ пользу нашего духовнаго просвѣщенія и въ пользу Православія, имѣвшаго такихъ свѣдущихъ Царей, которые могли подвергнуть критическому разбору чужое Вѣроисповѣданіе и не боялись вызвать его на судъ предъ лицо Православія.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1570 года Царь представилъ Рокитѣ опроверженіе на его отвѣты, которые онъ далъ на изложенные выше вопросы. Это очень любопытный памятникъ XVI вѣка; по этому мы считаемъ нужнымъ передать вкратцѣ его содержаніе.

Въ предисловіи Царь говоритъ, что онъ не намѣренъ былъ вступать въ бесѣду съ Рокитою, по тому что онъ не высказываетъ ни какого сочувствія къ тому, что ему говорятъ, а только желаетъ выведывать чужія мнѣнія По этому онъ хотѣлъ обойти его молчаніемъ; ибо сказано (Матѳ. VII, 6): «Не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями!» какъ бы такъ сказано: «Не должно имѣть общенія въ словѣ

Божіемъ съ невѣрующими собаками.» Но онъ рѣшается отвѣчать, по тому что боится, какъ бы Рокита, въ противномъ случаѣ, не подумалъ, что онъ не понимаетъ, какой онъ ядъ излилъ изъ своихъ устъ, или чтобы не счелъ его несвѣдущимъ въ Писаніи и не могущимъ опровергнуть его, или же не подумалъ, будто онъ согласенъ съ его ученіемъ. Самое обличеніе состоитъ изъ 14 главъ, изъ которыхъ каждая касается какой ни будь разности Лютеранскаго ученія съ Православнымъ, и представляетъ опроверженіе ея съ точки зрѣнія Православія:

Глава 1-я, состоящая изъ нѣсколькихъ строкъ, разсуждаетъ о самомъ Лютерѣ. Обличеніе вращается около того, что Царь упрекаетъ Лютера въ отступленіи отъ Апостольскаго и Отческаго ученія, въ желаніи ниспровергнуть краеугольный камень Церкви, и въ самомъ его имени видитъ указаніе на его разрушительный образъ дѣйствій, по тому чти три начальныя буквы его имени: «Lut».. (лютъ, лютый) на Русскомъ языкѣ даютъ понятіе о человѣкѣ свирѣпомъ съ разрушительными наклонностями.

Глава 2-я. «Вы, обращается Царь къ Рокитѣ, называетеся проповѣдниками, но несправедливо; по тому что вы извращаете слово Божіе. Какъ ангелы тьмы, подобно своему вождю, называются діяволами, такъ и вы, подражая Лютеру, называете себя проповѣдниками.» Здѣсь Царь подбираетъ мѣста Священнаго Писанія, въ которыхъ говорится о ложныхъ пророкахъ и пастыряхъ. о ворахъ и разбойникахъ, и все это прилагаетъ къ Лютеранамъ, по тому что и они входятъ не въ ту дверь, которая открываетъ входъ въ церковь, управляемую, по преданію Апостольскому, законными пастырями.

Глава 3-я состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ. Царь говоритъ, что Лютеране, по ученію Св. Іоанна Богослова, не имѣютъ даже права называться Христіянами, по тому что они отвергаютъ ученіе Христа.

Глава 4-я. Царь упрекаетъ Лютеранъ во внутреннемъ ихъ противорѣчіи, по тому что они сами нарушаютъ то, чему учатъ другихъ, отрицая и извращая Отеческое преданіе. Онъ дѣлаетъ краткій историческій обзоръ церковнаго учительства, которымъ сначала заправляли Апостолы, потомъ ихъ преемники, Отцы Церкви, и подтверждали свое ученіе чудесами. Рокита, въ отвѣтъ на 6-й вопросъ, высказалъ мысль, что чудеса были необходимы только

въ началѣ Христіянства, для привлеченія вѣрующихъ, но потомъ сдѣлались ненужными. Царь опровергаетъ его словами Апостола Павла, который, въ Посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ, что чудеса существуютъ не ради вѣрующихъ, а ради невѣрныхъ, и говоритъ, что если бы онъ и его единовѣрцы были изъ числа вѣрующихъ, то они вѣрили бы Священному Писанію помимо чудесъ.

Глава 5 я. Здѣсь дѣло идетъ о значеніи древняго Моисеева Закона вообще, хотя собственно рѣчь о Десятословіи. Вопросъ рѣшается такъ: что обязательность В. Завѣта уничтожена Христомъ; что для Христіянъ существуютъ только двѣ заповѣди: «Возлюбиши Бога .... и ближняго...;» иначе, заключаетъ Царь, надобно было бы оставить и обрѣзаніе и другіе Ветхозавѣтные законы. (798)

Глава 6-я. Царь излагаетъ Православное ученіе, что до Христа всѣ праведники сходили во адъ, но послѣ воплощенія злые демоны уже не смѣютъ болѣе удерживать ихъ въ своей власти: теперь они, какъ бы одержимые сномъ, переходятъ въ Царство Небесное. Такъ какъ человѣкъ одаренъ свободною волею, то тѣ, которые ходятъ по духу вѣка сего, отходятъ по смерти въ вѣчныя муки. Онъ опровергаетъ Лютеранское ученіе объ оправданіи ученіемъ Апостола Іякова и примѣрами добродѣтелей Ветхозавѣтныхъ праведниковъ. «Ты, говоритъ Царь Рокитѣ, постоянно твердишь, что мы спасаемся одною вѣрою, чрезъ одного Іисуса Христа, и отвергаешь преданіе; но ты самъ не понимаешь ни того, что говоришь, ни того, чѣмъ подтверждаешь свое ученіе, по тому что Священное Писаніе ясно учитъ, что нѣтъ другого основанія нашему спасенію, кромѣ Христа.» Человѣкъ очищается въ крещеніи отъ грѣховъ, сдѣланныхъ прежде, но онъ обязывается исполнять всѣ заповѣди, иначе ничего не помогаетъ и возрожденіе. Лютеранскій взглядъ на оправданіе въ Таинствѣ Крещенія, по которому грѣхи остаются только какъ бы въ забвеніи предъ Богомъ (ignoscere), Царь считаетъ Аріянскою ересью, по тому что при такомъ представленіи Сынъ Божій становится ниже Отца (fit obligatus Patri). Онъ обвиняетъ Рокиту, и считаетъ ересью то, что, говоря объ Іисусѣ Христѣ, онъ назвалъ Его только посредникомъ и рожденнымъ отъ Пресвятой Дѣвы, не упоминая о другихъ дѣлахъ совершеннаго Имъ искупленія. Равнымъ образомъ онъ обличаетъ Лютеранъ за то, что они отвергаютъ почитаніе Божіей Матери и другихъ Святыхъ, и основаніе для ихъ почитанія заим-

ствуетъ изъ обычая уважать и почитать земныхъ людей, прославившихся подвигами, или искуствомъ.

Глава 7-я проникнута духомъ прещенія противъ Лютеранъ. Царь называетъ ихъ собаками, врагами креста Христова; между прочимъ здѣсь онъ обличаетъ Рокиту еще и въ томъ, что онъ неправильно приводитъ мѣста Священнаго Писанія.

Глава 8-я. Царь снова упрекаетъ Рокиту въ томъ, что Лютеране слѣдуютъ всему, чему училъ только Лютеръ, хотя и говорятъ, что ихъ Вѣра утверждается на Христѣ. «Горе вамъ погибшимъ, восклицаетъ Царь, вамъ, которые, по своей прихоти, извращаете Писаніе! Оставивъ въ сторонѣ Священниковъ, Учителей, самихъ Апостоловъ, вы извращаете заповѣди Христа и, такъ сказать, второй разъ распинаете Христа Спасителя, и мы не напрасно поражаемъ громомъ проклятія такихъ враговъ истины и безчестныхъ изслѣдователей (quaestores), какъ вы: вы Антихристы, по тому что противитесь Христу.»

Глава 9-я. Царь опровергаетъ мнѣніе Рокиты, что Лютеръ имѣлъ законное право учительства; по его мнѣнію Лютеръ былъ обманщикомъ и развратителемъ другихъ.

Глава 10-я. Въ ней, въ противоположность Лютеранамъ, защищается послѣдованіе Православной Церкви касательно постовъ. «Какъ густыя облака, говоритъ Царь, препятствуютъ видѣть солнце, такъ тѣло, обремененное пищей, не можетъ понимать Божественныхъ заповѣдей и видѣть истинное солнце—Христа.»

Глава 11-я. Царь упрекаетъ Рокиту въ томъ, что онъ не призываетъ Святыхъ и не служитъ Литургіи. (799) Необходимость ея доказывается у него тѣмъ, что безъ Литургіи нельзя совершить Евхаристіи, а кто не совершаетъ Евхаристіи по заповѣди Спасителя, тотъ Антихристъ и извращаетъ Вѣру.

Глава 12-я. Здѣсь Царь подробно повторяетъ прежнія разсужденія объ искупленіи, въ слѣдствіе котораго адъ потерялъ силу надъ праведниками. Искупленіе сдѣлало Христа нашимъ посредникомъ. Царь приводитъ церковныя пѣсни, прославляющія рожденіе и воскресеніе Христа. «Можно бы было, говоритъ онъ Рокитѣ, привести еще что ни будь изъ тайнаго ученія, но такой дикій оселъ, какъ ты, не послушаешь словъ увѣщанія: ты, подобно аспиду, закрываешь свои уши.» Далѣе Царь снова настаиваетъ на почитаніи Апостоловъ и Св. Отцовъ, безъ чего, по его мнѣнію, не мо-

жетъ быть уваженія и къ ихъ писаніямъ, а безъ этого, въ свою очередь, не можетъ быть довѣрія къ тому ученію, которое въ нихъ содержится. «О, напыщенный діавольскою гордостію, человѣкъ! восклицаетъ Царь въ заключеніе своей рѣчи: если бы это было такъ, то люди уподобились бы скотамъ и потеряли бы разумъ!»

Глава 13-я посвящена разсужденію объ иконопочитаніи. Рокита приводитъ обыкновенное возраженіе Лютеранъ противъ иконъ, заимствуемое ими изъ 2 заповѣди и изъ псалмовъ, гдѣ говорится о человѣческихъ изображеніяхъ, имѣющихъ глаза, но не видящихъ и т. д. Царь отвѣчаетъ, что это только относится къ идоламъ; онъ говоритъ, что нужно отличать идолопоклонство отъ иконопочитанія; онъ указываетъ на примѣръ священнаго изображенія въ скиніи Моисеевой, и представляетъ рядъ иконъ, которыхъ происхожденіе относится ко временамъ Апостольскимъ, каковы: нерукотворенный образъ Спасителя, икона Божіей Матери, писанная Евангелистомъ Лукою, и другихъ; наконецъ въ пользу иконопочитанія ссылается еще на чудеса, происходящія отъ иконъ. Рокита, въ подтвержденіе своего мнѣнія, приводилъ слова изъ 1-го Посланія Апостола Іоанна, которыя предписываютъ бѣгать идольскихъ жертвоприношеній. Царь отвѣчаетъ, что здѣсь рѣчь объ идолахъ, а не объ иконахъ. Рокита выставлялъ еще въ примѣръ, что нѣкоторыя лица устраняли отъ себя такое поклоненіе (на примѣръ, встрѣча Апостола Петра съ Сотникомъ Корниліемъ). Царь возражалъ на это, что это дѣлалось только ради Христіянской кротости. Рокита указывалъ также на примѣръ Св. Епифанія, который разодралъ священную завѣсу, на которой было изображеніе. Царь отвѣчалъ, что это свидѣтельство встрѣчается лишь у еретиковъ, а не у Православныхъ.

Глава 14-я. Здѣсь Иванъ Грозный становится жаркимъ защитникомъ монашеской жизни. «Ни Христосъ, говоритъ онъ, ни Апостолы, не имѣли женъ; то, что извѣстно о семейной жизни Апостола Петра, то относится еще къ его состоянію, предшествовавшему Апостольскому званію; съ тѣхъ поръ тещa сдѣлалась для него матерью, а жена сестрою. То же надобно сказать о Филиппѣ и другихъ Апостолахъ. А что сказать о женахъ, принесшихъ муро? Не всѣ ли онѣ были дѣвственницы? Лучше воздерживаться отъ супружества и употребленія мяса; но кто не далъ этихъ обѣтовъ, тотъ можетъ жениться и ѣсть мясо; нужно

только исполнять заповѣди, по тому что онѣ для всѣхъ обязательны, и для монаховъ и для мірянъ.» За тѣмъ Царь приводитъ слова І. Христа о скопцахъ, и взглядъ Апостола Павла на супружество и дѣвство. Въ пользу монашества онъ приводитъ слѣдующія мѣста: «Иже любитъ отца, или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ...Кто не возненавидитъ отца своего и матерь, нѣсть мене достоинъ. Елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся.» Скажи мнѣ, заключаетъ Царь свою рѣчь, кто были тѣ, которые врачевали больныхъ, усмиряли бури, воскрешали мертвыхъ, пили безболѣзненно ядъ, прогоняли демоновъ?.. Не всѣ ли они вели монашескую жизнь?»

Въ изложенной нами защитѣ (апологіи) Ивана Грознаго мы видимъ не одно только опроверженіе Лютеранства, но здѣсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывается и сердечное отношеніе защитника (апологета) къ чужому Вѣроисповѣданію и своему противнику: оно слишкомъ замѣтно проглядываетъ въ самомъ тонѣ и пріемахъ рѣчи. Здѣсь, на ряду съ разнаго рода соображеніями и доказательствами, являются бранчивыя слова и возраженія. Правда, это было слѣдствіемъ, съ одной стороны, грубыхъ нравовъ тогдашняго времени, а съ другой высокаго общественнаго положенія и значенія защитника, личность котораго совершенно подавляла его противника, но все это еще не объясняетъ вполнѣ дѣла. Обличительный духъ, которымъ проникнута защита Ивана Грознаго, былъ внушенъ другимъ чувствомъ: въ этомъ духѣ сказалось то же презрѣніе и отчужденіе отъ всего иновѣрнаго, которое, какъ мы видѣли, было вообще свойственно Русскимъ въ извѣстную пору; въ этомъ случаѣ Царь дышалъ однимъ духомъ съ остальнымъ Русскимъ обществомъ, и его защита была выраженіемъ настроенія и чувствъ этого общества. Чуждое Вѣроученіе должно было встрѣтить у насъ строгое обличеніе, которое не ограничивалось однимъ словомъ, а переходило въ жизнь и дѣло. Царь заключаетъ свою защиту (апологію) такими словами, обращенными къ Рокитѣ: «Ты, говоритъ онъ, въ глазахъ моихъ еретикъ, по тому что все твое ученіе превратно и противно церковному ученію, и не только еретикъ, но и рабъ Антихриста, выдвинутый діяволомъ. Но есть еще другіе хуже тебя. По этому мы тебѣ запрещаемъ распространять свое ученіе въ нашихъ владѣніяхъ.» (800) Такимъ образомъ приговоръ Лютеранству былъ изреченъ, и оно было лишено у насъ права гражданства и полной свободы Вѣроисповѣданія. Протестанство понесло на Православ-

ной почвѣ окончательное пораженіе, не въ смыслѣ научнаго превосходства надъ его представителями Православнаго общества, а въ смыслѣ живаго чувства истины, которымъ сильно послѣднее и по которому Православный человѣкъ даже отказывается отъ разсужденій съ еретикомъ. Православіе должно было вступить съ полнымъ отрицаніемъ къ Протестанству, вслѣдствіе внутреннихъ свойствъ самихъ Вѣроисповѣданій. Безуспѣшность прѣнія Рокиты можетъ быть объясняема только тѣмъ, что это дѣло происходило въ Москвѣ, гдѣ иновѣрцы не были терпимы, и что, при другихъ обстоятельствахъ, исходъ этихъ сношеній могъ быть иной. И что это такъ, мы это сейчасъ увидимъ изъ подобнаго же столкновенія Протестанства съ Православіемъ въ другой части Россіи, гдѣ на ихъ отношенія не имѣли вліянія ни какія насильственныя обстоятельства, которыя должны были привести къ такому, а не другому, слѣдствію, и гдѣ, не смотря на то, это сближеніе осталось также безплоднымъ, какъ не имѣющее основанія и опоры въ самой природѣ сближавшихся Вѣроисповѣданій.

2. Въ Западной Россіи.

Въ Западной Россіи въ описываемую нами пору также былъ случай столкновенія Православія съ Лютеранствомъ, подобный тому, какой мы сейчасъ описали въ Москвѣ. Тамъ это столкновеніе имѣло цѣлію закрѣпить соединеніе между Православіемъ и Евангелическимъ Братствомъ Чешскимъ; но и здѣсь, какъ и въ Восточной Россіи, эта попытка осталась безплодною.

Община Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ, со времени своего образованія, находилась въ сношеніяхъ съ Константинопольскою Церковію, а по племенному родству она была близка къ Полякамъ и Русскимъ. Въ 1595 году эта Община имѣла въ Торунѣ Генеральный Соборъ. Сюда прибыли отъ Русскихъ Западной Россіи двѣ депутаціи: одна отъ Константина Острожскаго, другая отъ остальнаго Дворянства, съ цѣлію заключить Вѣроисповѣдный союзъ. Люди, стоявшіе во главѣ Общины, приняли это Посольство съ сочувствіемъ. И въ 1599 году Графъ Андрей Лещинскій, Воевода Брестскій, и Христофоръ Радивилъ, Воевода Виленскій, стали сноситься съ Константиномъ Острожскимъ, Воеводой Кіевскимъ, по дѣлу соединенія. Съѣздъ былъ назначенъ въ Вильнѣ, куда должны были прибыть пастыри и ученые представители той и другой

стороны. Православные, явившіеся на Съѣздъ, говорили, что угнетенію ихъ Вѣры въ Литвѣ можно только воспрепятствовать союзомъ съ Евангеликами. Между тѣмъ, въ ожиданіи Воеводы Константина Острожскаго, Евангелики, также прибывшіе на Съѣздъ, предложили Православнымъ пастырямъ нѣсколько вопросовъ на предварительное разсмотрѣніе. Регенвольскій, изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, замѣчаетъ о нашихъ Священникахъ, что это были все люди необразованные, склонные къ суевѣрію, называвшіе Евангеликовъ еретиками. Евангелики, съ своей стороны, заявили, что, по ихъ мнѣнію, Православная Вѣра во многомъ ближе къ Апостольской, чѣмъ Папство; что они называютъ Православныхъ братьями и готовы соединиться съ ними, какъ въ дѣлѣ Вѣры, такъ и въ общественной жизни, чтобы вмѣстѣ отражать общія обиды. Далѣе Евангелики занялись составленіемъ начертанія вопросовъ и предметовъ для будущихъ разсужденій съ Православными. Чтобы облегчить дѣло примиренія, они рѣшились уступить Православнымъ догматъ объ исхожденіи Св. Духа и соглашались на формулу, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына и посылается въ міръ вмѣстѣ Отцомъ и Сыномъ; далѣе уступали имъ призываніе Святыхъ, поклоненіе Св. Дарамъ, совершеніе Евхаристіи по чину Восточной Церкви и старый Календарь. Одинъ изъ Евангеликовъ, Зиновичъ, объявилъ при этомъ, что въ Витебскѣ и другихъ мѣстахъ Русскіе стекаются къ ихъ проповѣдямъ, и съ жадностію покупаютъ Библію, и что нѣсколько сотъ экземпляровъ Новаго Завѣта его изданія выписано даже въ Москву. Православные начали благодарить Евангеликовъ за ихъ сочувствіе къ Греческой Церкви, и первый отозвался Константинъ Острожскій, за нимъ Игуменъ Исаакъ и Гедеонъ: оба они возблагодарили Бога за то, что Онъ даровалъ случай установить братскую любовь между ними и Евангеликами. Игуменъ Исаакъ предложилъ войти по дѣлу этой Уніи въ сношенія съ Патріархами Константинопольскимъ и Александрійскимъ. Въ знакъ взаимной дружбы, одна сторона подала другой руку, но кто-то изъ Православныхъ сказалъ при этомъ, указывая на Евангеликовъ: «Дастъ Богъ, и вы подчинитесь Патріарху Константинопольскому.» Константинъ Острожскій замѣтилъ на это: «Развѣ могутъ принять на себя малое иго тѣ, которые свергли съ себя иго Папы, который считается выше Патріарха? Такое требованіе не возможно.»

28 Мая было новое собраніе, на которомъ со стороны Православнаго Духовенства было около 10 человѣкъ. На этомъ собраніи были прочитаны 18 членовъ, въ которыхъ Православные сходились съ Евангеликами и различались отъ Папистовъ; эти члены были обнародованы на Польскомъ языкѣ. Между тѣмъ, въ виду предстоящаго соединенія (уніи), Константинъ Острожскій вновь предложилъ Евангеликамъ снестись съ двумя упомянутыми Патріярхами. Но Бѣлгородскій Лука перебилъ бесѣду его съ Евангеликами, сказавъ: «Напрасно Евангелики надѣются, что Православные перейдутъ на ихъ сторону, а скорѣе они сами должны оставить свое ученіе и принять Православіе.» Константинъ Острожскій съ досадой и крѣпко напомнилъ своимъ о взаимномъ мирѣ и согласіи ихъ съ Евангеликами и, обратясь къ послѣднимъ, сказалъ: «Хорошо, если наши Пастыри захотятъ пристать къ вамъ; а если нѣтъ, то мы и безъ нихъ сохранимъ съ вами согласіе и любовь.» Тогда Евангеликъ Турновскій замѣтилъ: «Евангелики съ радостію видятъ, что хотя Греческая Церковь и допустила въ теченіи времени вкрасться нѣкоторымъ заблужденіямъ, однако она никогда не подчинялась игу Папства. Греческая Церковь, говорилъ онъ, благосклонно приняла Евангеликовъ послѣ того, какъ они отдѣлились отъ Папы. Патріярхъ Константинопольскій, 1451 г., прислалъ имъ очень любезное посланіе, въ которомъ хвалилъ ихъ за это отступленіе и приглашалъ вступить въ единеніе съ Церковію Греческою «на основаніи руководительнаго начала, Св. Писанія, которое есть вѣрный судья истины.» Имѣя въ виду это посланіе, онъ заявилъ отъ имени своихъ Братьевъ, что они готовы вступить въ такой союзъ не только съ Греческою Церковію, но и съ тѣми, которые живутъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Московскомъ Государствѣ. Онъ приглашалъ Православныхъ обсудить всѣ ихъ члены Вѣры и церковные обряды, и отъ имени своихъ единовѣрцевъ обѣщалъ неотложно отмѣнить все то, что они найдутъ у нихъ несообразнаго съ словомъ Божіимъ, но того же онъ требовалъ и отъ Православныхъ. Онъ находилъ одно только препятствіе къ этому единенію — въ зависимости Православныхъ отъ Константинопольскаго Патріярха. Изложивъ свои мысли и взгляды, онъ просилъ Православныхъ высказать теперь ихъ мнѣніе. Со стороны Православныхъ были назначены для состязанія три духовныхъ лица: Бѣлгородскій Лука, Игуменъ Дубенскаго мо-

настыря Исаакъ и Дубенскій же Архидіяконъ Гедеонъ. Игуменъ Исаакъ, привѣтствуя Евангеликовъ, протянулъ имъ руку, сказавъ: «Хотя Евангеліе запрещаетъ говорить еретикамъ привѣтствіе, но онъ, ради любви, удостоиваетъ ихъ этого.» Евангелики отвѣчали, что «они удивляются, что онъ, не зная ихъ, даже не видавъ ихъ никогда, безъ предварительнаго увѣщанія рѣшился назвать ихъ еретиками.» За тѣмъ всѣ присутствующіе сѣли. Старый Воевода Острожскій обратился къ собранію съ такою рѣчью: «Свидѣтельствуюсь Богомъ, сказалъ онъ, и своею совѣстію, хотя я ничего прилежнѣе не прошу у Него, и не знаю большаго утѣшенія, какъ взаимную любовь и согласіе тѣхъ, которые признаютъ зависимость отъ одной главы Церкви и проповѣдуютъ слово и Евангеліе..... Если бы мнѣ, старику, удалось увидѣть это согласіе нашей Церкви съ вашею Евангелическою, то я готовъ бы былъ тогда охотно умереть.» На эту рѣчь представители Евангелической Общины отвѣчали, что «они готовы съ своей стороны приложить все стараніе для достиженія взаимнаго примиренія.» Вскорѣ послѣ этого къ Патріярху Константинопольскому были отправлены два посланія: одно отъ имени всѣхъ Евангеликовъ, участвовавшихъ въ Виленскомъ Соборѣ, другое частное— отъ Турновскаго, Епископа Моравскихъ Братьевъ въ Великой Польшѣ. Оба посланія сходны по своему содержанію и направлены къ одной и той же цѣли. Въ нихъ говорилось объ отторженіи нѣкоторыхъ Православныхъ членовъ, перешедшихъ изъ подъ его власти подъ иго Папства; о сближеніи, которое Православные Русскіе высказали къ ихъ Общинѣ; упоминалось о прежнихъ частныхъ сношеніяхъ Константинопольской Церкви съ Чешскими Братьями; о знаменитомъ посланіи къ нимъ Патріярха, и высказывалось сожалѣніе, что, въ слѣдствіе завоеванія Константинополя Турками, эти сношенія прекратились; при посланіяхъ были приложены и Сандомирское Исповѣданіе Братьевъ и самый списокъ съ посланія сего Патріярха. Въ 1601 году Кириллъ Лукарь принесъ отвѣтныя письма отъ Александрійскаго Патріярха, Мелетія. Эти письма отняли всякую надежду на какое бы то ни было соединеніе (унію) Православной Церкви съ Евангеликами: «Мы скорбимъ, писалъ, между прочимъ, Патріархъ Евангелику Броневскому, что насъ отдѣляетъ отъ васъ не столько громадное про-

странство, сколько различіе въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ нужно бы быть единодушными.» (801)

Такимъ образомъ попытка Вѣроисповѣднаго сближенія Православныхъ Русскихъ въ Западной Россіи съ Чешскою Общиною, которая въ это время приняла уже въ себя много Протестантскихъ началъ, кончилась вполнѣ безуспѣшно.

VIII. ОЦѢНКА ОБЩАГО ВЗГЛЯДА ИНОСТРАНЦЕВЪ НА РЕЛИГІОЗНЫЙ БЫТЪ РУССКИХЪ И ОТНОШЕНІЙ КЪ НИМЪ.

Въ заключеніе обзора свѣдѣній иностранцевъ о нашемъ религіозномъ бытѣ представимъ общую оцѣнку взглядовъ разныхъ писателей на религіозный бытъ Русскихъ въ описываемую нами пору. Западный міръ по Вѣроисповѣданіямъ раздѣляется главнымъ образомъ на двѣ половины: міръ Католическій и Протестанскій. Это различіе Вѣроисповѣданій уже было отчасти основою различія самыхъ взглядовъ писателей, по тому что Вѣроисповѣданіе непремѣнно оставляетъ свою печать на религіозномъ человѣкѣ, и если такой человѣкъ станетъ описывать чужое Вѣроисповѣданіе, то тутъ непремѣнно скажется его личное чувство, которое такъ, или иначе, сознательно, а чаще даже безсознательно, вліяетъ на самый образъ его мыслей и убѣжденій касательно чужаго Вѣроисповѣданія. Къ этому присоединялось еще одно обстоятельство, именно: преимущественныя права у насъ Протестантовъ предъ Католиками въ дѣлѣ религіозной свободы; это возбуждало взаимную ревность обѣихъ сторонъ, доходившую до вражды и ожесточенія. (802) Далѣе, близкій къ Православію, но властолюбивый, Римъ не любилъ насъ за то, что мы не хотѣли признать его власть, а ученое Протестантство глумилось надъ нашимъ невѣдѣніемъ и религіозными обычаями. Такимъ образомъ, и Католическій и Протестантскій міръ хотя равно недоброжелательствовалъ намъ, однако жь каждая сторона дѣйствовала по своимъ побужденіямъ, и для своихъ порицаній выбирала сторону религіознаго быта Русскихъ, соотвѣтственно частнымъ ея цѣлямъ. Наконецъ, тутъ имѣли вліяніе и многія другія обстоятельства: личное свойство писателя, его просвѣщеніе и т. д. Все это, взятое вмѣстѣ, до крайности видоизмѣняло взгляды писателей и было причиною различія самыхъ ихъ отзывовъ о свойствѣ религіозной жизни Русскихъ.

Относительно Католиковъ и Протестантовъ слѣдуетъ сдѣлать общее замѣчаніе, что тѣ писатели, которые жили и писали вдали, вовсе не видавъ Россіи, или только немного побывавъ въ ней, отзываются о Русскихъ вообще болѣе, или менѣе, благосклонно, и если и выставляютъ на видъ какіе ни будь пороки, то все таки ихъ рѣчь не пропитана желчью. Но тѣ, которые долго жили среди самихъ Русскихъ, или по сосѣдству съ ними, и лучше съ ними были знакомы, тѣ говорятъ объ нихъ насмѣшливымъ и презрительнымъ тономъ. Это обстоятельство объясняется просто. Отдаленные писатели принадлежали Государствамъ, съ которыми Россія не имѣла въ то время ни какихъ непріязненныхъ столкновеній. Пропаганда, правда, заставляла Католическій міръ сильно напирать на Востокъ; но такъ какъ тутъ не были еще затронуты ни личныя, ни народныя, ни Государственныя, пользы, то неудачи и непріятности, встрѣчавшіяся на этомъ пути, не возбуждали такой раздражительности, какая легко является при близкихъ и частыхъ столкновеніяхъ и недоразумѣніяхъ. Сосѣдніе же Католики и Протестанты не разъ испытывали на себѣ могущественную силу Московскихъ Царей; естественно, что эти сосѣдніе народы и племена должны были питать къ намъ глубокую вражду. Нѣмцы въ Ливоніи и Поляки въ Южной и Западной Россіи не разъ испытали силу Русскаго оружія и мщеніе племенной и религіозной вражды; по этому и сами они дышали всей ненавистью, свойственною непримиримымъ врагамъ. Это чувство и расположеніе выражалось и въ образѣ ихъ дѣйствій по отношенію къ тѣмъ Русскимъ, которые жили среди нихъ; оно же сказалось и въ самыхъ сочиненіяхъ писателей, выходившихъ изъ той же среды. Такія лица, какъ Сакранъ, Скарга, Одерборнъ. Ласицкій, не находятъ достаточно словъ для описанія черными красками, какъ вообще жизни Русскихъ, такъ въ частности ихъ религіознаго быта. Но имъ далеко уступаютъ въ желчности и грубомъ тонѣ рѣчи: Сакрану такой же Католикъ, да еще и Езуитъ, Посевинъ, который самъ лично получилъ отъ Ивана Грознаго сильное оскорбленіе, а Одерборну и Ласицкому такіе же Протестанты: Швабе, Сириціи и другіе.

Обращаясь въ частности къ Католическому міру, мы находимъ въ его средѣ лица съ самыми различными отзывами объ Русскихъ. Самый лестный и лучшій отзывъ мы встрѣчаемъ у Фа-

бера. Едва ли даже и Православный какой ни будь писатель могъ написать такую похвалу (панегирикъ) нравственности и высотѣ религіозной жизни Русскихъ, какъ этотъ Папистъ. Онъ оставляетъ за собою даже Павла Діякона, который хотя удивляется упорству Русскихъ въ продолжительныхъ стояніяхъ въ церкви, въ строгомъ соблюденіи ими постовъ, но, какъ личный наблюдатель, онъ замѣчаетъ и темныя стороны нашего народа: наклонность къ воровству, сладострастію и т. п. (803) У Фабера же мы видимъ самую чистую картину благочестивой, добродѣтельной, жизни, въ которой нельзя найти ни одного пятна. Мы имѣли уже случай слышать не разъ его отзывы о разныхъ частныхъ сторонахъ нашей религіозной жизни, но его общій взглядъ на религіозный бытъ Русскихъ превосходитъ всякое ожиданіе. «Что касается нравственности и благочестія, говоритъ онъ, то въ этомъ отношеніи не можетъ быть даже и сравненія между Русскими и Католиками, и я ни въ чемъ такъ не убѣжденъ, какъ въ томъ, что мы, Католики, такъ высоко ставящіе свое ученіе, мы гораздо ниже ихъ по жизни.» (804) Такой же взглядъ мы встрѣчаемъ у Кампензе и Кобенцеля. По ихъ словамъ, «благочестіе и набожность Русскихъ ничего не оставляютъ и ожидать лучшаго, и, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ членовъ Вѣроученія, они лучше Католиковъ слѣдовали Евангельскому ученію.» (805) Эти писатели въ своемъ сочувствіи къ Русскимъ доходятъ до того, что даже стараются сгладить и уменьшить важность нашихъ отличительныхъ членовъ Католическаго и Православнаго Вѣроисповѣданій, или даже приписываютъ Русскимъ образъ мыслей и ученіе Католиковъ. Они ловятъ всякій случай, чтобы выставить на видъ близость этихъ Вѣроисповѣданій и большее сходство между Католичествомъ и Православіемъ, нежели между послѣднимъ и Протестантствомъ, и для этого искажаютъ даже данныя. Такъ, на примѣръ, Фаберъ утверждаетъ, будто Русскіе сами признавали, что Папы — Намѣстники Іисуса Христа и преемники Св. Апостола Петра, и говоритъ, что все различіе между ними и Католиками состоитъ въ томъ, что они причищаются подъ обоими видами, не признаютъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына, и отвергаютъ Чистилище, хотя въ то же время молятся объ умершихъ; что Русскіе вовсе не враждебно относятся къ Католикамъ и съ величайшей охотой присутствуютъ при Католическомъ Богослуженіи. «Если Папа, про-

должаетъ Фаберъ, считаетъ ихъ отступниками и раскольника ми, то это пусть будетъ предано суду Божію.» Не разъ были дѣлаемы попытки обратить ихъ къ Римской Церкви, но всѣ онѣ оставались напрасными, такъ что лучше молчать объ этихъ предметахъ, чѣмъ подобными разсужденіями подавать поводъ болѣе слабымъ къ соблазну, а другимъ внушать ненависть къ себѣ.» (806) Кромеръ, въ своей Исторіи, тоже пишетъ, что «Русскіе отличаются отъ Католиковъ болѣе въ обрядахъ, чѣмъ въ догматахъ.» (807) Кампензе и Кобенцель также почти не видятъ существенныхъ и важныхъ причинъ къ раздѣленію, и говорятъ, что, разности обоихъ Вѣроисповѣданій состоятъ въ незначительныхъ догматахъ, которые скорѣе могутъ быть терпимы, чѣмъ поставляемы въ грѣхъ людямъ, еще не утвердившимся въ Вѣрѣ; что все раздѣленіе происходитъ изъ за того, что «Русскіе не признаютъ Папы.» По мнѣнію Кобенцеля, «Русскіе отличаются отъ Католиковъ однимъ именемъ, и главное заблужденіе ихъ состоитъ въ томъ, что они отвергаютъ всѣ Соборы, бывшіе на Западѣ послѣ 7 Вселенскихъ; что, при такой близости обоихъ Вѣроисповѣданій, легко достигнуть и полнаго согласія, особенно если при этомъ не настаивать непремѣнно на томъ, что какъ должно быть, а лишь, что какъ можетъ быть; что ихъ нужно щадить, какъ младенцевъ и, по примѣру Апостола Павла, начинать кормить млекомъ. Этими средствами легко, думали, достигнуть обращенія Русскихъ.» (808)

Это все лестные и даже заискивающіе отзывы Католиковъ. Но другіе Католики отзывались объ насъ иначе. Посевинъ называетъ Русскихъ грубыми, невѣжественными, отродьемъ Татаръ, у которыхъ свѣтъ Христіянства еще не истребилъ природной грубости и дикости. (809) Сакранъ представляетъ ихъ еще болѣе Грековъ упорными въ своихъ заблужденіяхъ. «Между всѣми народами, говоритъ онъ, Москвитяне самые упорные въ защитѣ своихъ заблужденій, такъ что не уступаютъ ни какимъ истинамъ слова Божія, ни какимъ церковнымъ опредѣленіямъ, ни какимъ учителямъ Католической Церкви, упорно противорѣчатъ признанной истинѣ и отвращаются даже тѣхъ Католическихъ пастырей, которые сохраняютъ ихъ обряды.» Перечисливъ 40 заблужденій Русскихъ, или точнѣе гораздо большее число заблужденій, подведенныхъ подъ 40 заговолокъ, онъ говоритъ въ заключеніе, что «Вѣра Русскихъ наполнена страшными заблужденіями, и что онъ

даже затрудняется сказать, стоитъ ли разсуждать о мѣрахъ и средствахъ къ обращенію, и можно ли вѣрить обращенію тѣхъ, которые иногда обращаются къ Папѣ съ притворною покорностію, а потомъ снова отпадаютъ.» (810) А Майербергъ и другіе писатели, въ томъ числѣ даже Герберштейнъ, имѣли также невысокое понятіе о добродѣтели Русскихъ и достоинствѣ ихъ Вѣроученія, и говорятъ, что только плѣнники принимали Вѣру Русскихъ, или тѣ, которые руководились единственно жадностію къ деньгамъ и довольству, или подвергались на родинѣ за преступленія изгнанію и ссылкѣ, такъ что жить имъ въ другомъ мѣстѣ было опасно. (811) Езупъ Скарга въ своемъ сочиненіи «De uno Pastore»... перечисляетъ слѣдующія заблужденія Русскихъ: 1, что они не принимаютъ «и Сына» (Filioque); 2, отвергаютъ главенство Папы; 3, думаютъ, что Святые на небѣ до воскресенія не увидятъ лица Божія; 4, отвергаютъ Чистилище; 5, мало уважаютъ неразрывность брачныхъ узъ; 6, клянутъ Соборы, бывшіе на Западѣ послѣ 7 Вселенскихъ; 7, отвергаютъ опрѣсноки; 8, не чествуютъ Св. Даровъ послѣ ихъ освященія; 9, пресуществленіе Даровъ приписываютъ молитвѣ Священника, а не одному слову Божію; 10, больныхъ пріобщаютъ Св. Дарами, приготовленными только въ Великій Четверкъ, а не на другомъ Богослуженіи; 11, Священники послѣ обѣда возвращаются въ церковь и тамъ истребляютъ остатки Даровъ; 12, въ случаѣ большаго числа причастниковъ, слишкомъ разбавляютъ вино водой; 13, Священники безъ приготовленія себя исповѣдію приступаютъ къ Евхаристіи; 14, отвергаютъ Таинство конфирмаціи, которое совершается у нихъ простыми Священниками. 15, совершаютъ елеосвященіе надъ умершими; 16, не допускаютъ къ священнослуженію лицъ безженныхъ и даже вдовыхъ Священниковъ; 17, за посвященіе въ клиръ Епископъ беретъ по нѣскольку рублей; 18, право освященія мура приписываютъ одному Патріярху; 19, больше надлежащаго преданы обрядамъ и обрядностямъ, и до того ненавидятъ Католичество, что убить человѣка принадлежащаго къ этому Вѣроисповѣданію, у нихъ считается Богоугоднымъ дѣломъ. (812) У Сакрана находится еще больше обвиненій противъ Русскихъ, но достаточно и этихъ, чтобы показать, что Католическій міръ относился къ намъ вообще съ недоброжелательными и непріязненными чувствами, и что даже лучшіе похвальные отзывы Католическихъ

писателей внушались болѣе корыстными побужденіями, чѣмъ искреннимъ расположеніемъ къ намъ.

Въ Протестантскомъ мірѣ мы видимъ то же различіе мнѣній и воззрѣній на Православно-религіозную жизнь Русскихъ. Здѣсь тоже немало злыхъ языковъ; но мы тутъ встрѣчаемся и съ людьми честными и безпристрастными, и хотя мы среди Протестантовъ не можемъ найти такихъ восхвалитей, какъ Фаберъ, но и тутъ есть много писателей, которые, подобно Олеарію, относясь добросовѣстно къ дѣлу, старались собирать вѣрныя свѣдѣнія и дѣйствительныя событія, перечитывали прежнія сочиненія о Россіи, сами по возможности старались познакомиться съ Символическими и Богослужебными нашими книгами, какъ, на примѣръ, Бергъ, и, на основаніи личныхъ наблюденій и отзывовъ другихъ, старались возстановить правдивое изображеніе религіознаго быта Русскихъ, и даже исправляли ошибки своихъ предшественниковъ. У этихъ писателей не встрѣчается особенныхъ похвалъ Русскимъ; они не воскуряютъ ѳиміямъ ихъ самолюбію; они подробно описываютъ разности нашего Вѣроученія отъ ихъ ученія, и хотя называютъ этѣ разности заблужденіями, однако они рѣже Католиковъ прибѣгаютъ къ искаженію и преувеличенію данныхъ, къ Езуитской уловкѣ выставлять мнимое сходство, или близость, Православія съ Протестантствомъ. Впрочемъ и у Протестантскихъ писателей, оставившихъ подробныя сочиненія о строѣ религіознаго и церковнаго быта въ Россіи, вообще замѣтно желаніе, въ противодѣйствіе Католикамъ, выставлять близость и однохарактерность Православнаго ученія съ Протестантскимъ и одинаковую отчужденность обоихъ Вѣроисповѣданій отъ Папства. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на взаимное соперничество Католичества и Протестанства, изъ которыхъ каждое, мнимымъ своимъ сродствомъ съ Православіемъ, желало только извлечь для себя пользу. Это соперничество и борьба изъ практической области, гдѣ представители одного Вѣроисповѣданія старались расширить свои права на счетъ другого, переходили и въ самыя сочиненія, и въ области письменности продолжалась та же борьба ихъ за право существованія въ Россіи. (813) Въ XVI вѣкѣ Католичество испытало страшное опустошеніе своей нивы, пожираемой Протестантствомъ; въ свою очередь молодое Протестанство чувствовало естественное стремленіе и потребность заручиться согласіемъ Восточной Церкви.

Извѣстны попытки Протестантства въ XVI вѣкѣ войти въ религіозный союзъ и братство съ Константинопольскою Церковію, попытки, окончившіяся неудачно. Къ Россіи тогда мало обращались, по тому что она въ это время не имѣла ни какого вліянія на Западный міръ; но съ конца XVI вѣка, и особенно XVII-го, наши сношенія съ Европою становятся чаще и чаще и получаютъ отѣнокъ правильныхъ отношеній одного Государства къ другому. Смутныя времена открыли широкую дорогу въ Россію всѣмъ иноземнымъ особенностямъ, и хотя, послѣ возстановленія политическаго и гражданскаго порядка, эти переселенія должны были ослабѣть, но они только потеряли свой бродячій и безпорядный оттѣнокъ, а разъ данное движеніе уже не могло остановиться: одни изъ иностранцевъ сами пріѣзжали къ намъ наживаться, другихъ вызывало само Правительство для своихъ цѣлей. Особенность Русскаго народа и Правительства, не отличавшагося полною терпимостію съ одной стороны, и Протестантства, не такъ властолюбиваго и назойливаго въ пропагандѣ, какъ Католичество съ другой, было причиною того, что у насъ могло быть больше терпимо, а, слѣдовательно, и больше проникать къ намъ начало Протестантское, нежели Католическое. Частыя сношенія иностранцевъ-Протестантовъ съ своими соотечественниками за границей возбуждали среди послѣднихъ любопытство узнать поближе Русскихъ и ихъ религіозный бытъ. Въ слѣдствіе частыхъ сношеній и большей свободы совѣсти, которою Протестанты у насъ пользовались сравнительно съ Католиками, не только между Протестантами и Православными внутри Россіи, но и вообще между Православнымъ и Протестантскимъ міромъ, явилось незамѣтное взаимодѣйствіе, которое было естественнымъ слѣдствіемъ этихъ сношеній. Симъ объясняется то обстоятельство, что отъ XVI и XVII вѣка мы имѣемъ больше сочиненій, написанныхъ Протестантами, нежели Католиками. Католическій міръ въ этомъ отношеніи болѣе богатъ Дипломатическими сношеніями и Правительственными памятниками, а Протестантскій даетъ намъ множество сочиненій, которыя представляютъ плодъ болѣе, или менѣе, научныхъ изслѣдованій частныхъ лицъ; только между Протестантами мы встрѣчаемся съ подробнымъ и стройнымъ изложеніемъ нашего Вѣроученія, Богослуженія и вообще религіозной нашей жизни. Изъ Католическихъ писателей, бывшихъ въ Россіи,

только Герберштейнъ, Майербергъ и Рейтенфельсъ, болѣе, или менѣе, удовлетворяютъ этимъ условіямъ, остальные дѣлаютъ въ своихъ описаніяхъ лишь краткія и отрывочныя замѣчанія о нашемъ религіозномъ бытѣ. Если бы Поссевинъ остался больше въ Россіи, то отъ него можно бы было ожидать подробнаго и обстоятельнаго описанія нашего религіознаго быта и состоянія нашихъ церковныхъ дѣлъ, которое можно бы было противопоставить лучшимъ Протестантскимъ писателямъ; но онъ былъ очень занятъ Дипломатическими дѣлами, которыя не давали ему времени посвятить себя болѣе подробному изученію и описанію религіознаго быта въ Россіи, а его описаніе Россіи въ настоящемъ своемъ видѣ, по полнотѣ изложенія, далеко уступаетъ Протестантскимъ сочиненіямъ Олеарія, Швабе и другихъ. Вообще, Протестантскій міръ оказалъ Православію болѣе вниманія въ научномъ и историческомъ отношеніи, чѣмъ міръ Католическій, который, въ своихъ отношеніяхъ къ намъ, всегда руководствовался себялюбивыми разсчетами. Ученые Профессоры и Доктора разныхъ Протестантскихъ Университетовъ писали о нашемъ религіозномъ и церковномъ бытѣ цѣлыя изслѣдованія, которыя защищались ими всенародно. Въ этихъ изслѣдованіяхъ представляется болѣе, или менѣе, полное и научное изложеніе нашего Вѣроученія и Богослуженія, и дѣлается практическая ихъ оцѣнка съ точки зрѣнія Протестантства; у нѣкоторыхъ писателей, вмѣсто этого, въ концѣ дѣлается только простой перечень сходныхъ и не сходныхъ членовъ Вѣроученія и церковной практики обоихъ Вѣроисповѣданій, безъ опроверженія. Въ этихъ сочиненіяхъ высказывается и взглядъ Протестантства на Православіе. Судя по отзывамъ и замѣчаніямъ, которые здѣсь встрѣчаются, надобно сказать, что Протестанты очень мало уважали Православіе. Православная Россія такъ мало была извѣстна Западному міру даже въ началѣ XVII вѣка, что ученые Протестанты считали важною задачею доказывать вопросъ: «Можно ли Русскихъ называть Христіанами?» Съ этого именно вопроса Протестантскій міръ и началъ свои изслѣдованія о Православной Россіи. Въ 1622 году Ботвидъ защищалъ въ Упсальской Академіи изслѣдованіе на предложеніе: «Христіане ли Русскіе?» Сочинитель рѣшаетъ вопросъ положительно, хотя и находитъ у насъ многое, что, съ его точки зрѣнія, заслуживаетъ порицанія. Это, сколько намъ извѣстно, было первое отдѣльное изслѣдованіе въ Протестантскомъ мірѣ о нашемъ

религіозномъ бытѣ. Правда, и до того времени можно было встрѣчать отрывочныя и краткія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ у Одерборна, Ульфельда и другихъ, но только съ 20-хъ годовъ XVII вѣка являются такія, богатыя данными, описанія Россіи, какъ у Петрея, Олеарія, и такія отдѣльныя сочиненія о религіозномъ бытѣ Русскихъ, какъ у Сириція, Швабе и другихъ Протестантовъ.

Сознаніе отличительныхъ разностей Вѣроученія служитъ первымъ дѣломъ въ дѣлѣ критической оцѣнки чужаго Вѣроисповѣданія; называя то, или другое, ученіе этого Вѣроисповѣданія ложнымъ, мы этимъ самымъ высказываемъ и свой приговоръ о немъ, и свое внутреннее отношеніе къ нему. Такимъ образомъ одно перечисленіе какимъ ни будь Протестантомъ различныхъ особенностей нашего Вѣроученія, Богослуженія и церковно-религіозной практики, которыя онъ, съ своей точки зрѣнія, называетъ заблужденіями, уже служитъ въ то же время обозначеніемъ самаго его взгляда на нашъ религіозный бытъ. Мы возьмемъ самый краткій перечень этихъ отличій, какъ они излагаются у Опицбуша и Вармунда. Эти Протестанты обличаютъ Русскихъ въ томъ, что они: 1, избѣгаютъ устной живой проповѣди; 2, всѣхъ, несогласныхъ съ ними въ Вѣроученіи, считаютъ язычниками; 3 допускаютъ разводъ, по маловажнымъ причинамъ; 4, не одобряютъ 2 и 3 брака и подъ смертною казнію запрещаютъ 4; 5, что воздаютъ Царямъ почти Божескую честь; 6, очень высоко ставятъ монашество; 7, не терпятъ въ церквахъ музыки; 8, колокольный звонъ считаютъ Богослужебнымъ дѣйствіемъ; 9, придаютъ большое значеніе свободной волѣ; 10, отвергаютъ Десятословіе; 11, почитаютъ иконы; 12, не чтутъ надлежащимъ образомъ праздничныхъ дней; 13, потакаютъ сладострастію; 14, отвергаютъ исхожденіе Св. Духа «и отъ Сына;» 15, не знаютъ молитвъ и догматовъ Вѣры; 16, молятся за умершихъ; 17, думаютъ, что для Евхаристіи необходимо требуется квасной хлѣбъ, теплое вино и вода; 18, причащаютъ дѣтей; 20, придаютъ добрымъ дѣламъ большее значеніе, нежели сколько слѣдуетъ; 21, думаютъ, что вѣрующіе до Христа сходили въ адъ; 22, что души благочестивыхъ до Воскресенія не увидятъ лица Божія; 23, вручаютъ умершимъ грамотку къ Ап. Петру; 24, избѣгаютъ споровъ о Религіи. (814) Съ особенною полнотою и подробностію эти отличія выставлены у Швабе; у него все разсужденіе написано сравнительнымъ способомъ. При изложеніи

всякаго отличительнаго члена нашего Вѣроученія, всякой стороны нашего религіознаго быта, онъ сначала указываетъ сходныя, а потомъ отличительныя, черты Православія и Протестантства въ данномъ случаѣ. Особенно замѣчательную еще черту въ разсужденіяхъ нѣкоторыхъ Протестантскихъ писателей, какъ мы выше замѣтили, составляетъ то, что они не съ меньшею, или даже не съ большею ли, ревностію, чѣмъ сами Католики, стараются выставлять на видъ тѣ стороны религіозной жизни и церковной практики Русскихъ, по которымъ они одинаково отличались отъ Католиковъ вмѣстѣ съ Протестантами, съ цѣлію внушить убѣжденіе въ односвойствѣ и близости самаго Православія къ Протестантству. Въ этомъ случаѣ они съ величайшимъ сочувствіемъ относятся къ Православію, славятъ нашихъ Царей, которые отвергали иго Папства, хвалятъ Русскихъ за то, что они не признаютъ Папу, не считаютъ Римскую Церковь главою всѣхъ Церквей и, напротивъ, считаютъ Царскую власть Божественнымъ постановленіемъ и признаютъ ея верховныя права во всѣхъ дѣлахъ, не исключая и церковнаго правленія и суда. (815) Во всемъ этомъ нельзя не видѣть соперничества обоихъ Вѣроисповѣданій, изъ которыхъ каждое мнимымъ сродствомъ своимъ съ Православіемъ желало только извлечь для себя пользу. Любопытно сопоставить здѣсь противоположные взгляды нѣкоторыхъ Католиковъ и Протестантовъ на отношенія къ нимъ Русскихъ. И тѣ и другіе не могли не сознавать, что они равно непріятны Русскимъ; но когда нужно было показать сравнительную близость и сходство Православія съ однимъ изъ этихъ Вѣроисповѣданій, и отношеніе Русскихъ къ каждому изъ этихъ Вѣроисповѣданій, отъ котораго зависѣла будущая ихъ участь въ Россіи, тамъ этѣ писатели расходятся, и каждая сторона, не смотря на множество противорѣчащихъ данныхъ, толкуетъ дѣло въ свою пользу. Каждой сторонѣ было полезно и пріятно распространять убѣжденіе, что сочувствіе Русскихъ склоняется къ ней, а не къ другой; по этому мы видимъ, что нѣкоторые Католическіе писатели представляютъ Русскихъ гораздо болѣе сочувствующими имъ, чѣмъ Претестантамъ, а Протестанты стараются представить дѣло въ обратномъ видѣ. Такъ тотъ же Посевинъ, который сознается, что Русскимъ ненавистно было самое имя Католиковъ, говоритъ, что Иванъ Грозный еще болѣе ненавидѣлъ Лютеранъ, и все таки предпочиталъ имъ Католиковъ. Посевина,

равно и другихъ Писателей, высказывающихъ такіе же взгляды, могло въ данномъ случаѣ ввести въ заблужденіе то обстоятельство, что Русскіе, по временамъ дозволяя важнымъ путешественникамъ изъ Католиковъ посѣщать свои церкви и осматривать мощи, при этомъ всякій разъ тщательно справлялись у этихъ лицъ, нѣтъ ли въ средѣ ихъ Протестантовъ, которыхъ они строго устраняли отъ этой чести. Эта строгость къ Лютеранамъ казалась Посевину несовмѣстною съ тѣми преимуществами, которыми они пользовались у насъ сравнительно съ Католиками, и онъ объясняетъ это тѣмъ, будто Лютеране добились этѣхъ преимуществъ своею хитростію и обманомъ, выдавая себя предъ Царемъ за приверженцевъ Латинской Церкви. (816) За то Лютеране, съ своей стороны, стараются подыскать данныя, которыя только и говорятъ о презрѣніи и враждебныхъ, непріязненныхъ чувствахъ Русскихъ къ Латинству, и добромъ ихъ расположеніи къ Протестантству. Одерборнъ передаетъ, что Ивану Грозному такъ нравились проповѣди Голштинскаго Пастора, Христіяна Бокгорна, что онъ открыто высказывался, что ученіе Лютера близко къ истинѣ, и онъ готовъ его терпѣть, если бы только Лютеръ, вмѣстѣ съ игомъ Папства, не ниспровергъ и священнаго чина и не затмилъ своихъ свѣдѣній въ Св Писаніи тѣмъ, что въ бѣгствѣ сбросилъ клобукъ и женился на монахинѣ. Для послѣдующихъ Лютеранскихъ писателей это свидѣтельство Одерборна сдѣлалось классическимъ мѣстомъ, и они часто его приводятъ въ подтвержденіе благосклонности Царя къ Протестантамъ и близости самаго Православія къ Протестантскому Вѣроученію. (817) У Протестантскихъ писателей встрѣчается много и другихъ данныхъ подобнаго же рода. Такъ Ласицкій передаетъ, будто Иванъ Грозный, въ разговорѣ своемъ съ Рокитой, отозвался о Римской Церкви, что объ ней не стоитъ и говорить, что она очень хитра и умѣетъ ловко обманывать. (818) А Сириціи сообщаетъ, что во время переговоровъ съ Посевиномъ раздраженный Царь велѣлъ внезапно выхватить изъ подъ него стулъ, такъ что онъ чуть не упалъ. (819) По словамъ Горсея, Иванъ Грозный открыто порицалъ ученіе Папы, отзывался о Папствѣ, что изъ всѣхъ Церквей ученіе Латинской Церкви самое ошибочное, что Папы заботятся только о честолюбіи, о томъ, какъ бы поддержать незаконно присвоенную власть, и удивлялся, что свѣтскіе Государи признаютъ за нимъ свѣтскую власть и

какое-то первенство. Царь даже велѣлъ своимъ Епископамъ передать этѣ взгляды его на Папу самому Посевину въ церкви Божіей Матери. (820) Образчикомъ того, какъ Лютеране пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выставить близкое сходство Лютеранскаго ученія съ Православіемъ, и для этого прибѣгали къ искаженію данныхъ, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Въ 4-й главѣ своего «Опроверженія» ученія Рокиты, Царь, между прочимъ, говоритъ: «Какимъ образомъ вы, Лютеране, можете учить другихъ тому, что нужно вѣрить Св. Писанію, когда вы сами его не уважаете? Ап. Павелъ пишетъ, что чудеса бываютъ не ради вѣрныхъ, а ради невѣрныхъ. По этому, если бы вы были изъ числа вѣрующихъ, вы вѣрили бы Св. Писанію безъ чудесъ.... И такъ, вы, ища чудесъ, этой молочной пищи, оказываетесь невѣжественными въ знаніи силы слова Божія, которое составляетъ твердую пищу.» (821) Это подлинныя слова Царя. Между тѣмъ Сириціи въ нихъ видитъ намекъ на раціонализмъ и мнимую близость религіозныхъ представленій Царя къ Протестантству, которое, по формальному своему основоположенію, признаетъ одно слово Божіе, безъ значенія преданія. (822) Но Протестанты болѣе, или менѣе, благосклонно отзывались о Православіи лишь тамъ, и только тогда, гдѣ и когда они заодно съ нимъ могли ратовать противъ Папства; но лишь только этѣ виды расходились, тамъ выступала на поприще неразборчивая критика и сатира. Не говоря уже о такихъ писателяхъ, какъ Одерборнъ и Колинсъ, которые нигдѣ не даютъ пощады Русскимъ, даже такіе правдивые и честные иностранцы, какъ Олеарій, очень любятъ выставлять на видъ смѣшныя и мрачныя стороны нашей жизни: этой насмѣшки не избѣжалъ и нашъ религіозный бытъ. Общее впечатлѣніе, какое читатель выноситъ изъ чтенія Протестантскихъ писателей, не въ пользу Русскихъ. Православіе, и по Вѣроученію и по складу церковно-практической жизни, болѣе удалено отъ Протестантства, чѣмъ отъ Католичества, и если себялюбіе, свойственное Католическому Вѣроисповѣданію, заставляло многихъ писателей изъ Католиковъ относиться къ Русскимъ недружелюбно, то Протестанты, которымъ чужды весьма многіе члены нашего Вѣроученія, весьма спокойно могли осмѣивать и бранить у насъ то, что имъ казалось идолопоклонствомъ, суевѣріемъ и т. д. Если они считали нужнымъ доказывать: дѣйствительно ли Русскіе—Христіяне, то

значитъ Православіе представлялось имъ въ мрачномъ свѣтѣ. Ботвидъ, въ концѣ своего изслѣдованія, изъявляетъ желаніе, чтобы Русскихъ посѣтилъ когда ни будь свѣтъ Евангельской проповѣди. Олеарій, приступая къ изложенію религіознаго быта Русскихъ, упоминаетъ объ этомъ изслѣдованіи и, подобно Ботвиду, соглашается дать имъ названіе Христіанъ, на томъ основаніи, что они содержатъ существенные члены Христіанскаго Вѣроученія. (823) Ласицкій говоритъ, что «нѣтъ народа болѣе высокомѣрнаго и суевѣрнаго, какъ Русскіе.» (824) Что касается нравственной стороны нашего религіознаго быта, то и Протестанты одинаково отзываются съ большинствомъ Католиковъ, что «только люди безчестные и негодяи могли мѣнять свою Вѣру на Русскую.» (825) Олеарій недоумѣваетъ, какимъ образомъ нѣкоторые знатные и умные люди позволили себѣ, ради суетныхъ выгодъ, принять Православіе. (826) Колинсъ замѣчаетъ, что въ его время подобныхъ обращеній было меньше, нежели прежде, и что изъ 200 иностранцевъ, принявшихъ Православіе, почти ни одинъ не умеръ естественною смертію. (827) Устремляя взглядъ на будущее, Протестантство лелѣяло себя надеждою увидѣть Русскихъ послѣдователями скорѣе Лютера, чѣмъ Папы, во что вѣрили и строгіе Протестанты и Евангелики. Русскіе, по этому взгляду, уклонились далеко отъ Евангелія и вообще благочестивой Вѣры, и отчасти сходились съ Папистами, отчасти придумали собственныя заблужденія и суевѣрія. Оппенбушъ и Вармундъ выражаютъ сожалѣніе, что Русскіе оставляютъ безъ вниманія богословское образованіе и изслѣдованіе, и стараются лишь обращать другихъ въ свою Вѣру. По ихъ словамъ, въ цѣломъ мірѣ не было народа, который бы такъ горячо защищалъ собственное ученіе и презиралъ всякое чужое, какъ Русскіе; они не знали ни какого примиренія съ чужими мнѣніями и не терпѣли ни какихъ возраженій противъ своего Вѣроученія. Эти Протестанты думали, что если Промыслу угодно обратить Русскихъ на правый путь, то, слушая Протестантовъ и читая ихъ сочиненія, они, безъ сомнѣнія, сдѣлаются Протестантами, или Евангелпками. Этѣ надежды свои они основывали на томъ, что Русскіе, подобно Протестантамъ, питали враждебную ненависть къ Папству и вмѣстѣ съ ними проклинали Папскія заблужденія. Отдаваясь болѣе и болѣе пріятнымъ надеждамъ, они съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что Русскіе предпочитали Католи-

камъ Лютеранъ, а Иванъ Грозный сдѣлалъ благосклонный отзывъ о Лютерѣ. Важнѣйшимъ препятствіемъ къ обращенію Русскихъ имъ казалось крайнее ихъ упорство въ своихъ мнѣніяхъ, невѣдѣніе и отсутствіе живой устной проповѣди. «Но уже есть надежда, заключаютъ эти писатели, что Русскіе просвѣтятся, потому что Царь и Патріархъ завели Греко-Латинское Училище въ Москвѣ: теперь слѣдуетъ только перевести на Русскій языкъ и послать туда сочиненія нѣкоторыхъ Богослововъ.» (828) Нѣсколько позже другой Евангеликъ, Прицiусъ, писалъ: «Русскіе во многомъ сходятся съ нами, но, хотя они ведутъ торговлю и заключаютъ даже дружбу съ нами, все таки остаются при своихъ односторонностяхъ. И причиной всему этому то, что они приняли Вѣру отъ Восточной Церкви, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дурные обычаи.» Прицiусъ выражаетъ радостныя надежды по случаю заграничнаго путешествія Петра Великаго: «Можетъ быть, продолжаетъ онъ, Богъ подвинетъ духъ Царя къ тому, чтобы онъ далъ пристанище Божественной истинѣ подъ своимъ покровомъ и сдѣлался защитникомъ Христіянской Общины. Наше желаніе и долгъ сдѣлать все, что клонится къ пользѣ Христіянской Церкви.» (829)

Левъ Рущинскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Герберштейнъ. Записки о Московіи, въ переводѣ Анонимова, стр. 55—59. Слч. Ист. Рус. Церкви Пр. Макарія т. 3, стр. 184—197. Здѣсь мы выпишемъ тѣ правила, которыхъ нѣтъ у Преосв. Макарія:

«Хорошо сдѣлаетъ тотъ, кто принявшему схиму въ продолженіи 8 дней, не дастъ ѣсть, по тому что такой человѣкъ считается въ чинѣ Ангельскомъ.

Если кто ни будь извергнетъ Причастіе, то долженъ каяться въ теченіи 120 дней; если же это сдѣлаетъ въ болѣзни, то три дня; изверженное же пусть сожжетъ на огнѣ и прочтетъ 100 псалмовъ; если же собака пожретъ изверженное, то онъ долженъ поститься 100 дней.

Можно ли давать Причастіе бѣснующимся и умалишеннымъ? Отвѣтъ: Пусть уста ихъ лишь прикасаются къ Причастію.»

An sacerdoti, noctu cum uxore concubenti, mane ecclesiam ingredi licet? Resp. Lavet prius eam partem, quae sub umbilico est, ecclesiam ingrediatur, Evangelium legat, ad altare vero accedere, celebrare, prohibeatur. Volens autem sacerdos diebus Solis et Martis celebrare, poterit die Lunae cum uxore concumbere, et sic deinceps.

An uxorem non habenti Eucharistia porrigenda? Resp. Dummodo per integram Quadragesimam cum nupta alterius, aut bruto, non coierit.

Въ Великій Постъ, въ дни Воскресные и Субботніе, можно употреблять рыбу, въ другіе же дни—икру.

На Великой Недѣлѣ монахи могутъ употреблять медъ и квасъ.

Какъ дѣлать кутью? Отв. Взять три части вареной пшеницы, а четвертую изъ мелкаго горошка, бобовъ и крупнаго гороха, также сваренныхъ, приправить медомъ и сахаромъ; можно допустить и другіе плоды, если имѣются. Эту кутью послѣ похоронъ должно ѣсть въ церкви.

An liceat marito, proxima post communionem nocte, cum uxore concumbere? Resp. Licet; diebus tamen Veneris, Sabbati et Dominico, si depravati ingenii conceperit puerum uxor, parentes poeniteant. Si autem nobiles et magni nominis fuerint parentes, dent certas griffnas sacerdoti, ut pro eis oret.

Если на землѣ лежала даже разорванная бумага съ священнымъ изображеніемъ, по этому мѣсту нельзя было проходить.

Молоко коровы можно употреблять въ пищу только чрезъ два дня послѣ того, какъ она отелилась.

Quando potest aliquis a sacris suspendi? Resp. Sacerdos tempore jejunii feminae alicujus amore flagrans inque os ejus linguam insertans, semen denique genitale libidine inflammatus spargens, a divinis per integrum annum abstineat; si vero ante sacerdotium tale aliquid commiserit, in sacerdotem non consecretur.

Мірянина, признающагося въ этомъ грѣхѣ, не допускать годъ къ Причастію.

Можно ли допускать къ Св. Таинствамъ того, отъ кого какая либо женщина зачала съ одного совокупленія? Отв. Рѣдко зачинаютъ съ перваго соитія; если же

онъ совокупится десять разъ, то не посвящать его. Равнымъ образомъ нельзя посвящать въ Священники и того, кто обезчестилъ дѣвушку, или кто замѣтилъ съ перваго разу, что жена его лишена невинности.

Кто разводится, тѣхъ лишать до самой смерти Причащенія.

Священникъ не долженъ служить въ тотъ день, въ который хоронилъ мертвеца.

An liceat rem habere cum uxore eo loco, ubi sunt imagines Sanctorum? Resp. Accedens ad uxorem, nonne deponis crucem de collo? Similiter nec in habitatione coram imaginibus, nisi bene reclusae et opertae fuerint, coire licebit.

Слѣдуетъ ли тотчасъ послѣ обѣда, или ужина, молиться въ храмѣ прежде, не желая заснешь? Отв. Что лучше: спать, или молиться?

Желающій вступить въ бракъ долженъ воздерживаться отъ другихъ женщинъ въ продолженіи 40, или, по крайней мѣрѣ, 8 дней.

Женщина, выкинувшая не отъ какого либо случая, а въ пьяномъ видѣ, должна принести покаяніе.

Всѣ могутъ питаться мясомъ коровы, съ которою кто ни будь имѣлъ смѣшеніе, кромѣ самаго скотоложника.

Женщины, которыя прибѣгаютъ къ старухамъ и употребляютъ травы для того, чтобы зачать, а не просятъ молитвъ Священниковъ, должны 7 недѣль приносить покаяніе и заплатить Священнику 3 гривны. Если кто въ пьяномъ видѣ ударитъ беременную женщину такъ, что она выкинетъ, тотъ полгода долженъ приносить покаяніе. Повивальныя бабы 8 дней не должны входить въ церковь, пока не очистятся молитвами.

Остальныя правила Кирика, какъ сходныя съ изложеніемъ ихъ у Преосвящ. Макарія, или только немного отъ нихъ отличныя, здѣсь не приводятся.

2. Ad. Clem. p. 152.
3. Warm. p. 15.
4. Кол. стр. 2.
5. Epist. ad Chytr. p. 38; Петр. 42.
6. Perry p. 260.
7. Кол. стр. 2.
8. Adam. Clem. p. 152.
9. The traw. of Mac. t. I, 324. II, 247; Mayerb. 51.
10. The traw. of Mac. t. I, p. 186.
11. Herbin. de Crypt. Kijovens. p. 153—157.
12. The traw. of Mac. vol. I, p. 341.
13. Ibid. t. II, p. 231.
14. Ibid. t. I, p. 164, 166, 179, 186, 214.
15. Mayerb. p. 28, 51.; Warm. 85; Perry 134.
16. Кол. стр. 2.
17. Mayerb. 51—52.; Sacran. er. 20; Scarg. er. 8.
18. Faber, p. 139.
19. The traw. of Mac. v. I, p. 323, 347, 312; v. II, 48.
20. Epist. ad Chytr. ap. Starcz. v. II, p. 48, Anhan. 51.
21. The traw. of Mac. v. I, p, 272—273.

22. Mayerb. 51; Коллинсъ 2, 21.; Tanner p. 65.
23. Olear. S. 158.
24. P. 86.
25. Mayerb. p. 51.
26. Neville p. 198—199.
27. Reitenf. p. 226.
28. Mayerb. 51; Reitenf. p. 226.
29. Possev. p. 280; Olear. 149; Кол. 2; The traw. of Mac. I, p. 264.
30. Стр. 421.
31. The traw. of Mac. I, 350; II, 106.
32. Possev. p. 277.
33. Cobenc. ap. Starcz. v. II, 14.
34. Ibid.
35. The traw. of Mac. I, p. 164, 186, 264 и др.
36. Ibid. 1, p. 264; II, 51, 96—7, 101.
37. Ibid. II, p. 110. II, p. 270—271.
38. Ibid. II, 180, 195.
39. Ibid. II, p. 226.
40. Ibid. I, 350; II, 204.
41. Изъ путешествія Павла Діякона видно, что въ его время въ Малороссіи при тамошнихъ церквахъ соблюдалось особое дисциплинарное средство, въ видахъ лучшаго сохраненія церковнаго благочинія и порядка. Павелъ замѣчаетъ, что тамъ при каждой церкви вверху дверей находился желѣзный ошейникъ, и кто являлся поздно въ церковь, на того, въ наказаніе, надѣвали этотъ ошейникъ и привязывали на цѣлый день къ дверямъ такъ туго, что онъ едва могъ двинуться. V. I, p. 181.
42. The traw. of Mac. v. II, p. 270—271.
43. Стр. 31; Adam. Clem. 152.
44. The traw. of Mac. v. I, 408.
45. Ibid. v. II, 45—51; I, 323. Рейтенфельсъ передаетъ, что въ день Православія Патріархъ анаѳематствовалъ еретиковъ и бунтовщиковъ на особо устроенномъ мѣстѣ въ Кремлѣ (p. 221).
46. Ibid. v. II, p. 94—101.
47. Петрей 421; Reitenf. 221.
48. Гербершт. 47; Olear. 149; Mayerb. 27.
49. The traw. of Mac. v. II, p. 160.
50. Warm. 81.
51. Fab. p. 139.
52. Epist. ad Chytr. ap. Starcz. v. II p. 38.
53. Tanner p. 61, 96.
54. Mayerb. p. 51.
55. Tanner p. 64—5; Oppenb. p. 13.
56. Olear. S. 75; Tanner 64—5.
57. Possev. p. 279—280.
58. Стр. 62.

58. The traw. of Mac. I, 336.
60. De duab. Sarm. lib. 2, c. 3.
61. Герберш т. ст. 97—98.
62, Warhaft. Relat. d. Mosc. Reise, S. 4—5; Маскев. стр. 70.
63. Olear. S. 73.
64. P. 117.
65. Olear. 74; Wirkh. 177, Tanner 62; Петр. 3—4. Иностранцы ошибочно называютъ эту церковь Троицкою: это была Входо-Іерусалимская церковь. Чтенія въ Импер. Обществѣ Моск. Ист. и Древн. Росс. 1861 г. кн. I, отд., стр. 2. Маскевичъ еще говоритъ, будто въ этой церкви было 30 алтарей (стр. 72).
66. Маск. стр. 27.
67 Tanner p. 62.
68. Warm. p. 48.
69. Tann. 61; Glavin. 347.
70. Wirkh. 183; Calsl. p. 137—8; Perry 21.
71. Стр. 5.
72. Петр. 420.
73. Olear. 75; Oppenb. 13.
74. The traw. of Mac. II, 31—32.
75. Ibid. I, 236, 323.
76. Cobenc. p. 15; Pernist. p. 283; Taland. 58—9; Berg 159.
77. The traw. of Mac. II, 198.
78. Ibid. II, 44.
79. Петр. 422.
80. Стр. 3.
81. S. 73.
82. The traw. of Mac. II, 166—167.
83. Стр. 19.
84. Olear. 74.
85. Стр. 36.
86. Glavin. 347; Mayerb. 36; Warm. 48; Tanner 96; Perry 19.
87. S. 159.
88. Glavin. 347—8; Петр. 5; Маскев. 74.
89. Glavin. ibid;—Olear. 158; Reitenf. 197; Wirkh. 223; The tr. of Mac. II, 31.
90. Tanner 64—5.
91. The traw. of Mac. II, p. 31.
92. S. 159.
93. The traw. of. Mac. I, 271, 312—313.
94. Reitenf. 117; The tr. of Mac. II, 30.
95. Стр. 19.
96. P. 60.
97. Маскев. 70; Tanner 60; Колин. 19.
98. The traw. of Mac. I, 369; II, 30.
99. Olear. 74; Петр. 3; Маскев. 71; Tanner. 60; Пут. Дат. Принца,4—5.
100. Tanner p. 61; Mayerb. 36; Talland. 89. У Главинича окружность

его равняется 30 локтямъ (p. 347—348), а у Виркгарт: 10 саженямъ (Klaffer) S. 175—176).

101. The traw. of Mac. II, 211—214; Glavin. 348.

102. Mayerb. 36; Carlile, p. 138.

103. Mayerb. ibid.

104. S. 13.

105. Olear. 151; Петр. 401; Mayerb. 28; Herbin. 163; Warm 115—166.

106. Epist. ad Chytr. ap. Starcz. II, p. 38.

107. Петр. 422.

108. The traw. of Mac. II, 49.

109. Olear. 151.

110. Olear. ibid.; Герберштт. 63; Петр. 422; Mayerb. p. 28.

111. Fab. 139.

112. Olear. S. 151.

113. Possev. p. 289; Петр. 401; Mayerb. 27; Wirkh. 237.

114. The traw. of Mac. v. I, p. 396.

115. Ibid. II, 281.

116. Ibid. I. 396.

117. Ibid. I, 273, 314.

118. Ibid.

119. Ibid. I, 273, 311—312; II, 116—117. Изъ описанія Павла Діакона не видно, чтобы въ Малороссіи существовалъ этотъ обычай выставлять иконы на воротахъ; во все свое путешествіе по Южной Россіи онъ указываетъ только на одинъ случай въ этомъ родѣ, именно въ Бѣлаповкѣ (Подол. Губ.) онъ видѣлъ надъ крѣпостными распятіе Спасителя, но и эта икона, по его словамъ, была поставлена здѣсь Поляками (I, 181).

120. Fab. 140; The traw. of. Mac. II, 296—299.

121. Герберштт. 86; Петр. 402; Cobenc. p. 14; Mayerb. 28; Perry 282 и др.

122. Olear. 159; Perry 19.

123. Герберштт. 63—64; Adam. Clem. 172.

124. The traw. of Mac, II, 46.

125. Ibid. I, 314; Herbin. 163.

126. The traw. of Mac. I, 314; Olear. 159; Perry 19. сочинитель посланія къ Хитрею передаетъ, что въ Западной Россіи былъ обычай два раза въ году омывать иконы въ Двинѣ, послѣ чего ихъ съ торжествомъ относили на прежнія мѣста (p. 39).

127. Кол. 9. Olear. 151; Taland. 59.

118. The traw. ofMac. v. II, 159.

129. Olear. 74, 141, 150; Кол. 9; Mayerb. 27; Carlyle, 71.

130. Olear. 156; Кол. 9; Mayerb. 28; Wirkh. 237—238, 249.

131. Lasic. Theolog. Moscov. p. 129—130; Warm. 58—59; Oppenb. 16.

132. Ulfeld. Hodoepor. ap. Starcz. v. I, p. 11.

133. Herbin. p. 166.

134. Olear. 151; Кол. 9.

135. Маскев. стр. 23—24.

136. Стр. 9.
137. Olear. S. 156.
138. Fab. p. 139; Olear. 156.
139. Ap. Starcz. v. II, p. 39.
140. The traw. of. Mac. II, 43.
141. Possev. p. 277.
142. Olear. 150.
143. Кол. 9.
114. The traw. of Mac. I, 204; II, 49. Особенность нашей церковной живописи составляло еще то, что на нашихъ иконахъ постоянно дѣлались надписи Святыхъ, на нихъ изображенныхъ, и это считалось необходимою принадлежностію иконы. Посевинъ обличалъ за это Русскихъ (Possev. p. 322).

145. Маржер. 25; Epist. ad Chytr. 39; Olear. 141; Warm. 47—8; Perry 215 и мног. другіе. Только Ульфелдъ (ap. Starcz. p. 11) и Адамъ Клеменсъ (p. 152) говорятъ, что у Русскихъ употреблялись разныя изображенія и дома и въ церквахъ.

146. P. 28.
147. S. 150.
148. P. 323.
149. The traw. of Mac. II, 267.
150. Маржер. 25.
151. P. 257.
152. Perry p. 280.
153. Warm. 27.
154. Olear. 161; Perry 280, 22; Fab. 138. Іовій ошибочно передаетъ, будто у насъ по Средамъ не ѣли только мяса, а по Пятницамъ и яицъ и молока. (стр. 44.)
155. Fab. 138; Маржер. 26; Ulfeld, II, Olear. 161; Warm. 128.
156. Olear. 161; Маржер. 31; Петр. 437.
157. P. 25.
158. Olear. 161; Гваньини, 175; Петр. 437; Oderborn. 257.
159. Гербершт. 66; Oppenb. 24; Guagnin. 175.
160. P. 223.

161. The traw. of Mac. II, 39—40, 271. Въ древней Россіи съ временемъ Великаго Поста соединялись и другіе обычаи, теперь вышедшіе изъ употребленія. Павелъ тоже засталъ эти обычаи. Въ это время Настоятели важнѣйшихъ монастырей обыкновенно посылали Царю, чрезъ монастырскихъ Бояръ, въ знакъ благословенія, большой ржаной хлѣбъ, который, по словамъ Павла, походилъ на мельничный камень и подносился 4—5 человѣками; кромѣ того Царю посылали еще въ подарокъ бочку квасу и бочку соленой капусты. Такіе же подарки приносились супругѣ Алексѣя Михайловича, его сыну, дочерямъ, Патріарху Никону, а нѣкоторые присылали даже и Патріарху Макарію. При поднесеніи подарка Бояре говорили: «Архимандритъ такого-то монастыря бьетъ челомъ твоему Святѣйшеству и по древнему обычаю приноситъ пищу твоихъ братьевъ.» Обычай приноситъ въ даръ черный, а не бѣлый, хлѣбъ [illegible] объясняетъ тѣмъ, что

у Русскихъ этотъ хлѣбъ находился въ большомъ почтеніи: они говорили, что такой хлѣбъ въ употребленіи у нихъ съ древнѣйшихъ временъ, и гораздо прежде чѣмъ они познакомились съ пшеницей; по этому они предпочитаютъ ржаной хлѣбъ пшеничному (II, 40—41).

162. Cobenc. p. 16; Oderborn. p. 257.

163. The traw. of Mac. II, 83—84. Это говоритъ Павелъ Діяконъ, но другіе писатели, бывшіе до него въ Россіи, замѣчаютъ, что, за исключеніемъ первой недѣли В. Поста, въ остальные его дни Русскіе ѣли рыбу, пили медъ, пиво и водку и предавались пьянству, но болѣе благочестивые употребляли водку только по Воскресеньямъ (Olearius, 162; Петр. 437). Сакранъ, задавшійся цѣлію исчислить заблужденія Русскихъ, и тутъ поступилъ храбро: онъ говоритъ (ст. 27), что Русскіе и внѣ постовъ не соблюдали Пятницъ.

164. P. 138.

165. P. 349.

166. P. 138.

167. Стр. 120.

168. Olear. 161.

169. The traw. of Mac. II, 249.

170. Perry 279.

171. Werkh. S. 249; Mayerb. 25; Колпись 5.

172. The traw. of Mac. II, 249.

173. Петр. 438.

174. Глава 23-я.

175. Стр. 5.

176. Olear. 161.

177. P. 25.

178. Oppenb. 24; Warm. 128; Carlile 73.

179. Olear. 162.

180. Epist. ad Chytr. 38; Warm. 59; Faber, 138; Fletch. p. 102.

181. The traw. of Mac. I, 396; II, 32, 160.

182. P. 138.

183. Cobenc. p. 14.

184. Olear. 12; Fletch. 102; Warm. 59; Кампензе 34; Ulfel. II; Tanner 65.

185. The traw. of Mac. I, 319—320.

186. Fab. 140.

187. Стр. 34.

188. The traw. of Mac. I, 367, 303, 298; II, 296—9, 59—60, 239, 215 218.

189. Possevin. 280; Петр. 416; Olear. 166; Mayerb. 55.

190. Mayerb. ibid.; Taland. 80.

191. Fletch. p. 103; Olear. 150; Perry 14. Какъ частный случай такого призыванія Божія благословенія на дѣло, можно привести разсказъ Ульфельда объ обычаяхъ, соблюдавшихся при пивовареніи. Въ этомъ случаѣ къ верхнему концу длинной палки прикрѣпляли икону, и когда бочку наливали водою, то на

минуту опускали въ нее и эту палку съ иконою, и тотчасъ извлекали ее назадъ; то же повторялось, когда въ бочку клали хмель и отруби. За тѣмъ, эту палку съ свящ. изображеніемъ поднимали вверхъ и съ преклоненною головою продолжали молиться на колѣняхъ и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ (Ulfeld. p. 10)

192. Fletch. p. 86.

193. Петр. 401—2; также Olear. 150; Pernist. 282.

194. Cobenc. p. 14.

195. Стр. 198—9.

196. The traw. of Mac. I, 391.

197. Possev. p. 306; Ulfeld p. II; Warm. 120, и друг.

198. Guagnin. 173; Warm. 13; Berg 95; The traw. of. Mac. I, 320.

199. The traw. of Mac. I, 223.

200, Possev. p. 306.

201. Olear. 166.

202. P. 139.

203. Петр. 416; Olear. 166.

204. Olear. 138—9; Кол. 30; Warm. 65; Oppenb. 17.

205. Герберш. 64; Петр. 402; Fletch. 102.

206. Стр. 202.

207. Olear. S. 100.

208. Wirkh. 251; Carlile, 46.

209. The traw. of Mac. I, 265, 420.

210. Nevil. p. 194.

211. The traw. of Mac. I, 295.

212. Glavin. 358.

213. Sacran. er. 28.

214. Perry 237.

215. Такъ, по мнѣнію Колинса (стр. 5), и строгіе посты были даже необходимы въ Россіи, по тому что, въ противномъ случаѣ, при наклонности Русскихъ къ пресыщенію и всякаго рода невоздержанію, могло бы погибнуть цѣлое Государство.

216. Mayerb. 28.

217. Olear. 151; Mayerb. 28; Reitenf. 222.

218. Іовій 45; Epist. ad Chytr. 38; Warm. 47—8; Колинсъ 4; Taland. 23.

219. Кол. стр. 4.

220. Гербершт. 63; Петр. 438.

221. S. 162.

222. P. 146.

223. Если сравнить Святцы нашей отечественной Церкви со Святцами всей Православной Церкви, то окажется, что у насъ въ Россіи, въ продолженіи лишь 3 вѣковъ (XIV—XVI в.), насчитывается 7 именъ юродивыхъ Святыхъ, тогда какъ въ общихъ Святцахъ всей Православной Церкви, въ теченіи 5 вѣковъ (VI—X), насчитывается только 4 имени юродивыхъ Святыхъ, да и то всѣ они принадлежатъ различнымъ странамъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ юродивыхъ, которые не вошли въ число Святыхъ; народъ звалъ ихъ также Святыми (Gorsey, p. 161—162).

224. Gorsey ap. Bond. p. 161—162.
225. Fletch. p. 89—90.
226. The traw. of Mac. v. II, p. 266.
227. The traw of Mac. vol. I, p. 346—347, 143; Perry p. 260.
228. P. 134—273.
229. The traw. of Mac. I, 347; Berg 170; Olear. 160.
230. The traw. of Macar. vol. II, p. 230—132, 293—295.
231. Ibid. I, p. 347—278.
232. Ibid. II, 128.
233—234. Sacran. er. 29; Scarga er. 17.—28.
235. P. 46.
236. P. 135—283.
327. Fletch. p. 85; Schwabe cap. 19.
238. Mayerb. p. 27; Герберштейнъ 47; Warm. 43; Петрей 420; 422; Olear. 149; Reitenf. 215.
239. Гербершт. 46; Sacran. er. 29.
240. The traw. of Mac. I, 352—353.
241. Cobenc. 15; Флетчеръ 87; Pernist. 283—284.
242. Петр. 420—422; Reitenf. 215; Olear. 149.
243. The traw. of Mac. I, p. 325.
244. P. 85.
245. Mayerb. p. 27.
246—247. Olear. S. 160, Reitenf. 215; Warm 142; Taland. 62.
248. The traw. of Mac. I, p. 332, Mayerb. p. 27.
249. Possev. p. 275.
250. Olear. S. 159—160.
251. The traw. of Mac. I, 317, II, 191, 177.
252. Ibid. I, 358, 413.
253. Poss. p. 275.
254. The traw. of Mac. II p. 132, 191; I, p. 304.
255. Гербершт. 72.
256. The traw. of Mac. I, p. 389.
257. Cobenc. p. 15; Pernist. 283—284; Fletch. p. 84; Петрей (419) говоритъ, что Епископы всегда держали въ своихъ рукахъ расписанный посохъ, стояли ли они, или сидѣли, и этимъ хотѣли выразить свое величіе и святость предъ паствою; они всегда держали себя просто, чтобы показать, что за Христа они готовы все претерпѣть.
258. The traw. of Mac. I, p. 3573—58, 163.
259. Warm. p. 40—41.
260. The traw. of Mac. I, p. 217, 211. Павелъ при этомъ замѣчаетъ, что здѣсь существовалъ обычаій во время привѣтствія возлагать крестъ на шею, и такимъ образомъ привѣтствовали Патріарха Макарія пріѣхавшіе къ нему Митрополитъ, Епископы и Архимандриты.
261. Ibid. I, p. 364—365; 268—269.
262. Ibid. I, p. 325.

263. Ibid. II, p. 33.

264. Olear. 12; Reitenf. 218; Tanner 100; Warm. 45; The traw. of Mac. I p. 325.

265. Berg. p. 173—174.

266. Herb. p. 158—159.

267. Possev. p. 276; Mayerb. 27; Olear; 160.

268. Fletch. p. 87.

269. Faber 135; Герберш. 45; Петр .. 423.

270. Olear. 160—161; Warm. 37. Если послѣ брака невѣста оказывалась не сохранившею дѣвства, то женихъ лишался мѣста; тамъ же; Taland. 58—59; Reitenf. 217. Виркгартъ (I, p. 218) говоритъ то же самое; только онъ смѣшиваетъ Епископовъ съ Священниками.

271. Вотъ слова Гваньини: «Qui virgini stuprum aliquando obtulerit, aut uxorem suam primo concubinatam viciatam animadverterit, in diaconatum non ordinaretur» (p. 172—173).

272. Faber, p. 135.

273. Fab. 135; Fletch. 86; Петр. 423; Oderb. 257, и др.

274. Olear. 160; Герберш. 51; Warm. 37.

275. Olear. 161; Reitenf. p. 217; Петр. 423; Маржер. 26; Berg 171.

276. Mayerb. 27; Fletch. 86; Perry 278.

277. Perry, ibid.

278. Герберш. 46; Guagn. 172—173; Маржер. 25. Посевинъ говоритъ, что Священникъ, женившійся вторично, терялъ уже право священнодѣйствовать и считался въ числѣ церковно-служителей (p. 276, и Warm. p. 37).

279. Исторія Русск. Церкви Преосв. Филарета, 1847 г., т. 3, стр. 220.

280. The traw. of Macar. I, 329, 355—356.

281. P. 27.

282. Olear. S. 161. Маржеретъ (стр. 25) былъ введенъ въ заблужденіе этимъ обычаемъ, запрещавшимъ вдовымъ Священникамъ Службу, и на этомъ основаніи отнимаетъ у монаховъ, какъ безженныхъ лицъ, право самимъ пріобщаться Св. Таинъ: они должны были, по его словамъ, принимать Евхаристію отъ женатыхъ Священниковъ.

283. Fletch. p. 86; Perry 278.

284. Fletch. ibid; Колинсъ 2.

285. Tanner p. 100. Наши писатели указываютъ еще слѣдующія особенныя черты жизни и поведенія нашихъ Священниковъ. Священникъ на канунѣ того дня, когда онъ готовился служить, долженъ былъ воздерживаться отъ супружескихъ удовольствій. Reitenf. 217; Nevil. 200 (p. 153); Фаберъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ этому обычаю. «Что составляетъ, говоритъ онъ (p. 135), colophonium (вершину) благочестія и набожности Русскихъ, это то, что Священнику, намѣревающемуся служить, не позволено пользоваться супружескими удовольствіями въ предшествующую ночь, и, для болѣе полнаго благоговѣнія, они точно такимъ же образомъ воздерживаются и въ слѣдующую за тѣмъ ночь; таково ихъ почтеніе къ Таинству Тѣла и Крови Христовой. Посмотрѣли бы они, съ какими скверными руками обыкновенно приступаютъ къ совершенію этого Таинства у насъ!» По однимъ, это приготовленіе ограничивалось кануномъ (Reitenf., Nev. l. c.), по другимъ и слѣдующею

за совершеніемъ Таинства почью (Wirkh. 226), а Одерборнъ назначаетъ для этого приготовленія нѣсколько дней такого воздержанія (257). Не приготовившійся надлежащимъ образомъ Священникъ долженъ былъ послать на свое мѣсто другого (Olear, 149); по этому, для болѣе удобнаго исполненія этого правила, при церквахъ нарочно полагалось нѣсколько Священниковъ. (Mayerb. 17). Сакранъ говоритъ, что (cr. 22) въ случаѣ нарушенія этого правила, Священникъ могъ загладить свою погрѣшность всего тѣла въ окисленной теплой водѣ, которое какъ бы замѣняло омовеніемъ исповѣдь. А если Священникъ позволялъ себѣ супружескія удовольствія во время поста, или за 8 дней до Причащенія, то онъ цѣлый годъ не допускался къ священнодѣйствію. Если же въ этомъ проступкѣ попадалось лицо, еще готовившееся къ священному сану, то оно никогда не допускалось къ рукоположенію (Olear. 162; Taland. 22).

286. Epist. ad Chytr. ap. Starczew. II, p. 39—40.

287. Cobenc. p. 15. Воздержность Епископовъ, говоритъ Фаберъ (134), не можетъ быть достаточно восхвалена: они никогда не ѣдятъ мяса. Маржер. 25.

288. Стр. 44—45.

289. Reitenf. p. 217.

290. Olear. 151.

291. Taland. p. 19: Olear. 100.

292. Perry p. 275—276.

293. Fab. 134, 140; Cobenc. 15; Oear. 161; Reitenf. 215; Perry 22; Іовій (p. 441) дѣлитъ нашихъ монаховъ на два разряда: тѣ и другіе, по его словамъ, жили въ монастыряхъ, но одни могли, по своимъ дѣламъ, выходить изъ нихъ, и вообще вели жизнь болѣе свободную, чѣмъ братья Орденовъ Францискаскаго и Доминиканскаго; другіе составляли разрядъ монаховъ святѣйшей жизни и слѣдовали Уставу Василія Вел. Имъ не позволено переступать предѣлы жилищъ своихъ даже въ крайней опасности. Погребенные въ темныхъ келіяхъ, они вели самую суровую жизнь и считались людьми совершенно утвердившемися въ благочестіи. О монашеской жизни см. еще: Гербершт. 47, 66; Петр. 422—423; Mayerb. 22; Warm. 44 и др.

294. The traw of Macar. II, p. 110.

295. Olear. 160; Perry 21.

296. Гербершт. 48.

297. The traw. of Mac. I. 253—254; Reitenf. 215. 217.

298—299. Fab. 135; Wirkh. 220—201; Oppenb. 17; Schwabe, cap. XI.

300. The traw. of Mac. I, 264, 364, 348; II, 197, 227.

301. Wirkh. 250; Reitenf. 215; Гербершт. 47; Olear. 160; Berg 169.

302. The traw. of Mac. I, p. 364. Павелъ замѣчаетъ, (I, 388), что спутники Архіепископа Гавріила оставили его, по тому что не могли вынести строгости правилъ Патріарха Никона. Каждый иностранецъ, говоритъ Павелъ, чувствовалъ себя въ Россіи, какъ въ темницѣ; кто замѣчался въ пьянствѣ, или въ другомъ какомъ порокѣ, тѣхъ ссылали въ Сибирь.

303. Гербершт. 47.

304. Possev. p. 276; Колинсъ 9.

305. Петр., стр. 417—418, 422—423, 430, 439.

306. Mayerb. 22.
307. Olear. S. 100, 161.
308. Mayerb. 23; Olear. 161.
309. Perry p. 22.
310. Fletch. p. 87.
311. Olear. 161 Perry 159.
312. Fletch. 88; Taland. 62; Faber 134.
313. Маржеретъ, стр. 27—28.
314. Fletch., p. 88.
315. Olear. 161. Павелъ Діяконъ (II, 165) замѣчаетъ, что въ его время желавшіе поступить въ монастырь должны были внести значительное количество денегъ. Нѣкоторые писатели еще передаютъ, что у насъ въ старину существовалъ обычай, по которому Царь, по смерти Настоятеля монастыря, забиралъ монастырское имущество: серебро, золото, стада, рухлядь, и новый Настоятель долженъ былъ выкупить это имущество за деньги. Adam. Clem. 153; Neugeb. p. 91.
316. Perry, p. 235, 22.
317. Mayerb. 32; Tanner 66—67.
318. P. 88—89.
319. Гербершт. 42; Olear. 161 и др.
320. Fletch. p. 89.
321. Possev. p. 276.
322. Mayerb. 32; Кол. 9.
323. Tanner p. 67.
324. Wirkh. 220—221.
325. The traw. of Mac. I, 215; II, 272.
326. Гербершт. 47; Петр. 419; Mayerb. 27; Perry 134 и др. Одинъ только Адамъ Клеменсъ (p. 152) говоритъ, что бѣлое духовенство въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличалось отъ мирянъ. Изъ описанія Павла (I, 180) видно, что въ Малороссіи Священники носили шапки изъ чернаго сукна, съ опушкою изъ чернаго же мѣха, а боготые—такую же шапку изъ бархата съ собольей опушкою. По замѣчанію нѣкоторыхъ иностранцевъ, высота шляпъ духовныхъ лицъ равнялась 2 пядямъ (Taland. p. 100), а ширина $1^1/_2$ аршина (Perry, p. 21).
327. Fletch. 87; Olear. 160; Кол. 2; Mayerb. 27; Perry 21, и др. Петрей говоритъ (p. 419), что не эта скуфья была та шапочка, которая никогда не снималась, а другая, которая носилась посверхъ первой и тоже надѣвалась Епископомъ при постриженіи: она шилась изъ хорошаго сукна, или бархата разныхъ цвѣтовъ, и извнутри подбивалась куницами, соболями и другими мѣхами.
328. Reitenf. p. 217.
329. Ep. ad Chytr. 39; Кол. 2; Ulfeld. p. 11.
330. Warm. 43; Perry, 21. Сочинитель посланія къ Хитрею говоритъ, что Священники носили двойную тунику (ap. Starcz. v. II, p. 39). Подъ этими словами слѣдуетъ разумѣть рясу и подрясникъ.
331. P. 43.
332. The traw. of Mac. I, 388.
333. Кол. стр. 2.

334. The traw. of Mac. I, 324.

335—336. Колинсъ, стр. 2; Fletch. p. 84.

337. The traw. of Mac. v. I, 272, 324.

338. Герберштг. 47; Fletch. p. 87; Olear. 160; Perry 21.

339. Olear. 160; Taland. 57—48; Berg 169.

340. The traw. of Mac. I, 325, 351—352.

341. Ap. Starcz. p. 38.

342. Fab. 135; Berg 169. The traw. of Mac. I, 268.

345. Герберштг. 48; Olear. 160.

344. Berg 169.

345. The traw. of Mac. v. II, 108.

346. Герберштг. 48; Fletch. 84; Петрей, 418—419; Olear. 160; Warm 40. Петрей, впрочемъ, замѣчаетъ, что Новгородскій Архіепископъ носилъ бѣлую мантію и бѣлый клобукъ, а по словамъ Герберштейна, и бѣлую раздвоенную митру. Невиль (p. 194—195) передаетъ, что митры нашихъ Епископовъ были съ колокольчиками.

347. The traw. of Mac. v. II, p. 108.

348. Warm. 44; Nevil. 195; Berg 161.

349. The traw. of Mac. I, p. 208. Монахи, говоритъ Павелъ (I, p. 268), никогда не могли снимать своихъ клобуковъ даже въ келіяхъ, и выходили всегда въ черныхъ рясахъ. Кто нарушалъ это правило, того ссылали въ Сибирь, для собиранія мѣховъ.

350. Ibid. v. I, 358.

351. Ibid. v. II, p. 227—229.

352. Fab. 134; Taland. 63; Oppenb. 13; Wirkh. 220; Warm. 46.

353. Стр. 71; Петр. 416.

354. Neug. 87; Fletch. 86; Петр. 420.

355. The traw. of Mac. v. II, p. 76.

356. Герберштг. 45; Guagn. p. 172; The traw. of Mac. II, 76. При этомъ наши писатели замѣчаютъ, что у нашихъ Епископовъ не было замковъ и городовъ, какъ у Католическихъ, и вообще не было мірскаго управленія (Герберштг. ibid.; Warm. 46). Впрочемъ, Гваньини (p. 172), въ этомъ случаѣ отступаетъ отъ Герберштейна и говоритъ, что въ Западной Россіи Митрополиты имѣли, кромѣ деревень, и города. Фаберъ также вообще говоритъ (p. 134), что наши Епископы имѣли замки.

357. The traw. of Mac. v. II, p. 76, 191. Павелъ говоритъ, что каждый Священникъ ежегодно облагался извѣстною данью въ пользу Патріарха. Fletch. p. 86.

358. P. 214.

359. The traw. of Mac. II, 76.

360. Ibid. v. I, p. 347. Именно Павелъ говоритъ, что при этомъ взимали 1 піастръ.

361. Fletch. p. 83.

362. Possev. p. 275.

363. P. 83.

364. The traw. of Mac. II, 42, 132.

365. Петр. 418.

366. The traw. of Mac. II, 191; I, 314.

367. Ibid. v. II, 77, 145. Крестьяне, жившіе на церковныхъ и монастырскихъ земѣляхъ, должны были исправлять тѣ же повинности и вносить тѣ же подати, что и крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, а послѣдніе давали 2—3 піастра и 10 овецъ, свиней, куръ, утокъ, гусей и проч. (Библіот. для Чтенія, т. XV, отд. 3: «Странствованіе Арабскаго Патріярха Макарія,» стр. 91).

368. Taland. S. 62.

369. Гербершт. 47; Guagn. 172.

370. The trav. of Mac. I, 352.

371. Вотъ слова Фабра: «Reliqua turba sacerdotum beneficia habet fundata› quorum patroni sunt tam spirituales, quam laici» (p. 134).

372. Fab. 134; Fletch. 86; Warm. 46; Berg 173.

373. Стр. 166; Петр. 420; Wirkh. 222.

374. Fletch. p. 86, 105; Wirkh. 222.

375. Olear. 176.

376. Berg 249.

377. Reitenf. 232.

378. Olear. 165.

379. Epist. ad Chytr. p. 39.

380. Fletch. p. 86.

381. The traw. of Mac. II, 32.

382. Петр. 421, 430.

383. Fletch. p. 86.

384. Гербершт. 47.

385. Гербершт. 47; Петр. 419; The traw. of Mac. v. II, p. 32.

386. Гербершт. 47.

387. Siric. p. 87.

388. Стр. 420.

389. The traw. of Mac. II, 32, 160; I, 352.

390. Mayerb. 27.

391. Reitenf. p. 214; Петр. 420—421.

392. Fletch. p. 85.

393. The traw. of Mac. II, 178.

394. Петр. 7—8; Ulfeld, 14; Olear. 157; Wirkh. 218; Perry 17.

395. The traw. of Mac. II, 77, 145.

396. Possev. p. 282; Olear. 157.

397. The traw. of Mac, v. II, p. 145.

398. Fletch. p. 88.

399. Mayerb. 54.

400. The traw. of Mac. v. II, 178, 181.

401. Ibid. II, p. 197; Olear. 14, 63.

402. The traw. of Mac. I, 206; II, 211.

403. Ibid. II, 145. Объ этомъ монастырѣ упоминаютъ и другіе писатели: Петрей, стр. 8; Перри 17; Кобенцель 15.

404. Ibid. II, p. 250, 268.

405. Mayerb. 61.

406. The traw. of Mac. II, 270.

407. Perry 267—268.

408. Berg. 160; Stat Moscov. c. 19, lex. 43. (Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича.)

409. Reitenf. 22.

410. The traw. of Mac. v. I, 329.

411. Fletch. 91; Cobenc. 15; Pernist. 283. По словамъ Кобенцеля это была церковь, а по словамъ Перништайна и Павла Діякона монастырь. The traw. o Mac. II, 299.

412. Ulfeld. p. 6; Reit. 214.

413. Библіотека для Чтенія, т. XV, отд. 3. Странствованіе Арабскаго Патріарха Макарія, стр. 110.

414. Кол. 9; Fletch. p. 88; Reitenf. p. 215.

415. The traw. of Mac. v. II, p. 254.

416. Reitenf, 214; Adam. Clem. 152; Olear. 23. Петреій (418) говоритъ, что $^1/_3$ земли принадлежала церкви, $^1/_3$ Боярамъ, и $^1/_3$ Государю.

417. Nevil. p. 204.

418. Кол. 37.

419. Fletch. p. 88.

420. P. 275.

421. Петр. 418; Reintef. 214.

422. The traw. of Mac. I, 338—339; II, 60—61, 132, 191; I, 314—315.

423. Olear. S. 14.

424. Гербершт. стр. 71—72. Ср. Исторія Русскоій Церкви, Преосвященнаго Макарія. Спб. 1857 г., т. I, прим. 236, 237 и 240. Къ предметамъ духовнаго суда, исчисленнымъ у Герберштейна, Флетчеръ прибавляетъ еще завѣщаніе, удовлетвореніе за обиды и др. (Fletch. p. 82).

425. Гербершт., стр. 71.

426. Ibid. 46—47; Петр. 422—423.

427. Taland. p. 49.

428. Гербершт. 47; Reitenf. 217.

429. Reitenf. p. 184.

430. Olear. 160; Warm. 42—43; Reitenf. 237; Schwabe, cap. 19.

431. The traw. of Mac. I, 310, II, 43, 132. Епископы, при своемъ представленіи Царю, обыкновенно приносили въ даръ икону своеій Соборной церкви, а Настоятели монастыреій—икону монастыря. На оборотной сторонѣ этѣхъ иконъ дѣлалась надпись имени города, монастыря и лица, которое приносило подарокъ, число года, мѣсяца и дня, въ который она была представлена, а также имя того лица, которому она была поднесена (II, 281). Кромѣ того, въ эти дни совершались молебны и освящалась вода: эту воду наливали въ восковые сосуды и вмѣстѣ съ иконою подносили Царю, Патріарху и Боярамъ. Если Епископа не было

въ Епархіи, то за него ѣздилъ въ Москву съ св. водою и иконою Протопопъ Соборной Церкви. Если Царя не было въ Москвѣ, то поздравлять его ѣздили туда, гдѣ онъ находился въ это время. Во время пріѣзда Патріарха Макарія въ Россію Царь находился подъ Смоленскомъ; по этому случаю Коломенскій Протопопъ ѣздилъ туда же съ своими подарками. То же должны были выполнять Настоятельницы женскихъ монаттырей (I, 348; II, 125). Объ этихъ посѣщеніяхъ упоминаетъ и Рейтенфельсъ (p. 217) и говоритъ, что Епископы по временамъ, и особенно въ Новый Годъ, должны были посѣщать Москву.

432. Pernist. p. 283.
433. Fletch. p. 82.
434. The traw. of Mac. I, 317; Петр. 418.
435. Герберш т. 48.
436. Fab. 134.
437. Wirkh. p. 220.
438. Fletch. p. 82—83.
439. Possev. ap. Starcz. v. II, p. 275.
440. The traw. of Mac. I, 347.
441. Ibid. v. II, 75—76.
442. Reitenf. p. 214; 141.
443. Fletch. p. 82—83.
444. The traw. of Mac. I, 318—319, 325, 180; II, 312.
445. Ibid. II, 76, 77—78; I, 314—315.
446. Ibid. I, 410, 364.
447. Fab. 134; Olear. 257.
448. Петр. 420.
449. The traw. of Mac. II, 248—249.
450. Ibid. I, 410.
451. Ibid. II, 74—75.
452. Ibid. II, 49, 74; I, 410, 287.
453. Истор. Русской Церкви, Преосв. Филарета. 1847 г., т. IV, стр. 41.
454. The traw. of Mac. II, 75, 78.
455. Glavin. p. 346—347.
456. Mayerb. p. 87.
457. The traw. of Mac. II, 225, 75, 266, 191, 224—226.
458. Mayerb. 87.
459. Glav. p. 347.
460. Wirkh. S. 216.
461. Ibid. S. 198.
462. The traw. of Mac. I, 318. Павелъ, передавая это, сдѣлалъ ошибку въ имени Константинопольскаго Патріарха, прислвшаго намъ отвѣты. Это былъ не Парѳеній, а Паисій. (См. Ист. Русск. раскола, Преосв. Макарія, изд. 1855 стр. 147—148).
463. Ibid. II, 94—95, 290.
464. I, 409, 317.
465. Ibid. I, 222; II, 49, 78. Самъ Никонъ на Соборѣ 1656 г. сказалъ, въ

присутствіи Макарія и другихъ лицъ: «Я Русскій, и сынъ Русскаго, но моя Вѣра и Религія—Греческія» (II, 85—6). Горсей (p. 207 — 208) говоритъ, что Иванъ Грозный и его предшественники признавали, что первоначальныя и основныя правила Христіянской Церкви опираются на Церковь Греческую.

466. Ibid. II, p. 301.

467. Ibid. II, 78—79; 85—86.

468. Ibid. II, 129.

469. Ibid. II, 296—297, 300.

470. Ibid. II, 301.

471. Ibid. I, 348—349, 346, 355 и др.

472. Ibid. I, 356.

473. II, 127.

474. II, 50—51.

475. Ibid. I, 273. Но Герберштейнъ о своемъ времени замѣчаетъ, что Русскіе легко прикасались перстами при осѣненіи себя крестнымъ знаменемъ.

476. Arsenii Elasson. iter in Mosc. ap. Starczew. v. II, p. 373.

477. The traw. of Mac. I, 259, 325; Reitenf. p. 127.

478. Olear. 150.

479. Mayerb. 28; Warm. 63; Петр. 401.

480. Berg. p. 174.

481. Ист. Русск. раскола, Преосв. Макарія стр. 154—157.

482. The traw. of Mac. II, 296—297.

483. P. 62—64.

484. Berg. 219, 174—175.

485. Fletch. p. 82, 84.

486. Warm. p. 63.

487. P. 73.

488. Olear. 150.

489. Possev. p. 321—322. Виркгартъ передаетъ (S. 228), будто перенесеніемъ руки съ праваго плеча на лѣвое Русскіе думали выразить большее предпочтенія Сыну, чѣмъ Духу Святому. Но здѣсь Виркгартъ, кажется, смѣшиваетъ два обстоятельства: Православные обвиняли Раскольниковъ, между прочимъ, въ томъ, что они своимъ перстосложеніемъ вводятъ Аріеву ересь, и это сопоставленіе съ ересью древняго еретика раскольническаго перстосложенія для изображенія крестнаго знаменія опъ прилагаетъ къ возложенію руки сперва на правое плечо, а потомъ на лѣвое.

490. Olear. 1?8, 73; Warm. p. 48.

491. P. 223.

492. Glav. p. 349; Fletch. 102.

493. Кол. стр. 1.

494. Adam. Clem. 152; Suagnin. 173, 176; Olear. 142, 161; Glavin. 349; Warm 54; Mayerb. p. 27.

495. Reitenf. 175.

496. Fletch. p. 89.

497. Olear. 142; Wirkh. 224. Виркгартъ былъ въ Москвѣ при Патріархѣ Іоакимѣ.

498. Fletch. p. 85.

499. Epist. ad Chytr. p. 37.

500. Possev. p. 276.

501. Tanner 100—102.

502. Olear. S. 396.

503. Mayerb. 27.

504. P. 276.

505. Стр. 418.

506. Olear. 161. Олеарій при этомъ ошибочно вставляетъ Символъ Св. Аѳанасія на мѣсто Никейскаго. Иностранцы весьма часто впадаютъ въ эту ошибку, вставляя на мѣсто Никейскаго Символа еще Апостольскій и утверждая, что Русскіе отвергали Десятословіе.

507. Olear. S. 13.

508. P. 45.

509. Possev. 282; 329.

510. Fletch. 85; Pernist. 284.

511. Кол. стр. 1.

512. Perry 260, 252.

513. P. 140; Neugeb. 75.

514. Ap. Berg. 147.

515. Ulfeld. II; Adam. Clem. 152; Possev. 282.

516. Ep. ad Chytr. 43.

517. Cobenz. 15.

518. Berg. 147.

519. Possev. p. 279.

520. Olear. S. 143.

521. The traw. of Mac. II, 247.

522. Possev. 277; Cobenc. 15; Pernist. 283—284; Faber 140.

523. Ep. ad Chytr. 39—40; Петр. 421; Reitenf. 232.

524. Glavin. 349; Wirkh. 244 Anhang. 52.

525. Warm. 42; Perry 260.

526. P. 277.

527. Стр. 421.

528. Olear. 143; Mayerb. 52.

529. Cobenc. 15; Possev. 277; Mayerb. 56; Reitenf. 217

530. Herbin. p. 166, 177.

531. The traw. of Mac. I, 165, 167, 179.

532. Ibid. I, 222, 207, 216.

533. Olear. 149.

534. Ep. ad Chytr. 38.

535. Ulf. 9—10.

536. Olear. 149.

537. Fletch. 91—92.

538. The traw of Mac. I, 264, 322; II, 266.
539. Ftetch. p. 85.
540. P. 135.
541. Possev 280; Ulf. 11; Петр. 421; Mayerb. 52; Olear. 149; Reitenf. 221 и др.
542. Possev. p. 280.
543. Olear. 149, 142.
544. Герберш т. 67; Guagn. 176; Heidenst. 351; Olear. 149; Mayerb. 52' Warm. 15—16; Pritius, praefat.
545. Іовій, стр. 44; Guagn. 173.
546. Fletch. 85.
547. The traw. of Mac. v. II, p. 266.
548. Ibid. II, 48, 274.
549. Olear. 149.
550. P. 157—158.
551. Olear. 142; Reit. 221.
552. Кол. 31.
553. Glavin. 358; Ulfeld 11; Ep. ad Chytr. 37.
554. Герберш т. 57; Possen. 281; Іовій 43; Warm. 16.
555. Olear. 142.
556. Tanner 102.
557. Іовій, 43; Warm. 83—84; Wirkh. 228.
558. Heidenst. 351; Reitenf. p. 221; Perry 259.
559. Warm. 14—15.
560. Петр. 436.
561. P. 149.
562. P. 137.
563. Possev. 281—282.
564. Reitenf. 221.
565. Fletch. гл. 23; Кол. 9.
566. Reitenf. 142, 148.
567. Warm. 26—28.
568. Herbin. p. 204.
569. Perry, 254.
570. P. 221.
571. Стр. 67.
572. P. 275.
573. Герберш т. 67.
574. Regenvolscius pars II, p. 262—263.
575. Berg. 78.
576. Fletch. гл. 23; Mayerb. 60; Perry 253—254.
577. Fletch. p. 85; Reitenf. 72; Беръ 12 — 13; Петр. 178; Glavin. 358; Perry 252.
578. Mayerb. 60.
579. Fletch. гл. 23. При этомъ Флетчеръ (78) даже клевещетъ на Русскихъ, утверждая, что у нихъ не было ни исторіи, ни памятниковъ древности, изъ ко-

торыхъ можно было бы узнать, что происходило въ ихъ странѣ въ древнія времена въ области дѣлъ церковныхъ и государственно-хозяйственныхъ.

580. Possev. 277, 285.

581. Маскевичъ, стр. 67.

582. Olear. 143. Рейтенфельсъ (204) передаетъ, что при открытіи этой школы Правительство руководствовалось чисто дипломатическими и государственными соображеніями, и основало ее съ тою цѣлію, чтобы она доставляла должностныхъ переводчиковъ.

583. Berg. 148, 264—265.

584. Glavin. 348.

585. Perry, p. 260.

586. Berg. 147—148.

587. Perry 252, 259, 266. Бергъ (150) замѣчаетъ, что въ его время Русскіе имѣли печатныя книги въ большомъ изобиліи. Даже въ нашихъ станахъ подъ Нарвою ихъ было такое множество, что Священникъ, Ѳедоръ Степановъ, сказалъ въ шутку, что Русскіе пришли взять Нарву не оружіемъ, а книгами.

588. Berg. 264—265, 149—150.

589. Herbin. 204.

590. Olear. 143.

591. Glov. 348; Reitenf. 205; Wirkh. 244.

592. Olear. 143, Pritius, praefat.

593. The traw. of Mac. I, 317, 304.

594. Ibid. II, 106—107.

595. Olear. 146; Tanner 70.

596. Olear. 145, 147—148; Петр. 428.

597. Герберш т. 68.

598. Olear. 148.

599. Ibid. 146—148.

600. Wirkh. 259.

601. The traw. of Mac II, 121.

602. Ibid. II, 255.

603. Glavin. 354—357. Въ заглавіи этого письма нашъ Патріархъ Никонъ неправильно названъ Никитою.

604. The traw. of Mac. I, 340; II, 51. Эти Князья были названы въ крещеніи Іоанномъ и Алексіемъ.

605. Ibid. I, 358; именно: 4,440 человѣкъ.

606. Olear. 148, 166; Reitenf. 224, 227; Mayerb. 56; Маржеретъ 30; Warm. 22; Wirkh. 260.

607. Гербершт. 68; Possevin. 315; Sacran. er. 3; Warm. 28; Mayerb. 56; Herbin. 149.

608. Warm. 12.

609. Warm. 18, 29; Петр. 435.

610. Possev. 315; Fletch. p. 103; Herbin. 149.

611. Herbin. ibid.

612. The traw. of Mac. I, p. 339.

613. Warm. 17, 25. Сочинитель самъ былъ Евангеликъ, и по тому впереди всего ставитъ имя своей общины; но строгіе Лютеране дѣлаютъ такое же предпочтеніе своему Вѣроисповѣданію (Oppenb. cap. 2). Поссевинъ передаетъ еще, будто Русскіе въ его время допускали въ свои церкви Армянъ наравнѣ съ Греками, не смотря на то, что они считали ихъ послѣдователями Несторія.

614. The traw. of Mac. I, 21—22.

615. Warm. 17.

616. The traw. of Mac. I, 385; II, 122.

617. Fab. 137; Іовій, стр. 42; Reitenf. 227; Warm. 18.

618. Chytr. 166.

619. Taland. 60.

620. Стр. 28.

621. The traw. of Mac. I, 336, 339. Флетчеръ (cap. 22), разсказывая объ усердіи Русскихъ въ дѣлѣ обращенія, говоритъ, что когда имъ случалось взять въ плѣнъ Татаръ, то они обѣщали послѣднимъ жизнь только подъ условіемъ принятія Христіянства. Въ одной битвѣ они взяли около 300 Татаръ-плѣнниковъ вмѣстѣ съ ихъ начальникомъ, и предложили имъ жизнь подъ условіемъ принять Вѣру Христіянскую. Татары не соглашались, но ихъ привезли въ Москву и здѣсь насильно крестили. Мы не знаемъ, кто былъ ихъ начальникъ (Дивоморсей). У Карамзина упоминается о Мурзѣ Дивеѣ, который умеръ въ плѣну въ Новгородѣ въ 1572 г., но тамъ не говорится ничего объ его крещеніи (Ист. Гос. Росс., т. IX, стр. 125).

622. Герберш. 88; Guang. 174; Sacran. cr. 3.

623. Siric. p. 17; Scarga ap. Lasic. p. 224; Mayerb. 56.

624. Olear. 166, 172; Маржер. 28; Wirkh. 75, 260; Perry 30, Carlile 138—139; Isbrand, p. 5.

625. Possev. 276; Epist. ad Chytr. p. 38.

626. Schwabe 1 discurs.

627. De orig. et reb. gest. Polon. Lib. I, p. 500.

628. Possev. 276; Warm. 19.

629. Ap. Lasic. p. 184—185.

630. Ibid. cr. 6.

631. Herbin. p. 146—147.

632. Neville, p. 200.

633. Переписка Папъ съ Россійскими Государями въ XVI вѣкѣ, Прот. Григоровича, стр. 18—29. Сличи. Historica Russiae Monumenta, tom. II, № 115.

634. Mayerb. 56.

635. Warm. p. 22.

636. Warm. 22; Olear. 168; Reitenf. 227.

637. Mayerb. 56; Wirkh. 260—261.

638. Tanner 70, 75.

639, Warm p. 23.

640. Isbr. p. 5; Taland. p. 60.

641. Le Cathol. Rom. en Russie, par Comte Dem. Tolstoy, t. I, p. 121, 124—128.

642. Possev. p. 281.
643. The traw. of Mac, v. I, p. 338.
644. Mayerb. 100—107.
645. The traw. of Mac. II, p. 179—180.
646. Sacran. ap. Lasic. p. 186—187; Петр. стр. 110.
647. Herbin. p. 151—282.
648. Warm. p. 21.
649. Faber. p. 140.
650. Cobenc. p. 14; Pernist. 281—282.
651. Taland. S. 60. Въ смутное время Поляки производили насилія, позорили Русскихъ женщинъ и дѣвицъ и всячески безчинствовали. Hist. Rus. Monumenta, tom. II, № 90.
652. The traw. of Mac. v. I, 171. У насъ нѣтъ историческихъ документовъ, которые подтверждали бы это сказаніе; но въ этомъ сказаніи надобно видѣть, не столько историческую точность, сколько выраженіе настроенія народа и племенной вражды, которая не стѣснялась даже выдумками, чтобы только выпуклѣе и чувственнѣе выставить на видъ непріязненныя чувства враждующихъ сторонъ.
653. Possev. p. 271, 281, 300.
654. Mayerb. p. 56.
655. Olear. 168; Possev. p. 276; Glavin. S. 358,
656. Olear. 166.
657. Gorsey; p. 182.
658. Poss. p. 278.
659. Стр. 28—29. Посевинъ объясняетъ это тѣмъ, что Царь боялся распространенія Лютеранской ереси въ народѣ.
660. Беръ, стр. 16—17, 19—24.
661. Olear. 166—167. Подобная же исторія случилась и во времена Патріарха Никона. Павелъ Діаконъ расказываетъ, что Никонъ ненавидѣлъ всѣхъ еретиковъ; между тѣмъ Нѣмцы во время крестныхъ ходовъ не снимали шапокъ и не крестились въ виду иконъ. Никонъ потребовалъ у Царя, чтобы всѣ Нѣмцы были удалены за городъ, и его ходатайство была уважено. (The traw. of Mac. vol. II, p. 22—23.)
662. The traw. of Mac. II, p. 23.
663. Olear. S. 176.
664. Warm. 24; Tanner 70.
665. Reitenf. p. 113, 227.
666. Tanner 75.
667. Oderb. p. 257; Warm. 22.
668. Possev. 300; Mayerb. 22; Warm. 28; Ulfeld. p. 6 и др.
669. Петр. 420; Mayerb. 22; Warm. 29; Perry 280.
670. Sacran. er. 23.
671. Herbin. 145, 75.
672. Olear. 158.
673. Tanner 82.
674. P. 22.

675. Perry, 209.
676. Warm. p. 28—29; Кол. 30; Reitenf. 222.
677. The traw. of Mac. I, 383.
678. Olear. S. 63.
679. Корбъ, въ «Чтеніяхъ» Импер. Общ. Ист. и Древн. 1867 г.», кн. 3, отд. IV, стр. 268.
680. Reitenf. 222; Perry 280.
681. Герберш. 72.
682. Warm. 29 и другіе.
683. P. 295.
684. P. 14; Pernist. 282.
685. Olear. S. 13.
686. Герберш т., стр. 53.
687. Warm. 25.
688. Warm 49; Perry 281; Беръ, у Устрял. стр. 14, прим. 18.
689. Olear. 150—151.
690. Mayerb. 28.
691. Posseven. p. 276, 298; Sacran. er. 7.
692. Olear. 150; Mayerb. 27; Perry 14; Sacran. er. 7; Taland. 60.
693. The traw. of Mac. II, p. 49—50.
694. Герберш т. 53; Olear. 148; Wirkh. 249.
995. Герберш т. 53, 55.
696. Стр. 26.
697. Ист. Русск. Церкви, Преосв. Филарета, т. IV, стр. 135; 1847 г.
698. Таковы: Warm. p. 18; Корбъ, въ «Чтеніяхъ» въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос.,» 1867 года, кн. 3, стр. 267.
699. Herbin. p. 150.
700. Berg. 69.
701. P. 45.
702. Петр. 428; Reitenf. 224.
703. Olear. 147; Mayerb. 45; Reitenf. 93; Nevil. 200.
704. Герберш т. 54; Reitenf. 93.
705. Cromer. Hist. Polon. lib. IV, p. 51.
706. Baronii Annales, tom. XII.
707. Cromer. op. cit. lib. XXX, p, 450; Петр. 110.
708. Warm. 17—18 и другіе.
709. Герберш т. 189.
710. Possev. 276, 300; Taland. 59.
711. Warm. 17.
712. The traw. of Mac. I, 382; Maeyrb. p. 27.
713. Berg. p. 70, 74,
714. Герберш т. 53—54; Wirkh. S. 250.
715. The traw. of Mac. II, 22.
716. Possev. p. 276.

717. Sacran. er. 24, 26; Scarga, er. 19; Warm. 65; Oppenb. 16—17.
718. Кол. стр. 28, 30, 10.
719. Tanner 100—101.
720. The traw. of Mac. II, 23.
721. Olear. S. 13.
722. The traw. of Mac. v. I, 230.
723. Olear. S. 167.
724. Tanner p. 84—85.
725. Беръ, примѣч. 18 (Устрял. т. I); Reitenf. 72.
726. Rerum Rossic. script. exteri, 1851 an., t. I, praef. IX, p. 135.
727. Warm. p. 25; Reitenf. 113; Isbrand. p. 6; Perry 281.
728. Berg. p. 83 — 84.
729. Le cathol. rom. en Russie, t. I, p. 115 — 116.
730. Hist. Russ. monym. t. II, № 125; Le catholicisme romain en Russie, par le Comte D. Tolstoy, t. I, p. 135, 147.
731. Hist. Rus. monum. t. II, № 115. Le catholicisme romain en Russie, par le Com. Tolstoy, t. I, p. 106.
732. Hist. Ros. monum. t. II, № 123; Le Catholicisme romain en Russie, par le Comte D. Tolstoy, t. I, p. 145.
733. The trav. of Mac. I, 364.
734. Fab. p. 134.
735. 737. Possev. p. 275, 293; Gorsey p. 207 — 208. Горсей дѣлаетъ при этомъ ошибку, относя прекращеніе дани и введеніе Патріаршества ко времени Ивана Грознаго. Патріаршеское достоинство было введено у насъ уже послѣ его смерти; такимъ образомъ и передаваемое имъ также слѣдуетъ отнести къ послѣдующему времени.
738. The traw. of Mac. v. I, 222.
739. Olear. 142.
740. Reitenf. p. 85.
741. The traw. of Mac. v. II, 78; I, 402 — 403; II, p. 173.
742. Ibid. I, 199.
743. Ibid. I, 280 — 281, 364; II, 239, 274, 289, 303.
744. Ibid. II, 194, 196, 198, 204 — 205, 254, 271 — 273 и др.
745. Ibid. II, 240.
746. Ibid. I, 402 — 404.
747. Ibid. II, 275, — 277, 278 — 282.
748. Ibid. II, 42 — 43, 282, 303.
749. Ibid. II, 268, 282.
750. Ibid. I, 404.
751. Ibid. II, 180. Чтобы имѣть приблизительное представленіе о количествѣ богатствъ, собранныхъ Патріархомъ Макаріемъ въ Россіи, стоитъ только взять для сравненія подарки, которые въ свое время получилъ отъ Царя Ѳедора Ивановича Константинопольскій Патріархъ Іеремія, пріѣзжавшій въ Россію для поставленія перваго нашего Патріарха. По вычисленію Карамзина цѣнность всѣхъ

полученныхъ имъ подарковъ восходила до 100,000 р. с. (Ист. Гос. Росс. т. X, прим. 215). Но въ то время Патріархъ Іеремія не пробылъ у насъ и году, а Патріархъ Макаріи прожилъ въ Россіи безъ малаго два года. Павелъ Діаконъ самъ не разъ сознается, что его Патріарху были оказаны преимущественныя милости и почести предъ всѣми, бывшими до него, Патріархами. Этого и можно было ожидать отъ такого добродушнаго Царя, какимъ былъ Алексѣй Михайловичъ, который въ набожности и благочестіи не уступалъ Ѳедору Ивановичу. По этому мы думаемъ, что можно безъ большой погрѣшности сказать, что количество собранныхъ у насъ Патріархомъ Макаріемъ богатствъ должно было вдвое превышать то количество, которое въ свое время собралъ Патріархъ Іеремія. Антіохійскому Патріарху помогло и то обстоятельство, что онъ побывалъ въ разныхъ, и при томъ лучшихъ, мѣстахъ Россіи, служившихъ средою церковнаго благочинія и вещественнаго благосостоянія. Арсеній, Епископъ Елассонскій, спутникъ Патріарха Іереміи, оставилъ описаніе путешествія и пріемовъ, оказанныхъ Іереміи; но его описаніе по полнотѣ изложенія не можетъ итти въ сравненіе съ описаніемъ Павла Діакона. Впрочемъ, и у него есть любопытныя данныя, относящіяся къ настоящему случаю; по этому мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь. Патріархъ Іеремія, при поставленіи Іова, получилъ отъ Царя слѣдующіе подарки: вызолоченную чашу, одежды изъ шелковой Венеціянской матеріи, козлиной шерсти и камки, великолѣпныя украшенія, соболій мѣха и большое число монетъ Новогородокъ. Бывшій съ нимъ Митрополитъ Монемвасійскій получилъ серебряную позолоченную чашу, также три одежды изъ Венеціянскаго шелку, козлиной шерсти и камки и значительное число Новогородокъ. Самъ Арсеній получилъ, кромѣ золотой чаши, одежду изъ Венеціянскаго шелку, козлиной шерсти, соболій мѣха и Новогородки. При посѣщеніи Патріархомъ Царицыной половины дворца, Ирина подвесла Патріарху въ подарокъ золотое блюдо, покрытое богатымъ покровомъ, украшенное алмазами и перлами, стоимостію до 6,000. Придворныя госпожи, подходя подъ благословеніе, подносили въ подарокъ прекрасныя полотенца. Кромѣ того, Патріархъ и его спутники получали отъ Царицы такія же одежды и другіе подарки, какъ и отъ Царя. Самъ Патріархъ Іовъ подарилъ Іереміи: панагію, украшенную перлами, серебряную позолоченную чашу, три одежды изъ Венеціянскаго шелку и сукна, плащъ, мѣха изъ Черноморскихъ лисицъ и пр. Митрополиту Монемвасійскому онъ далъ серебряную позолоченную чашу, двѣ одежды изъ камки и шелку и дорогіе мѣха, а Арсенію икону Божіей Матери, украшенную золотомъ, и Сибирскіе мѣха. На прощаньи Царь подарилъ Патріарху митру, украшенную перлами и драгоцѣнными камнями, серебряную чашу, три одежды, подобныя прежнимъ, много разныхъ украшеній, мѣховъ и Новогородокъ; такіе же подарки онъ получилъ и отъ Царицы. Митрополитъ Іероѳей получилъ серебряную чашу, 4 одежды, мѣха изъ Черноморскихъ лисицъ и Новогородки; то же самое было получено и Арсеніемъ (Ap. Starcz. t. II, p. 374 et sq.).

752. The traw. of. Mac. I, 386, 269.

753. Ibid. I, 403 — 404.

754. I, 373 — 376; II, 42 — 43; I, 262 — 263, 347.

755. Ibid. I, 395.

756. Ibid. I, 197 — 198, 396 — 397; II, 282.
757. Ibid. I, 163, 193, 181, 185, 188, 197 — 198, 248 — 249.
758. Ibid. I, 209, 254 — 255, 258.
759 — 760. Ibid. I, 262 — 263, 287 — 288, 310 и др.
761. I, 348 — 349, 385.
762. Ibid. I, 369, 377, 379 — 382, 383 — 385.
763. V. I, 386 — 388.
764. Ibid. I, 389 — 394.
765. Ibid. II, 42.
766. Ibid. II, 146, 168, 177, 179, 187 — 188.
767. Ibid. I, 407 — 408; II, 259; 269, 274.
768. Ibid. II, 57 — 58, 266 — 267, 275.
769. Ibid. II, 254.
770. Ibid. II, 290 — 291, 279, 300.
771. Ibid. I, 402; II, 288.
772. Ibid. II, 146.
773. Ibid. II, 274, 288—289. Павелъ говоритъ, что къ Аѳонскимъ монахамъ каждый день посылали Приставовъ съ требованіемъ, чтобы они оставили Россію.
774. Ibid. II, 269, 245.
775. Ibid. II, 278 — 279, 282.
776. Ibid. II, 306, 307 — 310, 313.
777. Ibid. II, 279, 307 — 308.
778. Ibid. I, 281 — 283, 388.
779. Ibid. II, 277.
780. Ibid. II, 242 — 243, 45.
781. Ibld. II, 277; I, 265.
782. Библ. для Чтенія, 1836 г., Мартъ и Апрѣль, отд. 3: «Странствованіе Арабскаго Патріарха Макарія (стр. 75 — 76).
783. The traw. of Mac. v. II, 45.
784. Ibid. I, 388.
785. Possev. ap. Starcz. t. II, p. 294 — 295.
786. Гербершт. 165; Tanner 64; Wirkh. 261.
787. Mayerb. 56; Reitenf. 224; Берх (Устр. т. I, стр. 21).
788. The traw. of Mac. v. I, 365, 367.
789. Ibid. I, 264 — 265.
790. Ibid. II, 99 — 100.
791. Glavin. 349 — 350.
792. The traw. of Mac. v. I, 382.
793. Ibid. I, 308.
794. Ibid. II, 306 — 307.
795. Lasic. Collect., praefat.; Oderborn. p. 258.
796. Oderborn. p. 259 — 268.
797. У Ласицкаго этотъ разговоръ озаглавливается такъ: «Богословскіе вопросы, предложенные Московскимъ Царемъ Рокитѣ.»... Здѣсь, послѣ каждаго во-

проса Царя, слѣдуетъ отвѣтъ Рокиты. Между тѣмъ у Одерборна мы встрѣчаемъ одну сплошную рѣчь, сказанную Рокитою въ присутствіи Царя и Бояръ и не имѣющую разговорной формы. По содержанію оба эти произведенія одинаковы. Какую же изъ этѣхъ двухъ формъ рѣчи слѣдуетъ признать прѣніемъ, или личнымъ разсужденіемъ, о предметахъ Вѣры? По нашему мнѣнію, такою формою слѣдуетъ признать ту форму, какую мы встрѣчаемъ именно у Одерборна. Это былъ собственно не разговоръ (colloquium), какъ называетъ его въ своемъ сборникѣ Ласицкій, подобный разговору того же Царя съ Посевиномъ, не прѣніе въ собственномъ смыслѣ, а открытая рѣчь, сказанная Рокитою въ присутствіи Царя и Бояръ. Въ послѣдствіи Царь, выслушавъ эту рѣчь, могъ разложить ея содержаніе на частные члены и на основаніи ихъ формулировать разные вопросы, на которые требовалъ отвѣтовъ. Рокита написалъ эти отвѣты, которые были сокращеніемъ того, что имъ прежде сказано было при всѣхъ, а между тѣмъ Ласицкій представляетъ дѣло такъ, какъ будто самое открытое разсужденіе было ведено въ видѣ разговора между Царемъ и Рокитою, состоявшаго изъ вопросовъ перваго и отвѣтовъ на нихъ послѣдняго.

798. Надобно замѣтить, что у Русскихъ былъ не совсѣмъ правильный взглядъ на Законъ Моисея. Мы встрѣчаемъ многочисленныя свѣдѣтельства, что для Русскихъ XII и XIII вѣка Десятословіе было камнемъ соблазна, и хотя они, по видимому, удерживали его, по тому что признавали двѣ заповѣди, содержащія въ себѣ сущность нравственныхъ обязанностей человѣка, раскрытыхъ съ большею подробностію въ Десятословіи, но они и этѣ двѣ заповѣди принимали только по тому, что онѣ ясно выражены въ Новомъ Завѣтѣ. Изъ этихъ свѣдѣтельствъ видно, что Русскіе вообще боязливо и какъ бы недовѣрчиво относились къ Десятословію, какъ законодательному памятнику Ветхаго Завѣта. И Ласицкій, въ своей Апологіи, указываетъ на эту слабую сторону въ ученіи Ивана Грознаго о Законѣ Моисея, и совершенно справедливо замѣчаетъ, что двѣ заповѣди, на которыя ссылается Царь, суть не иное что, какъ тотъ же нравственный законъ любви, который раскрытъ въ Десятословіи примѣнительно къ разнымъ частнымъ случаямъ и проявленіямъ. Въ представленіи Ивана Грознаго о Десятословіи смѣшивалось все законодательство Моисея; онъ какъ будто не различалъ временныхъ обрядовыхъ постановленій отъ постоянныхъ началъ нравственности; онъ ставилъ тѣ и другія въ такую тѣсную и неразрывную связь, что одни казались немыслимыми безъ другихъ, и по тому, съ его точки зрѣнія, выходило, что если принимать нравственный Законъ Моисея, то необходимо удержать и обрядовый. Что онъ такъ именно думалъ, это видно изъ его собственнаго обличенія Рокиты, гдѣ онъ, въ опроверженіе Лютеранскаго взгляда на Десятословіе, дѣйствительно представляетъ такого именно рода соображенія. Ласицкій справедливо замѣчаетъ, что это ребяческій способъ умозаключенія. Такимъ образомъ остается признать, что Русскіе, не различая точно этѣхъ двухъ сторонъ въ Законѣ Моисея, вообще относились къ нему строго, тѣмъ болѣе, что въ Новомъ Завѣтѣ можно было найти много мѣстъ, гдѣ этотъ Законъ представляется недостаточнымъ, а его частныя обрядовыя постановленія потерявшими силу. Сюда присоединились еще нѣкоторыя историческія обстоятельства, которыя, въ свою очередь, могли поддерживать и усиливать эту отчужден-

ность по отношенію къ Закону Моисея. Эти обстоятельства были: 1, презрѣніе и отвращеніе, какое Русскіе питали къ Евреямъ, которымъ принадлежалъ этотъ Законъ, и отъ которыхъ оно переходило на самый Законъ, и 2 еще недавнія смуты, произведенныя ересью Жидовствующихъ. Ненависть къ ереси, какъ это часто случалось въ Церковной Исторіи, вызывала крайность въ обличеніи, вмѣстѣ съ заблужденіемъ: тутъ нерѣдко затрогивались и чистыя основы Вѣроученія. А эта крайность тѣмъ болѣе была естественна у насъ, при недостаткѣ нашего просвѣщенія и исторически укоренившейся ненависти къ представителямъ извѣстнаго ученія и обрядовъ. Изъ того, что почти всѣ писатели XII и XIII вѣковъ единогласно говорятъ о крайне отрицательномъ отношеніи Русскихъ къ Ветхозавѣтному Закону Моисея, можно заключать, что чувства и взгляды ихъ на этотъ предметъ рѣзко давали себя замѣтить и чувствовать иностранцамъ.

799. У Одерборна Иванъ Грозный обвиняетъ Лютеранъ въ томъ, что они совершаютъ Литургію только въ случаѣ надобности (ad quaestum). Oderb. p. 257.

800. Lasic. Collect. p. 1 — 184.

801. Regenvolsc. Systema hist. chronologic. Ecclesiar. Slavonicarum, lib. IV, p. 478 — 499.

802. Горсей передаетъ, что Посевинъ тайно подкупилъ нѣсколькихъ негодяевъ, чтобы они ограбили его на обратномъ пути, когда онъ возвращался въ Москву отъ Польскаго Короля. Но, къ счастію, Горсей былъ заранѣе предупрежденъ о грозившей ему опасности (ap. Bond. Append. II, p. 303).

803. The trav. of Mac. v. II, 280.

804. Fab. p. 138.

805. Каменезе (Сбори. Калистратова) стр. 23; Cobenc. ap. Starcz. II, p. 14.

806. Fab. p. 140, 134.

807. Hist. Polon. p. 500.

808. Каменезе (Сбори. Калистратова) стр. 23; Cobenc. ap. Starcz. II; 14.

809. Possev. p. 299.

810. Ap. Lacis. p. 184, ex. 40.

811. Герберш. стр. 70; Mayerb. 41 и мн. др.

812. Ap. Lasic. p. 222 — 224.

813. См. выше прим. 802.

814. Oppenb. p. 28 — 29; Warm. 148 — 152.

815. Fletch. 89; Warm. 145; Oppenb. 27; Schwabe, c. 19 и др.

816. Possev. p. 278. Напрасно Посевинъ прибѣгаетъ къ этой уловкѣ и приписываетъ успѣхи Лютеранъ невѣжеству, Русскихъ, которые, по его словамъ, будто не умѣли отличить Католичества отъ Лютеранства. Еще за 10 лѣтъ до прибытія Посевина въ Москву Рокита ясно и формально заявилъ Царю, что Протестанты и ихъ Евангелическая Община отдѣляются отъ Латинской Церкви, которой главою считается Папа.

817. Oderborn. p. 258, Петр. 431 и др.

818 — 819. Lasic. Theolog. Moscovit. c. 8; Siric. p. 18.

820. Ap. Bond. Gorsey, p. 207 — 208; Fletch. p. 89.

821. Lasic. Theolog. Moscov. cap. 4.

822. Siric p. 33.

823. Olear. S. 140.

824. Lasic. Theolog. Moscov. p. 101.

825. Петрей 428. Флетчеръ (гл. 22) говоритъ, что въ его время въ средѣ Англичанъ, жившихъ въ Москвѣ, не было ни одного, который бы забылъ Вѣру и Бога до такой степени, чтобы допустилъ себя крестить по Русскому обычаю. Исключеніе составлялъ только одинъ Ричардъ Ральфъ, который прежде былъ забіякой и пьяницей, а потомъ сдѣлался поклонникомъ (т. е., Православнымъ).

826 — 827. Olear. S. 145; Кол. стр. 2.

828. Oppenb. 29 — 30; Warm. 151 — 153.

829. Предисл.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
	Введеніе	1
I.	Библіографія предмета	8
II.	Религіозный бытъ Русскаго народа	39
III.	Духовенство въ Россіи	106
IV.	Церковное устройство	145
V.	Состояніе религіознаго и духовнаго просвѣщенія въ Россіи	169
VI.	Религіозная терпимость въ Россіи и отношеніе Русскихъ къ иновѣрцамъ и вообще иностранцамъ	195
VII.	Столкновеніе съ міромъ Протестанскимъ	281
VIII.	Оцѣнка общаго взгляда иностранцевъ на Религіозный бытъ Русскихъ и отношеніе къ нимъ	293
	Примѣчанія	307